

Альбер Камю

Albert Camus

Записные книжки

Записные книжки
Альбер Камю

Аннотация
Альбер Камю. Записные книжки
Записные книжки. Май 1935 – февраль 1942
  Тетрадь № I. Май 1935 года – сентябрь 1937 года
  Тетрадь № II. Сентябрь 1937 года – апрель 1939 года
  Тетрадь № III. Апрель 1939 года – февраль 1942 года
Записные книжки. Январь 1942 – март 1951
  Тетрадь № IV. Январь 1942 года – сентябрь 1945 года
  Тетрадь № V. Сентябрь 1945 года – апрель 1948 года
  Тетрадь № VI. Апрель 1948 года – март 1951 года
Записные книжки. Март 1951 – декабрь 1959
  Тетрадь № VII. Март 1951 года – июль 1954 года
  Тетрадь № VIII. Август 1954 года – июль 1958 года
  Тетрадь № IX. Июль 1958 года – декабрь 1959 года

Аннотация

Записные книжки Камю с 1935 по 1959 год – своеобразная хроника жизни писателя.

Главные действующие лица в них – мысли Камю: обнаженные, искренние и тревожные.

Что думал абсурдист, экзистенциалист и нобелевский лауреат о себе и мире, о политике, литературе и искусстве?

У читателя есть уникальная возможность узнать это из первых рук, проследить, как спонтанность изложения, характерная для раннего периода творчества Камю, уступает место отточенности и силе мысли. Здесь собраны уникальные заметки, наброски будущих произведений Камю, начиная с того времени, когда он еще не был известен в Европе, до тех пор, пока не погиб в автокатастрофе в 1960 году на самом пике своего успеха.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Альбер Камю
Записные книжки

Albert Camus
Carnets I, II, III

© Editions Gallimard, Paris, 1962, 1964, 1989
© Перевод. Е. Гальцова, 2017
© Перевод. О. Гринберг, наследники, 2019, 2023
© Перевод. В. Мильчина, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Записные книжки. Май 1935 – февраль 1942

Тетрадь № I. Май 1935 года – сентябрь 1937 года

Май 1935 г.

Вот что я хочу сказать:

Что можно чувствовать — не будучи романтиком — тоску по утраченной бедности. Годы, прожитые в нищете, определяют строй чувств. В данном случае строй чувств исчерпывается странным отношением сына к матери. Самые разные проявления этих чувств вполне объясняются подспудной, вещественной памятью детства (неотъемлемой частью нашего я).

Отсюда — для того, кто это замечает, — узнавание и, следовательно, угрызения совести. Отсюда же, по аналогии, чувство утраченного богатства, если человек попадает в другую среду. Для людей богатых райское блаженство, дарованное в придачу к земным благам, — вещь сама собой разумеющаяся. Для людей бедных небеса обретают свое исконное значение величайшей милости.

Угрызения совести вынуждают к признанию. Произведение есть признание; я обязан дать показания. По правде говоря, сказать я хочу

одну-единственную вещь. Именно в этой нищенской жизни, среди этих людей, смиренных либо тщеславных, мне удалось глубже всего постичь то, что кажется мне истинным смыслом жизни. Произведений искусства для этого недостаточно. Искусство для меня не все. Пусть оно будет хотя бы средством.

Не надо забывать и о ложном стыде, малодушии, безотчетном уважении к другому миру (миру денег). Я думаю, мир бедняков — редкий, если не единственный мир, замкнутый в себе, отъединенный от остального общества, как остров. Здесь хорошо играть в Робинзонов. Тот, кто окунается в эту жизнь, начинает говорить о квартире врача, находящейся в двух шагах, «там, у них».

Все это должно быть выражено в рассказе о матери и сыне.

Это в общих чертах.

Уточнения связаны со сложностями:

1) Окружение. Квартал и его жители.

2) Мать и ее поступки.

3) Отношение сына к матери.

Какой выход. Мать? Последняя глава: символическое значение, переданное тоской сына???

* * *

Гренье: мы вечно себя недооцениваем. Но приходят бедность, болезнь, одиночество: мы осознаем свое бессмертие. «Когда нас припрут к стенке».

Так оно и есть, ни больше ни меньше.

* * *

Бессмысленное слово «опытность». Опытность не зависит от опыта. Ее не приобретают. Она приходит сама. Не столько опытность, сколько терпение. Мы терпим — вернее, претерпеваем.

Всякая практика: опыт делает человека не мудрым, а сведущим. Но в чем?

* * *

Две подруги: обе очень больны. Но у одной нервы: выздоровление все же возможно. У другой — поздняя стадия туберкулеза. Никакой надежды.

Как-то днем. Больная туберкулезом у постели подруги.

Та говорит:

— Знаешь, до сих пор даже во время самых страшных приступов у меня не было чувства, что все потеряно. Еще теплилась надежда на спасение. Сегодня мне кажется, что надеяться больше не на что. Я так обессилела, что, наверно, уже не оправлюсь.

В глазах обреченной мелькает дикая радость; она берет подругу за руку: «О! Мы отправимся в дальний путь вместе!»

Те же — умирающая от туберкулеза и ее выздоравливающая подруга. Она вернулась из Франции, где прошла курс лечения по новому методу.

И обреченная упрекает ее в этом. Вслух она корит подругу за то, что та ее бросила. На самом же деле умирающая страдает оттого, что видит подругу здоровой. В душе ее теплилась безумная надежда, что она умрет не одна — что удастся увлечь с собой самую близкую подругу. А придется умереть в одиночестве. Поэтому в ее сердце закрадывается черная ненависть к подруге.

* * *

Грозовое небо в августе. Знойные ветры. Черные тучи. А на востоке голубая полоска, тонкая, прозрачная. На нее больно смотреть. Ее появ-

ление — пытка для глаз и души. Ибо зрелище красоты нестерпимо. Красота приводит нас в отчаяние, она — вечность, длящаяся мгновение, а мы хотели бы продлить ее навсегда.

* * *

Искренность дается ему без труда. Большая редкость.

* * *

Важна также тема комедии. От самых страшных мук нас спасает чувство, что мы одиноки и всеми покинуты, однако не настолько одиноки, чтобы «другие» не уважали нас в нашем несчастье. Именно в этом смысле мы испытываем порой счастливые мгновения, когда в безысходной печали чувство заброшенности переполняет и возвышает нас. В этом же смысле счастье часто есть не что иное, как чувство сострадания к собственному несчастью.

Поразительно у бедняков: Господь поместил рядом с отчаянием самолюбование, словно лекарство рядом с болезнью.

* * *

В молодости я требовал от людей больше, чем они могли дать: постоянства в дружбе, верности в чувствах.

Теперь я научился требовать от них меньше, чем они могут дать: быть рядом и молчать. И на их чувства, на их дружбу, на их благородные поступки я всегда смотрю как на настоящее чудо — как на дар Божий.

* * *

…Они успели слишком много выпить и хотели есть. Но дело было под Рождество, и в зале не было мест. Получив вежливый отказ, они не унялись. Их выставили за дверь. Они стали пинать ногами беременную хозяйку. Тогда хозяин, тщедушный молодой блондин, схватил ружье и выстрелил. Пуля попала в правый висок. Убитый лежал на полу, голова его свесилась набок, так что раны не было видно. Товарищ его, пьяный от вина и ужаса, начал плясать вокруг тела.

Ничем не примечательное происшествие, которое должно было завершиться заметкой в завтрашней газете. Но пока что в этом отдален-

ном уголке квартала тусклый свет, льющийся на мостовую, грязную и осклизлую после недавнего дождя, не смолкающее шуршание мокрых шин, звонки проезжающих время от времени ярко освещенных трамваев придавали этой потусторонней сцене нечто тревожное: неотвязная сусальная картинка — этот квартал под вечер, когда улицы заполняются тенями, вернее, когда порой является здесь одна-единственная тень, безымянная, угадываемая по глухому шарканью и невнятным речам, залитая кровавым светом красного аптечного фонаря.

* * *

Январь 1936 г.

За окном сад, но я вижу только его ограду. Да редкую листву, сквозь которую струится свет. Выше тоже листва. Еще выше — солнце. Я не вижу, как ликует на дворе ветерок, не вижу этой радости, разлитой в мире, я вижу только тени листьев, пляшущие на белых занавесках. Да еще пяток солнечных лучей, которые постепенно наполняют комнату светлым запахом сена. Порыв ветерка, и тени на занавеске приходят в движение. Стоит солнцу зайти за тучу, а затем выглянуть снова — и из тени ярко-желтым пятном выплывает ваза

с мимозами. Довольно одного этого проблеска — и меня уже переполняет смутное дурманящее чувство радости.

Пленник пещеры, я остался один на один с тенью мира. Январский день. Правда, по-прежнему холодно. Все подернуто солнечной пленкой — она тонка и непрочна, но озаряет все вокруг вечной улыбкой. Кто я и что мне делать — разве что вступить в игру листвы и света. Быть этим солнечным лучом, сжигающим мою сигарету, этой нежностью и этой сдержанной страстью, которой дышит воздух. Если я стараюсь найти себя, то ищу в самой глуби этого света. А если я пытаюсь постичь и вкусить этот дивный сок, выдающий тайну мира, то в глубине мирозданья я обретаю самого себя. Себя, то есть это наивысшее чувство, которое очищает от всего внешнего, наносного. Скоро меня вновь обступят другие вещи и люди. Но дайте мне вырвать это мгновение из ткани времен и сохранить его в памяти, как другие хранят цветок в книге. Они прячут между страниц прогулку, где к ним пришла любовь. Я тоже гуляю, но меня ласкает божество. Жизнь коротка, и грешно терять время. Я теряю время целыми днями, а люди говорят, что я весьма деятелен. Сегодня передышка — сердце мое идет

навстречу самому себе.

Тоска снова охватывает меня, оттого что я чувствую, как этот неуловимый миг выскальзывает из рук, словно шарики ртути. Не мешайте же тем, кто хочет отгородиться от мира. Я уже не жалуюсь, ибо наблюдаю за собственным рождением. Я счастлив в этом мире, ибо мое царство от мира сего. Облако уплывает, мгновение тает. Я умираю для себя самого. Книга раскрывается на любимой странице. Как ничтожна сегодня эта страница по сравнению с книгой мира. Какое имеет значение, страдал я или нет, если страдание пьянит меня, ибо оно — в этом солнце и этих тенях, в этом тепле и в этом холоде, идущем откуда-то издалека, из глубины морозного воздуха. К чему мне гадать, умирает ли что-нибудь в людях и страдают ли они, — ведь все написано в этом окне, куда врывается бескрайнее небо. Я могу сказать и сразу скажу, что важно быть человечным, простым. Нет, важно быть самим собой, это включает в себя и человечность, и простоту. А когда я становлюсь самим собой, когда я становлюсь чист и прозрачен, как не тогда, когда я сливаюсь с миром?

Миг восхитительной тишины. Люди молчат. Но раздается песнь мира, и все мои желания, желания человека, обреченного влачить жизнь в

глубокой пещере, сбываются прежде, чем я успел их загадать. Вот она, вечность, на которую я уповал. Теперь я могу говорить. Не знаю, что может быть лучше, чем это постоянное присутствие во мне моего подлинного «я». Теперь я жажду не счастья, но лишь осознания. Человек мнит себя отрезанным от мира, но стоит оливе подняться в золотящейся пыли, стоит слепящему утреннему солнцу осветить песчаные отмели — и человек чувствует, как его непреклонность смягчается. Так и со мной. Я осознаю возможности, за которые несу ответственность. В жизни каждая минута таит в себе чудо и вечную юность.

* * *

Мыслить можно только образами. Если хочешь быть философом, пиши романы.

Свят.: Молчать. Действовать. Социализм.
Приобретение и осуществление.
По сути: героические качества.

II часть
А. в настоящем
Б. в прошлом
Гл. $А_1$ — Дом перед лицом Мира. Знакомство.
Гл. $Б_1$ — Его воспоминания. Связь с Люсьеной.
Гл. $А_2$ — Дом перед лицом Мира. Его юность.
Гл. $Б_2$ — Люсьена рассказывает о своих изменах.
Гл. $А_3$ — Дом перед лицом Мира. Приглашение.
Гл. $Б_4$ — Сексуальная ревность. Зальцбург. Прага.
Гл. $А_4$ — Дом перед лицом Мира. Солнце.
Гл. $Б_5$ — Бегство (письмо). Алжир. Простуда, болезнь.
Гл. $А_5$ — Ночь под звездами. Катрин.

* * *

Патрис рассказывает свою историю об осужденном на смерть: «Я его вижу, этого человека. Он во мне. И каждое слово, которое он произносит, сжимает мне сердце. Он живой, он дышит, когда дышу я. Ему страшно, когда страшно мне.

…И тот, другой, который хочет смягчить его. Я вижу и его тоже. Он во мне. Я каждый день посылаю к нему священника, чтобы увещевать его.

Теперь я знаю, о чем буду писать. Приходит время, когда дерево после долгих страданий должно принести плоды. Зима всегда заканчивается весной. Мне нужно дать показания. Потом все начнется сначала.

…Я не стану говорить ни о чем, кроме своей любви к жизни. Но я расскажу о ней по-своему…

Другие пишут под диктовку неудовлетворенных желаний. Из каждого своего разочарования они создают произведение искусства, ложь, сотканную из обманов, наполняющих их жизнь. Но мои писания явятся плодом счастливых мгновений моей жизни. Хотя они будут жестокими. Мне необходимо писать, как необходимо плавать: этого требует мое тело».

III часть (все в настоящем).

Гл. I — «Катрин, — говорит Патрис, — я знаю, теперь я буду писать. Историю осужденного на смерть. Я вернулся к моему истинному призванию, оно заключается в том, чтобы писать».

Гл. II — Путь из Дома перед лицом Мира вниз, в порт и т. д. Тяга к смерти и солнцу. Любовь к жизни.

* * *

Шесть историй:
История блестящей игры. Роскошь.
История бедного квартала. Смерть матери.
История Дома перед лицом Мира.
История сексуальной ревности.
История осужденного на смерть.
История пути к солнцу.

* * *

На Балеарских островах: Прошлым летом.

Ценность путешествию придает страх. Потому что в какой-то момент, вдали от родной страны, родного языка (французская газета на вес золота. А вечера в кафе, когда стараешься ощутить локоть соседа!), нас охватывает смутный страх и инстинктивное желание вернуться к спасительным старым привычкам. Это самая очевидная польза путешествий. В это время мы лихорадочно возбуждены, впитываем все, как губка. Ничтожнейшее событие потрясает нас до глубины души. В луче света мы прозреваем вечность. Поэтому не следует говорить, что люди путешествуют для собственного удовольствия.

Путешествие вовсе не приносит удовольствия. Я скорее склонен видеть в нем аскезу. Люди путешествуют ради культуры, если понимать под культурой извлечение из-под спуда самого глубокого нашего чувства — чувства вечности. Удовольствия отдаляют нас от себя самих, как у Паскаля развлечения отдаляют нас от Бога. Путешествие как самая великая и серьезная наука помогает нам вновь обрести себя.

* * *

Балеарские острова.
Бухта.
Сан-Франциско — монастырь.
Бельвер.
Богатый квартал (тень и старые женщины).
Бедный квартал (окно).
Собор (дурной вкус и шедевр).
Кафешантан.
Берег Мирамара.
Вальдемоза и террасы.
Соллер и юг.
Сан Антонио (монастырь). Феланиткс.
Полленса: город. Монастырь. Пансион.
Ивиса: бухта.
Ла-Пенья: оборонительные сооружения.

Сан Эулалия: пляж. Праздник.
Кафе на пристани.
Деревни: каменные стены и мельницы.

* * *

13 февраля 1936 г.

Я требую от людей больше, чем они могут мне дать. Бессмысленно утверждать обратное. Но какое заблуждение и какая безысходность. Да и я сам, быть может…

* * *

Искать связей. Всяких связей. Если я хочу писать о людях, мыслимо ли отворачиваться от пейзажа? А если меня притягивают небо или свет, разве забуду я глаза и голоса тех, кого люблю? Каждый раз мне дарят кусочки дружбы, клочки чувства, и никогда — все чувство, всю дружбу.

Иду к другу, который старше меня, чтобы рассказать ему обо всем. По крайней мере о том, что камнем лежит на сердце.

Но он торопится. Разговор обо всем и ни о чем. Время идет.

И вот я еще более одинок и более опустошен, чем прежде.

Эта шаткая мудрость, которую я пытаюсь сколотить, может рухнуть от любого слова, случайно оброненного спешащим другом! «Non ridere, non lugere» [1]… И сомнения в себе и в других.

* * *

Март

День то облачный, то солнечный. Мороз в желтых блестках.

Мне стоило бы вести дневник погоды. Вчера солнце сияло так ясно. Бухта дрожала, залитая светом, словно влажные губы. А я весь день работал.

* * *

Заглавие: Надежда мира.

* * *

Гренье о коммунизме: «Весь вопрос вот в чем: надо ли во имя идеала справедливости соглашаться с глупостями?» Можно ответить «да» — это прекрасно. Можно ответить «нет» — это честно.

---

[1] Примечания: 1

Не смеяться, не плакать *(лат.).*

* * *

При всех различиях: проблема христианства. Смущают ли верующего противоречия в евангелиях и черные дела церковников? Что значит верить в Бога: значит ли это верить в Ноев ковчег — и защищать Инквизицию или суд, осудивший Галилея?

Но, с другой стороны, как примирить коммунизм с чувством отвращения? Если я впадаю в крайности, доходящие до абсурда и не приносящие пользы, я отрицаю коммунизм. А тут еще религия…

* * *

В смерти игра и героизм обретают свой подлинный смысл.

* * *

Вчера. Освещенные солнцем набережные, арабские акробаты и сияющий порт. Можно подумать, что на прощание этот край расцвел и решил щедро одарить меня. Эта чудная зима искрится морозом и солнцем. Голубым морозом.

Трезвое опьянение и улыбающаяся нищета — отчаянное мужество греческих стел, принимающих жизнь как она есть. Зачем мне писать и творить, любить и страдать? Утраченное мною в жизни, по сути, не самое главное. Все теряет смысл.

Мне кажется, что перед лицом этого неба и исходящего от него жаркого света ни отчаяние, ни радость ничего не значат.

* * *

16 мая

Долгая прогулка. Холмы на фоне моря. И ласковое солнце.

Белые соцветия шиповника. Крупные, насыщенно-лиловые цветы. И возвращение, сладость женской дружбы. Серьезные и улыбающиеся лица молодых женщин. Улыбки, шутки, планы. Игра начинается вновь. И все делают вид, будто подчиняются ее правилам, с улыбкой принимая их на веру. Ни одной фальшивой ноты. Всеми своими движениями я связан с миром, всеми своими чувствами я связан с людьми. С вершины холмов видно, как после недавних дождей под лучами солнца над землей поднимается туман. Даже спускаясь вниз по лесистому склону и по-

гружаясь в это ватное марево, среди которого чернели деревья, я чувствовал, что этот чудесный день озарен солнцем. Доверие и дружба, солнце и белые домики, едва различимые оттенки. О, мгновения полного счастья, которые уже далеко и не могут рассеять меланхолию, одолевающую меня по вечерам; теперь они значат для меня не больше, чем улыбка молодой женщины или умный взгляд понимающего друга.

* * *

Время течет так быстро из-за отсутствия ориентиров. То же и с луной в зените и на горизонте. Годы юности тянутся так медленно потому, что они полны событий, годы старости бегут так стремительно оттого, что заранее предопределены. Отметить, например, что почти невозможно смотреть на стрелку часов в течение пяти минут — так это долго и безысходно.

* * *

Март

Серое небо. Но свет все же просачивается. Только что упали несколько капель. Там, внизу, бухта уже заволакивается дымкой. Зажигаются огни.

Счастье и те, кто счастливы. Они имеют лишь то, что заслуживают.

* * *

Март
Радость моя безгранична.

* * *

Dolorem exprimit quia movit amorem.

* * *

Март
Клиника над Алжиром. Довольно сильный ветер бежит по склону, взъерошивая траву, освещенную солнцем. И весь этот нежный и светлый порыв стихает, не доходя до гребня холма, у подножия черных кипарисов, которые, сомкнув ряды, штурмуют вершину. С неба льется дивный свет. Внизу морская гладь сверкает синезубой улыбкой. Под солнцем, которое греет мне только одну половину лица, я стою на ветру и, не в силах вымолвить ни слова, смотрю, как текут эти неповторимые мгновения. Но появляется сумасшедший в сопровождении санитара. Он

держит под мышкой коробку, выражение лица — самое серьезное.

— Добрый день, мадемуазель (обращаясь к молодой женщине, стоящей рядом со мной).

Затем ко мне:

— Разрешите представиться: господин Амброзино.

— Господин Камю.

— А! Я знавал одного Каму. Грузовые перевозки в Мостаганеме. Наверно, ваш родственник.

— Нет.

— Не важно. Позвольте мне немного побыть с вами. Мне каждый день разрешают выходить на полчаса. Но приходится ползать на брюхе перед санитаром, чтобы он согласился меня сопровождать. Вы родственник мадемуазель?

— Да, сударь.

— А! Тогда я объявляю вам, что на Пасху мы обручимся. Моя жена согласна. Мадемуазель, примите этот маленький букет. И письмо, оно тоже вам. Посидите со мной. У меня только полчаса.

— Нам пора уходить, господин Амброзино.

— Уже! Но когда же я вас снова увижу?

— Завтра.

— Ах! Ведь у меня всего полчаса, и я пришел, чтобы немного помузицировать.

Мы уходим. На дороге чудесно сверкают красные герани. Сумасшедший достал из коробки тростинку с продольной прорезью, затянутой тонкой резиной. Он извлекает из нее странную музыку, жалобную и задушевную: «Дорога под дождем...» Мы слышим музыку, идя мимо гераней, мимо больших клумб, покрытых маргаритками, вдоль моря, улыбающегося своей невозмутимой улыбкой.

Я открыл письмо. В нем были рекламные объявления, вырезанные и аккуратно пронумерованные карандашом.

* * *

М. — Каждый вечер он клал это оружие на стол. Закончив работу, он убирал бумаги, брался за револьвер и приставлял его ко лбу, он терся об него висками, прижимался к холодному металлу горящими щеками. Он долго сидел так, водя пальцами по гашетке, ощупывая стопорный вырез, пока все вокруг не затихало и он не задремывал, ощущая только одно — холодный солоноватый металл, несущий смерть.

Тот, кто не убивает себя, должен молчать о жизни. И, просыпаясь с горькой слюной во рту, он лизал ствол револьвера, всовывал в него язык

и, хрипя от бездонного счастья, с восхищением повторял: «Радость моя безбрежна».

М. — 2-я часть.

Цепь катастроф — его мужество — жизнь его соткана из несчастий. Он обживает это скорбное существование, он весь день ждет, когда же наступит вечер и он вернется наконец домой, к своему одиночеству, недоверию, отвращению. Его считают твердым и стойким. Если присмотреться, дела идут как нельзя лучше. Однажды случается пустяк: приятель невнимательно слушает его и отвечает рассеянно. Он возвращается домой. Он кончает с собой.

* * *

31 марта

У меня такое чувство, будто я постепенно поднимаюсь со дна.

Нежная и сдержанная дружба женщин.

* * *

Социальный вопрос решен. Равновесие восстановлено. Через две недели я поставлю точку. Ни на секунду не забывать о книге. Не откладывая, начать работу прямо с воскресенья.

После долгого периода беспокойства и отчаяния переделать все заново. Наконец-то вышло солнце, и тело мое оживает. Молчать — верить самому себе.

* * *

Апрель

Первые жаркие дни. Духота. Все живое в полном изнеможении. Когда день клонится к закату, над городом какой-то странный воздух. Звуки поднимаются и исчезают в вышине, как воздушные шары. Деревья и люди неподвижны. Мавританки болтают на террасах, ожидая, когда наступит вечер. В воздухе стоит запах жареного кофе. Нежная и безнадежная пора. Не к чему прижаться губами. Не перед кем броситься на колени в порыве благодарности.

* * *

Жара на набережных — страшная, изнуряющая, от нее перехватывает дыхание. Тяжелый запах гудрона дерет горло. Упадок сил и желание смерти. Вот подлинная атмосфера трагедии, а вовсе не ночь, как принято считать.

* * *

Чувства и мир. Желания смешиваются. Сжимать в объятиях тело женщины — то же, что вбирать в себя странную радость, которая с неба нисходит к морю.

* * *

Солнце и смерть. Грузчик со сломанной ногой. Капли крови, тянущиеся по пылающим камням набережной. Похрустывание камешков. В кафе он рассказывает мне свою жизнь. Все разошлись, на столе остались шесть стаканов. Домик в пригороде. Жил один, возвращался к себе только под вечер, чтобы приготовить еду. Собака, кот, кошка, шестеро котят. У кошки нет молока. Котята умирают один за другим. Каждый вечер окоченевший дохлый котенок и нечистоты. А также смесь двух запахов: мочи и мертвечины. Вчера вечером (он потихоньку вытягивает руки, медленно отодвигая стаканы на край стола) подох последний котенок. Но мать сожрала половину. Значит, полкотенка! И как всегда нечистоты. Возле дома воет ветер. Где-то очень далеко играют на рояле. Он сидит среди развалин и нищеты. И

весь смысл существования вдруг комом подступает к горлу. (Стаканы падают один за другим, а он все продолжает раздвигать руки.) Сидит так несколько часов, сотрясаясь от бешеной ярости, без слов, с мокрыми от мочи руками и думает о том, что пора варить обед.

Все стаканы разбиты. А он улыбается. «Ничего, — успокаивает он хозяина, — мы за все заплатим».

* * *

Сломанная нога грузчика. В углу молодой мужчина молча улыбается.

* * *

«Это пустяки. Больше всего зла мне всегда причиняли общие идеи». Погоня за грузовиком, скорость, пыль, скрежет. Безумный ритм лебедок и механизмов, танец мачт на горизонте, бортовая качка судов. На грузовике: тряска по булыжникам набережной. Гигантская и фантастическая декорация порта, солнце и кровь, белая меловая пыль, а в ней — двое молодых людей удаляются на полной скорости и хохочут как безумные.

* * *

Май

Не отгораживаться от мира. Когда живешь на виду, нет опасности, что жизнь сложится неудачно. В любой ситуации, в несчастье, в разочарованиях я прежде всего стараюсь восстановить контакты. И даже в печали своей я полон желания любить и испытываю упоение при одном только виде холма в вечерней дымке.

Контакты с истиной, прежде всего с природой, потом с искусством посвященных, и мое собственное искусство, если я способен его создавать. В противном случае ничто не коснется меня: ни свет, ни вода, ни упоение, ни влажные от желания губы.

Улыбка отчаяния. Безысходного, но тщетно пытающегося подчинить меня себе. Главное: не потерять себя и не потерять то сокровенное, что дремлет в мире.

* * *

Май

Все контакты — культ моего «я»? Нет.

Культ «я» предполагает любительство или оп-

тимизм. И то и другое вздор. Не выбирать свою жизнь, но расширять ее.

Внимание: Кьеркегор, источник наших бед — это сравнение.

Отрезать себе путь к отступлению. Затем в равной мере принять и «да», и «нет».

* * *

Май

Как красивы женщины в Алжире на склоне дня.

* * *

Май

На пределе. И сверх того: игра. Я говорю «нет», я труслив и слаб, а поступаю так, как если бы я говорил «да», как если бы я был силен и смел. Вопрос воли = доводить абсурд до конца = я способен на…

Следовательно, воспринимать ход игры трагически, а ее результат (который, пожалуй, безразличен) комически.

Но не терять на это времени. Искать высший опыт в одиночестве. Совершенствовать игру завоеванием самого себя — зная, что это абсурдно.

Примирение мудрого индуса и западного героя.

«Больше всего зла мне всегда причиняли общие идеи».

От этого высшего опыта всегда следует отказываться во имя дружбы. Чтобы затем продолжить. Рука дружбы — редкость.

* * *

Бог — Средиземное море: постройки — ничего природного.

Природа = равновесие.

* * *

Против нового промаха и слабости: усилие — внимание.

Демон: культура — тело

воля — труд (фил.)

Но с другой стороны: заступники —

каждый день

мое произведение

(эмоции)

высший опыт.

Философское произведение: абсурд.

Литературное произведение: сила, любовь и

смерть под знаком завоевания.

И там, и тут смешивать оба жанра, сохраняя особое звучание. Написать однажды книгу, которая даст разъяснение.

И об этом умственном напряжении: бесстрастие — презирать сравнение.

* * *

Эссе о смерти и философии — Мальро. Индия.

Эссе о химии.

* * *

Май

То, что жизнь сильнее всего, — истина, но она лежит в основе всех подлостей. Нужно открыто утверждать противоположное.

* * *

И вот они уже вопят: я имморалист.

Смысл: я должен прочесть себе мораль. Признай же это, глупец. Я тоже.

* * *

Другой неудачник: надо быть простым, надо

быть самим собой, долой литературу — надо принимать жизнь и отдаваться ей. Да ведь мы только это и делаем.

Если вы закоренели в своем отчаянии, поступайте так, как если бы вы не утратили надежды, — или убейте себя. Страдание не дает никаких прав.

* * *

Интеллектуал? Да. И никогда не отступаться. Интеллектуал — тот, кто раздваивается. Это мне по душе. Мне приятно, что во мне два человека. «Могут ли они слиться воедино?» Практический вопрос. Надо попробовать. «Я презираю интеллигентность» на самом деле означает: «Я не в силах выносить свои сомнения».

Я предпочитаю ни на что не закрывать глаза.

* * *

Ноябрь

Повидать Грецию. Дух и чувство, любовь к выражению как доказательства упадка. Греческая скульптура приходит в упадок, когда появляются улыбка и взгляд. Итальянская живопись тоже, включая XVI век «колористов».

Парадокс — судьба грека, ставшего великим художником поневоле. Дорические Аполлоны восхитительны, потому что лишены выражения. Только живопись (к сожалению) привнесла выражение. — Но живопись «проходит», а шедевр остается.

* * *

Национальности возникают как знак распада. Едва нарушилось религиозное единство Священной Римской империи — национальности.

Восток хранит цельность. Интернационализм пытается вернуть Западу его истинное значение и призвание. Но основа уже не христианская — греческая.

Нынешний гуманизм: он лишь усугубляет пропасть между Востоком и Западом (вспомним Мальро). Но он восстанавливает силу.

* * *

Протестантизм. Нюанс. В теории позиции, достойные восхищения:

Лютер, Кьеркегор. А на практике?

* * *

Январь

Калигула, или Смысл смерти. 4 действия.

I а) Приход к власти. Радость. Добродетельная речь (ср. Светония).

б) Зеркало.

II а) Его сестры и Друзилла.

б) Презрение к великим.

в) Смерть Друзиллы.

Бегство Калигулы.

III

Конец: Калигула раздвигает занавес и выходит на авансцену: «Нет, Калигула не умер. Он тут и там. Он в каждом из нас. Если бы у вас была власть, если бы у вас было гордое сердце, если бы вы любили жизнь, вы увидели бы, как распоясывается это чудовище или ангел, которого вы носите в себе. Наша эпоха умирает оттого, что верила в нравственные ценности, верила, что все может быть прекрасным и неабсурдным. Прощайте, я возвращаюсь в Историю, где меня уже давно замуровали те, кто боится слишком сильно любить».

* * *

Январь

Эссе: Дом перед лицом Мира.

— В округе его называли домом трех студентов.

— Его покидают, чтобы жить затворником.

— Дом перед лицом Мира не дом, где развлекаются, это дом, где живут счастливо.

* * *

— Здесь одни девушки, — произносит М. в ответ на грубости, которые говорит Х.

М. и любовь:

— Вы вступили в возраст, когда радуются, узнавая себя в чужом ребенке.

— Ему надо изучить теорию относительности Эйнштейна — тогда он сможет заниматься любовью.

— Боже меня упаси, — говорит М.

* * *

Февраль

Цивилизация заключается не в большей или

меньшей утонченности. Но в сознании, общем для целого народа. И это сознание никогда не бывает утонченным. Наоборот, оно вполне здравое. Представлять цивилизацию творением элиты — значит отождествлять ее с культурой, меж тем как это совершенно разные вещи. Существует средиземноморская культура. Но существует также и средиземноморская цивилизация. С другой стороны, не надо путать цивилизацию и народ.

* * *

Гастроли (театр)

Утренняя нежность и эфемерность окрестностей Орана, таких суровых и резких в солнечном свете дня: сверкающие русла пересохших рек, окаймленные олеандрами, почти неправдоподобные краски неба в лучах восходящего солнца, лиловые горы с розовым обрамлением. Все предвещает лучезарный день. Но чувствуется, что сдержанность и мягкость уже на исходе.

* * *

Апрель 1937 г.

Любопытно: Неумение оставаться в одиночестве, неумение быть на людях. Соглашаешься и на

то, и на другое. И то, и другое приносит пользу.

* * *

Самый опасный соблазн: не походить ни на кого.

* * *

Касба: всегда наступает момент, когда человек отгораживается от самого себя. Угольки в костре, который потрескивает посреди темной грязной улочки.

* * *

Безумие — прекрасная декорация восхитительного утра — солнце. Небо и скелеты. Музыка. Палец по оконному стеклу.

* * *

Стремление всегда быть правым — признак вульгарного ума.

* * *

Рассказ: человек, который не хочет оправды-

ваться. Он предпочитает мнение, которое о нем сложилось. Он умирает, так и не открыв никому правды о себе. Слабое утешение.

* * *

Апрель

Женщины, которые предпочитают мысли ощущениям.

* * *

Для эссе о развалинах:

Суховей — старый человек, высохший, как олива Сахеля.

1) Эссе о развалинах: ветер в развалинах или смерть на солнце.

2) Вернуться к теме «смерть в душе». Предчувствие.

3) Дом перед лицом Мира.

4) Роман — работать над ним.

5) Эссе о Мальро.

6) Диссертация.

* * *

В чужой стране солнце золотит дома на холме.

Впечатление более сильное, чем от такого же зрелища в родной стране. Солнце здесь другое. Уж я-то доподлинно знаю, что солнце здесь другое.

* * *

Вечером мир над бухтой ласков. Бывают дни, когда мир лжет, и дни, когда он говорит правду. Сегодня вечером он говорит правду — и как настойчиво, печально и прекрасно.

* * *

Май

Психология, сводящаяся к копанию в мелочах, ошибочна. Люди ищут себя, изучают. Чтобы познать себя, чтобы самоутвердиться. Психология есть действие, а не самокопание. Человек пребывает в поиске в течение всей жизни. Познать себя до конца — значит умереть.

* * *

1) Чарующая поэзия, предвестница любви.

2) Человек, который был лишен всего, даже возможности умереть.

3) В молодости легче сживаешься с пейзажем,

чем с человеком. Потому что пейзаж позволяет фантазировать.

* * *

Май

Набросок предисловия к «Изнанке и лицу».

В своем теперешнем виде эти эссе по преимуществу бесформенны.

Что происходит не от удобного для автора презрения к форме, но единственно от недостаточной зрелости. От читателей, которые примут эти страницы за то, чем они являются на самом деле, а именно за эссе, можно требовать лишь одного — чтобы они следили за их постепенным развитием. Быть может, если читать их подряд, удастся заметить подспудное движение мысли, которое их объединяет, я бы сказал — оправдывает, если бы оправдание не казалось мне бессмысленным и если бы я не знал, что люди всегда предпочитают верить не человеку, а представлению, которое о нем сложилось.

* * *

Писать — значит действовать бескорыстно. Некоторая отрешенность в искусстве. Переписы-

вать. Усилие всегда оборачивается большей или меньшей выгодой. Если ты потерпел неудачу, виновата лень.

* * *

Лютер: «В тысячу раз важнее твердо верить в отпущение грехов, чем быть его достойным. Эта вера делает вас достойным и приносит истинное удовлетворение».

(Проповедь об оправдании верой, прочитанная в Лейпциге в 1519 году.)

* * *

Июнь

Священник каждый день навещает осужденного на смерть. При мысли о том, что ему отрежут голову, колени подгибаются, губы пытаются произнести имя, всем существом овладевает безумное желание броситься на землю и укрыться в «Господи, Господи!».

Но каждый раз человек сопротивляется, не хочет этой легкости и хочет подавить весь свой страх. Он умирает молча, с глазами, полными слез.

* * *

Философии значат столько, сколько значат философы. Чем больше величия в человеке, тем больше истины в его философии.

* * *

Цивилизация против культуры.

Империализм есть чистая цивилизация. Ср. Сесил Родс. «Экспансия — это все» — цивилизации суть островки — культура неизбежно превращается в цивилизацию (ср. Шпенглер).

Культура: вопль человека перед лицом судьбы.

Цивилизация, ее упадок: жадность человека перед лицом богатств. Ослепление.

О политической теории касательно Средиземноморья.

«Я говорю о том, что знаю».

* * *

1) Экономические очевидности (марксизм).

2) Духовные очевидности (Священная Римская империя).

* * *

Трагическая борьба страждущего мира. Никчемность проблемы бессмертия. Нас волнует прежде всего наша судьба, да.

Но не «после» — «*до*».

* * *

Утешительная сила Ада.

1) С одной стороны, бесконечное страдание непостижимо для нас — мы воображаем передышки.

2) Мы нечувствительны к слову вечность. Оно для нас — абстракция. Разве что в той мере, в какой мы говорим о «вечном мгновении».

3) Ад — это жизнь с этим телом, которая все же лучше, чем небытие.

* * *

Логическое правило: единичное имеет значение универсального.

Алогическое: трагическое противоречиво.

Практическое: человек может быть умен в какой-то одной области и глуп в других.

* * *

Быть глубоким благодаря неискренности.

* * *

«Крошка» глазами Марселя. «Ее муж в этом деле не мастак.

Как-то раз она мне говорит: “С мужем все совсем не так”».

* * *

Сражение под Шарлеруа глазами Марселя.

«Нам, зуавам, велели растянуться цепью. Командир говорит: «Вперед!» Мы спустились в какой-то овраг с деревьями. Говорят: «Вперед!» А впереди никого не видать. И мы идем себе, идем. Вдруг пулеметы как начали по нас строчить. Все попадали друг на друга. Столько было раненых и убитых, на дно оврага столько натекло крови, что хоть на лодке плыви. Вот тут кое-кто закричал «Мама!», так было страшно».

* * *

— О Марсель, сколько у тебя медалей, где же ты

все это заработал?

— Где заработал? Да на войне.

— Как на войне?

— Тебе что, грамоты принести, где про это написано? Хочешь прочесть своими глазами? Ты что же думаешь?

Приносит «грамоты».

«Грамоты» выписаны на весь полк, в котором служил Марсель.

* * *

Марсель. Мы люди небогатые, но едим вдоволь. Видишь моего внука — ест больше отца. Его отцу хватает фунта хлеба, а этому целый килограмм подавай. И знай себе уплетает за обе щеки, знай себе наворачивает. Как проглотит, отдышится и ест дальше.

* * *

Июль

Вид квартала Мадлен. Красота, пробуждающая любовь к бедности. Я так далек от моего лихорадочного возбуждения — я почти не способен ничем гордиться, кроме своей любви. Держаться поодаль. Надо высказать, и высказать поскорее,

что у меня на сердце.

* * *

«Никакого отношения». Настоящий роман. Ревностный поборник веры. Его мать умирает. Он от всего отказывается. Но вера его не пошатнулась. Никакого отношения, в этом-то все и дело.

* * *

Гидросамолет: величие металла, сверкающего в бухте и среди голубого неба.

* * *

Сосны, желтизна пыльцы и зелень листьев.

* * *

Христианство, как и Жид, требует от человека смирения страстей. Но Жид видит в этом лишь удовольствие. Христианство же считает это умерщвлением плоти. В этом смысле оно более «естественно», чем интеллектуал Жид. Но менее естественно, чем народ, который утоляет жажду из источников и знает, что удовольствие кончается пресыщением («Апология пресыщения»).

* * *

Прага. Бегство от себя.

— Я хотел бы комнату.

— Разумеется. На одну ночь?

— Нет. Не знаю.

— У нас есть номера по 18, 25 и 30 крон.

(Никакого ответа.)

— Какой номер вы желаете, месье?

— Любой (смотрит на улицу).

— Портье, отнесите вещи в номер 12.

(Очнувшись.)

— Сколько стоит этот номер?

— Тридцать крон.

— Это слишком дорого. Я хотел бы номер за 18 крон.

— Портье, номер 34.

* * *

1) В поезде, который уносил его в «...», Х. рассматривал свои руки.

2) Тип, который постоянно торчит там. Но это просто совпадение.

* * *

Лион.

Форарльберг-Халле.

Купштейн. Часовня и поля вдоль Инна в дождь. Все более и более глухие места.

Зальцбург. Ильдерман. — Кладбище Святого Петра. Сад Мирабель и его гордость. Дожди, флоксы — озеро и горы — поход на плато.

Линц. Дунай и рабочие предместья. Врач.

Бутвайс. Предместье. Маленький готический монастырь. Глушь.

Прага. Первые четыре дня. Монастырь в стиле барокко. Еврейское кладбище. Барочные церкви. Посещение ресторана. Голод. Безденежье. Покойник. Огурец в уксусе. Однорукий человек играет на аккордеоне, подложив его ремень под задницу.

Дрезден. Живопись.

Баутцен. Готическое кладбище. Герань и множество солнц в кирпичных арочках.

Бреслау. Моросящий дождь. Церкви и заводские трубы. Трагический пейзаж.

Равнины Силезии. Безжалостные и неблагодарные — дюны — стая птиц, пролетающая промозглым утром над слякотной землей.

Ольмюц. Ласковые и спокойные равнины Моравии. Кислые сливы и волнующие дали.

Брно. Бедные кварталы.

Вена. Цивилизация — пышные громады в окружении садов. Сокровенная тоска, которая прячется в этих шелковых складках.

* * *

Италия.

Церкви вызывают особое чувство: Ср. Андреа дель Сарто.

Живопись: суровый и застывший мир, доверие и т. д.

Отметить: итальянская живопись и ее упадок.

* * *

Интеллектуал перед выбором: присоединиться или нет (фрагмент).

* * *

Июль

Что невыносимо для женщин в привязанности без любви, которой жалует их мужчина.

Для мужчины — горькая нежность.

* * *

Супружеские пары: мужчина пытается перед кем-нибудь блеснуть. Жена тут же: «А сам-то ты…» — и старается его принизить, выставить такой же посредственностью, как и она сама.

* * *

В поезде. Мать говорит ребенку:

— Не соси пальцы, грязнуля.

Или: — Если не перестанешь, ты у меня получишь.

То же. Супружеские пары: жена в переполненном поезде встает с места.

— Дай, — говорит она.

Муж роется в кармане и протягивает ей клочок бумаги, который она просит.

* * *

Июль 1937 г.

Для Романа об игроке.

Ср. «Плеяды»: захватывающий ритм. Вести игру.

Душа, созданная для роскоши. Искатель при-

ключений.

* * *

Июль 1937 г.

Игрок. Революция, слава, любовь и смерть. Разве стоят они того, что есть во мне, такое важное и неподдельное?

— Что же?

— Груз подступающих слез, — говорит он, — питающих мою любовь к смерти.

* * *

Июль 1937 г.

Искатель приключений. Отчетливо чувствует, что в искусстве делать уже нечего. Ничто великое, ничто новое не возможно — во всяком случае, в западной культуре. Остается только действовать. Но тот, в ком есть величие души, начнет действовать не иначе, как с отчаянием.

* * *

Июль

Когда аскеза добровольна, можно поститься шесть недель, обходясь одной водой. Когда она

вынуждена (голод), то не больше десяти дней.

Запас истинной жизненной силы.

* * *

Система дыхания тибетских йогов. Следовало бы привнести в подобные опыты нашу позитивную методологию. Иметь «откровения», в которые сам не веришь. *Что мне нравится:* сохранять трезвость ума даже в исступлении.

* * *

Женщины на улице. Зверь, сгорающий от желания, уютно расположился в лоне и ступает мягко, как дикое животное.

* * *

Август

Парижское шоссе: кровь стучит в висках, мир и люди внезапно и странно отдаляются. Бороться со своим телом. Я сидел на ветру, опустошенный, выпотрошенный, и все время думал о К. Мэнсфилд, об этой длинной трогательной и горестной истории борьбы с болезнью. В Альпах наряду с одиночеством и с мыслью о том, что я приехал

лечиться, меня ждет *сознание*, что я болен.

* * *

Идти до конца — значит не только сопротивляться, но также дать себе волю. Мне необходимо чувствовать свою личность постольку, поскольку в ней живет ощущение того, что выше меня. Иногда мне необходимо писать вещи, которые от меня ускользают — но именно они и доказывают, что есть во мне что-то сильнее меня.

* * *

Август

Приветливость и волнение Парижа. Кошки, дети, всеобщая непринужденность. Серые тона, небо, большой парад камня и воды.

* * *

Арль.

* * *

Август 1937 г.

Он каждый день уходил в горы и возвращался, не говоря ни слова, с запутавшимися в воло-

сах травинками, весь в царапинах. И каждый раз повторялось одно и то же: покорение без обольщения. Мало-помалу он преодолевал сопротивление этого неприветливого края. Ему удавалось слиться с круглыми белыми облаками, на фоне которых над гребнем возвышалась одинокая пихта, слиться с полями розоватого кипрея, с рябиной и колокольчиками. Он врастал в этот благоуханный каменистый мир. Когда он взбирался на далекую вершину и перед ним внезапно открывался величественный пейзаж, он не чувствовал в душе умиротворения любви, он заключал с этой чужой природой своего рода договор — то было перемирие между двумя заклятыми врагами, столкновение двух противников, а не дружеское общение двух старых знакомых.

* * *

Умиротворенность Савойи.

* * *

Август 1939 г.

Человек, который искал жизнь в том, в чем ее видят обычно (женитьба, положение в обществе и т. д.), и который, листая каталог модных вещей,

вдруг обнаруживает, насколько ему чужда эта жизнь (такая, какой она предстает в каталоге модных вещей).

I часть. Его жизнь до этого момента.

II часть. Игра.

III часть. Отказ от компромиссов и правда в природе.

* * *

Август 1937 г.

Последняя глава? Париж — Марсель. Путь к Средиземному морю.

И он вошел в воду и смыл с себя черные уродливые отпечатки, оставленные миром. Вдруг, играя мускулами, он вновь почувствовал запах собственной кожи. Быть может, он никогда так не ощущал своего единения с природой, согласованности своего бега с бегом солнца. В этот час, когда тьма полнилась звездами, движения его явственно вырисовывались на фоне безмолвного лика неба. Шевельнув рукой, он очерчивает пространство, отделяющее это сверкающее светило от того, которое временами исчезает из виду, он увлекает за собой снопы звезд, шлейф облаков. И вот — небесная влага, плещущаяся под его рукой, и город вокруг него, словно плащ с переливчаты-

ми ракушками.

* * *

Два героя. Самоубийство одного из них?

* * *

Август 1937 г.

Игрок.

— Это будет трудно, очень трудно. Но это не повод.

— Конечно, — говорит Катрин, поднимая глаза к солнцу.

* * *

Игрок.

Госпожа Х., вообще-то старая дура, была прирожденной музыкантшей.

Для романа.

I часть: передвижной театр. Кино. История большой Любви (коллеж Сент-Шанталь).

* * *

Август 1937 г.

Проект плана. Сочетать игру и жизнь.

I часть.

А — Бегство от себя.

Б — М. и бедность (все в настоящем времени). Главы серии А описывают игрока. Главы серии Б — жизнь до смерти матери (смерть Маргариты — различные занятия: маклерство, автодетали, префектура и т. д.).

Последняя глава: Путь к солнцу и смерть (самоубийство — естественная смерть).

II часть.

Наоборот. А в настоящем: вновь обретенная радость. Дом перед лицом Мира. Связь с Катрин.

Б в прошлом. Обманут. Сексуальная ревность. Бегство.

III часть.

Все в настоящем. Любовь и солнце. Нет, говорит мальчик.

* * *

Август 1937 г.

Всякий раз, как я слышу или читаю политические выступления тех, кто нами руководит, я с ужасом обнаруживаю, что в них нет ни единого человеческого слова. Вечно одни и те же фразы, повторяющие одну и ту же ложь. И если люди к этому привыкают, если народ еще не растерзал

марионеток, это, по моему убеждению, доказывает только одно: люди ни в грош не ставят свое правительство и превращают в игру — да-да, именно в игру — немалую часть своей жизни и своих так называемых жизненных интересов.

* * *

A_2 или A_5 части I.

Я в отчаянии от того, какое огромное значение люди придают душевным порывам. Если вы меланхолик, жизнь вдвоем становится невыносимой. Ибо, если вы родились с благородным сердцем, вам не снести бесчисленных вопросов, которыми вас засыпают. А ведь это может значить для вас почти так же много, как голод или желание…

* * *

Август 1937 г.

План. Три части.

I часть: А в настоящем.

Б в прошлом.

Гл. $А_1$ — день г-на Мерсо, взгляд со стороны.

Гл. $Б_1$ — Бедный квартал Парижа. Лавка, где торгуют кониной. Патрис и его семья. Немой.

Бабушка.

Гл. $А_2$ — Беседа и парадоксы. Гренье. Кино.

Гл. $Б_2$ — Болезнь Патриса. Доктор. «Эта высшая точка…»

Гл. $А_3$ — Месяц передвижного театра.

Гл. $Б_3$ — Занятия (маклерство, автодетали, префектура).

Гл. $А_4$ — История великой любви: «С вами такого больше не случалось?» — «Случилось, сударыня, когда я увидел вас». Тема револьвера.

Гл. $Б_4$ — Смерть матери.

Гл. $А_5$ — Встреча с Раймондой.

* * *

Или:

I А — Сексуальная ревность.

Б — Бедный квартал — мать.

II А — Дом перед лицом Мира — звезды.

Б — Бьющая через край жизнь.

III Бегство — Катрин, которую он не любит.

* * *

Сокращать и уплотнять. История сексуальной ревности, которая приводит к отъезду в чужие края. Возвращение к жизни.

«Мудрость, за которой он ездил так далеко, сохраняла, конечно, свою ценность, но только по возвращении в царство света».

Приезд в Прагу — до самого отъезда — болезнь.

Объяснение — Люсиль — Бегство.

* * *

Август

Отсутствие испанских философов.

* * *

Роман: человек, понявший, что для того, чтобы жить, надо быть богатым, всецело предается погоне за деньгами, добивается успеха, живет и умирает *счастливым*.

* * *

Сентябрь

Тот август был чем-то вроде затишья — глубокий вдох, прежде чем неистовым усилием все разрешить. Прованс и что-то во мне, чему приходит конец. Прованс подобен женщине, которая опирается на вашу руку.

Надо жить и созидать. Жить до слез — как пе-

ред этим крытым круглой черепицей домом с синими ставнями, который стоит на поросшем кипарисами склоне.

* * *

Монтерлан: Со мной всегда что-нибудь случается.

* * *

В Марселе, счастье и грусть — я на пределе. Любимый мною живой город. Но в то же время — горечь одиночества.

* * *

8 сентября

Марсель, гостиничный номер. Обои — желтые цветы на сером фоне. География грязных пятен. Загаженные, закопченные углы позади огромного радиатора. Кровать с сеткой, разбитый выключатель… Та свобода, которую чувствуешь при виде чего-то сомнительного и подозрительного.

* * *

М. 8 сентября

Долгий заход ослепительного солнца. Цветущие олеандры в Монако и Генуе. Синие вечера на лигурийском побережье. Моя усталость и подступающие к горлу слезы. Одиночество и жажда любить. Наконец Пиза, живая и строгая, ее зелено-желтые дворцы, ее купола и дивные берега сурового Арно. Сколько благородства в этом отказе распахнуть свою душу. Город стыдливый и чувствительный. На безлюдных ночных улицах он совсем рядом со мной — и, гуляя один, я даю наконец волю слезам. Какая-то незаживающая рана в моей душе начинает зарубцовываться.

* * *

На стенах Пизы: Alberto fa l'amore con la mia sorella [2].

* * *

Четверг 9

Пиза и ее жители, отдыхающие на площади пе-

---

[2] Примечания: 2

Альберто занимается любовью с моей сестрой *(ит.).*

ред Дуомо. Кампо Санто с его прямыми линиями и кипарисами по углам. Становятся понятными распри XV и XVI веков. Каждый город здесь имеет свое лицо и свою сокровенную правду.

Нет другой жизни, кроме той, чье уединение нарушал мерный звук моих шагов по берегу Арно. А также той, что волновала меня в поезде, идущем во Флоренцию. Женщины с такими серьезными лицами вдруг разражались смехом. Особенно хохотала одна, с длинным носом и горделивым ртом. В Пизе я долго предавался лени на поросшей травой Пьяцца дель Дуомо. Я пил из фонтанчиков, и вода была тепловатой, но бежала так быстро. По пути во Флоренцию я подолгу любовался лицами, упивался улыбками. Счастлив я или несчастен? Не важно. Я живу так яростно.

Вещи, живые существа ждут меня, и я, конечно, тоже жду их и тянусь к ним всеми силами моей печальной души. Но здесь я добываю себе средства к существованию, храня молчание и тайну.

Как чудесно, когда не нужно говорить о себе.

* * *

Гоццоли и Ветхий завет (костюмированный).

* * *

Фрески Джотто в церкви Санта Кроче. Потаенная улыбка святого Франциска, любящего природу и жизнь. Он оправдывает тех, кто стремится к счастью. Мягкий нежный свет над Флоренцией. Небо набухает, медля пролиться дождем. «Положение во гроб» Джоттино: Мария скорбит, сжав зубы.

* * *

Флоренция. На углу возле каждой церкви горы цветов с плотными блестящими лепестками, в капельках росы, таких простодушных.

* * *

Mostra Giottesca [3].

Требуется время, чтобы заметить, что ранние флорентийские мастера изображали лица, которые каждый день встречаются на улицах. Потому что мы утратили привычку видеть в лице главное. Мы уже не смотрим на своих современников, мы лишь берем от них то, что помогает нам

---

[3] Примечания: 3
Выставка Джотто *(ит.).*

ориентироваться (во всех смыслах). Раннехристианские мастера не искажают, они «воплощают».

* * *

Над монастырским кладбищем Сантиссима Аннунциата серое небо с нависшими тучами; архитектура строгая, но ничто здесь не напоминает о смерти. Есть надгробные плиты и надписи: этот был нежным отцом и верным мужем, тот был лучшим из супругов и предприимчивым торговцем, молодая женщина, образец всех добродетелей, говорила по-французски и по-английски, si come il nativo [4]. (Все ревностно исполняли свой долг, а сегодня на плитах, призванных увековечить их совершенства, дети играют в чехарду.) Вон там лежит девушка, бывшая единственной надеждой своих родных. Ma la gioia e pellegrina sulla terra [5]. Однако все это меня не убеждает. Почти все, судя по надписям, покорились вышней воле, вероятно, оттого, что ревностно выполняли свой долг в этом, как и во всем прочем. Я не покорюсь. Я буду безмолвно протестовать до конца. Нечего

[4] Примечания: 4
Как на своем родном языке *(ит.).*

[5] Примечания: 5
Но радость — странница на земле *(ит.).*

говорить «надо». Я прав в своем бунте, и я буду шаг за шагом идти к радости, этой вечной странице на земле.

Тучи сгущаются, и ночь постепенно погружает во мрак надгробные плиты, на которых высечена мораль, приписанная мертвым. Если бы я был моралистом и писал книгу, то из сотни страниц девяносто девять оставил бы чистыми. На последней я написал бы: «Я знаю только один долг — любить». Никаких других я *не признаю*. Решительно не признаю. Плиты утверждают, что это бесполезно и что жизнь идет. Col sol levante, col sol cadente? [6] Но бесполезность нимало не ослабляет моего бунта, наоборот, она его разжигает.

* * *

Я сидел на земле, прислонившись к колонне, и думал об этом, а дети смеялись и резвились. Священник улыбнулся мне. Женщины смотрели на меня с любопытством. В церкви глухо играл орган, и его мягкий звук доносился порой сквозь крики детей. Смерть! Если продолжать в том же духе, я мог бы умереть счастливым. Я растранжирил бы всю свою надежду.

---

[6] Примечания: 6
Жизнь то возвышает нас, то губит *(ит.)*.

* * *

Сентябрь

Если вы говорите: «Я не понимаю христианства, мне нужны утешения», значит, вы человек ограниченный и пристрастный.

Но если, живя без утешения, вы говорите: «Я понимаю позицию христианства и восхищаюсь ею», значит, вы легкомысленный дилетант. Что до меня, я начинаю утрачивать чувствительность к общественному мнению.

* * *

Монастырь Сан Марко. Солнце среди цветов.

* * *

Раннее Возрождение в Сиене и Флоренции. Художники постоянно изображали здания маленькими, а людей большими, не потому, что не знали законов перспективы, но потому, что упорно верили в человека и святых, которых изображали. Брать с них пример в работе над театральными декорациями.

* * *

Поздние розы в монастыре Санта Мария Новелла и флорентийские женщины в это воскресное утро. Пышные груди, глаза и губы, от которых у вас начинает сильнее биться сердце, пересыхает во рту и по всему телу разливается жар.

* * *

Фьезоле.

Приходится вести трудную жизнь. Не всегда удается поступать так, как того требует мой взгляд на вещи. (И стоит мне только завидеть абрис моей судьбы, как он уже ускользает от моего взгляда.) Приходится упорно трудиться и бороться за то, чтобы вновь обрести одиночество. Но в один прекрасный день земля озаряется своей первозданной и наивной улыбкой. Тогда борьба и жизнь в нас сразу словно бы затихают. Миллионы глаз созерцали этот пейзаж, а для меня он словно первая улыбка мира. Он выводит меня из себя в глубинном смысле слова. Он убеждает меня, что вне моей любви все бесполезно и даже любовь моя, если она утратила невинность и беспредметность, бессильна. Он отказывает мне

в индивидуальности и не откликается на мои страдания. Мир прекрасен, и в этом все дело. Он терпеливо разъясняет нам великую истину, состоявшую в том, что ум и даже сердце — ничто. А камень, согретый солнцем, или кипарис, который кажется еще выше на фоне ясного неба, очерчивают единственный мир, где понятие «быть правым» обретает смысл, — природу без человека. Этот мир меня уничтожает. Он стирает меня с лица земли. Он отрицает меня без гнева. А я, смирившийся и побежденный, устремляюсь на поиски мудрости, которой все уже подвластно, — только бы слезы не застилали мне взор и только бы громкое рыдание поэзии, распирающее мне грудь, не заставило меня забыть о правде мира.

* * *

13 сентября

Запах лавра, который растет во Фьезоле на каждом шагу.

* * *

15 сентября

В монастыре Сан Франческо во Фьезоле есть маленький дворик, окруженный аркадами,

полный красных цветов, солнца и черно-желтых пчел. В углу стоит зеленая лейка. Повсюду жужжат мухи. Маленький садик тихо курится под палящим солнцем. Я сижу на земле, думаю о францисканцах, чьи кельи только что видел, чьи вдохновенные порывы мне теперь понятны, и отчетливо сознаю, что если они правы, то и я прав. Я знаю, что за стеной, к которой прислоняюсь, есть холм, а у подножия его раскинулась, как дар Божий, вся Флоренция с ее кипарисами. Но великолепие мира словно бы оправдывает этих людей. Я призываю на помощь всю мою гордость, чтобы уверовать, что оно оправдывает и меня, и всех подобных мне — тех, кто знает, что крайняя бедность всегда смыкается с роскошью и богатством мира. Если мы сбрасываем покровы, то лишь для более достойной (а не для иной) жизни. Это единственный смысл, который я вкладываю в слово «голь» (dénuement). «Быть голым» всегда означает физическую свободу, близость руки к цветам, любовное согласие земли и человека, освободившегося от человеческих свойств, — ах, я несомненно уверовал бы во все это теперь, если бы это уже не произошло прежде.

Нынче я чувствую себя свободным по отношению к своему прошлому и к тому, что я утратил. Я

жажду лишь этой сосредоточенности да замкнутого пространства — этого ясного и терпеливого горения. Я хочу одного: держать свою жизнь в руках, как тесто, которое изо всех сил мнут и месят, прежде чем посадить хлебы в печь, — и уподобиться людям, сумевшим провести всю жизнь между цветами и колоннами. То же и эти долгие ночи в поезде, когда можно разговаривать с самим собой, наедине с собой строить планы и с восхитительным терпением возвращаться к уже обдуманному, останавливать свои мысли на бегу, затем снова гнать их вперед. Сосать свою жизнь, как леденец, лепить, оттачивать, наконец, любить ее — так подыскивают окончательное слово, образ, фразу, заключительные, западающие в память, те, что мы уносим с собой и что будут отныне определять наш угол зрения. Можно на том и остановиться и положить конец целому году мятежной и изнурительной жизни. Я силюсь довести свое присутствие в себе самом до конца, сохранить его во всей моей многоликой жизни — даже ценой одиночества, нестерпимость которого я теперь узнал. Главное — не поддаваться. Не соглашаться, не предавать. Все мое исступление помогает мне в этом, и в точке, куда оно несет меня, я обретаю мою любовь, а вместе с нею

— неистовую страсть жить, которая составляет смысл моего существования.

Всякий раз, когда человек («Я») уступает своему тщеславию, всякий раз, когда человек думает и живет, чтобы «казаться», он совершает предательство. Желание «казаться» — это большое несчастье, которое всегда принижало меня перед лицом истины. Нет необходимости открывать душу всем, откроем ее лишь тем, кого мы любим. Ибо в этом случае мы желаем не казаться, а лишь дарить. Сильный человек — тот, кто умеет казаться только тогда, когда надо. Идти до конца — значит уметь хранить свою тайну. Я страдал от одиночества, но, чтобы сохранить свою тайну, я преодолел страдание, причиняемое одиночеством. И сегодня я убежден, что самая большая заслуга человека в том, чтобы жить в одиночестве и безвестности. Писать — вот что приносит мне глубокую радость! Жить в согласии с миром и наслаждаться — но только быть при этом голым и босым. Я не был бы достоин любить наготу пляжей, если бы не умел оставаться нагим наедине с собой. Впервые слово «счастье» не кажется мне двусмысленным. Пожалуй, я понимаю под ним не совсем то, что обычно имеют в виду люди, говорящие: «Я счастлив».

Некоторое постоянство в отчаянии рано или поздно рождает радость. И у каждого из тех, кто в монастыре Сан Франческо окружили себя красными цветами, стоит в келье череп, дающий пищу для размышлений. За окном Флоренция, а на столе смерть. Что до меня, то если я чувствую, что в жизни моей происходит перелом, то не благодаря тому, что я приобрел, а благодаря тому, что утратил. Я чувствую в себе необъятные, глубокие силы. Именно они позволяют мне жить так, как я считаю нужным. Если сегодня я так далек от всего, то вот почему: у меня есть силы только на любовь и восхищение. Мне кажется, я готов приложить все силы любви и отчаяния, чтобы лелеять жизнь с ее залитым слезами или сияющим лицом, жизнь без соли и раскаленного камня, жизнь, как я ее люблю и понимаю. Сегодня не похоже на перевалочный пункт между «да» и «нет». Оно — и «да», и «нет». «Нет» — и бунт против всего, что не есть слезы и солнце. «Да» — моей жизни, которая впервые сулит мне что-то хорошее впереди. Кончаются бурный, мятежный год и Италия; грядущее неопределенно, но я совершенно свободен по отношению к прошлому и к себе самому. Вот моя бедность и мое единственное богатство. Я как бы начинаю все сначала — не

более и не менее. Но с сознанием собственных сил, с презрением к собственному тщеславию, с ясным, хоть и возбужденным умом, который торопит меня навстречу судьбе.

15 сентября 1937 г.

Тетрадь № II. Сентябрь 1937 года – апрель 1939 года

22 сентября

«Счастливая смерть»

— Видите ли, Клер, это довольно трудно объяснить. Важно одно: знать, чего ты стоишь. Но для этого надо выбросить из головы Сократа. Чтобы узнать себя, надо действовать, хотя это вовсе не значит, что человек сможет понять себя до конца. Культ «я»! Не смешите меня. Какое «я» и какая личность? Когда я смотрю на свою жизнь и ее сокровенный лик, существо мое сотрясается от рыданий. Я — и эти губы, которые я целовал, и эти ночи в «доме перед лицом Мира», я — этот бедный ребенок и эта безумная жажда жизни и власти, которая охватывает меня в иные моменты. Многие из тех, кто меня знает, порой не узнают меня. А я чувствую себя во всем похожим на этот бесчеловечный мир, сколком которого является моя собственная жизнь.

— Да, — говорит Клер, — вы играете в двух планах одновременно.

— Вероятно. Но когда мне было двадцать лет, я,

как все, читал о том, что жизнь может обернуться комедией и т. д. Но я не об этом. Несколько жизней, несколько планов — да, конечно. Но когда актер на сцене, он принимает условия игры. Нет, Клер, мы прекрасно знаем, что это всерьез, — что-то подсказывает нам это.

— Почему? — спрашивает Клер.

— Потому что, если бы актер играл, не зная, что он играет пьесу, его слезы были бы настоящими слезами, а жизнь — настоящей жизнью. И всякий раз, когда я думаю о том, какой путь проходят во мне боль и радость, я понимаю, и еще как понимаю, что моя роль самая серьезная и волнующая.

А я хочу быть этим превосходным актером. Я отказываюсь от своей индивидуальности и не желаю ее развивать. Я хочу быть тем, что делает из меня моя жизнь, а не превращать эту жизнь в эксперимент. Я сам — эксперимент, а жизнь лепит и ведет меня. Я знаю, до какой идеальной безликости я дошел бы, как силен был бы мой порыв к деятельному небытию, если бы у меня достало силы и терпения. Что меня всегда останавливало, так это мое тщеславие. Сегодня я понимаю, что действовать, любить, страдать — это и значит жить настоящей жизнью, но жить в той мере, в какой это означает абсолютную чи-

стоту и приятие своей судьбы как единственного отражения радуги радостей и страстей.

Путь и т. д. …

Но для этого нужно время: оно у меня теперь есть.

Клер долго молчала, затем взглянула Патрису в лицо и медленно произнесла:

— Много горестей ждет тех, кто вас любит.

В глазах Патриса промелькнуло отчаяние, он встал и отрезал:

— Я ничем не обязан тем, кто любит меня.

— Вы правы, — сказала Клер. — И тем не менее это факт. (Однажды вы останетесь один.)

* * *

23 сентября. К<ьеркегор> в ФП (Философских пустяках).

«Язык, подчеркивающий в слове «страсть» его родство со страданием, прав, хотя в повседневном употреблении, говоря «страсть», мы подразумеваем скорее судорожный порыв, удивляющий нас, и забываем, что речь идет о душевном страдании (гордыня — вызов)».

Там же. Превосходный актер (в жизни) есть тот, кто «претерпевает действие» — и сознает это — пассивная страсть.

* * *

«Он проснулся в поту, ничего не соображая, вскочил и побродил по квартире. Потом зажег сигарету и стал тупо разглядывать складки на своих помятых брюках. Во рту скопилась горечь сна и сигареты. Вокруг него хлюпал мягкий и влажный, словно болотная тина, день».

* * *

Рамакришна по поводу торгашей:
«Истинный мудрец не брезгает ничем».
Не путать слабоумие и святость.

* * *

23 сентября
Уединение, роскошь богачей.

* * *

26 сентября
1) Поместить перед романом отрывки из дневника (конец).
2) Сохранять трезвость ума даже в исступлении.

Подробное описание: Исчезновение
друзей.
Трамваи (в конце
рабочего дня?).
Идеи — лейтмотив.

Он все больше и больше погружался в молчание, замыкался в себе…

…Дошел до точки, где ясность ума может помрачиться. Гигантское усилие: возвращается к жизни — капли пота — думает о раздвинутых ногах женщины — идет к балкону и извергает семя в мир плоти и огней. «Это полезно для здоровья».

Затем принимает душ и делает упражнения с эспандером.

* * *

(«Теолого-политический трактат».)

* * *

У Жоржа Сореля. Это следовало бы посвятить «левым гуманистам», которые выдают нам Гельвеция, Дидро и Гольбаха за вершину французской литературы.

Идея прогресса, которая отравляет рабочие движения, — идея буржуазная, ведущая свое

начало от XVIII века. «Мы должны всеми силами стараться помешать буржуазным идеям отравлять сознание становящегося класса: поэтому надо любой ценой разорвать всякую связь между народом и литературой XVIII века» («Иллюзия прогресса», с. 285 и 286).

* * *

30 сентября

Рано или поздно мне всегда удается изучить человека досконально. Надо только не жалеть времени. Всегда наступает момент, когда я чувствую разлад. Любопытно, что это происходит в ту минуту, когда мое внимание что-то отвлекает и мне становится «неинтересно».

* * *

Диалог.

— А чем вы занимаетесь в жизни?

— Я считаю, месье.

— Что?

— Я считаю. Я говорю: один, море, два, небо (ах, какая красота!), три, женщины, четыре, цветы (ах, какая прелесть!).

— Получается довольно глупо.

— Боже мой, ваше мнение совпадает с мнением вашей утренней газеты. А мое мнение совпадает с мнением мира. Вы думаете, как «Эко де Пари», а я думаю, как мир. Когда он залит светом, когда припекает солнце, меня охватывает желание любить и обнимать, сливаться с телами и светом, принимать плотские и солнечные ванны. Когда мир хмур, я полон меланхолии и нежности. Я чувствую, что становлюсь лучше, что могу влюбиться всей душой и даже жениться. Впрочем, ни то ни другое не имеет значения.

После его ухода:

1) — Это дурак.

2) — Человек с претензиями.

3) — Циник.

— Нет, — говорит учительница, — он балованный ребенок; это же сразу видно. Маменькин сынок, который не знает жизни.

(Поскольку все больше и больше утверждается мнение, что считать жизнь легкой и прекрасной может лишь тот, кто ее не знает.)

* * *

30 сентября

Люди хотят поскорее прославиться и потому не желают переписывать.

Достойно презрения. Начать сначала.

* * *

2 октября

«Он шел не останавливаясь по грязным улицам; моросил дождь. В нескольких шагах уже ничего не было видно. Но он продолжал идти в полном одиночестве по этому городку, такому далекому от всего. От всего и от него самого. Нет, это было невыносимо. Плакать перед собакой, на виду у всех. Он имел право на счастье. Он не заслужил этого».

* * *

4 октября

«До последних дней я жил с убеждением, что надо что-то делать в жизни, в частности — что бедняку надо зарабатывать на жизнь, приобрести положение, устроиться. Должно быть, мысль эта, которую я пока еще не решаюсь назвать предрассудком, крепко укоренилась во мне, она не оставляла меня, сколько бы я ни иронизировал и ни принимал окончательные решения. Так вот, как только я получил назначение в Бель-Аббес, все вдруг нахлынуло снова — так значителен

был этот шаг. Я отказался от назначения — вероятно, благополучие не имело для меня цены в сравнении с надеждами на подлинную жизнь. Я отступил перед унылым оцепенением такого существования. Если бы я переждал несколько дней, я бы, конечно, согласился. Но тут-то и крылась опасность. Я испугался одиночества и определенности. Я по сей день не знаю, сила или слабость двигала мной, когда я отверг эту жизнь, закрыл себе путь к тому, что называют «будущим», обрек себя на безвестность и бедность. Но я по крайней мере знаю, что если я веду борьбу, то за дело, которое того стоит. Хотя, если как следует посмотреть… Нет! Вероятно, я бежал не просто от определенности, но от определенности уродливой.

А вообще-то способен ли я быть, как говорят люди, «серьезным»? Может, я лентяй? Не думаю, и я это себе доказал. Но имеет ли человек право отказываться от работы под тем предлогом, что она ему не нравится? Я полагаю, что праздность разлагает только тех, кому не хватает темперамента. И если бы мне его не хватало, у меня оставался бы только один выход».

* * *

10 октября

Иметь значение или не иметь. Созидать или не созидать.

В первом случае все оправданно. Все, без исключения. Во втором случае — полный Абсурд. Остается выбрать наиболее эстетичное самоубийство: женитьба + покаянные молитвы или револьвер.

* * *

По дороге к кварталу Мадлен — снова эта жажда все отринуть перед лицом природы — такой прекрасной.

* * *

15 октября

Жироду (в кои-то веки): «Невинность существа есть полная приспособленность к миру, в котором он живет».

Напр.: невинность волка.

Невинен тот, кто ничего не стремится доказать.

* * *

17 октября

На дорогах, поднимающихся от города Блида, ночь разливает молоко и покой, даруя благость и сосредоточенность. Утро на горе с ее коротко остриженной шевелюрой, взъерошенной безвременниками, — сверкающие источники — тень и солнце — мое тело, сначала всеприемлющее, затем отвергающее. Сосредоточенное усилие при ходьбе, воздух режет легкие, как раскаленный железный прут или острая бритва, — упорные попытки превзойти себя и одолеть склон — или познать себя, познав свое тело. Тело, истинный путь культуры, показывает нам предел наших возможностей.

* * *

Деревушки жмутся к возвышенностям и живут каждая своей жизнью. Мужчины в длинных белых одеждах — их простые и точные движения вырисовываются на фоне вечно голубого неба. Дорожки обсажены фиговыми деревьями, оливами, цератониями и ююбами. По пути нам встречаются ослы, груженные маслинами. У погонщиков

лица смуглые, а глаза светлые. И между человеком и деревом, между жестом и горой рождается своего рода согласие, трогательное и радостное разом. Греция? Нет, Кабилия. Кажется, будто вся Эллада перенеслась сюда через века и возродилась в своем античном великолепии между морем и горами, и лишь лень да почтение к судьбе выдают в этом краю соседство с Востоком.

* * *

18 октября

В сентябре над всем Алжиром плывет запах любви, источаемый цератониями, — кажется, будто вся земля отдыхает после совокупления с солнцем и лоно ее увлажнено семенем, благоухающим миндалем.

На этой дороге, ведущей в Сиди-Брахим, после дождя от цератоний исходит запах любви, тяжелый и гнетущий, давящий всем своим водяным грузом. Потом, когда солнце откачивает воду, краски снова расцветают и запах любви становится легким, едва уловимым ноздрями. Кажется, будто, проведя целый день в духоте, вы выходите на улицу вместе с любовницей и она смотрит на вас, прижимаясь к вам плечом, среди огней и толпы.

* * *

Хаксли: «В конечном счете достойнее быть хорошим буржуа, не лучше и не хуже других, чем плохим художником, или псевдоаристократом, или второсортным интеллектуалом…»

* * *

20 октября

Потребность в счастье и его терпеливый поиск. Нет нужды изгонять меланхолию, но есть необходимость изжить в себе пристрастие к трудному и роковому. Радоваться общению с друзьями, пребывать в согласии с миром и добиваться счастья, следуя путем, который, впрочем, ведет к смерти.

«Вы будете в страхе ожидать смерти».

«Да, но я неукоснительно выполню свою миссию, а моя миссия — жить». Не соглашаться с условностями, не соглашаться на сидение в конторе. Никогда не сдаваться — всегда требовать большего. И сохранять ясный ум, даже просиживая долгие часы в конторе. Стремиться к наготе, к которой мир возвращает нас, как только мы оказываемся с ним наедине. Но прежде всего не стараться казаться, а только — быть.

* * *

21 октября

Тому, кто путешествует очень скромно, нужно гораздо больше энергии, чем тому, кто строит из себя торопливого путешественника. Плыть на палубе, прибывать к месту назначения усталым и опустошенным, долго ехать третьим классом, зачастую есть всего один раз в день, считать каждый грош и каждую минуту бояться, что какой-нибудь несчастный случай вдруг задержит вас в пути, и без того тяжелом, — все это требует мужества и воли, поэтому невозможно принимать всерьез проповеди о «перемене мест». Путешествовать — занятие не из веселых и не из легких. И надо не бояться трудностей и любить неизвестность, чтобы осуществить свою мечту о путешествии, когда ты беден и не имеешь денег. Но если посмотреть как следует, безденежье предостерегает от дилетантства. Конечно, я не стану утверждать, что Жид и Монтерлан много потеряли оттого, что не ездили по железной дороге со скидкой и не застревали в каждом городе на неделю в ожидании билета. Но я хорошо знаю, что в глубинном смысле не могу смотреть на вещи, как Монтерлан или Жид, — ибо езжу по

железной дороге со скидкой.

* * *

25 октября

Что невыносимо и постыдно, так это суесловие.

* * *

5 ноября

Кладбище в Эль-Кеттар. Хмурое небо и бурное море у подножия холмов, усеянных белыми могилами. Мокрые деревья и земля. Голуби меж белых плит. Одинокий розово-красный куст герани и безмерная, безнадежная и немая печаль, которая роднит нас с прекрасным чистым ликом смерти.

* * *

6 ноября

Дорога к кварталу Мадлен. Деревья, кусочек земли и небо. Ах! Как далеко до этой первой звезды, которая ожидала нас на обратном пути, но какое тайное согласие царит между нею и моими движениями.

* * *

7 ноября

Персонаж, А.М. калека — ампутированы обе ноги — одна сторона парализована.

«Мне помогают справлять мои естественные потребности. Меня умывают. Меня вытирают. Я почти ничего не слышу. Но при этом я никогда не сделаю ни единого движения, чтобы сократить жизнь, в которую я так верю. Я согласился бы и на худшее. Быть слепым и лишенным всякой чувствительности, быть немым и не иметь контактов с внешним миром — только ради того, чтобы чувствовать в себе этот мрачный сжигающий меня огонь, ибо он и есть я, я живой — благодарный жизни за то, что она позволила мне гореть».

* * *

8 ноября

В ближайшем кинотеатре продают мятные конфеты с надписями: «Вы на мне женитесь?», «Вы меня любите?». И там же ответы: «Сегодня вечером», «Очень» и т. д. Их передают соседке, и она отвечает тем же манером. Совместная жизнь

начинается с обмена конфетами.

* * *

13 ноября

Квиклински: «Я всегда действовал под влиянием минуты. Теперь потихоньку переучиваюсь. Действовать так, чтобы быть счастливым? Если мне суждено где-то обосноваться, почему бы не сделать это в той стране, которая мне по душе? Но, предвосхищая свои чувства, мы всегда ошибаемся — всегда. Так что надо жить так, как легче. Не принуждать себя, даже если это кого-то шокирует. Это немного цинично, но так же рассуждает и самая красивая девушка в мире».

Все так, но я не уверен, что, предвосхищая свои чувства, мы обязательно ошибаемся. Мы просто поступаем неразумно. Во всяком случае, единственный эксперимент, который меня интересует, это тот, где абсолютно все ожидания оправдались бы. *Сделать что-либо, чтобы быть счастливым и действительно стать таковым.* Меня привлекает связь между миром и мной, двойное отражение, позволяющее моему сердцу вмешаться и даровать мне счастье, которое, однако, за определенной чертой полностью зависит от мира, властного либо довершить это счастье,

либо его разрушить. Aedificabo et destruam [7], сказал Монтерлан. Мне ближе другое: Aedificabo et destruat [8]. Цикл не исчерпывается мной одним. В цикле существует взаимосвязь между мной и миром. Все дело в том, чтобы знать свое место.

* * *

16 ноября

Он говорит: «В жизни должна быть любовь — одна великая любовь за всю жизнь, это оправдывает беспричинные приступы отчаяния, которым мы подвержены».

* * *

17 ноября

«Воля к счастью».

3-я часть. Достижение счастья.

Несколько лет. Смена времен года, и ничего больше.

1-я часть (конец). Калека говорит Мерсо: «Деньги. Пытаться убедить себя, что можно быть счастливым, не имея денег, — своего рода духов-

---

[7] Примечания: 7
Я построю и разрушу *(лат.).*

[8] Примечания: 8
Я построю, и он разрушит *(лат.).*

ный снобизм».

По пути домой М. рассматривает события своей жизни в новом свете. Ответ: «Да».

Для человека «благороднорожденного» быть счастливым — значит разделять судьбу всего человечества не из стремления к самоотречению, но из стремления к счастью. Чтобы быть счастливым, нужно время, много времени. Ведь счастье — это тоже терпение. А нужда в деньгах крадет у нас время. Время покупается. Все покупается. Быть богатым — значит иметь время быть счастливым, если вы того достойны.

* * *

22 ноября

Совершенно естественно пожертвовать небольшой частью своей жизни, чтобы не потерять ее целиком. Шесть или восемь часов в день, чтобы не подохнуть с голоду. Да и вообще, все идет на пользу тому, кто этой пользы ищет.

* * *

Декабрь

Густой, как масло, дождь на стеклах, глухой стук лошадиных копыт и глухой шум затяж-

ного ливня — все принимало облик прошлого, и мрачная печаль проникала в сердце Мерсо, как вода проникала в его башмаки, а холод — в колени, плохо защищенные тонкой тканью. Из самых недр неба одна за другой набегали черные тучи, быстро уплывая и уступая место новым. Эта невесомая вода, которая лилась вниз, не похожая ни на туман, ни на дождь, легким прикосновением освежала лицо М. и промывала его глаза, обведенные большими кругами. Складка на его брюках исчезла, а с нею теплота и доверие, с которым нормальный человек смотрит на мир, созданный для него.

(В Зальцбурге.)

* * *

Иронизирует над Мартой — расстается с ней.

* * *

Человек, который подавал большие надежды, а теперь работает в конторе. Больше он ничего не делает, вернувшись домой, ложится и покуривает в ожидании ужина, затем снова ложится и спит до следующего дня. По воскресеньям он встает очень поздно и садится у окна, глядя на дождь

или на солнце, на прохожих или на тишину. И так весь год. Он ждет. Ждет смерти. Что толку в надеждах, если все равно…

* * *

Политика страны и судьбы людей находятся в руках личностей, лишенных идеала и благородства. Те, в ком есть благородство, политикой не занимаются. И так во всем. Но теперь необходимо воспитать в себе нового человека. Необходимо, чтобы люди действия имели идеалы, а поэты были промышленниками. Необходимо воплощать мечты в жизнь — приводить их в действие. Прежде от них отрекались или в них погружались. Не надо ни погружаться, ни отрекаться.

* * *

У нас не хватает времени быть самими собой. У нас хватает времени только на то, чтобы быть счастливыми.

* * *

Освальд Шпенглер («Закат Европы»):
I. Форма и реальность:

«Понимать мир значит для меня быть его достойным».

«Тот, кто дает определения, не ведает судьбы».

«Помимо причинной необходимости — которую я буду называть логикой пространства — в жизни существует также органическая необходимость судьбы — логика времени…»

Отсутствие исторического чувства у греков. «История от древности до персидских войн есть продукт мысли, по сути своей мифической».

Изначально египетская колонна была каменной, дорическая колонна — деревянной. Таким образом аттическая душа выражала свою глубинную неприязнь к долговечности. «Египетская культура — воплощение заботы о будущем». Греки, счастливый народ, не имеют истории.

Миф и его антипсихологическое значение. Духовная история Запада, напротив, начинается с самоанализа внутренней жизни — это западная Vita nuova [9]. (Ср. наоборот: фрагменты мифов о Геракле; таковые же от Гомера до трагедий Сенеки. Тысячелетие. То есть древнее — нынешнее.)

Напр.: «Немцы изобрели механические часы, грозный символ быстротекущего времени, и бой

---

[9] Примечания: 9
Новая жизнь *(лат.)*.

их, денно и нощно раздававшийся с бесчисленных башен Западной Европы, является, быть может, самым грандиозным выражением исторического чувства во всем мироздании».

«Мы, люди западноевропейской культуры, наделенные историческим чувством, являем собой не правило, а исключение».

Бессмысленность схемы: Античность — Средние века — Новое время.

«Что означает тип сверхчеловека для мусульманского мира?»

«Удел культуры — цивилизация. На смену эллину приходит римлянин. Греческая *душа* и римский *ум*. Переход от культуры к цивилизации совершился в древности в IV веке, на Западе в XIX веке.

Наша литература и наша музыка — цивилизация для горожан.

А единственным предметом всякой философии становится у нас История философии.

Главный вопрос:

противопоставление истории и природы

Математика История.

и картины (обдумать дополнительно).

* * *

Декабрь

Его волновала ее манера цепляться за его одежду, идти рядом, сжимая его руку, ее непринужденность и доверчивость — все это трогало его и возбуждало. А еще ее молчание, благодаря которому она вкладывала всю себя в каждое свое движение, и в этом, а равно и в серьезности, которой были исполнены ее поцелуи, чудилось что-то кошачье.

Ночью он почувствовал под пальцами выдающиеся скулы, холодные, как лед, и мягкие, дышащие теплом губы. И глубины его существа потряс вопль, отрешенный и страстный. Перед лицом ночи, усеянной звездами, и города, полного рукотворных огней и похожего на опрокинутое небо, под горячим и глубоким дыханием порта, которому он подставлял лицо, им овладело влечение к этому теплому источнику, неистовое желание прильнуть к этим живым губам, чтобы постичь весь смысл мира, жестокого и сонного, как немота, сковавшая ее уста. Он наклонился, и ему почудилось, будто он приник губами к птице. Марта застонала. Он впился в ее губы и несколько минут не отрываясь вдыхал эту теп-

лоту, пьянившую его так, словно он сжимал в объятиях весь мир. А она при этом цеплялась за него, как утопающая, и, вынырнув на мгновение из своей бездонной пропасти и оттолкнув его губы, затем ловила их вновь и вновь, погружалась в черные ледяные воды, которые обжигали ее, как сонм богов.

* * *

Декабрь

Тому, кто создан для игры, всегда хорошо в женском обществе. Женщины — благодарная публика.

* * *

Вещи утомительные всегда утомляют поначалу. Дальше смерть. «Такая жизнь не для меня», но, живя этой жизнью, мы в конце концов смиряемся с нею.

* * *

Роман. I ч. Карточная партия («марьяж»). Разговоры.

«Мы, зуавы...»

«С моим мужем…»

Черномазый: «Ты мне противен. Ты мне противен. Счас узнаешь, почему. Потому что ты зануда. А я не люблю зануд. *Ты не умеешь жить*».

(Парк Сен-Рафаэль.)

Роман. Заглавия: Чистое сердце.

Счастливцы на земле.

Золотой луч.

* * *

— Много ли вы знаете «любящих» мужчин, которые отказались бы от красивой и доступной женщины? А если кто и откажется, значит, ему недостает темперамента.

— Вы называете темпераментом отсутствие всякого серьезного чувства?

— Именно. (Во всяком случае, в том смысле, какой вы вкладываете в слово «серьезный».)

* * *

Роман. I ч.

Жилище Загрея в пригороде. Убийство. В комнате жарко натоплено. У Мерсо горят уши, он задыхается. Выйдя на улицу, он простужается (отсюда болезнь, которая его подкосит).

Гл. IV: разговор с З. начинается с «общих соображений».

— Да, — говорит З., — но вы не можете этим заниматься, работая.

— Нет, потому что все во мне восстает, и это плохо.

… — В сущности, — говорит М., — я человек взбалмошный и потому опасный.

* * *

Роман. IV ч. Пассивная женщина.

«Неправда, — говорит М., — что надо выбирать, что надо делать то, что хочешь, что существуют условия счастья. Счастье либо есть, либо нет. Важна воля к счастью. Своего рода глубокое убеждение, никогда не покидающее нас. Все остальное: женщины, искусство, успехи в обществе — не более чем повод. Канва, по которой нам предстоит вышивать».

* * *

Роман. III ч.

Через некоторое время Мерсо объявил о своем отъезде. Он собирался сначала попутешествовать, а затем обосноваться в окрестностях Ал-

жира. Через месяц он вернулся, убедившись, что путешествия для него заказаны. Путешествие казалось ему тем, чем оно, в сущности, и является: неспокойным счастьем. М. стремился к другому, он искал осознанного блаженства. Вдобавок он чувствовал себя больным и знал, чего он хочет. Он готовился вторично покинуть Дом у моря.

* * *

Февраль 1938 г.

Здесь люди чувствуют судьбу. Это их и отличает.

Страдание оттого, что не все общее, и несчастье оттого, что все общее.

* * *

Февраль 1938 г.

Весь революционный дух заключается в протесте человека против условий человеческого существования. В этом смысле он является в той или иной форме единственной вечной темой искусства и религии. Революция всегда направлена против Богов — начиная с революции Прометея. Это протест человека против судьбы, а буржуазные паяцы и тираны — не более чем предлог.

И вероятно, можно уловить революционный дух в его историческом проявлении. Но тогда требуется вся эмоциональность Мальро, чтобы избежать соблазна приводить доказательства. Проще отыскать этот дух в его сути и судьбе. Поэтому произведение искусства, которое изображало бы завоевание счастья, было бы произведением революционным.

* * *

Открыть чрезмерность в умеренности.

* * *

Апрель 1938 г.

Сколько гнусности и ничтожества в существовании работающего человека и в цивилизации, базирующейся на людях работающих.

Но тут все дело в том, чтобы устоять и не сдаваться. Естественная реакция — в нерабочее время всегда разбрасываться, искать легкого успеха, публику, предлог для малодушия и паясничанья (по большей части люди для того и живут вместе). Другая неизбежная реакция заключается в том, чтобы разглагольствовать. Впрочем, одно не исключает другого, особенно

если учесть плотскую распущенность, отсутствие физической культуры и слабоволие.

Все дело в том, чтобы молчать — упразднить публику и научиться судить себя. Сочетать в равной мере заботу о своем теле с заботой об осознанном существовании. Отбросить всякие претензии и отдаться двойной работе по освобождению от власти денег и от собственного тщеславия и малодушия. Жить упорядоченно. Не жалко потратить два года на размышления над одним-единственным вопросом. Надо покончить со всеми прежними занятиями и постараться ничего не забыть, а потом приняться терпеливо запоминать.

Поступив так, вы имеете один шанс из десяти избежать самого гнусного и ничтожного из существований — существования человека работающего.

* * *

Апрель

Отправить два эссе. «Калигула». Ни малейшей значительности. Недостаточно зрело. Издать в Алжире.

Продолжить занятия: философия и культура. Ради этого все бросить: диссертация.

Или биология + экзамен на право преподавания в институте, или Индокитай.

Каждый день делать записи в этой тетради: через два года написать *книгу*.

* * *

Апрель 1938 г.

Мелвилл ищет приключений и кончает жизнь конторским служащим. Он умирает в бедности и безвестности. Если человек живет одиноко и обособленно (это не одно и то же), даже завистники и клеветники в конце концов унимаются и оставляют его в покое. Но надо ежесекундно пресекать зависть и клевету в себе.

* * *

Май

Ницше. Осуждение Реформации, освобождающей христианство от принципов жизни и любви, которые прививал ему Цезарь Борджиа. Борджиа, ставший папой, оправдал наконец христианство.

* * *

В любой идее меня привлекает прежде всего ее острота и оригинальность — новизна и внешний блеск. Надо честно признаться.

* * *

С. строит из себя обольстителя, он раздает направо и налево обещания, которые никогда не держит. Он испытывает потребность покорять, завоевывать любовь и дружбу, сам не будучи способен ни на то ни на другое. Прекрасный персонаж для романа и безотрадный пример друга.

* * *

Сцена: муж, жена и зрители.

Муж не лишен достоинств и любит блеснуть в обществе. Жена молчит, но короткими сухими репликами разрушает все потуги обожаемого супруга. Таким образом она постоянно выказывает свое превосходство. Он сдерживает себя, но страдает от унижения — так рождается ненависть.

Напр.: С улыбкой: «Не выставляйте себя большим глупцом, чем вы есть, друг мой».

Зрители мнутся и смущенно улыбаются. Муж краснеет, подходит к жене, с улыбкой целует ей руку: «Вы правы, дорогая».

Приличия соблюдены, а ненависть растет.

* * *

Я до сих пор не могу забыть приступ отчаяния, который охватил меня, когда мать объявила мне, что «я уже вырос и буду теперь получать к Новому году полезные подарки». Меня до сих пор коробит, когда мне дарят подарки такого рода. Конечно, я прекрасно знал, что ее устами говорит любовь, но почему любовь избирает порой столь жалкий язык?

* * *

Об одной и той же вещи утром мы думаем одно, вечером — другое. Но где истина — в ночных думах или в дневных размышлениях? Два ответа, два типа людей.

* * *

Май

В богадельне умирает старая женщина. Подруга

ее, с которой она познакомилась три года назад, плачет, «потому что у нее никого не осталось». Сторож маленького морга — парижанин, живет здесь вместе с женой. «Кто бы мог подумать, что в семьдесят четыре года придется доживать свой век в богадельне в Маренго!» Сын его — человек с положением. Старики приехали из Парижа. Невестка их невзлюбила. Скандалы. Старик не выдержал и «поднял на нее руку». Вот сын и отправил их в богадельню. Могильщик дружил с покойной. По вечерам они иногда ходили в деревню. Маленький старичок обязательно хотел проводить гроб в церковь и на кладбище (два километра). Он калека, ему трудно поспеть за катафалком, и он идет метрах в двадцати позади всех. Но он знает местность и идет самым коротким путем, поэтому два или три раза он нагоняет процессию и идет вместе со всеми, покуда снова не отстанет.

У сиделки-мавританки, которая заколачивает гроб, язва на носу, поэтому она никогда не снимает повязки.

Друзья покойной: маленькие старички-мифотворцы. Как славно жилось в доброе старое время! Старичок — старушке: «Ваша дочь вам не писала?» — «Нет». — «Могла бы вспомнить, что у

нее есть мать».

Смерть одного обитателя богадельни — сигнал и предупреждение для всех остальных.

* * *

Июнь

Для «Счастливой смерти»: несколько прощальных писем. Старая песня: хочу порвать, потому что слишком сильно тебя люблю.

И последнее письмо: шедевр трезвости. Но и тут не обошлось без притворства.

* * *

Конец. Мерсо пьет.

«Ну! — говорит Селест, вытирая стойку. — Ты стареешь, Мерсо».

Мерсо вздрогнул и поставил стакан. Он поглядел на себя в зеркало позади стойки. Так и есть.

* * *

Лето в Алжире.

По чью душу эта стая черных птиц в зеленом небе? Постепенно наступает слепое и глухое лето и проясняет, что стоит за призывами стрижей и

криками разносчиков газет.

* * *

Июнь

На лето:

1) Закончить Флоренцию и Алжир.
2) Калигула.
3) Летний экспромт.
4) Эссе о театре.
5) Эссе о покаянных молитвах.
6) Переписать Роман.
7) Абсурд.

* * *

Для летнего экспромта:

— Зритель!

— Ну!

— Зритель!

— Ну!

— Ты редкость, зритель.

— Как редкость? (Оборачивается.)

— Конечно, редкость! Таких, как ты, немного. Такие, как ты, наперечет.

— Уж какой есть.

— Конечно. Ты нам подходишь.

* * *

Роман.

— Что греха таить, есть у меня серьезные недостатки, — говорит Бернар. — Например, я лжец.

— ?

— О! Я это прекрасно знаю. Одни недостатки люди тщательно скрывают. Другие с легкостью за собой признают. Разумеется, с притворным смирением! «Да, я вспыльчив, да, я люблю поесть». В каком-то смысле это им льстит. Но лживость, тщеславие, зависть — в этом не признаются. Этим грешит кто угодно, только не мы. К тому же признание в своей вспыльчивости помогает избежать разговора обо всем прочем. Вы ведь не станете искать в человеке, который сам повинился в своих грехах, еще каких-то недостатков?

У меня нет заслуг. Я принимаю себя таким как есть. Поэтому все так просто.

* * *

Калигула: «Вы никак не поймете, что я человек простой».

* * *

Эссе о покаянных молитвах.

У нас в семье: работа по десять часов в день. Сон. Воскресенье — понедельник. — Безработица: человек плачет. Вся беда человека в том, что ему приходится плакать и молить о том, что его унижает (помощь).

* * *

Нынче много говорят о достоинствах труда, о его необходимости. Г-н Жинью, в частности, имеет весьма определенное мнение на этот счет.

Но это обман. Достойным может быть только добровольный труд. Одна праздность имеет нравственную ценность, ибо она позволяет судить о людях. Она пагубна лишь для посредственностей. В этом ее урок и ее величие. Труд, наоборот, одинаково губителен для всех. Он не развивает способность суждения. Он пускает в ход метафизику унижения. Лучшие люди не способны нести бремя этого рабского труда, навязываемого им обществом благонамеренных людей.

Я предлагаю перевернуть классическую формулу и сделать труд плодом праздности. Достойный

труд заключается в игре в «бочонок» по выходным. Здесь труд смыкается с игрой, а игра, подчиненная технике, поднимается до произведения искусства и творчества в самом широком смысле слова…

Одних это приводит в восторг, других — в негодование.

Что ж такого! Мои работники зарабатывают по сорок франков в день…

* * *

В конце месяца мать с ободряющей улыбкой говорит: «Сегодня вечером будем пить кофе с молоком. День на день не приходится…»

Но по крайней мере они смогут там заниматься любовью…

* * *

Единственное возможное в наше время братство, единственное, какое нам предлагают и позволяют, — это гнусное и сомнительное солдатское братство перед лицом смерти.

* * *

Июнь

В кино молоденькая жительница Орана плачет горючими слезами, глядя на несчастья героя. Муж умоляет ее перестать. Она говорит сквозь слезы: «Дай же мне, в конце концов, всласть поплакать».

* * *

«Счастливая смерть»:

В поезде Загрей сидит напротив него. Только вместо черного шейного платка, который он обычно носил, на нем очень светлый летний галстук. (После убийства возвращается в свою квартиру. Ничего в ней не меняет. Только вешает новое зеркало.)

* * *

Искушение, одолевающее все умы: цинизм.

* * *

Ничтожество и величие этого мира: в нем совсем нет истин, только любовь.

Царство Абсурда, спасение от которого — в любви.

* * *

Романы-фельетоны не грешат против психологии. Но психология здесь великодушна. Она не считается с деталями. Она строится на доверии. И тем самым грешит против истины.

* * *

Старая женщина в ответ на новогодние пожелания: мне много не надо: работы да здоровья.

* * *

Удивительно, как тщеславен человек, который хочет внушить себе и другим, что он стремится к истине, меж тем как он жаждет любви.

* * *

Нелегко прийти к заключению, что можно быть выше многих, не будучи при этом существом высшим. И что истинное превосходство…

* * *

Август

Комната окнами во двор — из нее дверь в другую комнату, в которой нет окна, но, в свою очередь, есть дверь в третью, где окна также нет. В этой последней комнате три матраса. Три спящих человека. Но, поскольку ширина комнаты меньше длины матраса, концы матрасов загнуты кверху и, люди спят, согнувшись в три погибели.

* * *

Два слепца выходят на улицу между часом и четырьмя ночи. Потому что они уверены, что никого не встретят на улицах. Если они наткнутся на фонарь, они смогут всласть посмеяться. А днем чужая жалость мешает им веселиться.

«Писать, — говорит один из слепцов. — Но это никого не трогает. Трогает в книге только отпечаток волнующей жизни. А с нами ничего волнующего не случается».

* * *

Пишущему лучше недоговорить, чем сказать

лишнее. Во всяком случае, никакой болтовни.

«Реальное» переживание одиночества более чем далеко от литературы — оно совершенно не похоже на то, которое описывают в книгах.

Ср. унизительность любых страданий. Не дать себе докатиться до полной опустошенности. Пытаться преодолеть и «заполнить». Время — не терять его.

* * *

Единственная возможная свобода есть свобода по отношению к смерти. Истинно свободный человек — тот, кто, приемля смерть как таковую, приемлет при этом и ее последствия, то есть переоценку всех традиционных жизненных ценностей. «Все дозволено» Ивана Карамазова — единственное последовательное выражение свободы. Но надо постичь суть этой формулы.

* * *

21 августа 1938 г.

«Только тот, кто познал «настоящее», понимает, что такое ад» (Якоб Вассерман).

* * *

Закон Ману:

«Уста женщины, грудь юной девы, молитва ребенка, жертвенный огонь всегда чисты».

* * *

Об осознании смерти, ср. Ницше. «Сумерки кумиров», с. 203.

Ницше: «Самые мучительные трагедии суждено пережить существам самым одухотворенным, при условии, что они обладают самым большим мужеством. Но именно оттого, что жизнь обходится с ними самым жестоким образом, они питают к ней почтение» («Сумерки кумиров»).

* * *

Ницше: «Чего же мы желаем, если говорить о красоте? Быть красивым. Мы воображаем, что красота приносит много счастья, но это заблуждение» («Человеческое, слишком человеческое»).

* * *

Воздух населен жестокими и страшными пти-

цами.

* * *

Чем больше счастья в жизни человека, тем трагичнее его свидетельские показания. Подлинно трагическим произведением искусства (если считать произведение искусства свидетельским показанием) окажется произведение человека счастливого. Потому что оно будет полностью сметено с лица земли смертью.

* * *

Метеорологический метод. Температура меняется каждую минуту. Это слишком зыбкие данные, чтобы вывести математическую формулу. Наблюдателю здесь доступен произвольный срез реальности. И только понятие среднего арифметического позволяет создать образ этой реальности.

* * *

Работы об этрусках:

А. Гренье: Этрусские изыскания в «Ревю дез Этюд Ансьен», IX, 1935–219 и сл.

Б. Ногара: Этруски и их цивилизация — Париж, 1936.

Фр. де Рюит: Харон, этрусский демон смерти. (Выходные данные?)

* * *

Белькур.

Молодая женщина охраняет послеобеденный сон мужа, не позволяя детям шуметь. Две комнаты. Она стелет на пол в столовой одеяло и бесшумно забавляет детей, чтобы дать мужчине поспать. Жарко, и она оставляет дверь на лестницу открытой. Временами ее одолевает дремота, и, проходя мимо, можно увидеть, как она лежит, а вокруг тихо играют дети, поглядывая на ее легонько вздымающуюся грудь.

* * *

Белькур.

Уволен. Не решается ей сказать. Говорит.

— Ну что ж, будем по вечерам пить кофе. День на день не приходится.

Он смотрит на нее. Он часто читал истории о том, как женщина «мужественно переносит бедность». Она не улыбнулась. И снова ушла на

кухню. Мужественно? Нет, смиренно.

* * *

Бывший боксер потерял сына. «Что мы значим на земле? А все суетимся, суетимся».

* * *

Белькур.

История Р. «Я знал одну даму… она была, так сказать, моя любовница… Я заметил, что дело тут нечисто: история с лотерейными билетами (Ты купила мне лотерейный билет?). История с костюмом и с сестрой. История с браслетами и «Уликой».

Трачу 1300 франков. А ей все мало. «Почему бы тебе не работать полдня? Ты бы избавила меня от всех этих мелочей. Я купил тебе костюм, я даю тебе по 20 франков в день, я плачу за комнату, а ты распиваешь кофе с подружками. Подаешь им и кофе и сахар. А деньги тебе даю я. Я тебе делал только добро, а ты мне платишь злом».

Просит совета. Он по-прежнему «не прочь спать с ней». Он хочет послать ей такое письмо, чтоб она «знала свое место» и чтоб она «пожалела о том, что было».

Напр.: «Ты думаешь только о своих забавах, и все дела». А дальше: «Я-то думал, что…» и т. д.

«Ты не видишь, что все завидуют твоему счастью».

«Я ее поколачивал, но, так сказать, легонько. Она кричала, я закрывал ставни».

То же самое и с подружкой.

Он хочет, чтобы она сдалась. Он трагичен в своем стремлении унизить обманщицу. Он поведет ее в гостиницу и вызовет «полицию нравов».

История с друзьями и пивом. «Вы говорите, что вы по этой части». «Они сказали, что, если я захочу, они ее запишут как проститутку».

История с пальто. История со спичками.

«Ты поймешь, как тебе было хорошо со мной».

Эта женщина — арабка.

* * *

Тема: мир смерти. Трагическое произведение — удавшееся произведение.

… — Но, судя по вашему тону, эта жизнь вам не по душе, Мерсо.

— Она мне не по душе, потому что скоро я лишусь ее — вернее, она мне слишком по душе, поэтому я чувствую весь ужас предстоящей утраты.

— Не понимаю.

— Не хотите понять.

— Быть может.

Патрису пора уходить.

— Но, Патрис, а как же любовь?

Он оборачивается, лицо его искажено отчаянием.

— Любовь существует, — говорит Патрис, — но ведь она принадлежит этому миру.

* * *

Богадельня для стариков (старик идет полем напрямик). Похороны. Солнце расплавляет гудрон на дороге — ноги вязнут и оставляют черные вмятины. Открывается сходство между этой черной грязью и клеенчатой шляпой кучера. И вся эта чернота, липкая чернота расплавленного гудрона, тусклая чернота одежды, блестящая чернота катафалка — солнце, запах кожи и лошадиного навоза, лака, ладана. Усталость. А тот идет напрямик через поля.

Он идет на похороны, потому что покойница была единственным близким ему человеком. В богадельне им говорили, как детям: «Жених и невеста». И он смеялся. Ему было приятно.

* * *

Персонажи.

А) Этьен, «физический» персонаж; его внимание к собственному телу:

1) арбуз

2) болезнь (колики)

3) естественные потребности — хорошо — тепло и т. д.

4) он смеется от радости, когда ест что-то вкусное.

Б) Мари К. Ее родственник, и их совместная жизнь, «он платит за жилье».

В) Мари Эс. Детство, роль в семье. Ее непорочность, о которой все толкуют. Святой Франциск Ассизский. Страдание и унижение.

Г) Госпожа Лека. Ср. выше.

Д) Марсель, шофер — и старуха из кафе.

* * *

Чувства, которые мы испытываем, не преображают нас, но подсказывают нам мысль о преображении. Так любовь не избавляет нас от эгоизма, но заставляет нас его осознать и напоминает нам о далекой родине, где этому эгоизму

нет места.

* * *

Вернуться к работе над Плотином.

Тема: ум у Плотина.

1) Ум — понятие неоднозначное.

Интересно рассмотреть его положение в истории в тот момент, когда ему предстоит либо приспособиться, либо погибнуть.

Ср. Диплом.

Это тот же самый ум, но и не совсем тот же.

Ибо есть два ума:

один этический, другой эстетический.

Тщательно изучить: плотиновский образ как силлогизм этого эстетического ума.

Образ подобен притче: это попытка выразить непостижимость чувства в очевидной непостижимости конкретного.

Как во всех описательных науках (статистика, которая коллекционирует факты), главная проблема в метеорологии есть проблема практическая: проблема замены недостающих наблюдений. Поэтому при восполнении пробела всегда прибегают к понятию среднего арифметического, для чего необходимо обобщение и осмысление опыта, разумное содержание которого как раз и

нуждается в выявлении.

* * *

Белькур. Торговец, спекулирующий сахаром, кончает с собой в туалете.

* * *

Немецкая семья в 14-м году. Четыре месяца передышки. Потом за отцом приходят. Концлагерь. Четыре года нет вестей. Жизнь в течение этих четырех лет. Он возвращается в 19-м году. У него туберкулез. Через несколько месяцев он умирает.

Дочки в школе.

* * *

Художник и произведение искусства. Подлинное произведение искусства сдержанно. Существует некоторое соотношение между опытом художника в целом, его мыслью + его жизнью (в каком-то смысле его системой — исключая все, что это слово подразумевает систематического) — и произведением, которое отражает этот опыт. Это соотношение неверно, когда в произве-

дении искусства воплощается весь жизненный опыт автора в некотором литературном обрамлении. Это соотношение верно, когда произведение искусства есть часть, отсеченная от опыта, алмазная грань, вбирающая в себя весь внутренний блеск без остатка. В первом случае произведение громоздко и литературно. Во втором — жизнеспособно, ибо за ним угадывается богатейший опыт.

Проблема заключается в том, чтобы приобрести житейскую мудрость (вернее, жизненный опыт), которая глубже мудрости писательской. В конечном счете великий художник прежде всего тот, кто постиг великое искусство (при условии, что в понятие жизни входит и ее осмысление — и, более того, едва уловимое соотношение между опытом и его осознанием).

* * *

Чистая любовь — мертвая любовь, если понимать под любовью любовную жизнь, создание определенного жизненного уклада, — в такой жизни чистая любовь превращается в постоянную отсылку к чему-то иному, о чем и нужно условиться.

* * *

Мысль всегда впереди. Она видит слишком далеко, дальше, чем тело, не выходящее за рамки настоящего.

Лишить человека надежды — значит свести мысль к телу. А телу суждено сгнить.

* * *

Лежа, он смущенно улыбнулся, и глаза его сверкнули. Она почувствовала, как вся ее любовь подступила к горлу, а на глаза навернулись слезы. Она впилась в его губы и омочила своими слезами его лицо. Ее слезы текли ему в рот, и он пил из этих соленых губ всю горечь их любви.

* * *

Черствое сердце творца.

* * *

«Если бы я хотя бы умела читать! Ведь вечерами, при свете я не могу вязать. Поэтому я лежу и жду. Долго, часа два лежу вот так. Ах! Была бы со мной внучка, я бы с ней разговаривала. Но я

слишком стара. Может, от меня плохо пахнет. Внучка никогда ко мне не приходит. Вот так и живу совсем одна».

* * *

2-я ч.

Сегодня умерла мама. Или, может, вчера, не знаю. Получил телеграмму из дома призрения: «Мать скончалась. Похороны завтра, искренне соболезнуем». Не поймешь. Возможно, вчера…

Как говорил привратник: «На равнине жарко. Стараются похоронить побыстрее. Особенно здесь». Он рассказал, что сам он родом из Парижа и с трудом привык. Потому что в Париже покойника хоронят через два, а то и через три дня. А здесь нет времени, не успеешь свыкнуться с мыслью, что человек умер, как уже надо поспешать за дрогами».

Вот процессия и торопилась что есть сил. Только солнце заходило со сволочной быстротой. Верно заметила сиделка, которую отрядили на похороны: «Медленно идти опасно, может случиться солнечный удар. А если заторопишься, бросает в пот, и тогда в церкви можно простыть». Она была права. Положение безвыходное.

Служащий похоронного бюро что-то мне ска-

зал, но я не расслышал.

Одной рукой он приподнял шляпу, а другой вытирал лысину носовым платком. Я спросил его: «Что-что?» Он повторил, показывая на небо: «Ну и шпарит». — «Да», — сказал я. Немного погодя он спросил: «Вы покойнице кто — сын?» Я опять сказал: «Да». — «Старая она была?» — «В общем, да», — сказал я, потому что не знал точно, сколько ей было лет. Тогда он замолчал.

* * *

Декабрь 1938 г.

Для «Калигулы»: анахронизм — самое неудачное, что можно придумать для театра. Поэтому Калигула не произносит в пьесе ту единственную разумную фразу, какую мог бы произнести: «Стал мыслить лишь один — и мир весь опустел».

* * *

Калигула: «Мне нужно, чтобы все вокруг молчали. Мне нужно, чтобы замолчали люди и чтобы затихли ужасные сердечные смуты».

* * *

15 декабря
Каторга. Ср. репортаж.

* * *

На митинге. Старый железнодорожник, опрятный, гладко выбритый, с перекинутым через руку плащом, тщательно сложенным клетчатой подкладкой вверх, в начищенных башмаках, спрашивает, «не здесь ли состоится собрание», и говорит, как он волнуется, когда думает о судьбе рабочих.

* * *

В больнице. Больной туберкулезом; врач сказал, что через пять дней он умрет. Он решает выиграть время и перерезает себе горло бритвой. Он не может ждать пять дней, это очевидно.

«Не пишите об этом в ваших газетах, — говорит санитар журналисту. — Он и так настрадался».

* * *

Он любит *здесь, на земле,* а она любит его с

уверенностью, что они соединятся в вечности. Их любовь нельзя мерить одной меркой.

* * *

Смерть и творчество. На пороге смерти он просит почитать ему вслух его последнее произведение. Это не совсем то, что он хотел сказать. Он просит сжечь его. И умирает без утешения — что-то оборвалось у него в груди, словно лопнула струна.

* * *

Воскресенье.

Ветер бушевал в горах и мешал нам идти вперед, не давал говорить, свистел в ушах. Весь лес снизу доверху извивается. От горы к горе над долинами летят красные листья папоротника. И эта прекрасная птица, рыжая, как апельсин.

* * *

История солдата Иностранного легиона, который убивает свою любовницу в служебной комнате. Потом берет тело за волосы и тащит его в зал, а оттуда на улицу, где его и арестовывают.

Хозяин кафе-ресторана взял его в долю, но запретил ему приводить любовницу. А она возьми да и приди. Он велел ей убираться. Она не захотела. Поэтому он ее убил.

* * *

Пара в поезде. Оба некрасивы. Она льнет к нему, хохочет, кокетничает, завлекает его. Он хмурится, он смущен: все видят, что его любит женщина, которой он стыдится.

* * *

Светское общество или два старых журналиста, которые бранятся в комиссариате, на радость полицейским. Старческая ярость двух мужчин, не имеющих сил для драки, выливается в сплошной поток ругани: «Дерьмо — Рогач — Мудак — Скотина — Сутенер».

— Я человек чистый!

— Ты себя со мной не равняй!

— Ни за что! Ведь ты последний мудак.

— Заткнись, не то я тебе так двину по роже — от тебя мокрое место останется!

— На такого силача, как ты, я кладу с прибором! Потому что я человек чистый.

* * *

Испания. Член партии. Хочет пойти добровольцем в армию. При опросе выясняется, что причина — семейные неприятности. *Его не берут.*

* * *

В жизни всякого человека мало великих чувств и много мелких. Если совершаешь выбор — две жизни и две литературы.

* * *

Но *на самом деле* это два чудовища.

* * *

Удовольствие, которое приносит общение мужчины с мужчиной. То самое, мимолетное, которое испытываешь, когда даешь прикурить или просишь об этом, — сообщничество, масонское братство курильщиков.

* * *

П. заявляет, что может предложить «миниатюру с изображением беременной девы в рамке из ключиц тореадора».

* * *

Плакат на казарме: «Алкоголь усыпляет человека и будит зверя» — чтобы люди знали, почему они любят выпить.

* * *

«Земля была бы великолепной клеткой для животных, чуждых всего человеческого».

* * *

Среди самых чистых моих радостей многие связаны с Жанной. Она частенько говорила мне: «Глупыш». Это было ее выражение, она произносила его со смехом, но как раз в эти минуты она любила меня сильнее всего. Оба мы из бедных семей. Она жила через несколько улиц, в центре. Ни она, ни я никогда не покидали родного квартала, где прошла вся наша жизнь. И у нее

и у меня дома было одинаково тоскливо и гадко. Наша встреча была попыткой от всего этого освободиться. Но когда теперь, через столько лет, я вспоминаю ее лицо усталого ребенка, я понимаю, что нам не удавалось освободиться от этого убогого существования и что наша любовь доставляла нам радость, какую не купишь ни за какие деньги, именно потому, что мы любили друг друга среди этого мрака.

Наверно, я очень страдал, когда она ушла. И все же я не устраивал сцен. Потому что никогда не чувствовал себя победителем. Мне и сейчас кажется более естественным сожалеть об упущенном. И хотя я не заблуждаюсь на собственный счет, я всегда считал, что Жанна больше принадлежит мне в такой день, как сегодня, чем когда она вставала на цыпочки, чтобы дотянуться до моей шеи и обвить ее руками. Я уже не помню, как я с ней познакомился. Но помню, что повадился ходить к ней. И что ее отец и мать посмеивались, глядя на нас. Ее отец был железнодорожником, в свободные часы он обычно сидел в уголке и задумчиво смотрел в окно, положив на колени свои огромные лапищи. Мать с утра до ночи хлопотала по хозяйству. Жанна ей помогала, но делала это так легко и весело, что, глядя на нее,

я забывал, что она работает. Она была среднего роста, но рядом со мной казалась маленькой. Когда я видел, как она, такая тоненькая, такая легкая, переходит улицу перед грузовиками, сердце у меня сжималось. Теперь я понимаю, что ума у нее, конечно, было немного. Но в то время я не задавался подобными вопросами. Она умела так неподражаемо разыгрывать обиду, что восхищала меня до слез. А это неуловимое движение, каким она оборачивалась ко мне и бросалась в мои объятия, если я умолял ее простить меня, — даже теперь, через столько лет, оно не может оставить равнодушным мое сердце, ставшее бесчувственным к стольким вещам. Я уже не помню, желал ли я ее. Я помню, что все перемешалось. Помню, что все мои переживания разрешались нежностью. Если я и желал ее, то забыл об этом в первый же раз, когда в коридоре она подставила мне губы в благодарность за крошечную брошку, которую я ей подарил. Со своими зачесанными назад волосами, зубастым ртом неправильной формы и часто кривящимися губками, ясными глазами и прямым носиком, она предстала мне в этот вечер ребенком, которому я подарил жизнь для ласк этого мира. Я надолго сохранил это чувство; Жанна поддерживала его,

неизменно называя меня «старшим другом».

У нас были свои радости. Когда мы решили пожениться, мне было двадцать два года, ей — восемнадцать. Больше всего радовала нас и настраивала на серьезный лад узаконенность нашей любви. Жанна пришла к нам в дом, мама поцеловала ее и назвала: «Моя девочка» — все это приводило нас в щенячий восторг, которого мы и не думали скрывать. Но воспоминание о Жанне связано для меня с ощущением, которое я до сих пор не могу объяснить. Я каждый раз испытываю его, когда мне грустно и я иду по улице и вдруг встречаю трогательное женское личико, а потом вижу красиво украшенную витрину — тут у меня перед глазами встает лицо Жанны, живое, знакомое до боли, и она оборачивается ко мне со словами: «До чего ж красиво!» Это бывало в праздники. Магазины в нашем квартале ярко светились огнями. Мы останавливались перед витринами кондитерских. Шоколадные человечки, гирлянды из серебряной и золотой фольги, снежные хлопья из ваты, позолоченные тарелки и пирожные всех цветов радуги — все восхищало нас. Мне было немного стыдно. Но я не мог сдержать радости, переполнявшей меня и блестевшей в глазах Жанны.

Когда я сегодня пытаюсь понять это странное чувство, я различаю в нем многое. Конечно, больше всего я радовался присутствию рядом Жанны — запаху ее духов, ее руке, сжимавшей мое запястье, ее надутым губкам. Но я радовался еще и витринам, внезапно засиявшим в квартале, где обычно так темно, торопливым прохожим, нагруженным покупками, детям, весело играющим на улицах, — всему, что помогало нам вырваться из нашего пустынного мира. Серебристые фантики шоколадных конфет были знаком, что для простых людей наступает еще неясное, но шумное и золотое время, и мы с Жанной теснее прижимались друг к другу. Быть может, мы смутно испытывали тогда особое счастье, какое испытывает человек, видящий, что жизнь оправдывает его ожидания. Обычно зачарованную пустыню нашей любви окружал мир, где нет места любви. А в эти дни нам казалось, что огонь, который вспыхивает в нас, когда руки наши соединяются, — тот же самый, что пляшет в витринах, в сердцах рабочих, глядящих на своих детей, и в вышине ясного и морозного декабрьского неба.

* * *

Декабрь

Фауст наоборот. Молодой человек просит у черта богатств этого мира. Черт (который носит спортивный костюм и не скрывает, что цинизм — великое искушение для ума) мягко замечает ему: «Ведь богатства этого мира тебе и так принадлежат. Того, чего тебе не хватает, ты должен просить у Бога. Ты заключишь сделку с Богом и за богатства мира иного продашь ему свое тело».

Помолчав, дьявол закуривает английскую сигарету и добавляет: «И это будет тебе вечной карой».

* * *

Петер Вольф. Сбегает из концлагеря, убивает часового и переходит границу. Скрывается в Праге, где пытается начать новую жизнь. После Мюнхенского сговора пражское правительство выдает его нацистам. Осужден на смерть. Через несколько часов ему отрубают голову.

* * *

На двери записка: «Входите. Я повесился». Входят — так и есть. (Он говорит «я», но его «я» уже не существует.)

* * *

Яванские танцы. Неспешность, принцип индийского танца.

Постепенное развертывание. В общем движении не пропадает ни одна деталь. Детали играют такую же важную роль, как в архитектуре. Жестов становится все больше. Все разворачивается постепенно, неторопливо. Не поступки и не жесты. Причастность.

Наряду с этим в некоторых жестоких танцах — прорывы в трагизм. Использование пауз в аккомпанементе (который, впрочем, есть лишь призрак музыки). Здесь музыка не следует рисунку танца. Она составляет его основу. Она включает в себя и жест и звук. Она обтекает тела и их бесчувственную геометрию.

(Отелло в танце голов.)

* * *

Для окончания «Бракосочетаний».

Земля! Это гигантский храм, покинутый богами, и задача человека — населить его идолами по своему образу и подобию, неописуемыми, с влюбленными лицами и глиняными ногами.

...эти чудовищные идолы радости, с влюбленными лицами и глиняными ногами.

* * *

Депутат от Константины, избранный в третий раз. В день выборов, в полдень, он умирает. К вечеру у его дома собирается толпа, чтобы приветствовать его. Жена выходит на балкон и говорит, что он слегка нездоров. Вскоре труп избран депутатом.

Этого и добивались.

* * *

Об Абсурде?

Есть только один случай чистого отчаяния. Это отчаяние приговоренного к смерти (да будет нам позволено прибегнуть к сравнению). Можно

спросить у безнадежно влюбленного, хочет ли он, чтобы завтра его гильотинировали, и он ответит «нет». Из-за ужаса перед казнью. Да. Но ужас проистекает здесь из уверенности — вернее, из математической составляющей, лежащей в основе этой уверенности. Абсурд здесь налицо. Это противоположность иррациональному. Он имеет все признаки очевидности. Что иррационально, что было бы иррационально, так это мимолетная надежда, что опасность минует и смерти можно будет избежать. Но это не абсурд. Очевидность в том, что ему, находящемуся в здравом уме и твердой памяти, отрубят голову — более того, весь его здравый ум сосредоточивается на том факте, что ему ее отрубят.

Кириллов прав. Убить себя — значит доказать свою свободу. А проблема свободы решается просто. У людей есть иллюзия, что они свободны. У осужденных на смерть этой иллюзии нет.

Вся проблема в том, насколько эта иллюзия реальна.

До: «Никак не удавалось представить себе, что этот стук, неразлучный со мною с незапамятных времен, вдруг оборвется, а главное — как представить себе сердце в ту самую секунду, когда…»

«Ах, каторга, какая благодать!»

* * *

(Мать: «А теперь они мне его возвращают… Вот что они с ним сделали… Они отдают мне его разрубленным на части».)

«В конце концов я стал спать совсем понемногу, среди дня, и все ночи напролет только тем и занимался, что ждал рассвета, ждал, чтобы с ним воссияла истина нового дня. Я знал, когда *они* обычно приходят, и в эту тревожную пору я был… словно зверь… Когда это кончалось, я понимал, что у меня есть еще день…

Я хотел все рассчитать. Я пытался взять себя в руки. Я послал просьбу о помиловании. И всегда предполагал самое худшее: она отвергнута. Значит, я умру. Раньше, чем другие, разумеется. Но жизнь столько раз казалась мне абсурдной, когда я вспоминал о смерти. Раз все равно суждено умереть, то какая разница, как и когда. Значит, надо смириться. И только тогда я *получал право* допустить другую возможность. Я помилован. Я пытался укротить бурный ток крови, разливавшийся по всему телу и ударявший мне в голову. Я заглушал этот крик, старался не придавать ему значения, чтобы вернее покориться той, первой возможности. Но зачем? Приходил рассвет, а

вместе с ним тревожная пора…

И вот они пришли. Но ведь еще совсем темно. Они пришли раньше времени. Меня обокрали. Говорю вам, меня обокрали…

…Бежать. Все поломать. Но нет, я остаюсь. Сигарета? Почему бы и нет. Лишнее время. Но в то же время он отрезает воротник от моей рубашки. В то же время. Это то же самое время. Я не выиграл времени. Говорю же вам, меня обкрадывают.

* * *

…Какой длинный коридор, но как быстро идут эти люди… Пусть их будет много, пусть они встретят меня криками ненависти. Пусть их будет много и мне не будет так одиноко…

…Мне холодно. Как холодно! Почему меня оставили без пиджака? Правда, все это уже не имеет значения. Болезни мне уже не грозят. Я потерял право на рай страдания, я теряю его, теряю счастливую возможность харкать кровью или угасать от рака под взглядом близкого существа.

…И это небо без звезд, эти окна без огней, и эта кишащая народом улица, и этот человек в первом ряду, и нога этого человека, который…»

Конец

* * *

Абсурд. Гурвич. Трактат о надежде. Могущество предводителей…

* * *

Мерсо.

Калигула.

Специальный номер журнала «Риваж», посвященный театру. Вернуться к постановкам. Комментарий к плану Микеля. Оформление. Все, что имеет отношение к театру.

Сад Мирабель в Зальцбурге.

Группа уехала на гастроли в Бордж-бу-Арреридж.

* * *

1939 г.

Гореть для меня отдых. Огонь горит в душе, не только когда нам выпадает радость. Но также и когда нас ждет постоянство в труде, браке или желании.

* * *

Порядок работы:
Лекция о театре.
Абсурд в чтении.
Калигула.
Мерсо.
Театр.
«Риваж» — в понедельник у Шарло.
Урок.
Газета.

* * *

Февраль

Жизни, которые смерть не захватывает врасплох. Которые готовы к ней. Которые ее учли.

* * *

Когда умирает писатель, начинают переоценивать его творчество. Точно так же, когда умирает человек, начинают переоценивать его роль среди нас. Значит, прошлое полностью сотворено смертью, которая населяет его иллюзиями.

* * *

Любовь, которая не выдерживает столкновения с реальностью, — это не любовь. Но в таком случае неспособность любить — привилегия благородных сердец.

* * *

Роман. Эти ночные разговоры, эти бесконечные признания вслух…

«И эта жизнь в постоянном ожидании. Я жду ужина, жду сна. Я думаю о пробуждении со смутной надеждой — на что? Не знаю. Пробуждение наступает, и я жду обеда. И так весь день… Без конца говорить себе: сейчас он у себя в конторе, он завтракает, он у себя в конторе, он свободен — и эта дыра в его жизни, которую надо заполнить с помощью воображения, и ты напрягаешь воображение, едва не крича от боли…»

«…Испытать радость, чтобы завтра снова проститься с ней — и до чего же отчаяние близко к радости! Мысленно возвращаюсь к этим двум дням. Они были прекрасны и утопают в слезах».

* * *

Алжир, страна одновременно соразмерная и несоразмерная. Соразмерные линии, несоразмерный свет.

* * *

Смерть «Капрала». Ср. документ.

* * *

Сумасшедший в книжной лавке. Ср. документ.

* * *

Трагедия — замкнутый мир, где люди спотыкаются, сталкиваются друг с другом. В театре она должна рождаться и гибнуть на узком пространстве сцены.

* * *

Ср. Стюарт Милль: «Лучше быть недовольным Сократом, чем довольной свиньей».

* * *

Это солнечное утро: теплые улицы, на которых полно женщин. На каждом углу продают цветы. А девушки улыбаются.

* * *

Март

«Когда я оказался в купе первого класса, освещенном, натопленном, я закрыл за собой дверь и опустил все шторы. Я уселся, и вот тут, во внезапно наступившей тишине, почувствовал себя свободным. Свободным в первую очередь от последних суматошных дней, от судорожных попыток подчинить себе свою жизнь, от всех этих треволнений. Было тихо. Вагон мягко покачивался. И когда за окном, в ночи, слышался шорох дождя, он тоже казался мне тишиной. Несколько дней я мог ни о чем не думать, а просто ехать и ехать. Я был пленником расписаний, гостиниц, своего человеческого призвания. Наконец-то я принадлежал себе, не принадлежа себе. И я с наслаждением закрыл глаза, чувствуя, как разливается покой вместе с только что родившимся миром безмятежности без тирании, без любви,

без меня».

* * *

Оран. Мерс-эль-Кебирская бухта за садиком, где растут красные герани и ирисы. Погода не очень хорошая: то тучи, то солнце. Край с абсолютным слухом. Достаточно большого просвета на небе — и напряжение снимается, в сердце возвращается покой.

* * *

Апрель 1939 г.

В Оране «сюфоко» — худшее оскорбление. Сюфоко нельзя стерпеть. Надо требовать удовлетворения, и немедленно. У оранцев горячая кровь.

Великолепие пейзажа не обязательно предполагает его величие. Более того, его может лишить величия какой-нибудь пустяк. Так, алжирскую бухту лишает величия избыток красоты. Мерс-эль-Кебир, увиденный из Санта-Круса, наоборот, дает полное представление о том, что есть величие. Великолепен и неласков.

* * *

В ближнем предместье Орана сразу за последними домами открываются нескончаемые просторы невозделанной земли, где в эту пору цветут яркие дроки. За ними первое поселение колонистов. Бездушное, пересеченное единственной улицей, с возвышающейся посередине символической эстрадой для уличного оркестра.

* * *

Высокие плато и Джебель-Надор.

Нескончаемые просторы пшеничных полей, ни деревьев, ни людей. Редкие хижины, да на горизонте шагает поеживающаяся от холода фигурка. Несколько ворон и тишина. Нигде нет прибежища — нигде нет зацепки ни для радости, ни для меланхолии, которая могла бы принести плоды. Эти земли рождают только тоску и бесплодность.

В Тиарете несколько преподавателей сказали мне, что им все «осточертело».

— И что же вы делаете, когда чувствуете, что вам все осточертело?

— Мы надираемся.

— А потом?

— Идем в бордель.

Я пошел с ними в бордель. Шел мелкий снег, он забивался всюду. Все они были навеселе. Сторож потребовал с меня два франка за вход. Огромный, прямоугольный зал, стены в косую черно-желтую полоску. Танцы под патефон. Девицы не красотки и не дурнушки.

Одна говорила: «Ну, ты идешь со мной?»

Мужчина вяло отбивался.

— Я, — не унималась девица, — очень хочу, чтоб ты сделал это со мной.

Когда мы уходили, по-прежнему шел снег. Временами снегопад стихал, и тогда можно было разглядеть окрестности. Все те же унылые просторы, но на сей раз белые.

* * *

В Трезеле — мавританское кафе. Чай с мятой, разговоры. Улица проституток называется «Улицей Правды». Такса три франка.

* * *

Толпа и драки.

«Я человек не злой, но нрав у меня горячий.

Тот фрукт мне говорит: “Выходи из трамвая, если ты мужчина”. Я говорю: “Да ладно, отстань”. А он мне: “Ты, мол, не мужчина”. Ну, я вышел с ним из вагона и говорю: “Лучше отвяжись, не то получишь”. А он отвечает: “Черта с два!” Ну, тут я ему врезал. Он свалился. Я хотел его поднять. А он лежит и отбивается ногами. Я ему наподдал коленом и еще по морде — раз, раз! В кровь разбил. Спрашиваю: “Ну как, мол, хватит с тебя?” Он говорит: “Хватит”».

* * *

Мобилизация.

Старший сын идет на фронт. Он сидит против матери и говорит:

«Это ничего». Мать не отвечает. Она берет со стола газету. Складывает ее вдвое, потом еще раз вдвое, потом еще.

* * *

На вокзале толпа провожающих. Битком набитые вагоны. Какая-то женщина плачет. «Я никогда не думала, что такое возможно, что может быть так плохо». Другая: «Поразительно, как все торопятся на верную смерть». Девушка

плачет, прижавшись к жениху. Он стоит серьезный, молчаливый. Дым, крики, толкотня. Поезд трогается.

* * *

Лица женщин, наслаждение солнцем и водой, вот чему грозит смерть. И если мы не приемлем убийство, мы должны выстоять. Наша жизнь состоит из противоречий. Вся эпоха задыхается, тонет в противоречиях, не в силах проронить ни единой слезы, несущей избавление. Нет не только решений, нет и проблем.

Тетрадь № III. Апрель 1939 года – февраль 1942 года

В Провансе и в Италии кипарисы выделяются на фоне неба черными пятнами, а здесь, на кладбище Эль-Кеттар, кипарис золотился на солнце и сочился светом. Казалось, кипящий в его черном сердце золотой сок переливается через край коротких ветвей и стекает длинными золотистыми струями на зеленую листву.

* * *

…Словно книги, где подчеркнуто столько фраз, что начинаешь поневоле сомневаться в уме и вкусе читателя.

* * *

Диалог между Европой и Исламом.

— Когда мы смотрим на ваши кладбища и на то, во что вы их превратили, нас охватывает смесь восхищения и жалости, почтительный ужас перед людьми, которые живут, имея такое представление о смерти…

— …Нам тоже случается жалеть себя. Это чувство помогает нам жить. Вам оно совершенно неведомо, вы, пожалуй, сочли бы его малодушным. Меж тем его испытывают даже самые мужественные из нас. Ибо мы называем мужественными тех, кто трезво смотрит на вещи, мы против силы, которая слепа. Вы же, наоборот, возводите в добродетель слепое послушание.

* * *

На войне. Люди, рассуждающие о степени опасности того или иного фронта. «Я воевал на самом страшном участке фронта». Все рушится, а они устанавливают иерархию. Такими они возвращаются.

* * *

— Да, — говорит ассенизатор, — видели бы вы туалеты, которые «они» себе отгрохали внизу, в Морском ведомстве! Обидно отдавать такие туалеты таким людям!

* * *

Женщина живет со своим мужем, ни о чем не

задумываясь.

Однажды он произносит речь по радио. Она наблюдает за ним через застекленную дверь. Слов не слышно. Ей видны только жесты. Она открывает в нем не только существо из плоти и крови, но и паяца, каковым он и является.

Она бросает его. «И эта марионетка каждую ночь на меня ложится!»

* * *

Сюжет для пьесы. Человек в маске.

После долгого путешествия он возвращается домой в маске. Он никогда ее не снимает. Почему? Таков сюжет.

В конце концов он снимает маску. Он надел ее просто так. Чтобы смотреть на мир из-под маски. Он еще долго бы ее не снимал. Он был счастлив, если это слово имеет смысл. Но страдания жены побуждают его открыть лицо.

«До сих пор я любил тебя всем своим «я», а теперь буду любить тебя всего-навсего так, как ты того хочешь. Но похоже, тебе легче сносить мое презрение, чем любить, не понимая. Это разные вещи».

(Или разные женщины. Одна любит его в маске, потому что он ее интригует. Когда он снимает

маску, любовь ее проходит. «Ты любила меня умом. Надо было любить меня *еще* и нутром». Другая любит его *несмотря* на маску и продолжает любить и без нее.)

Своеобразный, хотя и естественный механизм: она объясняла страдания человека, которого любила, как раз теми обстоятельствами, которые были для нее наиболее мучительны. Она так свыклась с безнадежностью, что, когда пыталась понять жизнь этого человека, всегда видела в ней только то, что было не в ее пользу. А его как раз это и раздражало.

* * *

Исторический ум и ум вечный. Один наделен чувством прекрасного. Другой — чувством бесконечного.

* * *

Ле Корбюзье: «Видите ли, художника отличает то, что в его жизни бывают минуты, когда он ощущает себя больше чем человеком».

* * *

Пиа и документы, которые пропадут. Добровольное исчезновение. Перед лицом небытия — гедонизм и постоянные разъезды. Исторический ум превращается таким образом в географический.

В трамвае. Ко мне пристает какой-то метис. «Если ты мужчина, дай мне двадцать су. Ты ведь мужчина. Видишь ли, я вышел из госпиталя. Я даже не знаю, где мне сегодня ночевать. Но если ты настоящий мужчина, я пойду пропущу стаканчик и обо всем забуду. Горе мне, у меня никого нет».

Я даю ему пять франков. Он берет меня за руку, глядит на меня, бросается мне на грудь и разражается рыданиями. «Ты славный парень. Ты меня понимаешь. У меня никого нет, понимаешь, никого». Я выхожу, трамвай трогается, а он остается внутри, растерянный и все еще плачущий.

* * *

Человек, много лет живущий один, усыновляет ребенка. Он обрушивает на него все свое одинокое прошлое. И в своем замкнутом мирке,

один на один с этим существом он чувствует себя хозяином ребенка и великолепного царства, находящегося в его власти. Он его тиранит, пугает, сводит с ума своими фантазиями и придирками. В конце концов ребенок убегает, и он снова остается в одиночестве, плача и сгорая от любви к утраченной игрушке.

* * *

«Я ждал момента, когда мы выйдем на улицу и она обернется ко мне. И когда это случилось, я увидел бледное сияющее лицо, с которого поцелуи стерли косметику и едва ли не выражение.

Ее лицо было незащищенным. После долгих часов борьбы и вожделения я видел ее. Мое любовное терпение было наконец вознаграждено. Мои губы вытащили на свет из оболочки косметики и улыбок это лицо с побледневшими губами и белыми скулами, и тогда мне открылась ее глубинная суть».

* * *

Эдгар По и четыре условия счастья:
1) Жизнь на свежем воздухе
2) Сознание, что тебя любят

3) Отказ от всякого честолюбия
4) Созидание

* * *

Бодлер: «В Декларации прав человека забыты два права: право противоречить себе и право уходить из жизни».

То же: «Бывают такие сильные соблазны, которые поневоле превращаются в добродетели».

* * *

Госпожа дю Барри на эшафоте: «Подождите минутку, господин палач».

* * *

14 июля 1939 г. Прошел год.

* * *

На пляже человек, раскинувший руки, — распятый на солнце.

* * *

У Пьера сквернословие — форма отчаяния.

* * *

«Эти ужасные годы сомнений, когда он ждал женитьбы или еще чего-нибудь — когда он уже обдумывал философию отрешенности, которая оправдала бы его поражение и малодушие».

* * *

«Со своей женой. Вставал вопрос о том, может ли такой человек, как он, хранить достоинство, живя с этой изолгавшейся женщиной».

* * *

Август

1) Эдип побеждает сфинкса и рассеивает тайны благодаря своему знанию человека. Греческое мироздание ясно.

2) Но судьба, слепая судьба с безжалостной логикой зверски растаптывает этого же самого человека. Незамутненная ясность трагического и тленного.

* * *

См. Эпикур (эссе).

Грот Аглавры на Акрополе. Статуя Минервы, раз в год сбрасывающая одежды. Возможно, другие статуи тоже были одеты. Греческая нагота — плод нашего воображения.

* * *

В Афинах был храм, посвященный старости. Туда водили детей.

Корес и Каллироя (пьеса).

Приносит себя в жертву вместо нее. Она закалывается, видя это доказательство любви.

* * *

Легенды о божествах, переодетых нищими, призывали к милосердию. Оно не свойственно человеку от природы.

* * *

В Меконе Прометей обманул Зевса. Две бычьи шкуры, одна наполнена мясом, другая — костями. Зевс выбрал вторую. Потому-то он и отнял у людей огонь. Из низкой мстительности.

* * *

Дочь горшечника Дибутада увидела на стене тень своего возлюбленного и обвела его профиль кинжалом. Благодаря этому рисунку ее отец изобрел стиль росписи, украшающей греческие вазы. В основе всех вещей лежит любовь.

* * *

В Коринфе рядом стоят два храма: храм силы и храм нужды.

* * *

Диметос питал преступную страсть к своей племяннице. Девушка повесилась. Однажды волны выбросили на песчаную отмель тело красивой молодой женщины. Увидев его, Диметос пал на колени, сгорая от любви. Но на его глазах это восхитительное тело начало разлагаться, и Диметос сошел с ума. Такова была месть его племянницы. Это и символ существования, которому следовало бы дать определение.

* * *

В Паллантионе, в Аркадии, есть жертвенник «Чистым богам».

* * *

«Я с радостью умру за нее, — сказал П. — Но пусть она не требует от меня, чтобы я продолжал жить».

* * *

Сентябрь 1939 г. Война.

Люди срочно ложатся на операцию к известному алжирскому врачу, опасаясь, что его могут отправить на фронт.

* * *

Гастон: «Главное — *выкрутиться*, пока меня не мобилизовали».

* * *

На перроне вокзала мать — молодому (тридцатилетнему) запаснику: «Будь осторожен».

* * *

В трамвае: — А Польша-то не поддается.
— Пакту крышка.
— Гитлеру палец в рот не клади.
На рынке: — Вы знаете, в субботу будет ответ.
— Какой ответ?
— Ответ Гитлера.
— И что?
— И мы узнаем, будет война или нет.
— Какое безобразие!
На вокзале запасники дают оплеухи служащим: «Тыловые крысы!»

* * *

Война разразилась. В чем война? Где, кроме сводок новостей, которым приходится верить, да плакатов, которые приходится читать, искать проявлений этого абсурдного события? В этом синем небе над синим морем, в этом звоне стрекоз, в кипарисах на холмах ее нет. Нет ее и в пляшущих солнечных бликах на улицах Алжира.

Люди стремятся поверить в нее. Ищут ее лицо, но она прячется от нас. Вокруг царит жизнь с ее великолепными лицами.

Прожить всю жизнь в ненависти к этой твари, а теперь, когда она перед нами, не узнавать ее. Так мало произошло изменений. Позже, конечно, придут грязь, кровь и страшное омерзение. Но пока люди видят лишь одно: начало войны похоже на начало мира — ни окружающий мир, ни сердце ничего не замечают.

* * *

...Вспоминать о первых днях войны, приносящей, наверное, столько же бедствий, сколько счастья приносят мирные дни, — странный и поучительный удел... Я пытаюсь оправдать свой бунт, который пока не имеет никакого фактического обоснования.

* * *

Одни созданы для того, чтобы любить, другие — для того, чтобы жить.

* * *

Мы всегда преувеличиваем важность жизни отдельного человека. Есть множество людей, не знающих, что делать с жизнью, — не так уж

безнравственно лишить их ее. С другой стороны, все приобретает новое значение. Но это уже известно. То, что эта катастрофа абсурдна по своей сути, ничего в ней не меняет. Ее абсурдность — часть еще более абсурдной жизни. Абсурдность жизни делается благодаря ей более явной и более насущной. Если нынешняя война повлияет на человечество, то влияние это будет следующим: люди укрепятся в своих представлениях о жизни и в своем о ней мнении. Как только война становится реальностью, всякое мнение, не берущее ее в расчет, начинает звучать неверно. Человек мыслящий занимается обычно тем, что старается сообразовать свое представление о вещах с новыми фактами, которые его опровергают. В этом-то сдвиге, в этой-то изменчивости мыслей, в этой сознательной поправке и заключается истина, то есть урок, преподаваемый жизнью. Поэтому, как ни отвратительна нынешняя война, невозможно оставаться непричастным к ней. Невозможно ни мне — это разумеется само собой и с самого начала — я могу рисковать жизнью и без страха смотреть в лицо смерти, — ни всем тем, безымянным и покорным, что идут на эту непростительную бойню, — в ком я чувствую своих братьев.

* * *

В окно дует холодный ветер.

Мама: — Погода начинает меняться.

— Да.

— Что ж теперь, всю войну свет будет таким тусклым?

— Да, наверно.

— Зимой-то как будет худо.

— Да.

* * *

Все предали: те, кто подстрекал к сопротивлению, и те, кто проповедовал мир. Они все налицо, такие же послушные и более виновные, чем остальные. И никогда отдельный человек не был более одинок перед машиной, фабрикующей ложь. Он еще может презирать и бороться с помощью своего презрения. Если у него нет права быть в стороне и презирать, он сохраняет право судить. Никому не дано порвать с человечеством, с толпой. Думать иначе было бы предательством. Каждый умирает в одиночку. Всем предстоит умереть в одиночку. Пусть по крайней мере отдельный человек сохранит способность пре-

зирать и выбирать в ужасном испытании то, что прибавляет ему человеческого величия.

Пойти на испытание и принять все, что с ним связано. Но поклясться совершать на самом неблагородном поприще только самые благородные поступки. В основе благородства (подлинного, идущего от сердца) — презрение, храбрость и полное безразличие.

* * *

Быть созданным, чтобы творить, любить и побеждать, — значит быть созданным, чтобы жить в мире. Но война учит все проигрывать и становиться тем, чем мы не были. Теперь все дело в стиле.

* * *

Я мечтал, как мы с победой войдем в Рим. И размышлял о вторжении варваров в Вечный город. Но сам я был одним из варваров.

* * *

Совмещать в произведении описание и объяснение. Придать описанию его истинный смысл.

Само по себе оно восхитительно, но ничего не несет с собой. В таком случае достаточно дать почувствовать, что мы намеренно остаемся в границах описания. Границы рушатся, и произведение начинает «звучать».

* * *

«С одной стороны, — говорит освобожденный от воинской повинности, вызванный на медицинскую комиссию, — мне все это осточертело. Но с другой стороны — я то и дело слышу всякие шуточки. «Ты еще не на фронте?» — «Ты все еще тут?» В нашем доме больше сорока мужчин. Остался я один. Вот и приходится возвращаться поздно ночью и уходить рано утром».

* * *

Другой запасник, которому сделали рентген желудка: «Они влили в меня литра три известки, не меньше. Раньше дерьмо у меня было черное, а теперь — белое. Вот она, война».

* * *

7 сентября

Люди все хотели понять, где война — и что в ней гнусного.

И вот они замечают, что знают, где она, что она в них самих, что она в этой неловкости, в этой необходимости выбирать, которая заставляет их идти на фронт и при этом терзаться, что не хватило духу остаться дома, или оставаться дома и при этом терзаться, что они не пошли на смерть вместе с другими.

Вот она, она здесь, а мы искали ее в синем небе и в равнодушном окружающем мире. Она в страшном одиночестве того, кто сражается, и того, кто остается в тылу, в позорном отчаянии, охватившем всех, и в нравственном падении, которое со временем проступает на лицах. Наступило царствие зверей.

* * *

В людях начинают пробуждаться ненависть и сила. В них не осталось ничего чистого. Ничего неповторимого. Каждый думает, как все. Кругом одни звери, звериные лица европейцев. Омерзительный мир, всеобъемлющая трусость, насмешка над храбростью, мнимое величие, упадок чести.

* * *

Ошеломительное зрелище: видеть, с какой легкостью рушится достоинство некоторых людей. Но если как следует подумать, ничего странного тут нет, ведь достоинство, о котором идет речь, держалось в них только за счет неустанной борьбы с их собственной природой.

* * *

Неизбежно только одно: смерть, всего остального можно избежать. Во временно́м пространстве, которое отделяет рождение от смерти, нет ничего предопределенного: все можно изменить и можно даже прекратить войну и жить в мире, если желать этого как следует — очень сильно и долго.

* * *

Правило: в каждом человеке видеть прежде всего то, что в нем есть хорошего.

* * *

Ср. Гретюизен по поводу Дильтея: «Таким обра-

зом, признав фрагментарный характер нашего существования и наличие в каждой отдельной жизни массы случайного и ограниченного, мы будем искать то, чего не находим в себе, в совокупности жизней».

* * *

Если верно, что абсурд дошел до предела (вернее, его беспредельность стала очевидной), то верно и то, что никакой опыт сам по себе не имеет цены и что все поступки в равной мере поучительны. Воля — ничто. Смирение — все. При условии, что человек «всегда готов» к любому унижению и мучению и претерпит их, не слагая оружия, призвав на помощь всю свою трезвость.

* * *

Стремление отгородиться — от глупости ли, от жестокости ли других — всегда бессмысленно. Невозможно сказать: «Я об этом ничего не знаю». Приходится либо сотрудничать, либо бороться. Нет ничего менее простительного, чем война и призыв к ненависти между народами. Но если уж война началась, бессмысленно и малодушно оставаться в стороне под тем предлогом, что не

мы в ней виноваты. Башни из слоновой кости рухнули. Никакой снисходительности ни к себе, ни к другим.

Судить событие извне невозможно и безнравственно. Только находясь в лоне этого абсурдного бедствия, мы сохраняем право презирать его.

Реакция одного человека сама по себе не имеет никакого значения. От нее может быть какой-нибудь прок, но она ничего не оправдывает. Дилетантское желание парить над схваткой и порвать со своим окружением есть самое смехотворное применение свободной воли. Вот почему я стремился на фронт. А если меня не берут, мне надо смириться с положением тыловой крысы. В обоих случаях мое мнение может остаться непреложным, а отвращение — безоговорочным. В обоих случаях я не уклоняюсь от войны и имею право судить о ней. Судить и действовать.

* * *

Смиряться. И видеть, например, хорошее в дурном. Если меня не берут на фронт, значит, мне суждено вечно оставаться в стороне. И именно эта борьба за то, чтобы оставаться нормальным человеком в исключительных условиях, всегда давала мне больше всего сил и позволяла прино-

сить больше всего пользы.

* * *

Гёте (Эккерману): «Дай я себе волю, я очень скоро разорился бы сам и разорил всех своих близких…» Самое важное — научиться владеть собой.

* * *

О Гёте: «Он терпим без снисходительности».

* * *

Прометей как революционный идеал.

«Все, что не убивает меня, придает мне силы» (Ницше).

* * *

«Педантизм есть нехватка преданности» («Сумерки кумиров»).

* * *

«Трагический артист — не пессимист. Он говорит «да» всему неясному и ужасному» («Сумерки

кумиров»).

* * *

Что такое война? Ничто. Совершенно все равно — быть штатским или военным, вести войну или бороться с ней.

Человек глазами Ницше («Сумерки кумиров»).

«Г. представлял себе, каким должен быть человек: сильный, развитый, закаленный, прекрасно владеющий собой, уважающий собственную индивидуальность, не боящийся развернуться в полную силу, показывая все свои природные дарования, способный познать свободу; терпимый не от слабости, а от силы, ибо наделен умением извлекать пользу даже из того, что было бы пагубно для натур заурядных, не знающий ничего запретного, кроме одной только вещи — слабости, как бы она ни называлась: пороком или добродетелью… Такой ум, обретя свободу, является в центре вселенной, полный счастливой и доверчивой надежды на судьбу, верящий, что осуждению подлежит лишь то, что существует обособленно, и что, подходя к миру как к целому, можно разрешить любую проблему и утвердить любую истину. *Он уже не отрицает…*»

* * *

Преодолеть еще и это? Придется. Но эти бесконечные усилия оставляют горький осадок. Неужели нельзя было избавить нас хотя бы от этого? Но и усталость тоже необходимо преодолеть. И это тоже не пройдет бесследно. Однажды вечером, подойдя к зеркалу, мы обнаруживаем, что морщина, кривящая уголки губ, стала чуть глубже. Что это? Это результат моей борьбы за счастье.

У Жарри перед смертью спросили, чего он хочет. «Зубочистку». Ему ее дали, он поднес ее ко рту и умер довольный. Жалкие люди, вы смеетесь над этим и не извлекаете ужасного урока. Всего-навсего зубочистка, только зубочистка, обычная зубочистка — вот цена этой пленяющей нас жизни.

* * *

«Но этот малыш очень болен, — сказал лейтенант. — Мы не можем его взять». Мне двадцать шесть лет, я прожил целую жизнь и знаю, чего хочу.

* * *

Куча людей, а за ними и Полан на страницах «Нувель ревю франсез», поражаются, что война 1939 г. началась не в такой обстановке, как война 14-го г. Наивные люди, они думают, что ужас всегда имеет одно лицо, наивные люди, они не могут расстаться с запасом привычных образов.

* * *

Весна в Париже: предвестие ее — почки на каштане, и сердце замирает. В Алжире переход более резкий. Здесь однажды утром у нас захватывает дух не от одного бутона розы, а от тысячи розовых бутонов. И не мимолетное волнение ощущаем мы, а мощный и отчетливый наплыв тысячи ароматов и тысячи ярких красок. Это не пробуждение чувств, но покорение тела.

* * *

Ноябрь 1939 г.
Что помогает вести войну?
1) то, что общеизвестно
2) отчаяние тех, кто не хочет воевать

3) самолюбие тех, кто идут на фронт по доброй воле, чтобы не отстать от других

4) голод тех, кто идут на фронт, потому что утратили положение в обществе

5) множество благородных чувств, таких как:

а) солидарность в страдании

б) молчаливое презрение

в) отсутствие ненависти.

Всем этим подло пользуются, и все это ведет к смерти.

* * *

Смерть Людовика XVI. Он написал жене письмо и просит человека, который ведет его на казнь, передать его ей. В ответ он слышит: «Я здесь не для того, чтобы выполнять ваши поручения, я здесь для того, чтобы вести вас на эшафот».

* * *

В итальянских музеях есть маленькие расписные экранчики, которые священник держал перед лицом осужденных, чтобы загородить от них эшафот.

Экзистенциальный скачок — это маленький экранчик.

* * *

Письмо к отчаявшемуся человеку.

Вы пишете, что война вас удручает, что вы готовы умереть, но не в силах выносить вселенскую глупость, жестокую трусость и преступную наивность людей, которые все еще верят, что кровь может разрешить все встающие перед человечеством проблемы.

Я читаю ваше письмо и понимаю вас. Мне хорошо понятен ваш выбор и противоречие между вашей готовностью умереть и вашим отвращением при виде того, как умирают другие. Значит, вы человек достойный. Это ставит вас в ряд тех, с кем можно говорить. И правда, как не впасть в отчаяние? Не один раз судьба тех, кого мы любим, оказывалась под угрозой. Болезнь, смерть, безумие, но оставались мы, и оставалось то, во что мы верили! Не один раз ценности, которыми мы жили, оказывались на грани крушения. Но никогда еще гибель не грозила одновременно и всем нашим близким, и всем нашим ценностям без исключения. Никогда мы не были обречены на поголовное уничтожение.

Я понимаю вас, но не разделяю ваших чувств, когда вы собираетесь сделать свое отчаяние

правилом жизни и, решив, что все бесполезно, замыкаетесь в своем отвращении. Ибо отчаяние есть чувство, а не состояние. Жизнь не может сводиться к отчаянию. И чувство не должно вытеснять трезвый взгляд на вещи.

Вы говорите: «А как же быть? И что я могу?» Но изначально вопрос стоит не так. Вы, конечно, еще не утратили веру в отдельную личность, потому что прекрасно чувствуете, сколько хорошего есть в тех, кто вас окружает, и в вас самом. Но эти отдельные люди бессильны — и вы отчаиваетесь в обществе. Учтите, однако, что вы уже порвали с этим обществом задолго до катастрофы, что вы и я знали, что это общество неизбежно придет к войне, что вы и я выступали против нее и, наконец, что мы чувствовали полную свою несовместимость с этим обществом. С тех пор оно не изменилось. Оно пришло к своему естественному концу. И, право, если посмотреть на вещи беспристрастно, нынче у вас не больше поводов для отчаяния, чем было в 1928 г. Да, у вас их ровно столько же.

А если как следует все взвесить, у тех, кто воевал в 1914 г., было больше причин для отчаяния, потому что они хуже понимали, что происходит. Вы скажете: какой мне прок знать, что в 1928 г.

было столько же поводов для отчаяния, сколько в 1939-м? И будете не правы. Ибо в 1928 г. отчаяние ваше не было беспросветным, меж тем как теперь все вам кажется напрасным. Если ничто не изменилось, значит, суждение ваше неверно. Оно неверно, как и всегда, когда правда, вместо того чтобы явиться нам в итоге размышлений, предстает во плоти жизни. Вы предвидели войну, но надеялись ее предотвратить. И потому отчаяние ваше не было беспросветным. Сегодня вы думаете, что ничего уже не способны предотвратить. В этом все дело.

Но прежде всего следует спросить вас, все ли вы сделали, чтобы предотвратить войну? Если да, то война могла бы показаться вам неизбежной и вы могли бы рассудить, что тут уже ничего не поделаешь. Но я уверен, что вы сделали не все, что никто из нас не сделал всего, что надо. Предотвратить войну было не в ваших силах? Нет, это не так. Нынешняя война, как вы знаете, не была неизбежной. Достаточно было вовремя пересмотреть Версальский договор. Он пересмотрен не был. Вот и все, вы сами видите, что дела могли пойти совсем по-иному. Но этот договор, или что-либо другое, еще можно пересмотреть. Еще можно добиться, чтобы Гитлер отступил от своего слова.

Еще можно отказаться от этих несправедливостей, вызвавших ответные несправедливости, и потребовать, чтобы те также были уничтожены. Есть еще полезное дело, которое предстоит выполнить. Вы полагаете, что ваша роль отдельного человека практически сводится к нулю. Но на это я скажу вам, возвращаясь к моему предыдущему рассуждению, что она осталась такой же, какой была в 1928 г. Впрочем, я знаю, что вы не слишком держитесь за понятие бесполезности. Ибо я думаю, что вы вряд ли одобряете отказ от военной службы по религиозно-этическим соображениям. И не потому, что у вас не хватает смелости выступить в его защиту. Просто вы не видите в таком отказе никакой пользы. Значит, некоторую долю полезности вы уже допускаете, и это позволяет вам следить за моей мыслью.

Вам есть, что делать, не беспокойтесь. У всякого человека есть более или менее широкая сфера влияния. Этому способствуют и его недостатки, и его достоинства. Как бы там ни было, влияние существует, и его можно незамедлительно использовать. Никого не подстрекайте к бунту. Надо беречь чужую кровь и свободу. Но вы можете убедить десять, двадцать, тридцать человек, что эта война не была неизбежной и не является

таковой и поныне, что существуют средства прекратить ее, которые до сих пор еще не пущены в ход, что об этом надо говорить, когда можно, писать, если потребуется — кричать. Десять или тридцать человек, которых вы убедите, в свою очередь, скажут об этом десятку других, те передадут дальше. Если им помешает лень, тем хуже, начните все сначала с другими людьми. Вот когда вы сделаете то, что должны сделать, в своей сфере, на своем участке, тогда можете предаваться отчаянию сколько угодно. Поймите, что можно отчаяться в смысле жизни *вообще*, но не в ее отдельных проявлениях, можно отчаяться в существовании, потому что мы не имеем над ним власти, но не в истории, где отдельный человек может все. Ведь на смерть нас сегодня посылают отдельные люди. Почему же отдельным людям не постараться подарить миру мир? Надо только начать, не замахиваясь на столь великие дела. Поймите же, что в войне участвует не только энтузиазм тех, кто ее приветствует, но и отчаяние тех, кто ненавидит ее всей душой.

* * *

Выражение, процитированное Грином в его «Дневнике»: «Не надо бояться смерти — слишком

много чести для нее».

* * *

Грин и его «Дневник».

Записывает много снов. Пересказ снов всегда наводит на меня тоску.

* * *

Смерть Лепуатвена, друга Флобера.

«Закройте окно! Это слишком прекрасно».

* * *

Собор в Бордо. В уголке:

«Святой Павел, сделай так, чтобы я попала в первую десятку!»

«Святой Павел, сделай так, чтобы он пришел на свидание!»

* * *

Монтерлан поставил эпиграфом к «Бесполезному служению» замечательные слова монсеньора Дарбуа: «Напрасно вы думаете, что человек создан, чтобы что-нибудь сделать на земле». И он извлекает отсюда замечательные и горькие

уроки героизма. Но отсюда же можно извлечь и прямо противоположный урок, оправдывающий Диогена и Эрнеста Ренана. Только великие мысли способны на такую противоречивую плодотворность.

* * *

Я не устаю поражаться «развеселому» виду, который принимает в Алжире все, что имеет отношение к смерти. Ничто не кажется мне более оправданным. Что может быть смехотворнее события, обычное сопровождение которого — бульканье воды в горле и пот градом. Что может быть глупее благоговейного отношения к этому событию. Нет ничего презреннее, чем уважение, основанное на страхе. Отсюда следует, что смерть достойна не большего почтения, чем император Нерон или полицейский комиссар моего округа.

* * *

Лоуренс: «Трагическое должно быть как крепкий пинок несчастью» (ср. его аристократический коммунизм).

* * *

Там же: «Революцию надо совершать не ради того, чтобы дать власть какому-то классу, но ради того, чтобы пробудить в жизни надежду».

* * *

М. «Мужчины мне не ровня. Они на меня смотрят и меня судят; те, кто мне ровня, любят меня не глядя, они любят меня несмотря ни на что, любят меня, несмотря на низости, подлость, предательство, меня, а не то, что я делаю или сделаю, они готовы любить до тех пор, пока я сама буду себя любить — вплоть до самоубийства включительно».

…«только с ней (Мей) меня роднит эта любовь, то мучительная, то нет, как других роднят общие дети, которые больны и могут умереть».

* * *

Абсурдные персонажи.

Калигула. Меч и кинжал.

«Я полагаю, меня недостаточно хорошо поняли третьего дня, когда я убил жреца палкой, которой

он должен был забить телку. А между тем все очень просто. В кои-то веки мне захотелось изменить порядок вещей — по правде говоря, просто для того, чтобы посмотреть, что будет. И я увидел, что ничего не изменилось. Немного удивления и ужаса у зрителей. А солнце все равно зашло в урочный час. Отсюда я заключил, что менять порядок вещей или не менять его — все едино».

Но почему бы солнцу не взойти однажды на западе?

* * *

Там же (Птоломей): Я приказал убить его, потому что он не имел оснований щеголять в более красивом плаще, чем я. Безусловно, не имел. Разумеется, и я не имел оснований рассчитывать, что мой плащ будет самым красивым. Но он этого не сознавал, и, поскольку я был единственным, кто вникнул в суть дела, преимущество, естественно, было на моей стороне.

* * *

Дон Кихот и Ла Палис.

Ла Палис: За четверть часа до смерти я был еще жив. Это меня и прославило. Но славу мою

отняли самозванцы. Истинная моя философия заключается в том, что через четверть часа после смерти я уже не буду жив.

* * *

Дон Кихот: Да, я сражался с ветряными мельницами. Ибо совершенно все равно, сражаться с ветряными мельницами или с великанами. Настолько все равно, что их можно перепутать. Моя метафизика — метафизика близорукого.

* * *

Веды. О чем человек думает, тем он и становится.

* * *

Жизель и война. «Нет, я газет не читаю. Единственное, что меня интересует, — это погода. В воскресенье я собираюсь за город».

* * *

«Знаете, Фонтан, что меня больше всего поражает? Что сила бессильна что-либо создать. В мире есть только два владыки — меч и дух. И в

конце концов дух всегда одерживает победу над мечом». Наполеон.

* * *

Людовик XIV. «Дитя мое, вы станете великим королем; не повторяйте моей ошибки, старайтесь поменьше воевать. Попробуйте облегчить жизнь вашему народу… Мое несчастье в том, что я не смог этого сделать».

* * *

Оран.

Тлелат как преддверие Орана. Нагота и свобода перед тем, как окунуться в мир чувственности, сосредоточение перед тем, как спуститься в сладостный ад.

В Оран можно ехать дневным или ночным поездом. Дневным я не ездил. Но когда едешь ночью, то под утро приезжаешь в Сент-Барб-дю-Тлелат, минуя дрожащие эвкалипты Перрего в тот час, когда утро еще не наступило, а ночь уже кончилась. В Тлелате есть маленький вокзал с зелеными ставнями, с большими башенными часами…

…Теперь о Тлелате во время дождя…

…Святая Варвара Тлелатская, воплощенное безразличие, уравновешенность и воля, охрани нас от слишком поспешного выбора и оставь нам эту неограниченную свободу, именуемую бедностью. Через несколько минут мы приедем в Оран, где на нас обрушится бремя плотской, безнадежной жизни. Неподвижная громада Санта-Крус и запах анисовки на улицах Мерс-эль-Кебира. Нас ждет «Вьей кюр», который в кафе «Сентра» подают со льдом, — и оранские женщины с толстоватыми лодыжками, вечно ходящие с непокрытой головой. Святая Варвара, храни оранских женщин до старости и приведи им на смену множество таких же оранок, которые будут так же прогуливаться под деревьями старой префектуры. Святая Варвара, отведи мысли оранок от Алжира и Парижа и научи их правде этого мира, которая заключается в том, что правды в нем нет. Святая Варвара, ты, подобная перрону, где мы, погрузившись в мечтания, курим сигарету в ожидании свистка, который вернет нас к земным пейзажам, ты знаешь, что я редко бываю религиозен. Но ты знаешь, что, если это со мной случается, мне не нужен Бог, что религиозность моя — лишь игра, длящаяся до той поры, пока поезд не тронется с места, и молитва моя мимо-

летна. Святая Варвара, ты, являющаяся точкой в пространстве на пути из Орана в Алжир, ближе к Орану, совсем рядом с Ораном, и остановкой во времени, которое приближает меня к Орану, ты, такая плотская и ясная, такая земная и надежная, стань на несколько секунд святой безбожника и наставницей простака.

* * *

Оран. Экстравагантный город, где обувные лавки выставляют напоказ страшные муляжи уродливых ног, где игрушки с сюрпризом соседствуют в витринах с трехцветными бумажниками, где еще встречаются необыкновенные кафе со стойкой, отполированной жиром и усеянной лапками и крылышками мух, кафе, где все стаканы щербатые. Благословенные кафе благословенного края, где маленькая чашечка кофе стоит 12 су, а большая –18. В антикварном магазине вам с наглым видом улыбается деревянная дева Мария — скверное творение безымянной знаменитости. Под ней хозяева на всякий случай повесили табличку: «Деревянная дева Мария, работы «майя». В витринах фотоателье выставлены странные физиономии, начиная с оранского моряка, облокотившегося на столик с гнутыми

ножками, и кончая барышней на выданье в немыслимом наряде, красующейся на фоне леса; достойную компанию им составляет молодой красавец с прилизанными волосами и оскалом, вызывающим в памяти траншею.

Город, не имеющий себе равных, доступный, полный неоформившихся девушек, на которых нельзя смотреть без волнения, город с лицом без грима, не умеющий скрывать чувства, так неловко изображающий кокетство, что хитрость тотчас выходит наружу.

Кафе «Аполлон», кафе «У Мило», маленькие бары, похожие на лодочки, трамваи, пастели XVIII века рядом с заводным плюшевым осликом, прованская водичка для приготовления зеленых оливок, патриотические букеты цветов — Оран, Чикаго нашей абсурдной Европы!

Вырастающая из скалы крепость Санта-Крус, горы, морская гладь, сильный ветер и солнце, большие подъемные краны и гигантские сходни, взбирающиеся на утес, где стоит город, трамваи, мосты и ангары — что ни говори, во всем этом чувствуется величие.

* * *

Я часто слышал, как оранцы жалуются на свой город: «Нет интересного общества!» Но, черт возьми, вы сами виноваты.

Есть род величия, не способствующий возвышению. Оно по сути своей неплодотворно. Оно делает человека зависимым от его положения. Так что оставьте общество и выходите на улицу (но Оран не создан для оранцев).

* * *

Оран. Канастель и неподвижное море у подножия красных скал. Два дремлющих массивных мыса в прозрачной воде. Приближающийся глухой рокот мотора. И корабль береговой охраны, который незаметно плывет вперед в сверкающем море, омываемый ярким светом. Избыток безразличия и красоты — призыв нечеловеческих сил. На плато растут безвременники — изысканные цветы на волокнистых стеблях.

* * *

Мерс-эль-Кебирская бухта и дорога под цвету-

щими миндальными деревьями; совершенный рисунок бухты — ее *средняя* протяженность — вода, словно голубая металлическая пластина. Безразличие.

То же над черепичной фабрикой. Красное и голубое. Прозрачность вещей. Безразличие.

* * *

Ноябрь

Перед Борджиа, избранным папой, трижды зажигают паклю, чтобы напомнить этому владыке мира, что мирская слава недолговечна. Он вершил суд «достойным восхищения» образом (Бурхард).

* * *

Иннокентий VIII, которому медиум-еврей дал выпить женского молока, смешанного с кровью мужчины.

Фердинанд Неапольский, бальзамирующий трупы своих казненных врагов, чтобы «украшать ими свои покои».

Александр и Лукреция Борджиа всегда покровительствовали евреям. Александр делит мир между испанцами и португальцами, проведя

прямую линию от Азорских островов до Южного полюса. Большего мир не стоит.

* * *

По Бурхарду.

После убийства герцога Ганди, его сына.

Александр VI оцепенел от страшного горя. Он вперил взор в недвижные окровавленные останки, потом заперся в своей спальне, откуда доносились его рыдания.

Не ел и не пил с четверга до субботы и не спал до воскресенья.

Цезарь Борджиа. Крепкий, был подвержен «приступам хвори», страдал нарывами и не вставал с постели, «скорбные предчувствия омрачали жизнь этого славного юноши». И он исступленно предавался развлечениям. Днем спал — ночью трудился. Aut Caesar, aut nihil [10].

* * *

Роман. У него ничего не получается и не получится, потому что он разбрасывается, потому что он не умеет выбирать между своими обязанно-

---

[10] Примечания: 10
Или Цезарь, или ничто (*лат.*).

стями, а произведение искусства невозможно создать, если не… Все дело в его привычках. Самая пагубная — валяться в постели. Это сильнее его. А влечет его, манит и восхищает противоположное. Он хочет, чтобы произведение родилось из отступления от привычки, — и принимает решения.

* * *

29 ноября

Прославление разнообразия, изобилия, в частности чувственной жизни, и призыв отдаться порыву страсти оправданны только в том случае, если человек доказал свое бескорыстие по отношению к предмету этой страсти.

Существенно также погружение в материю — ведь множество людей прославляют чувственность только потому, что они ее рабы. Здесь также прячется корысть.

Отсюда железная необходимость пройти испытание, например испытание целомудрием, обращаться с самим собой по всей строгости. Перед тем, как начать какое бы то ни было теоретическое предприятие, имеющее целью прославление сиюминутного, нужен месяц полной аскезы.

Сексуальное целомудрие.

Целомудрие в мыслях — не давать желаниям сбиваться с пути истинного, мыслям — рассеиваться.

Единственный, постоянный предмет размышлений — отказаться от остального.

Трудиться по часам, не прерываясь, не отвлекаясь и т. д. и т. п. (нравственная аскеза также).

Одно-единственное отклонение — и все пропало: практика и теория.

* * *

В Ферраре дворец Скифаноя, построенный Альберто д'Эсте, чтобы «спастись от скуки».

Род Эсте.

Ипполито приказывает вырвать глаза своему брату Джулио, потому что женщина, которую он любит, сказала, что «глаза Джулио ей милее, чем тело Ипполито».

Джулио и Фернандо хотят убить Ипполито и Альфонсо д'Эсте. Заговор раскрыт, они осуждены на смерть, затем садистски помилованы на эшафоте. Однако Фернандо проводит в тюрьме тридцать пять лет и умирает в темнице, а Джулио остается в заключении пятьдесят четыре года и выходит на свободу с помутившимся рассудком.

Альфонсо д'Эсте приказывает расплавить статую Юлия II работы Микеланджело и отлить из нее пушку.

* * *

Ср. Гонзаг Трюк. «Они строили только для себя и, вместо того чтобы склонить голову перед творением искусства, вместо того чтобы смиренно отыскать ему место в таинственном мироздании (?), напитать его вечными ценностями (?), они осуждали его на немедленное исчезновение. От них самих до нас дошли только высокомерные и проклятые имена». *Вот именно*.

* * *

Библиография по Борджиа.

Луи де Вильфосс («Макиавелли и мы», 1937).

Рафаэль Сабатини («Цезарь Борджиа», 1937).

Фред Беренс («Лукреция Борджиа», 1937).

Габ, Брюне («Живые тени», 1936).

Л. Коллисон-Морлей («История рода Борджиа»).

Шарль Бенуа («Макиавелли»).

«Дневник» Иоганна Бурхарда (изд. «Тюрмель», 1933) и т. д.

* * *

1940 г.

Вечера на террасе Двух Чудес. Дыхание моря, которое угадывается в ночи. Трепет олив и испарения, поднимающиеся от земли.

Скалы в море, усеянные белыми чайками. Их серая громада, освещенная белыми крыльями, словно сверкающее плавучее кладбище.

* * *

Роман.

Эта история началась под палящим солнцем на голубом пляже: загорелые тела двух молодых существ — купание, игры в воде и на солнце, — летние вечера на дорогах вдоль пляжей, напоенные ароматом фруктов и испарениями, поднимающимися в глубокой тени, — расслабившееся тело в легких одеждах. Влечение, тихое тайное упоение в сердце семнадцатилетнего юноши.

Закончилась в Париже: холод или серое небо, голуби на черных камнях Пале-Руаяля, город и его огни, торопливые поцелуи, нервная беспокойная нежность, желание и благоразумие, овладевающее сердцем двадцатичетырехлетнего

мужчины, — «останемся друзьями».

* * *

Там же. Другая история, начавшаяся холодной ненастной ночью, на земле среди кипарисов, перед лицом неба, испещренного звездами и облаками; продолжавшаяся на алжирских холмах или в виду таинственного и широкого порта.

Касба — жалкая и величественная, кладбище Эль-Кеттар, низвергающее свои могилы в море, горячие мягкие губы среди цветов граната над какой-то могилой — деревья, холмы, подъем к высохшей и чистой Бузареа и возвращение к морю, вкус губ и сияние солнца в глазах.

Все начинается не с любви, но с желания жить. Далеко ли до любви, когда в большом квадратном доме над морем два тела, поднявшиеся сюда, в эту оторванную от мира комнату, под завывание ветра и глухое дыхание моря, слышные во тьме, приникают друг к другу и сливаются воедино? Чудесная ночь, когда надежда на рождение любви неотделима от дождя, неба и безмолвия земли. Точка равновесия двух существ, соединившихся телесно и породнившихся душевно благодаря общему безразличию ко всему в мире, кроме этого мига.

И этот миг, что-то вроде танца, она в стильном платье, он в костюме танцора.

* * *

Первые миндальные деревья в цвету на дороге, у моря. Всего за одну ночь они покрылись этим белоснежным покровом, таким хрупким, что не верится, как он может выдержать холод и дождь, который мочит все лепестки.

* * *

В троллейбусе.

Старая дама с лицом сводни, меж едва заметных грудей у нее болтается крест:

«Порядочные женщины умеют себя блюсти. Не то что эти, для которых от войны — одни выгоды. Муж на фронте, а она получает пособие и изменяет ему. Я одну такую знаю, она мне говорит: «Хоть бы он там подох. Дома был злой как пес! Не война же его исправит». Я ее убеждаю: «Теперь, когда он на фронте, надо его простить». Никакого толку. Нет, месье, этих женщин не исправишь. Это у них в крови, говорю вам, это у них в крови».

* * *

Февраль

Оран. Издалека, от Вальми, из поезда видна гора Санта-Крус, глубоко вросшая в землю, и сам собор, словно каменный перст, устремленный в синее небо.

В десять утра нужно непременно отправиться на бульвар Галлиени к чистильщику обуви. Свежий ветерок, яркое солнце, спешащие мужчины и женщины и необычайное довольство, которое ощущаешь, забравшись в высокое кресло и наблюдая за работой чистильщика. Дело сделано, все вычищено, отполировано, доведено до совершенства. В какой-то момент, видя, как чистильщик манипулирует мягкими щетками, и любуясь безукоризненным глянцем башмаков, думаешь, что изумительная операция закончена. Но тут неугомонная рука снова проходится по сверкающей поверхности, снимает с нее блеск, трет ее, яростно втирает ваксу внутрь, и из-под щетки начинает бить двойной и в самом деле безукоризненный блеск, исторгнутый из глубин кожи.

* * *

Дом колониста — воплощенная метафизика, мораль и эстетика. Торт, увенчанный египетским пскентом. Занятная мозаика, неведомо почему в византийском стиле, где очаровательные сестры милосердия в сандалиях несут корзины винограда, а длинная вереница рабов, одетых на античный манер, спешит к добродетельному колонисту в колониальном шлеме и в галстуке бабочкой.

* * *

Аустерлицкая улица и ее столетние евреи. Что ни разговор, то забавная сценка.

* * *

Такие костюмы, как от Мари-Кристин, «not only fashio-nable, but always up to date» [11]. Слабительные «только на крайний случай. Насилие над кишечником — это не дело».

---

[11] Примечания: 11
Не только модно, но всегда к сроку (*англ.*).

* * *

С дороги, тянущейся высоко в горах, скалы кажутся натыканными так густо, что пейзаж кажется вычурным и почти нереальным — человеку в нем совершенно нет места, ибо его тяжеловесная красота выглядит потусторонней.

* * *

Маленькая площадь Перл, где в два часа дня играют дети. Мечеть, минареты, скамейки, кусочек неба. Дребезжащий голос испанского радио. Я люблю эту площадь не в этот час, а в другой — я его хорошо себе представляю, — когда летнее небо уже не пышет жаром и на маленькой площади становится легче дышать; по ней прогуливаются женщины в обществе военных, мужчины, привлекаемые запахом анисовки, спешат в бары.

* * *

Женский роман. Единственная тема — искренность.

* * *

«Не пытай бессмертия, милая душа, — обопри на себя лишь посильное» (Пиндар — Третья Пифийская песнь) [12].

* * *

Персонажи.

Старик и его собака. Восемь лет ненависти.

Другой человек и его привычка говорить: «Он был прелестен, более того, приятен».

«Оглушительный, более того, умопомрачительный шум».

«Это черта вечная, более того, общечеловеческая». А.Т.Р.

* * *

Солнечное утро и голые тела. Душ, потом жара и свет.

* * *

Февраль

---

[12] Примечания: 12
Перевод М. Л. Гаспрова.

Это флорентийское лицо, говорящее о том, что его любовь и его прошлое были несчастными. Какова здесь доля игры? Какова доля волнения, такого сильного, такого потрясающего в одни моменты и такого сдержанного в другие?

* * *

М. — подобная душе Парижа. Это солнечное утро и город, полный света, — ее глаза, подобные городу и этой легкой жизни. «O dolore dei tyoi martiri, o diletto del tuo amore» [13].

* * *

«Она являет собой не любовь, но надежду на удачу, — все, что не является изгнанием, все, что является приятием жизни. И никогда еще надежда не имела такого волнующего лица. Кто может быть уверен, что любит? Но волнение все узнают сразу. Эта песня, это лицо, этот гибкий грудной голос, эта наполненная и независимая жизнь — вот все, чего я жду, на что уповаю. И если я откажусь от своих чаяний, они все равно останутся как обещания освобождения и как тот образ меня

---

[13] Примечания: 13

О, горечь причиняемых тобою мук, о, наслаждение твоей любви (*ит.).*

самого, с которым я не могу расстаться».

* * *

Март

Что означает это внезапное пробуждение — посреди этой темной комнаты, в шуме города, ставшего вдруг чужим? И все мне чужое, все, нет нигде близкого существа и негде залечить рану. Что я делаю здесь, к чему эти жесты, эти улыбки? Я не из этих краев — и не из других. И окружающий мир — всего лишь незнакомый пейзаж, где сердце мое уже не находит опоры.

Посторонний, могущий понять, что значит это слово.

* * *

Чуждо, признать, что все мне чуждо.

Теперь, когда все стало ясно, ждать и ничего не жалеть.

Во всяком случае, работать так, чтобы научиться до конца и молчать и творить. Все прочее, все прочее в любом случае не важно.

* * *

Вечер: События. Люди. Индивидуальные реакции.

Трувиль. У моря — плато, поросшее асфоделями. Маленькие виллы с верандами за зелеными или белыми заборами — одни спрятаны в зарослях тамариска, другие стоят открыто среди камней. Море тихо рокочет внизу. Но солнце, легкий ветерок, белизна асфоделей, яркая синь неба — все дает представление о лете, о его золотой поре, о загорелых девочках и мальчиках, зарождающихся страстях, долгих часах под солнцем и неожиданной мягкости вечеров. Какой еще смысл искать в нашей жизни, если не этот, и какой урок, если не урок этого плато: рождение и смерть, а между ними красота и меланхолия.

* * *

Р. С. Один из тех типов, которые, как говорится, стесняются пойти в туалет у всех на виду, но потом оказывается, что у них такая теория и, согласно этой теории, величие человека — в том, чтобы сознавать свою униженность. И тут уже

выходит, что привередливы не они, а мы.

* * *

С. Хочет написать дневник романа, который не написал его автор.

* * *

Единственной реакцией на человеческое общество все чаще и чаще становится индивидуализм. Человек сам себе цель. Все, что пытаются сделать ради общего блага, оканчивается провалом. А тому, кто все-таки хочет сделать попытку, подобает делать ее с нарочитым презрением. Полностью устраниться и блюсти собственные интересы. (Идиот.)

* * *

Мужчина получает письмо от мужа своей любовницы. В этом письме муж вопиет о своей любви и говорит, что, прежде чем дать волю ярости, он хочет поговорить непосредственно со своим соперником. Ярости-то любовник и боится больше всего на свете. Поэтому великодушие мужа приводит его в восхищение.

И чем сильнее он боится, тем громче говорит о своем восхищении. Он без устали твердит об этом и, значит, с виду преисполнен благородства. Он готов отказаться от всего, хотя бы из признательности мужу за его великодушие, он готов принести себя в жертву — безропотно, он не стоит своего соперника. Впрочем, во все это он верит лишь отчасти. Ведь немалую роль играет тут и страх получить по физиономии.

Собака на вилле. С. взял ее в дом, несмотря на протест матери. Собака крадет двух анчоусов. Видя, как мать гонится за убегающей в страхе собакой, С. кричит: «Стой, стой! Не сходи с ума».

Потом С.: Бедный пес, он уже верил в райскую жизнь.

Мать: Я тоже верила в райскую жизнь, но сроду ее не видела.

С.: Да, но он-то успел побывать в раю.

* * *

Спуск к морю над Мерс-эль-Кебиром. Цепь холмов и скал, окружающих бухту. Закрытое сердце.

* * *

Марсель. Ярмарка: «Жизнь? Небытие? Иллю-

зии? И все-таки правда». Большой барабан. Бум, бум, входите в Небытие.

* * *

На заре нового времени: «Совершилось!» Ладно, тогда начинаем жить.

* * *

Париж, март 1940 г.

Что отвратительно в Париже: нежность, чувство, мерзкая сентиментальность, которая называет прекрасное хорошеньким, а хорошенькое прекрасным. Нежность и отчаяние этого хмурого неба, мокрых блестящих крыш, этого бесконечного дождя.

Что замечательно: страшное одиночество. Словно лекарство от жизни в обществе: большой город. Теперь это единственная настоящая пустыня. Тело здесь уже не в цене, оно скрыто, запрятано под бесформенными шкурами. Только душа, душа со всеми ее порывами, хмелем, чересчур слезливыми переживаниями и прочим. Но еще и со своим единственным величием: молчаливым одиночеством. Когда смотришь на Париж с вершины Холма, он кажется ужасной,

запотевшей под дождем серой, бесформенной опухолью, вспучившей землю, если же повернуться к церкви Святого Петра на Монмартре, чувствуешь единство страны, искусства и религии. Все прожилки этих камней дрожат, все распятые и подвергшиеся бичеванию тела ввергают душу в такое же беспамятство и скверну, как и сам город.

Но с другой стороны — душа никогда не бывает права, и здесь она не права особенно. Ибо самые великолепные лица, которые она подарила этой религии, столь пекущейся о душе, высечены из камня по образу лиц из плоти и крови. И здешний Бог трогает нас прежде всего своим человеческим лицом. Странная ограниченность человеческого существования, которая мешает ему выйти за пределы человеческого, которая являет в плотском обличье символы, отрицающие тело. Они отрицают его, но пользуются его очарованием. Только тело великодушно. Римский легионер выглядит как живой благодаря огромному носу или сгорбленной спине, Пилат — благодаря выражению беспредельной скуки, которое увековечено в камне.

Христианство это поняло. И если оно тронуло нас так давно, то именно благодаря тому, что его

Бог принял облик человека. Но правда и величие этого Бога кончаются на кресте, в тот миг, когда он вопиет о своей покинутости. Вырвем последние страницы из Евангелия, и перед нами окажется человеческая религия, культ одиночества и величия. Конечно, она невыносимо горька. Но в этом ее правда, а все остальное — ложь.

Отсюда следует, что целый год одинокой жизни в убогой каморке в Париже учит человека большему, чем сотня литературных салонов и сорок лет опыта «парижской жизни». Это существование суровое, страшное, порой мучительное, постоянно балансирующее на грани безумия. Но это соседство должно либо закалить и укрепить мужество человека, либо сломить его. Впрочем, если мужество оставит вас, значит, оно не было жизнестойким.

* * *

Эйзенштейн и празднества Смерти в Мексике. Мрачные маски на забаву детям, сахарные черепа, которыми они с наслаждением хрустят. Смерть смешит детей, она веселая, сладкая, сахарная. Отсюда «покойнички». И в конце — «Наша подружка Смерть».

Париж.

Женщина с верхнего этажа покончила с собой, выбросившись из окна. Ей был тридцать один год, сказал один из жильцов, — этого довольно, и если она успела пожить, то можно и умереть. В доме еще бродит тень драмы. Иногда она спускалась и просила у хозяйки позволения поужинать с ней. Внезапно она принималась целовать ее — из потребности в общении и теплоте. Это кончилось шестисантиметровой вмятиной на лбу. Перед смертью она сказала: «Наконец-то!»

* * *

Париж.

Черные деревья на фоне серого неба и голуби цвета этого неба. Статуи в траве и это томное изящество…

Взлет голубей, словно хруст разворачиваемого белья. Воркование в зеленой траве.

* * *

Париж.

Маленькие кафе в пять утра — окна запотели — варится кофе — посетители Центрального рынка и торговцы — утренняя рюмочка и божоле.

Часовня Сент-Шапель. Туманы — воздушные

пути и фонари.

* * *

Леже. Этот дух — эта метафизическая живопись, которая переосмысляет материю. Занятно: когда начинают переосмыслять материю, постоянным остается лишь то, что являлось *видимостью*, — цвет.

* * *

Тип в пивной, который слышит, как дама звонит по телефону, называя его номер и его имя. Он отвечает. Она говорит с *ним* так, словно он находится на другом конце провода (семья, все подробности и т. д.). Он не понимает. Вот так.

* * *

Бесперспективно.

«Произведения, о которых говорит здесь Ж.М., были сожжены.

Но совершенно ясно, что он с таким же успехом мог их опубликовать и встретил бы только безразличие или возражения, что, в сущности, одно и то же». С.Л.

* * *

Чтобы передать пульсацию жизни и дыхание, писать всю жизнь. «Сегодня мне двадцать семь лет» и т. д.

* * *

Использовать систему, комментируя (или вкратце все изложить в предисловии).

* * *

Испанский солдатик в ресторане. Ни одного слова по-французски, обращается ко мне, страдая без человеческого участия. Эстремадурский крестьянин, борец за республику, концентрационный лагерь в Аржелесе, вступил во французскую армию. Когда он произносит слово «Испания», ее небо отражается в его глазах. У него недельный отпуск. Он приехал в Париж, и город в несколько часов раздавил его. Не зная ни слова по-французски, блуждая в метро, чужой, чуждый всему, кроме родной земли, он мечтает о встрече с однополчанами. И даже если ему суждено сдохнуть под низким небом среди грязных луж, пусть это

хотя бы будет рядом с земляками.

* * *

Апрель

В Гааге. Человек живет в пансионе, не подозревая, что это бордель. В столовой никогда ни души. Он спускается в халате. Входит какой-то господин в визитке и цилиндре. Он чопорен, степенен и чернокож. Он заказывает самые дорогие блюда. В столовой воркует голубка. Пообедав, господин удаляется, оставив плату на столе. Внезапно наступает тишина. Официант возвращается и приходит в ужас: негр унес в своем шапокляке голубку.

* * *

Роман (часть вторая — последствия).

Человек (И.Х.) назначил себе такой-то день для смерти — довольно близкий. И сразу получил удивительное превосходство над всеми общественными и прочими силами.

* * *

В метро коротышка военный. Лет сорока. Пыта-

ется пригласить на свидание довольно молодую девицу. «Быть может, вы позволите мне зайти к вам через несколько дней, когда я снова буду в городе?» — «Нет, меня брат будет ругать». — «Да, наверно, это вполне естественно, вы правы. А можно вам написать?» — «Нет, давайте лучше где-нибудь встретимся». Он теряется, слыша, что она впрямую соглашается на то, чего он пытался добиться окольными путями. «Да, конечно, конечно. Да, вы правы, совершенно правы, так лучше. Ну-ка, посмотрим. Завтра у нас понедельник… Да, понедельник. Посмотрим, в котором часу. Я пытаюсь сообразить, знаете ли, потому что при моей работе… Да, так завтра понедельник. Давайте в пять?»

Она (с прежней прямотой): Вы не можете попозже?

Он (в том же смятении): Да, да, вы опять правы.

Она: В восемь.

Он: Да, да, в восемь. В «Террасе», если вы не против.

Она: Хорошо.

Он молчит. Но чувствуется, что его внезапно охватил страх, который он тщательно скрывает. Он хочет принять меры предосторожности,

чтобы свидание, которого он так легко добился и которое для него так много значит, не сорвалось. «А если вы вдруг не сможете, я вам напишу?» — «Нет, лучше не надо». — «Тогда давайте на всякий случай договоримся о другой встрече, если вы вдруг не сможете завтра». — «Хорошо, в четверг в восемь на том же месте». Он доволен, но вдруг пугается, как бы это второе свидание не обесценило первое, завтрашнее. «Но завтра мы встречаемся непременно, не так ли? Это только на всякий случай». — «Да», — отвечает она. Она выходит на площади Согласия, а он у вокзала Сен-Лазар.

* * *

Художник отправляется в Пор-Кро, чтобы делать зарисовки. Там так красиво, что он покупает дом, убирает свои картины и больше к ним не притрагивается.

* * *

Почувствовать в «Пари-Суар» все сердце Парижа и его гнусный дешевый дух. Мансарда Мими превратилась в небоскреб, но сердце осталось прежним. Оно развращено. Сентиментальность,

тяга к ярким цветам, самолюбование, все эти сомнительные прибежища человека в городе, столь суровом к человеку.

* * *

Вы не писали бы столько об одиночестве, если бы умели извлекать из него все возможное.

* * *

«Я, — говорит он, — человек обоняния. А это чувство не годится ни для какого искусства. Только для жизни».

* * *

Новелла. Священник в провансальской деревне, довольный своей участью. По случайности присутствует при последних минутах осужденного на смерть. Утрачивает веру.

* * *

Апрель

Предисловие к Терначини. ...Многие из нас тоже тоскуют по изгнанничеству, питают к нему пристрастие. Земли Италии и Испании

воспитали столько европейских душ, что стали достоянием Европы, всей мыслящей Европы, которая всегда будет одерживать верх над Европой, выкованной оружием. В этом, быть может, значение этих страниц. Но так обстояло дело уже двести лет назад. Так оно обстоит и сейчас. И ни в коем случае не надо терять надежду, что так будет обстоять дело и в тот день, когда на руинах в конце концов распустятся цветы.

* * *

2-я серия. Для Дон Жуана. Смотри «Ларусс»: монахи-францисканцы убили его и распустили слух, что Командор его испепелил. Последний акт. Обращение францисканцев к народу: «Дон Жуан уверовал» и т. д. «Слава Дон Жуану».

Предпоследний акт: вызов Командору, который не приходит. Горечь от сознания собственной правоты.

* * *

2-я серия. Для Дон Жуана.

(Святой отец и Дон Жуан выходят из покоев Дон Жуана, и тот провожает монаха к двери.)

Начало I.

Монах-францисканец: Так вы ни во что не верите, Дон Жуан?

Дон Жуан: Напротив, святой отец, верю в три вещи.

Монах: Можно узнать, в какие?

Дон Жуан: Я верю в храбрость, ум и женщин.

Монах: В таком случае мне ничего не остается, кроме как пожалеть о вас.

Дон Жуан: Да, если счастливый человек достоин жалости, святой отец.

Монах (*в дверях*): Я буду молиться за вас, Дон Жуан.

Дон Жуан: Благодарю вас, святой отец. Я вижу в этом проявление отваги.

Монах (*мягко*): Нет, Дон Жуан, здесь проявляются два чувства, которых вы упорно не признаете: милосердие и любовь.

Дон Жуан: Мне ведомы только нежность и великодушие, — мужественные формы этих женских добродетелей. Но прощайте, святой отец.

Монах: Прощайте, Дон Жуан.

* * *

Май

«Посторонний» закончен.

* * *

Дивный «Мизантроп» с его грубыми контрастами и типическими характерами.

Альцест и Филинт

Селимена и Элианта

Однообразие Альцеста — абсурдное следствие характера, доведенного до крайности, — вот и весь сюжет. И стих, «дурной стих», почти такой же монотонный, как и характер.

* * *

Исход.

Клермон. Сумасшедший дом и его странные башенные часы. Гнусные рассветы в пять утра. Слепцы — местный безумец, который весь день рычит, — наша земля в миниатюре. Здесь все притягивают к себе два полюса, море и Париж. Именно в Клермоне можно узнать Париж.

* * *

Сентябрь

Закончена первая часть Абсурда.

Человек стирает с лица земли свой дом, сжига-

ет свои поля и посыпает их солью, чтобы они не достались другим.

* * *

Мелкий служащий Французского банка. Когда его переводят в Клермон, пытается сохранить верность старым привычкам. Это ему почти удается. Но есть неуловимая разница.

* * *

Октябрь 1940 г. Лион.

Святой Фома Аквинский (будучи подданным Фридриха) признает за подданными право на бунт. Ср. Бауманн. «Политика святого Фомы», с. 136.

* * *

В Падуе, опустошенной чумой и осажденной венецианцами, последний из рода Каррара с воплями метался по залам своего дворца: он призывал дьявола и молил его о смерти.

Где-то, кажется, в Сиене, один кондотьер спас город. Он требует награды. Мнение народа: «Ничто и никогда не будет ему достойной наградой,

даже высшая власть. Убьем его. А после будем ему поклоняться». Так они и сделали.

Джан-Паоло Бальоне, о котором Макиавелли говорит, что, упустив случай убить папу Юлия II, он упустил случай обессмертить свое имя.

Бурхард: «Коварство, нечестивость, воинская доблесть и обширные познания — все эти качества слились в Дж. Малатесте» (умер в 1417 г.).

Филиппо Мария Висконти, миланский кондотьер, не желал слышать о смерти и отсылал с глаз долой своих умирающих фаворитов. Тем не менее, по словам Бурхарда, «он встретил смерть благородно и достойно».

В Равенне народ забирал свечи с алтаря и ставил их перед могилой Данте: «Ты больше достоин их, чем тот, распятый».

* * *

Новелла: Рона, Сона, вниз по течению, одна скачет, другая запинается и в конце концов, слившись с первой, исчезает в ее волнах. По ним плывут двое: параллель.

* * *

Новелла: история Y.

* * *

Терне. Маленькая деревушка, пустынная и холодная, возвышается над Роной. Серое небо и ледяной ветер, словно облегающее платье. Земли под паром. Несколько черных борозд, а над ними вороны. Маленькое кладбище, сливающееся с небом: все они были примерными супругами и примерными отцами. Все они оставили по себе вечную память.

* * *

Старая церковь с копией картины Буше. Служительница, сдающая напрокат стулья: она так испугалась, когда налетели немецкие бомбардировщики. В последнюю войну коммуна потеряла тридцать человек. Нынче всего восемнадцать человек в плену, но и это немало. Сейчас состоится венчание молодой пары. Учительница, беженка из Эльзаса, потерявшая связь с родными. «Как вы думаете, месье, это скоро кончится?» Сын ее погиб в 14-м году, он был тяжело ранен, она поехала к нему и видела, как наши отступали на Марне. Она увезла его с собой, он умер дома. «Я там такого навидалась, ввек не забуду».

На дворе все то же небо и все тот же холод. Распаханная земля и ровная, сверкающая река, которая течет внизу, время от времени покрываясь легкой рябью. Чуть подальше зал ожидания на вокзальчике в Серрезене. Освещение, соответствующее военному времени; афиши, приглашающие счастливо жить в Бандоле, — в полутьме. Печка погасла, ее холодные плитки все в разводах от поливки дезинфицирующими средствами. Предстоит час ожидания под стук далеких поездов и вой вечернего ветра над долиной. Так близко и так одиноко. Здесь приближаешься вплотную к своей свободе, и до чего же она ужасна! Единство, единство с этим миром, где цветам и ветру никогда не искупить всего остального.

* * *

Декабрь

(Египет.)

Греки — Этруски — Рим и его упадок — Александрия и христиане — Священная Римская империя и дерзость мысли — Прованс и провансальские еретики — итальянский Ренессанс — елизаветинцы — Испания — от Гёте до Ницше — Россия.

Индия, Китай, Япония.

Мексика — Соединенные Штаты.

Стили — от дорической колонны через готику и барокко к цементной арке.

История — Философия — Искусство — Религия.

П.С.М.

* * *

Декабрь

Греки. История — Литература — Искусство — Философия.

* * *

Сознательно или бессознательно женщины всегда пользуются чувством чести и верности данному слову, которое так сильно развито у мужчин.

* * *

Сыны Каина — во всей красе. Господь видит убийство Авеля, но ничему не препятствует. Но страдание закаляет Каина. Господь готов простить его, но Каин отвергает прощение: «От лица твоего я скроюсь».

(Или стихотворение — там же, Иуда.)

* * *

Оран. Январь 1941 г.

История II. Старичок, бросающий из окна второго этажа обрывки бумаги, чтобы привлечь кошек. Потом он на них плюет. Когда плевок попадает в одну из кошек, старик смеется.

* * *

Нет ни одного места, которое оранцы не испоганили бы какой-нибудь мерзкой постройкой, способной перечеркнуть любой пейзаж. Город, который отворачивается от моря и строится, вертясь вокруг своей оси, как улитка. Люди блуждают по этим неприветливым и уродливым улицам, ища море, как нить Ариадны. Но из этого лабиринта выхода нет. В конце концов оранцев пожирает Минотавр — это скука.

Но все напрасно: одна из самых могущественных земель на свете разрушает злосчастные декорации, которые на ней понастроили, и между домами и над крышами раздаются ее громкие стоны. А жизнь, которую можно вести в Оране вопреки скуке, достойна его земли. Оран доказывает, что в людях есть нечто более сильное, чем

их творения.

Тот, кто не бывал в Оране, не знает, что такое камень. В этом городе, одном из самых пыльных на свете, булыжник и камень правят бал. В других местах арабские кладбища славятся своей умиротворенностью. Здесь, у моря, над дорогой Разэль-Аин, белые россыпи меловых камней на фоне синего неба слепят глаза. Среди этих останков местами, подобная свежей крови и жизни, алеет герань.

* * *

О Флоренции и Афинах пишут книги. Раз эти города воспитали столько европейских умов, значит, в них что-то есть. Они способны растрогать и возвысить. Они утоляют голод души, питающейся воспоминаниями. Но никому бы не пришло в голову писать о городе, где нет пищи для ума, где царит уродство, где нет места прошлому. А между тем это бывает весьма заманчиво.

Почему люди проявляют привязанность и интерес к тому, что ничего не может дать взамен? Эта пустота, это уродство, эта скука под великолепным неумолимым небом — что в них соблазнительного? Я могу ответить: творение. Для определенного типа людей творение всюду,

где оно прекрасно, — отечество с тысячью столиц. Оран — одна из них.

Кафе. Лангустины, вертела, улитки под обжигающим рот соусом. Их запивают отвратительным сладким мускатом. Такого не придумаешь. Рядом слепой поет фламенко.

* * *

Холмы над Мерс-эль-Кебиром — совершенство пейзажа.

* * *

«Неволя и величие солдата». Чудесная книга, которую стоит перечитать в зрелом возрасте.

«Монтекукулли, который после гибели Тюренна отступил, не пожелав продолжать игру против посредственного партнера».

Честь — «это добродетель исключительно человеческая, словно порожденная самою землею, не сулящая небесного венца после смерти; добродетель эта неотделима от жизни».

* * *

Оран. Дорога в Нуазе: долгий путь меж двух

склонов, выжженных и пыльных. Земля трескается под солнцем. Мастиковые деревья цвета камней. Небо наверху исправно расходует свои запасы жары и огня. Понемногу мастиковые деревья крепнут и зеленеют. Растительность входит в силу, поначалу незаметно, потом с ошеломляющей быстротой. В конце долгого пути мастиковые деревья постепенно сменяются дубами, все разом увеличивается в размерах и смягчается, а затем за поворотом вдруг открывается поле цветущего миндаля: словно прохладная вода для глаза. Маленькая долина кажется потерянным раем.

Дорога по склону холма над морем. Проезжая, но заброшенная. Сейчас она заросла цветами. Она стала бело-желтой от маргариток и лютиков.

* * *

21 февраля 1941 г.
Окончен «Сизиф». Все три Абсурда завершены. Начатки свободы.

* * *

15 марта 1941 г.
В поезде.
— Вы действительно знали Кана?

— Кана? Такой высокий, худой, с черными усиками?

— Да, который был стрелочником в Бель-Аббесе.

— Конечно, знал.

— Он умер.

— Надо же! От чего?

— От чахотки.

— Смотри-ка, кто бы мог подумать.

— Да, но ведь он еще играл в духовом оркестре. Вечно дул в трубу — это его и свело в могилу.

— Да, наверно. Когда человек болен, надо беречь себя. Нечего дудеть на корнет-а-пистоне.

* * *

Дама, имеющая такой вид, словно она уже три года страдает запором: «Представляете, эти арабы закрывают лица своим девушкам. Они совершенные дикари!»

Слово за слово, она излагает нам свой идеал культурной жизни: муж, получающий 1200 франков в месяц, двухкомнатная квартира, с кухней и подсобными помещениями, кино по воскресеньям, а в будние дни — жизнь среди мебели из галереи Барбес.

* * *

Абсурд и Власть — тщательно изучить (ср. Гитлер).

* * *

18 марта 1941 г.

Возвышенности над Алжиром весной утопают в цветах.

Медовый запах желтых роз течет по улочкам. На верхушках гигантских черных кипарисов вдруг распускаются глицинии, стебли которых незаметно ползут вверх, скрытые хвоей. Легкий ветерок, огромный спокойный залив. Простое и сильное желание — и как же нелепо покидать все это.

* * *

Санта-Крус и путь вверх меж сосен. Чем выше поднимаешься, тем огромнее кажется залив — и так до самой вершины, где взор теряется в безбрежности. Безучастность — мне тоже случается совершать паломничества.

* * *

19 марта

Каждый год на пляжах как цветники — множество девушек. Они цветут только один сезон. На следующий год на их месте расцветают другие красавицы, прошлым летом бывшие еще маленькими девочками. Для человека, который на них смотрит, они как волны, ежегодно обрушивающиеся всем своим грузом и великолепием на желтый песок.

* * *

20 марта

Об Оране. Написать биографию ничтожную и абсурдную. Кстати о Каине: неизвестное ничтожество, изваявшее ничтожных львов на площади Оружия.

* * *

21 марта

Весенние купания в ледяной воде. Мертвые медузы на отмелях: желе, постепенно увязающее в песке. Гигантские бледные дюны. Море и песок

— две пустыни.

* * *

Еженедельник «Гренгуар» требует переброски лагерей для испанских беженцев на крайний юг Туниса.

* * *

Освободиться от этого рабства — влечения к женщинам.

* * *

По Розанову, Микеланджело, Леонардо творили, а революция вырвет им язык и убьет их в двенадцать-тринадцать лет, как только они проявят свою личность, свою самобытную душу.

* * *

«Без греховного начала человек не смог бы жить, а без святого жил бы припеваючи». Бессмертие — идея бесперспективная.

* * *

Шакья-Муни долгие годы провел среди пустыни, в неподвижности, устремив взор в небо. Сами боги завидовали его мудрости и окаменению. В его оцепеневших протянутых руках свили гнездо ласточки. Но однажды они улетели навсегда. И тот, кто убил в себе желание и волю, славу и боль, заплакал. Так на камнях вырастают цветы.

* * *

«They may torture, but shall not subdue me» [14].

* * *

«Аббат: Зачем не жить, не действовать иначе?

Манфред: Затем, что я всегда гнушался жизни» [15].

* * *

Чем руководствуется сердце? Любовью? Что

---

[14] Примечания: 14
Они могут меня мучить, но не заставят покориться (*англ.*).

[15] Примечания: 15
Перевод И. А. Бунина.

может быть ненадежнее? Можно знать, что такое любовное страдание, но не знать, что такое любовь. Тут и утрата, и сожаление, и пустые руки. Пусть я не буду сгорать от страсти, при мне останется тоска. Ад, где все сулит рай. И все-таки это ад. Я называю жизнью и любовью то, что меня опустошает. Отъезд, принуждение, разрыв, мое беспросветное сердце, разорванное в клочья, соленый вкус слез и любви.

* * *

Ветер, одна из немногих чистых вещей на свете.

* * *

Апрель. II серия.

Мир трагедии и дух мятежа Будеёвице (3 действия).

Чума или приключение (роман).

* * *

Чума-избавительница.

Счастливый город. Люди живут каждый по-своему. Чума ставит всех на одну доску. И все

равно все умирают. Дважды бесполезно. Философ пишет там «антологию незначительных поступков». Ведет, в этом свете, дневник чумы. (Другой дневник, в патетическом свете. Преподаватель греческого и латыни. Он выясняет, что до сих пор не понимал Фукидида и Лукреция.) Его любимая фраза «По всей вероятности». «Трамвайная компания имела в своем распоряжении только 760 рабочих вместо 2130. По всей вероятности, в этом повинна чума».

Черный гной, сочащийся из язв, убивает веру в молодом священнике. Он хочет бежать, «Если я уцелею…» Но ему не удается спастись. За все приходится платить.

Тела увозят на трамваях. Целые составы, груженные трупами и цветами, идут вдоль моря. Кондукторов увольняют: пассажиры не платят за проезд.

Агентство «Рэнсдок-СВП» дает все справки по телефону. «Сегодня двести жертв, месье. Мы запишем два франка на ваш телефонный счет». «Невозможно, месье, гробы поступят не раньше, чем через четыре дня. Позвоните в Трамвайную компанию. Мы запишем…» Агентство рекламирует свою деятельность по радио: «Вы желаете знать ежедневно, еженедельно, ежемесячно чис-

ло жертв чумы? Обратитесь в «Рэнсдок» — пять телефонных номеров: 353–91 и следующие».

Город закрывают. Люди умирают скопом, вдали от остального мира. Однако находится господин, не расстающийся со своими привычками. Он продолжает переодеваться к обеду. Члены семьи один за другим исчезают из-за стола. Он умирает, глядя в свою тарелку, при полном параде. Как говорит служанка: «Хоть какой-то прок. Нет нужды его обряжать». Покойников уже не хоронят, их выбрасывают в море. Но их слишком много, они напоминают чудовищную пену на синеве моря.

Один мужчина видит на лице любимой женщины следы чумы. Никогда он не будет любить ее так сильно. Но никогда она не была ему так противна. Он борется с собой. Но верх все-таки одерживает тело. Его обуревает отвращение. Он хватает ее за руку, стаскивает с кровати, тащит через комнату, прихожую, коридор, по двум улочкам, потом по главной улице. Он бросает ее в сточную канаву. «В конце концов, есть и другие женщины».

Напоследок берет слово самый незначительный персонаж. «В каком-то смысле, — говорит он, — это бич Божий».

* * *

Тем временем: брошюрка об Оране. Греки.

* * *

Все старания западного искусства сводятся к тому, чтобы предложить воображению разные типы. И история европейской литературы кажется не чем иным, как цепью вариаций на заданные темы и бесконечным развитием этих типов. Расиновская любовь — вариация такого типа любви, который, быть может, не встречается в жизни. Это упрощение — стиль. Запад не изображает свою будничную жизнь. Он вечно рисует великие образы, которые вдохновляют его. Он их ищет. Он хочет быть Манфредом или Фаустом, Дон Жуаном или Нарциссом. Но приблизиться к ним не удается. Всегда побеждает стадное чувство. С горя Запад изобрел киногероя.

* * *

Дюны у моря — теплый рассвет и обнаженные тела в первых, еще черных и горьких волнах. Вода давит. Мы погружаем в нее тело, а потом бежим

по пляжу в первых лучах солнца. Все летние утра на пляжах кажутся первозданными. Все летние вечера похожи на величественный конец света. Вечера на море были безграничны. Солнечные дни среди дюн были изнурительны. В два часа дня невозможно пройти по раскаленному песку и сотни метров. Жара пьянит. Ни шагу больше. Солнце убивает. По утрам красота коричневых тел на светлом песке. Страшная невинность игр и обнаженных тел в слепящем свете.

Ночью при луне дюны кажутся белыми. Незадолго до того, в вечерних сумерках, все цвета становятся гуще, ярче. Ультрамариновое море, красная, цвета свернувшейся крови, дорога, желтый пляж. Все меркнет вместе с зеленым солнцем, и дюны мерцают в лунном свете. Ночи безмерного счастья под звездным дождем. Что прижимаем мы к себе, тело или теплую ночь?

А эта грозовая ночь, когда молнии мчались вдоль дюн, бледнели, оставляя на песке и в глазах оранжевые или белесые отсветы. Эти незабываемые свадебные торжества. Возможность написать: я был счастлив целую неделю.

* * *

Приходится платить и мараться в низком человеческом страдании. Грязный, отвратительный и липкий мир боли.

* * *

«Крики ужаса и вопли оглашали даль соленую, покуда око ночи не сокрыло нас» [16] (Персы — битва при Саламине).

* * *

В 477 году, чтобы закрепить Делосский союз, в море были брошены железные слитки. Клятва о союзе должна была длиться так же долго, как долго железо пролежит в воде.

* * *

Политики не сознают, насколько равенство враждебно свободе. В Греции были свободные люди, потому что были рабы.

---

[16] Примечания: 16
Перевод С. Апта.

* * *

«Лишать народ свободы под предлогом того, что он не умеет ею пользоваться, — тяжкое преступление» (Токвиль).

* * *

Проблема искусства есть проблема перевода. Плохие писатели те, кто пишет, считаясь с внутренним контекстом, не известным читателю. Нужно писать как бы вдвоем: главное здесь, как и везде, — научиться владеть собою.

* * *

Рукописи о войне пленных, фронтовиков. Немыслимый опыт ничему не научил их. Полгода службы в почтовом ведомстве были бы для них столь же поучительны. Они вторят газетам. То, что они в них прочли, поразило их гораздо больше, нежели то, что они видели собственными глазами.

* * *

«Пришла пора доказать делами, что досто-

инство человека не уступает величию богов» («Ифигения в Тавриде»).

* * *

«Я хочу власти, обладания. Действие — все, слава — ничто» («Фауст»).

* * *

Для человека мудрого в мире нет тайн, какая ему нужда блуждать в вечности?

* * *

Воля — тоже одиночество.

* * *

Лист о Шопене: «Отныне искусство стало для него лишь средством обречь самого себя на трагедию».

* * *

Сентябрь. Все можно устроить: это просто и очевидно. Но вмешивается человеческое страдание и разрушает все планы.

* * *

Искушение погубить себя и все отринуть, не быть ни на кого похожим, навсегда уничтожить то, что нас определяет, предаться одиночеству и небытию, найти единственную точку опоры, где судьбы всякий раз могут начаться сначала. Искушение это постоянно. Поддаться ему или нет? Можно ли вносить одержимость произведением в глубь кипучей жизни, или надо, наоборот, равнять по нему свою жизнь, подчиняться мгновенным озарениям? Красота — главная моя забота, так же как и свобода.

* * *

Ж. Копо: «В великие эпохи не ищите драматического поэта в его кабинете. Он на театре, среди своих актеров. Он актер и режиссер».

Мы не принадлежим великой эпохе.

* * *

О греческом театре:

Г. Мотис: Эсхил и его трилогия.

Афинская аристократия.

Наварр: Греческий театр.

* * *

В пантомиме бродячие артисты говорят на непонятном языке (фарсовое эсперанто) — непонятен не смысл, а сама жизнь.

Шансерель справедливо настаивает на важности пантомимы. Тело в театре: весь современный французский театр (кроме Барро) забыл о нем.

* * *

Состав Zibaldone [17] в комедии дель арте. (Луи Молан: «Мольер и итальянская комедия») (Лоскутный занавес).

* * *

Умирающий Мольер просил принести его в театр, чтобы не лишать платы за представление актеров, музыкантов, рабочих сцены, «у которых нет иного заработка».

Книга Шансереля интересна, несмотря на один недостаток: она способна навеять уныние. Знаменательно также видеть, как человек, занятый

---

[17] Примечания: 17

Смесь, мешанина (*ит.).*

влиянием театра на нравы, рекомендует репертуар, где фигурируют елизаветинцы. Мы уже отвыкли от такого склада ума.

* * *

Мнение Никола Клемана, библиотекаря Людовика XIV, о Шекспире: «Этот английский поэт обладает довольно богатым воображением, он изъясняется остроумно, но эти достоинства омрачает сквернословие, которым он грешит в своих комедиях».

Великий век был великим единственно благодаря уродованию души и ума, очевидному на примере Клемана. Меж тем английский поэт замечательно писал в трагедии о Ричарде II: «Поговорим о смерти, о червях. Нам прах земной взамен бумаги будет» [18]. А Уэбстер: «Человек словно кассия; чтобы услышать его вонь, его надо растолочь».

* * *

Маски, дивертисменты на случай. Танцоры своими движениями чертили на полу инициалы

---

[18] Примечания: 18
Перевод М. А. Донского.

молодоженов, в чью честь давался праздник.

* * *

«Oh: no, there is not the end, the end is death and madness» [19] (Кид. «Испанская трагедия»), а Марло в тридцать лет умирает от удара кинжала в лоб, убитый сыщиком.

* * *

Пятьдесят три рукописных пьесы из собрания Уорбертона (Филип Мессинджер и Флетчер), сожженные искусной поварихой, которая обкладывала ими формы для своих пирогов. Таков итог.

* * *

Ср. Жорж Конн: «Тайна Шекспира»
(Буавен).
«Современное шекспироведение» (Дидье).

* * *

Октябрь

---

[19] Примечания: 19
О нет, это не конец, конец — это смерть и безумие (*англ.*).

Чума. Бонзельс, с. 144 и 222.

1342 — Черная чума над Европой. Убивают евреев.

1481 — Чума опустошает юг Испании. Инквизиция говорит: евреи. Но от чумы гибнет один из инквизиторов.

* * *

Во II веке шли споры о физическом облике Иисуса. Святой Кирилл и Святой Юстин: чтобы воплощение обрело весь свой смысл, облику Христа надлежало быть мерзким и отвратительным (Святой Кирилл: «самый ужасный из сынов человеческих»).

Но греческий дух: «Если он не прекрасен, то он не Бог». Победили греки.

* * *

О катарах — Дуэ: «Еретики на Юге в XIII веке».

* * *

Красавица Сембра. Доносит на своего отца, который участвует в заговоре против инквизиции, потому что у нее есть возлюбленный кастилец и

они «conversos» [20]. Она уходит в монастырь. Снедаемая похотью, покидает его. Рожает нескольких детей. Дурнеет. Умирает под покровительством одного бакалейщика — требует, чтобы ее череп повесили над входной дверью как напоминание о ее беспутной жизни. В Севилье.

* * *

Александр Борджиа был первым, кто воспротивился Торквемаде. Слишком мудрый и «благовоспитанный», чтобы смириться с этим зверством.

* * *

Смотри Гердера: «Идеи к философии истории человечества».

* * *

Те, кто творил в разгар смутного времени: Шекспир, Мильтон, Ронсар, Рабле, Монтень, Малерб.

---

[20] Примечания: 20
Новообращенные (*исп.*).

* * *

В Германии национальное чувство изначально отсутствовало. Его заменяло расовое сознание, созданное сплошь интеллектуалами. *Оно гораздо более агрессивно*. Немца волнует внешняя политика, француза — внутренняя.

* * *

Об однообразии. Однообразие последних произведений Толстого. Однообразие индуистских книг — однообразие библейских пророчеств — однообразие Будды. Однообразие Корана и всех религиозных книг. Однообразие Ницше — Паскаля — Шестова — ужасное однообразие Пруста, маркиза де Сада и т. д.

* * *

При осаде Севастополя Толстой выскакивает из траншеи и бежит к бастиону под непрерывным огнем противника: он увидел крысу, а крыс он страшно боялся.

* * *

Политика никогда не бывает предметом поэзии (Гёте).

Добавить к Абсурду цитату из Толстого как образец логической непоследовательности: «Если все земные блага, ради которых мы живем, если все наслаждения, которые дает нам жизнь, богатство, славу, почести, отнимает у нас смерть, то эти блага не имеют никакого смысла. Если жизнь не бесконечна, она просто-напросто нелепа — в таком случае жить не стоит и надо поскорее покончить с собой и избавиться от жизни» («Исповедь»).

Но дальше Толстой поправляет себя: «Существование смерти обязывает нас либо добровольно уйти из жизни, либо придать жизни *“такой смысл, который не уничтожается смертью”».*

* * *

Страх и боль: самые мимолетные из эмоций, говорит Бёрд.

На Севере в полном одиночестве он замечает, что существуют телесные потребности, не менее настоятельные, чем духовные. «*Тело не может*

обходиться без звуков, запахов и голосов».

* * *

Т. Э. Лоуренс, вновь завербовавшийся после войны *простым солдатом* и вдобавок под чужим именем. Следует проверить, принесет ли анонимность то, чего не смогла дать слава. Он отвергает королевские награды, отдает свой военный крест собаке. Он анонимно посылает свои рукописи издателям, и те их отвергают. Несчастный случай на мотоцикле.

Отсюда определение А. Фабр-Люса: сверхчеловек узнается по суровости, с какой он замыкается в истории, и по внутренней свободе, какую он обретает по отношению к ней.

* * *

После повторного чтения: «Записки Мальте Лауридса Бригге» — книга незначительная. Виноват Париж. Это парижское поражение. Парижская зараза, которую не удалось побороть. Напр.: «Мир считает одиночку врагом». Наверно, миру на него наплевать, и это его право.

Единственная стоящая вещь: история Арвера, которого смерть застает в момент, когда он ис-

правляет ошибку во французской фразе: «Надо говорить “Коридор”».

* * *

Как говорит Ньютон: думая об этом непрестанно.

* * *

Жан Итье о драматурге: «Он делает что хочет, при условии делать то, что нужно».

* * *

Для Монтерлана (упадок рыцарства по вине женщин). «Жан из Сентре», с. 108. МА.ЛФ.

* * *

Пьер де Лариве: переводчик. «Духи», перевод из Лоренцино Медичи — Сент-Эвремон.

* * *

Все мысы побережья похожи на готовую к отплытию флотилию. Эти скалистые и лазурные корабли покачиваются на своих килях, словно

готовясь отплыть к залитым светом островам. Вся Оранская область готова отправиться в путь, и ежедневно в полдень ее охватывает лихорадочная жажда приключений. Быть может, настанет утро, когда мы уедем вместе.

* * *

В разгар жары над гигантскими дюнами мир сжимается и сокращается. Это жаркая кровавая клетка. Он ограничен моим телом. Но стоит вдали зареветь ослу, и дюны, пустыня, небо вновь обретают свое бытие в пространстве. А пространство это бесконечно.

* * *

Эссе о трагедии.
I. Молчание Прометея.
II. Елизаветинцы.
III. Мольер.
IV. Дух мятежа.

* * *

«Чума». «Мне хочется чего-нибудь справедливого». — «Справедливое требование. Пожалуйста

— вот чума».

* * *

«Ночь», «настоящая ночь», скольким людям она нынче ведома? Вода и земля, вновь наступившая тишина. «И душа моя тоже подобна чистому ключу». Ах! Пусть мир удалится, пусть мир замолкнет. Там, над Польенсой…»

Покончить с этой пустотой в сердце — отринуть все, что его иссушает. Если здесь нет живой воды, чего ради хранить верность себе?

* * *

В какой-то момент перестаешь испытывать любовное волнение. Остается только трагизм. Жить ради кого-то или чего-то становится уже бессмысленно. Смысл обретает только мысль о том, чтобы можно было за что-то умереть.

* * *

В Спарте один человек навлек на себя публичное порицание эфора за то, что имел слишком большой живот.

Афинская поговорка называла последним че-

ловеком того, кто не умел ни плавать, ни читать.

Смотри у Плутарха об Алкивиаде: «В Спарте он не выходил из гимнасия, был непритязателен и угрюм, в Ионии — изнежен, сластолюбив, беспечен, во Фракии беспробудно пьянствовал, в Фессалии не слезал с коня, при дворе сатрапа Тиссаферна в роскоши, спеси и пышности не уступал даже персам».

* * *

Однажды, когда народ рукоплескал ему, Фокион заметил: «Верно, я сказал какую-нибудь глупость».

* * *

Упадок! Речи об упадке! III век до нашей эры — век упадка для Греции. Он дал миру геометрию, физику, астрономию и тригонометрию старания-ми Евклида, Архимеда, Аристарха и Гиппарха.

* * *

Еще встречаются люди, которые путают индивидуализм и себялюбие. Это значит смешивать два плана: социальный и метафизический. «Вы

разбрасываетесь». Переходить от одного образа жизни к другому — значит не иметь своего лица. Но иметь свое лицо — эта мысль свойственна определенному уровню цивилизации. Иным это может показаться худшим из несчастий.

* * *

Противоречивость современного мира. В Афинах народ мог по-настоящему осуществлять свою власть только потому, что он посвящал этому бóльшую часть своего времени, а рабы с утра до вечера трудились. С тех пор как рабство отменили, работать приходится всем. И именно в эпоху, когда европейцы дальше всего продвинулись по пути пролетаризации, на первое место выходит идеал суверенитета народа — это невозможно.

* * *

В греческом театре только три актера: нет речи о создании *персонажа*.

В Афинах театр — вещь серьезная: представления устраиваются два-три раза в год. А в Париже? И они хотят вернуться к тому, что умерло! Лучше создайте свои собственные формы.

* * *

«Самое невинное занятие люди могут сделать преступлением» (Мольер. Предисловие к «Тартюфу»).

* * *

Заглянуть в последнюю сцену I акта «Тартюфа»: «возбуждает интерес и держит публику в напряжении»; продолжение в ближайшую пятницу.

Солон создает известное творение, а в старости обеспечивает ему бессмертие с помощью поэзии.

* * *

Фукидид говорит устами Перикла, что афинянам свойственна «высшая храбрость, которая не мешает им хорошо обдумывать свои предприятия».

В битве при Саламине гребцами на победоносных триерах были *самые ничтожные* из афинян.

Ср. Коэн: «Театр, достойный этого имени, появился в Афинах лишь тогда, когда они лишились поэта, достойного их одушевлять».

* * *

О. Флаке о Саде: «Ни одна ценность не прочна для того, кто не преклоняется перед ней. Сад не видит причины преклоняться, он долго искал эту причину и не мог найти. Согласно Саду, человек, лишенный благодати, не отвечает за свои поступки».

Ср. математику зла в «Жюльетте».

Одержимый идеей бунта против основополагающего закона, он признает одинаковое право на существование за духом и сексуальностью. Кончает жизнь в Шарантоне, куда в здравом уме заключен врагами; под его руководством умалишенные разыгрывают поставленные им спектакли: Картина.

«Он измыслил жестокости, которых ему не доводилось и не хотелось бы испытать, — чтобы приобщиться к великим проблемам».

* * *

«Моби Дик» и символ, с. 120, 121, 123, 129, 173–177, 203, 209, 241, 310, 313, 339, 373, 415, 421, 452, 457, 460, 472, 485, 499, 503, 517, 520, 522.

Чувства, образы удесятеряют смысл филосо-

фии.

* * *

В Афинах покойниками занимались только во время антестерий. А как только они кончались: «Прочь, души, антестерии закончились».

Изначально греческая религия утверждала, что всех ждет Преисподняя. Ни награды, ни кары не существует — и в иудейской религии тоже. Идея награды — плод общественного сознания.

* * *

404 год. После того, как Афины сдались Лисандру, он под звуки флейт срыл город; так была закончена Пелопоннесская война.

* * *

Замечательная история Тимолеона, сиракузского тирана (он схватил своего отца, чтобы предать его смерти как изменника родины) (II, 251, 2, 3).

* * *

В IV веке в некоторых греческих городах оли-

гархи давали такую клятву: «Клянусь быть всегда врагом народа и советовать то, что, по моему разумению, принесет ему вред».

Бегство Дария, преследуемого Александром (293–294).

Свадебное пиршество в Сузах: 10 000 солдат, 80 полководцев, и Александр заключает союз с персами.

* * *

Деметрий Полиоркет — то на вершине власти, то бродит от селения к селению.

Антисфен: «Удел царей — творить добро и слышать в свой адрес хулу».

* * *

Ср. Марк Аврелий: «Везде, где можно жить, можно жить хорошо».

«То, что мешает завершить задуманное произведение, само становится произведением».

Преграда на пути заставляет прокладывать дорогу.

Закончено в феврале 1942 г.

Записные книжки. Январь 1942 – март 1951

Тетрадь № IV. Январь 1942 года – сентябрь 1945 года

Январь — февраль

«Все, что не убивает меня, придает мне силы». Да, но… И как трудно мечтать о счастье. Тяжкий гнет всего этого. Самое лучшее — замолчать навеки и обратиться к остальному.

* * *

Дилемма, говорит Жид: быть нравственным или быть искренним. И еще: «Прекрасны только те вещи, что продиктованы безумием и написаны разумом».

* * *

Со всем порвать. Раз нет пустыни, пусть будет чума или маленькая станция, как у Толстого.

* * *

Гёте: «Я чувствовал себя в достаточной степени Богом, чтобы снизойти к дочерям человеческим».

* * *

Нет такого тяжкого преступления, на которое умный человек не чувствовал бы себя способным. Согласно Жиду, великие умы не поддаются этому искушению, *потому что это бы их ограничило*.

* * *

Рец с легкостью усмиряет первое волнение в Париже, потому что настает время ужина: «Самые горячие головы не хотят, что называется, опоздать к столу».

* * *

Толстой;
Мелвилл;
Иностранные ориентиры
Д. Дефо;
Сервантес.

* * *

Рец: «Г-н герцог Орлеанский обладал всем, что необходимо человеку порядочному, за исключением храбрости».

* * *

Во время Фронды дворяне, встречая похоронную процессию, разят шпагами распятие с криками: «Вот враг!»

* * *

Есть множество официальных мотивов для враждебного отношения к Англии (обоснованных и необоснованных, политических и неполитических). Но принято замалчивать один из худших мотивов: ярость и низменное желание увидеть, как гибнет тот, кто смеет сопротивляться силе, растоптавшей нас самих.

* * *

Французы сохранили революционные привычки и традиции. Им не хватает только решительности: они превратились в чиновников, мелких буржуа, мидинеток. Гениальный ход — сделать их легальными революционерами. Они готовят заговоры с позволения властей. Они переделывают мир, не отрывая задницы от кресла.

* * *

Эпиграф к «Орану, или Минотавру».

Жид. Непредвзятый ум. «Я представляю его при дворе царя Миноса: он с тревогой ожидает, каким чудовищем окажется Минотавр; так ли он ужасен, как говорят, или просто лишен очарования».

* * *

В античной драме расплачивается всегда тот, кто прав, Прометей, Эдип, Орест и т. д. Но это не важно. Все равно все они, и правые и виноватые, в конце концов оказываются в преисподней. Нет ни кары, ни награды. Поэтому в нашем восприятии, помраченном столетиями христианского извращения, античные драмы выглядят несерьезными — и выспренними.

Противопоставить этому: «Главное — опасность подчиниться навязчивой идее» (Жид); «послушание» (Ницше). И снова Жид, на сей раз по поводу обездоленных: «Не отнимайте у них вечную жизнь или дайте им революцию». Для моего эссе о бунте. «Не выгоняйте меня из моей милой пещерки», — сказала Отшельница из Пуатье, жившая там в дерьме.

* * *

Тяга некоторых умов к правосудию и его абсурдной деятельности. Жид, Достоевский, Бальзак, Кафка, Мальро, Мелвилл и т. д. Искать объяснения.

* * *

Стендаль. Можно вообразить себе историю Малатесты или рода Эсте, рассказанную сначала Барресом, а потом уже Стендалем. Стендаль изберет стиль хроник, репортажа о «великом». Именно в несоответствии тона и истории и заключается секрет Стендаля (ср. некоторых американских писателей). Точно такое же несоответствие существует между Стендалем и Беатриче Ченчи. Если бы Стендаль избрал патетический тон, он проиграл бы. (Что бы ни говорили историки литературы, Тиртей смешон и отвратителен.)«Красное и черное» имеет подзаголовок «Хроника 1830 года». Итальянские хроники (и т. д.).

* * *

Март

Люцифер Мильтона. «Подальше от Него!.. Дух в себе обрел свое пространство, и создать в себе из Рая Ад и Рай из Ада Он может. ...Лучше быть Владыкой Ада, чем слугою Неба!» [21]

Вкратце психология Адама и Евы: он создан для созерцания и отваги, она для мягкости и соблазнительной грации; он только для Бога, она для Бога в нем.

* * *

Шиллер умирает, успев «спасти все, что могло быть спасено».

* * *

Песнь X «Илиады». Вожди, не в силах заснуть, страшась поражения, скитаются, не находя себе места, мирно беседуют и решаются отправиться во враждебный стан, «чтоб не бездействовать».

Кони Патрокла плачут во время боя, в котором гибнет их хозяин. И (песнь XVIII) троекратный

---

[21] Примечания: 21
Перевод Арк. Штейнберга.

крик Ахилла, вернувшегося на поле боя, — он грозно высится надо рвом в своих сверкающих доспехах. И троянцы отступают. Песнь XXIV. Горе Ахилла, плачущего в ночь после победы. Приам: «Я испытую, чего на земле не испытывал смертный: / Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!» [22]

(Нектар был красным!)

* * *

Высшая похвала «Илиаде» заключается в том, что, зная заранее исход битвы, читатели тем не менее разделяют смятение ахеян, отступающих под натиском троянцев. (То же относится и к «Одиссее»: известно ведь, что Улисс убьет женихов.) С каким же волнением, должно быть, внимали рассказу первые слушатели!

* * *

К вопросу о великодушной психологии.

Для человека больше пользы, когда его изображают в выгодном свете, чем когда его без конца попрекают его недостатками. Всякий человек,

---

[22] Примечания: 22
Перевод Н. Гнедича.

естественно, старается походить на свой лучший образ. Это правило распространяется на педагогику, историю, философию, политику. Мы, к примеру, — плод двадцативекового созерцания картинок на евангельский сюжет. Две тысячи лет человек видел сам себя униженным. Результат налицо. Кто знает, что сталось бы с нами, если бы все эти двадцать веков мы видели перед собой идеал античности с его прекрасным человеческим лицом?

* * *

С точки зрения психоаналитика, «я» разыгрывает перед самим собой бесконечное представление, но либретто этого спектакля лжет.

Ф. Александер и Х. Штауб, «Преступник». В прежние времена осуждали на смерть истериков, придет время, когда будут лечить преступников.

* * *

«Жить и умирать перед зеркалом», — сказал Бодлер. Все как-то забывают о том, что «и умирать». Жить перед зеркалом готов каждый. А самое-то трудное — стать хозяином собственной смерти.

* * *

Навязчивый страх ареста. Он прилежно посещал аристократические заведения — концертные залы, дорогие рестораны. Связать себя узами солидарности с этими людьми — уже защита. И потом там тепло, там рядом люди. Он мечтал издать блистательные книги, которые прославили бы его имя и сделали бы его неуязвимым. В его представлении было достаточно, чтобы сыщики прочли его книги. Они сказали бы: «Этот человек не лишен чувствительности. Это художник. Человека с такой душой осудить нельзя». Но иногда он чувствовал, что точно так же его защитила бы болезнь, увечье. И как некогда преступники бежали в пустыню, он собирался сбежать в клинику, санаторий, приют.

Он нуждался в общении, тепле. Он перебирал в памяти своих друзей. «Невозможно, чтобы так поступили с приятелем г-на X, с гостем г-на Y». Но связей всегда оказывалось недостаточно, чтобы удержать занесенную над ним неумолимую руку. Тогда мысль его обращалась к эпидемиям. Ведь может же начаться тиф, чума, такое бывает, такое случалось. До какой-то степени это правдоподобно. И тогда все меняется, пустыня сама идет к

вам. Теперь им уже не до вас. А ведь дело именно в этом: в сознании, что кто-то без вашего ведома занят вами и неизвестно, каковы его намерения — что он решил и решил ли. Значит, выбираем чуму — а без землетрясения пока обойдемся.

Таким образом это дикое сердце призывало своих ближних и молило их о тепле. Таким образом эта сморщенная заскорузлая душа просила пустыни о прохладе и с надеждой вглядывалась в болезни, катастрофы, стихийные бедствия. (Развить эту мысль далее.)

* * *

Дед А. Б. в пятьдесят лет счел, что с него довольно. Он лег на кровать в своем домике в Тлемсене и вставал только в крайних случаях — так он дожил до восьмидесяти четырех лет. Из скупости он никогда не покупал часов. Он узнавал время, и прежде всего время еды, с помощью двух кастрюль, в одну из которых был насыпан горошек. Он исправно пересыпал его в другую кастрюлю, и это помогало ему ориентироваться во времени.

Он и прежде проявлял признаки этой безучастности ко всему: ничто его не интересовало, ни работа, ни дружба, ни музыка, ни кафе. Он ни разу не выезжал из города, а когда однажды ему

понадобилось съездить в Оран, он вышел на ближайшей к Тлемсену станции, испугавшись того, что ему предстоит, и с первым же поездом вернулся домой. Тем, кто удивлялся его тридцатичетырехлетнему лежанию в постели, он объяснял, что по христианскому вероучению половина жизни человека — путь наверх, а другая — путь вниз и что во время этого пути вниз жизнь человека уже не принадлежит ему. Впрочем, он противоречил себе, замечая, что Бога нет, а коли так, то и священники не нужны, но эта философия, вероятно, объяснялась досадой, которую он испытывал от частых сборов пожертвований в своем приходе.

Его облик довершает страстное желание, о котором он говорил всем и каждому: он надеялся дожить до глубокой старости.

* * *

Бывает ли трагическое дилетантство?

* * *

Осознав абсурдность жизни и пытаясь жить *соответственно*, человек всегда замечает, что труднее всего уберечь цельность сознания. Об-

стоятельства почти всегда этому препятствуют. Речь идет о том, чтобы сохранить ясность в мире, где царит туманность.

Он замечает также, что подлинная проблема, *даже без Бога*, — это проблема психологического единства (осознание абсурда ставит, по сути дела, только вопрос о метафизическом единстве мира и духа) и душевного покоя. Он замечает также, что этот покой недостижим без послушания, которое трудно примирить с миром. *Суть проблемы в этом*. Надо именно примирить послушание с миром. Надо суметь *жить по монастырскому уставу в миру*.

Препятствием служит *прошлая жизнь* (профессия, женитьба, прежние воззрения и т. д.), то, что уже произошло. Не уклоняться ни от одного аспекта этой проблемы.

* * *

Отвратительно, когда писатель говорит, пишет о том, чего он не пережил. Но постойте, ведь убийца не самый подходящий человек, чтобы рассказывать о преступлении. (Однако не самый ли он подходящий человек, чтобы рассказывать о *своем* преступлении? Даже в этом уверенности нет.) Следует помнить, какое расстояние отделяет

творчество от поступка. Настоящий художник находится на полпути между своими вымыслами и своими поступками. Он — человек, «способный на». Он мог бы быть тем, кого он описывает, пережить то, что он описывает. Только поступок ограничил бы его, и он стал бы тем, кто его совершил.

* * *

«Высшие никогда не прощают низшим величавой наружности» («Сельский священник»).

Там же. «Больше не осталось хлеба». Вероника и долина Монтиньяк растут *одновременно*. Тот же символизм, что и в «Лилии».

Тем, кто говорит, что Бальзак плохо пишет, следует напомнить эпизод смерти г-жи Грален: «Все в ней очистилось, просветлело, и на лице ее забрезжил отблеск пылающих шпаг ангелов-хранителей, которые ее окружали».

«Этюд о женщине»: рассказ безличен — но это рассказывает Бьяншон.

Ален о Бальзаке: «Гений его заключается в умении избрать посредственное и возвысить его, не изменяя».

Бальзак и кладбища в «Феррагусе».

Барокко у Бальзака: страницы об органе в «Фер-

рагусе» и «Герцогине де Ланже».

Этот огонь, пылающий и смутный отблеск которого видит герцогиня в глазах Монриво, пламенеет во всем творчестве Бальзака.

* * *

Два стиля: г-жа де Лафайет и Бальзак. Первый стиль совершенен в мелочах, второй более озабочен целым, и четырех глав едва хватает, чтобы дать представление о его напоре. Бальзак хорошо пишет не *вопреки*, а *даже со* своими ошибками во французском.

* * *

Тайна моего мира: вообразить Бога без человеческого бессмертия.

* * *

Чарлз Морган и единство духа: блаженство единственного намерения — неизменная способность достигать совершенства — «гений — это власть над смертью», противостояние женщине и ее трагической любви к жизни — одно печальнее другого.

* * *

Сонеты Шекспира:

«Я вижу тьму, что и слепому зрима…»

«И долго мне, лишенному ума, / Казался раем ад, а светом тьма…» [23]

* * *

Край, где находит прибежище красота, труднее всего оборонять — так хочется его пощадить. Поэтому народы художественно одаренные непременно пали бы жертвою неблагодарных, если бы любовь к свободе не перевешивала в сердцах людей любовь к красоте. Это инстинктивная мудрость — ведь свобода есть источник красоты.

* * *

Калипсо предлагает Улиссу выбор между бессмертием и отечеством. Он отвергает бессмертие. В этом, быть может, весь смысл «Одиссеи». В песни XI Улисс и мертвецы перед ямой, полной крови, — и Агамемнон говорит ему: «Слишком

---

[23] Примечания: 23
Перевод С. Маршака.

доверчивым быть, Одиссей, берегися с женою; / Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно» [24].

* * *

Следует также отметить, что Одиссей говорит о Зевсе как о родителе-творце. Голубка разбивается об утес, но родитель создает другую голубку, чтобы восполнить утрату.

XVII. Пес Аргус.

XXII. Вешают женщин, которые отдавались мужчинам, — неслыханная жестокость.

* * *

Снова о хрониках Стендаля — См. Дневник, с. 28–29.

«Вершина страсти может состоять в том, чтобы убить муху ради возлюбленной». «Только женщины с сильным характером могут составить мое счастье».

И такая деталь: «Как часто случается с людьми, сосредоточившими свою энергию на одной или двух жизненных целях, вид у него был неопрят-

---

[24] Примечания: 24
Перевод В. Жуковского.

ный и запущенный».

Т. II: «Я так много перечувствовал сегодня вечером, что у меня болит желудок».

Стендаль, который не ошибался относительно собственного литературного будущего, совершенно неверно судил о будущем Шатобриана: «Бьюсь об заклад, что в 1913 году все и думать забудут о его писаниях».

* * *

Эпитафия Г. Гейне: «Он любил розы Бренты».

* * *

Флобер: «Я умер бы со смеху, глядя, как один человек судит другого, если бы это зрелище не внушало мне жалость».

Что он увидел в Генуе: «Город весь из мрамора и сады, полные роз».

И еще: «Глупости свойственно делать выводы».

* * *

Письма Флобера.

Том II. «Успех у женщин, как правило, является признаком посредственности» (?).

Там же. «Жить как буржуа и думать как полубог»?? Ср. историю солитера.

«Шедевры глупы, у них невозмутимый вид, как у жвачных животных».

«Если бы я был любим, когда мне было семнадцать лет, каким художником стал бы я теперь!»

* * *

«В искусстве никогда не надо бояться *преувеличения*... Но преувеличение должно быть последовательным — пропорциональным самому себе».

Его цель: ироническое приятие существования и полное его преображение посредством искусства. «Жить — не наше дело».

Объяснить характер человека этим далеко идущим высказыванием: «Я утверждаю, что цинизм граничит с целомудрием».

Там же. «Мы ничего не совершили бы в этом мире, не будь мы движимы ложными идеями» (Фонтенель).

На первый взгляд жизнь человека интереснее его произведений. Она образует крепкое и напряженное целое. В ней царит единство духа. Все его годы проходят на одном дыхании. Да, это роман. Конечно, над этим еще следует подумать.

* * *

Малодушие всегда найдет себе философское оправдание.

* * *

Боясь быть принятым за литературу, искусствоведение пытается говорить языком живописи — и тут-то как раз и становится литературой. Надо вернуться к Бодлеру. Описание с точки зрения человека — *но объективное*.

* * *

Г-жа В. Среди запахов тухлого мяса. Три кошки. Две собаки. И рассуждения о музыке в душе. Кухня заперта. В ней ужасная жара.

Небо и жара всей своей тяжестью нависают над бухтой. Все пронизано светом. Но солнца нет.

* * *

Надо рассмотреть все трудности одиночества без изъятия.

* * *

Монтень: жизнь ускользающая, мрачная и немая.

* * *

Современный ум в полном смятении. Область знания до такой степени расширилась, что мир и дух утратили все точки опоры. Не подлежит сомнению, что мы страдаем нигилизмом. Но замечательнее всего — проповеди о «возврате». Возврат к средневековью, к первобытному мышлению, к земле, к религии, к арсеналу старых решений. Чтобы счесть эти лекарства хоть сколько-нибудь полезными, нам пришлось бы полностью пренебречь нашими знаниями — словно мы ничему не научились, — притвориться, будто мы начисто забыли то, что не забывается. Пришлось бы зачеркнуть многовековой вклад и несомненное богатство духа, который в конце концов (это его последнее достижение) по собственному почину возвращает мир к хаосу. Это невозможно. Чтобы выздороветь, нужно свыкнуться с новоприобретенной трезвостью суждения, с новоприобретенной прозорливостью. Надо учесть

внезапно посетившее нас осознание нашего изгнанничества. Ум в смятении не оттого, что знание перевернуло мир. Он в смятении оттого, что не может смириться с этим переворотом. Он «не привык к этой мысли». Пусть же он привыкнет к ней, и тогда смятение пройдет. Останется только переворот и ясное осознание его духом. Надо переделать целую культуру.

* * *

Ощутимы должны быть только доказательства.

* * *

«Европу, — говорит Монтескьё, — погубят военные».

Кто может сказать: я прожил прекрасную неделю. Свидетельство тому — мои воспоминания, а я знаю, что они не обманывают. Да, эта картина прекрасна, как были прекрасны эти долгие дни. Радости мои были чисто физическими, но полученными с благословения духа. В этом заключается совершенство, согласие с судьбой, признательность и уважение к человеку.

Длинные девственно-чистые дни! Праздник воды, такой черной по утрам, такой прозрачной в полдень, такой теплой и золотистой вечером. Долгие вечера на дюне среди обнаженных тел, изнуряющий полдень, а потом следовало бы повторить все сначала, снова сказать то, что уже было сказано. Это была молодость. Молодость, и в тридцать лет я ничего так не хочу, как продлить эту молодость. Но…

* * *

Книги Коперника и Галилея оставались под запретом до 1822 года. Три века упрямства, это мило.

* * *

Смертная казнь. Преступника убивают, потому что преступление истощает в человеке всю способность жить. Он все прожил, раз он убил. Он может умереть. Убийство исчерпывает.

* * *

Чем литература XIX и особенно XX века отличается от литературы классических веков? Как

вся французская литература, она моралистична. Но классическая мораль есть мораль критическая (за исключением Корнеля) — мораль негативная. Мораль XX века, напротив, позитивна: она определяет *стили жизни*. Взгляните на романтического героя, на Стендаля (он вполне принадлежит своему веку, но именно поэтому), на Барреса, Монтерлана, Мальро, Жида и др.

* * *

Монтескьё: «Бывают мелкие глупости, которые хуже больших».

* * *

Начинаешь лучше понимать, что такое «Вечное возвращение», если представляешь его себе как повторение великих событий — как если бы все имело целью воспроизвести или подчеркнуть кульминационные события в истории человечества. Итальянские мастера раннего Возрождения или Страсти по Иоанну воскрешают, копируют, — бесконечно толкуют тот миг, когда на Голгофе было сказано: «Совершилось!» Во всех поражениях есть нечто от Афин, сданных римским варварам, где победы напоминают о

Саламине, и т. д. и т. п.

* * *

Брюлар: «Я всегда относился к своим сочинениям так же целомудренно, как и к своим любовным приключениям».

Там же: «Для меня гостиная, где собрались восемь или десять человек, где все женщины имеют любовников, где ведут веселую беседу и в половине первого ночи пьют легкий пунш, — самое приятное место на свете».

* * *

Навязчивый страх ареста: посылая сыну месячное содержание, он добавил лишних сто франков. Потому что он стал мягче, великодушнее. Ужас делает его альтруистом.

Поэтому, когда два человека, целый день метавшиеся по городу, наконец заговаривают друг с другом, они сразу становятся мягче. Один со слезами говорит о жене, которую не видел два года. Вообразите вечера в городе, где гонимый блуждает в одиночестве.

* * *

А.Ж.Т. о «Постороннем».

Это очень продуманная книга, и тон ее... нарочитый. Правда, он пять или шесть раз повышается, но лишь для того, чтобы избежать монотонности и соблюсти правила. Мой Посторонний не оправдывается перед священником. Он приходит в ярость, а это совсем другое дело. Но в таком случае, скажете вы, я сам беру слово. Да, я много об этом думал. Я решился на это, потому что хотел, чтобы мой персонаж подошел к единственно серьезной проблеме будничным и естественным путем. Надо было обозначить этот великий момент. С другой стороны, обратите внимание, что мой персонаж остается верен себе. В этой главе, как и во всей книге, он довольствуется тем, что *отвечает на вопросы.* Прежде это были вопросы, которые мир ставит перед нами ежедневно, — теперь это вопросы священника. Таким образом, я даю моему персонажу определение через отрицание.

Все это, разумеется, касается художественных средств, а не цели. Смысл книги заключается именно в параллельности двух частей. Вывод: обществу нужны люди, которые плачут на по-

хоронах матери; или: человека всегда осуждают не за то преступление, какое он, по его мнению, совершил. Впрочем, я вижу еще десяток возможных выводов.

* * *

Великие слова Наполеона: «Счастье — самый великий результат моих способностей».

До ссылки на остров Эльба: «Живой слуга лучше мертвого императора».

«Подлинно великий человек всегда будет выше событий, которые явились следствием его действий».

«Нужно хотеть жить и уметь умирать».

* * *

Критика о «Постороннем». Сплошной «Моралин». Глупцы, они думают, будто отрицание — свидетельство беспомощности, а это осознанный выбор. (Летописец Чумы показывает героическую сторону отрицания.) Для человека, лишенного Бога — а таковы все люди, — другая жизнь невозможна. Воображать себе, что мужественность сводится к суетливым пророчествам, что величие сводится к духовному позерству! Но

эта борьба посредством поэзии, нередко столь темной, это так называемое восстание духа — *самый легкий* выход. Все это не достигает цели, о чем прекрасно знают тираны.

* * *

Бесперспективно.

«Каков предмет моих размышлений, превосходящий меня самого, и что я испытываю, не умея его определить? Своего рода тернистый путь к святости отрицания — героизм без Бога — наконец чистый человек. Все человеческие добродетели, в том числе одиночество в отношении Бога.

Что составляет превосходство (единственное) христианского *образца*? Христос и его апостолы — поиск *стиля жизни*. В этом произведении будет столько же форм, сколько этапов на пути к совершенству (не требующему награды). Посторонний — нулевая точка. *Там же*. Миф. Чума — шаг вперед, прогресс, не от нуля к бесконечности, но к более глубокой сложности — ее еще предстоит определить. Последней точкой будет святой, но у него появится собственное числовое значение — по человеческим меркам».

* * *

О критике.

Три года, чтобы написать книгу, пять строчек, чтобы ее осмеять — перевирая при цитировании.

Письмо к А.Р., литературному критику (не для отправки).

…Одна фраза из вашей критической статьи меня особенно поразила: «Я не принимаю в расчет…» Как просвещенный критик, знающий о том, что во всяком художественном произведении все заранее продумано, может не принимать в расчет единственный момент в изображении героя, когда тот говорит о себе и приоткрывает читателю часть своей тайны? И как вы не почувствовали, что этот финал еще и точка, где сходятся все линии, где описанное мною раздробленное существование обретает наконец единство…

Вы приписываете мне стремление воссоздать реальность. Реализм — слово, лишенное смысла («Госпожа Бовари» и «Бесы» — реалистические романы, но между ними нет ничего общего). Меня это вовсе не волновало. Если бы понадобилось сформулировать мою цель, я, напротив, заговорил бы о символе. Впрочем, вы это прекрасно

почувствовали. Но вы наделяете этот символ смыслом, какого он не имеет. Да что тут говорить! Вы без всяких оснований приписали мне смехотворную философию. Ведь ничто в моей книге не указывает на то, что я верю в природного человека, что я отождествляю человеческое существо с растением, что человеческая природа чужда морали и т. д. и т. п. Главный герой моей книги никогда не проявляет инициативы. Вы не заметили, что он всегда ограничивается тем, что *отвечает на вопросы*, поставленные жизнью или людьми. Таким образом, он никогда ничего не утверждает. И я дал всего лишь его негативное изображение. Ничто не давало вам основания судить о его внутреннем состоянии, кроме той последней главы. Но вы «не принимаете ее в расчет».

Объяснять причины моего стремления «как можно меньше высказывать» было бы слишком долго. Во всяком случае, мне жаль, что поверхностный взгляд побудил вас приписать мне философию лавочника, которой я не могу разделить. Вы лучше поймете, что я хочу сказать, если я замечу вам, что единственная цитата из моего романа, которую вы приводите в своей статье, неверна (привести ее и исправить) и, сле-

довательно, выводы ваши так же неверны. Быть может, в книге есть другая философия, и вы коснулись ее, рассуждая о слове «бесчеловечность». Но стоит ли об этом говорить?

Вы, быть может, подумаете: не слишком ли много шума из-за маленькой книжечки неизвестного автора? Но я полагаю, что в этом вопросе я человек старомодный. А вы встали в нравственном отношении на такую точку зрения, которая помешала вам судить с присущими вам — если верить отзывам — проницательностью и талантом. Такая позиция шатка, и вы знаете это лучше всех. Граница между вашей критикой и той, которая существовала не так давно и скоро появится вновь благодаря управляемой литературе, дабы судить о моральном характере того или иного произведения, весьма зыбкая. Это отвратительно, говорю вам об этом без гнева. Ни вы, ни кто-либо другой не вправе судить, пойдет произведение на пользу народу или во вред ему в данный момент или когда бы то ни было. Я, во всяком случае, отказываюсь подчиняться подобным приговорам, и именно это явилось поводом для моего письма. Уверяю вас, что я с радостью выслушал бы более суровый критический отзыв, если бы он исходил от ума менее косного.

Как бы там ни было, я хотел бы, чтобы мое письмо не породило нового недоразумения. Мои слова продиктованы вовсе не чувствами обиженного автора. Я прошу вас не предавать мое письмо огласке даже частично. Вам нечасто доводилось видеть мое имя в печати, несмотря на то что двери журналов нынче широко открыты. Дело в том, что мне нечего сказать читателям журналов, а приносить жертвы рекламе я не люблю. В данный момент я публикую книги, плод многолетнего труда, по той единственной причине, что закончил их и работаю над новыми, которые явятся их продолжением. Я не жду от них ни материальной, ни моральной выгоды. Я надеялся только на внимание и терпение, которых заслуживает дело, предпринятое с чистым сердцем. Похоже, что даже и это требование было чрезмерным. При всем том — примите уверения в моем искреннем почтении.

* * *

Три персонажа являются действующими лицами «Постороннего»: двое мужчин (один из которых я) и одна женщина.

* * *

Брис Парен. Эссе о платоновском логосе. Изучает логос как язык. Приходит к тому, что наделяет Платона философией выражения. Описывает поиски Платоном разумного реализма. В чем «трагизм» проблемы? Если наш язык не имеет смысла, то ничто его не имеет. Если правы софисты, значит, весь мир безрассуден. Решение Платона не психологическое, а космологическое. В чем оригинальность позиции Парена: он рассматривает проблему языка как метафизическую, а не социальную и психологическую… и т. д. и т. п. См. Примечание.

* * *

Французские рабочие — единственные, рядом с кем я хорошо себя чувствую, единственные, кого я хочу узнать и в кого «перевоплотиться». Мы похожи.

* * *

Конец августа 1942 г.

Литература. Остерегаться этого слова. Не

торопиться произносить его. Если у великих писателей отнять литературу, то, вероятно, они лишатся того, что было для них самым сокровенным. Литература-ностальгия. Сверхчеловек Ницше, бездна Достоевского, бессмысленный поступок Жида и т. д. и т. п.

* * *

Этот шум источников на протяжении моей жизни. Они текут вокруг меня, через залитые солнцем луга, они приближаются ко мне, и скоро я услышу их шум в себе, этот источник забьет в моем сердце, и я буду думать под его шум. Это забвение.

* * *

«Чума». Невозможно с ней покончить. В этом варианте слишком много «случайностей». Надо полностью слиться с идеей. «Посторонний» описывает наготу человека перед лицом абсурда. «Чума» — глубинное равенство точек зрения отдельных людей перед лицом того же абсурда. Это шаг вперед, который разъяснится в других произведениях. Кроме того, «Чума» показывает, что абсурд *ничему* не учит. И это решительный

шаг вперед.

* * *

Панелье. Перед восходом солнца сосны на высоких холмах неотличимы от увалов, на которых они растут. Потом далекое-далекое солнце золотит верхушки деревьев. И кажется, будто целая армия дикарей в перьях появляется из-за холма на фоне еле тронутого красками неба. По мере того как солнце всходит и небо светлеет, сосны тянутся вверх, и кажется, будто варварская армия, покачивая перьями, смыкает ряды перед наступлением. Потом, когда солнце поднимается уже довольно высоко, оно вдруг освещает сосны так, что кажется, будто они покидают склоны. И это похоже на бег дикарей к долине, на начало короткой трагической схватки, в которой варвары дня заставят отступить хрупкую армию ночных мыслей.

* * *

У Джойса волнует не само произведение, а тот факт, что он взялся за его создание. Таким образом, следует различать восхищение поступком художника — которое не имеет никакого

отношения к искусству — и восхищение самим художественным произведением.

* * *

Убедиться, что произведение искусства есть вещь рукотворная, что создателю нечего ждать возвышенной «подсказки». «Обитель», «Федра», «Адольф» могли быть написаны иначе — и не менее прекрасно. На все воля автора — безраздельного властелина.

* * *

Еще много лет те, кто станет писать о Франции, не смогут обойтись без упоминаний современной эпохи. Эта мысль пришла мне в голову в пригородном поезде при виде проплывавших мимо лиц и силуэтов французов, сгрудившихся на небольших станциях: я не скоро смогу забыть их, этих старых крестьян и крестьянок; она вся сморщенная, он с гладким лицом, на котором белеют светлые глаза и седые усы; две зимы лишений пригнули их к земле, латаная-перелатаная одежда лоснится. Народу, познавшему нищету, не до элегантности. В поездах потрепанные, перевязанные веревками и кое-как заделанные

картонками чемоданы. Все французы похожи на эмигрантов.

То же в промышленных городах — в окне мелькает лицо старика рабочего; нацепив очки и благонравно положив раскрытую книгу на ладони вытянутых вперед рук, он использует остатки дневного света, чтобы почитать.

На вокзале толпы народа безропотно поглощают отвратительную пищу, потом выходят в темный город, толкаясь локтями, но оставаясь чужими друг другу, и возвращаются в гостиницу, комнатушку и т. д. Отчаянная молчаливая жизнь, которую в ожидании лучшего ведет вся Франция.

10, 11 и 12 числа каждого месяца все курят. 18-го не у кого прикурить. В поездах толкуют о засухе. Здесь она выглядит не так душераздирающе, как в Алжире, но от этого не менее трагична. Старый рабочий рассказывает о своей нищенской жизни: две комнатки в часе езды от Сент-Этьенна. Два часа на дорогу, восемь часов на работе — дома нечего есть, а на черном рынке все слишком дорого. Молодая женщина зарабатывает стиркой белья, потому что у нее двое детей, а муж вернулся с войны с язвой желудка. «Ему нужно белое мясо, хорошо прожаренное. Откуда его взять!

Получил бумагу на диетическое питание. И выдают ему три четверти литра молока, но только снятого. Где это видано, чтобы мужчину кормили молоком?» Бывает, у нее крадут белье клиентов, и ей приходится платить.

Тем временем дождь заливает грязный промышленный район — едкий запах нищеты — беспросветная тоска этой жизни. А другие произносят речи.

Сент-Этьенн в утреннем тумане, гудки призывают на работу посреди беспорядочного нагромождения башен, зданий и толстых труб, устремляющих к сумеречному небу фабричные отходы, словно дым от чудовищного жертвенного костра.

* * *

Будеёвице, действие III. Сестра возвращается после самоубийства матери.

Сцена с женщиной:

— От чьего имени вы говорите?

— От имени моей любви.

— Что это такое?

Сестра наконец уходит. Женщина рыдает, плачет. Слыша рыдания, входит молчаливая служанка.

— Ах, это вы, помогите мне хоть вы!
— Нет.
(Занавес.)

* * *

У всех великих добродетелей абсурдное лицо.

* * *

Ностальгия по чужой жизни. Потому что, если смотреть извне, она образует единое целое. А собственная жизнь, при взгляде изнутри, кажется разорванной. Мы все еще гонимся за призраком цельности.

* * *

Наука объясняет то, что функционирует, а не то, что *есть*. Напр.: почему существуют различные сорта цветов, а не один-единственный?

* * *

Роман. «Он ждал ее утром на краю луга под большими ореховыми деревьями. Дул холодный осенний ветер. Жужжанье ос, ветер в листве, упрямо поющий за холмами петух, глухой лай,

изредка воронье карканье. Над ним было мрачное сентябрьское небо, под ним — сырая земля, и ему казалось, что он ждет одновременно и зиму, и Марту».

* * *

При связи с животными отсутствует сознание *другого*. В нем «свобода». Вот почему оно привлекало столько умов, вплоть до Бальзака.

* * *

Панелье. Первый сентябрьский дождь, легкий ветерок, смешивающий желтые листья с падающими каплями. Секунду они парят, а потом вода своим весом резко прижимает их к земле. Когда природа банальна, как здесь, лучше заметна смена времен года.

* * *

Бедное детство. Плащ на несколько размеров больше — сиеста. Пиво Винга — воскресенья у тетушки. Книги — муниципальная библиотека. Возвращение рождественским вечером и труп перед рестораном. Игры в подвале (Жанна, Жозеф

и Макс). Жанна подбирает все пуговицы, «так становятся богачами». Скрипка брата и уроки пения — Галуфа.

* * *

Роман. Не ставить в заглавии «Чума». Лучше что-нибудь вроде «Пленники».

* * *

Аввакум и его жена идут пешком среди сибирских снегов. Протопопица: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» Аввакум: «Марковна, до самыя до смерти». Она, со вздохом: «Добро, Петрович, ино еще побредем».

* * *

I послание к Коринфянам, VII, 27: «Соединен ли ты с женой? Не ищи развода. Остался ли без жены? Не ищи жены».

Лука, VI, 26: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо».

В качестве апостола Иуда творил чудеса (Святой Иоанн Златоуст).

* * *

Чжуан-Цзы — третий из великих даосов (2-я половина IV века до н. э.) — разделяет точку зрения Лукреция: «Большая птица поднимается при ветре на высоту 90 000 ли. Оттуда видит она табуны диких лошадей, скачущие галопом».

* * *

До христианской эры Будда не проявлял себя, потому что был погружен в нирвану, то есть лишен облика.

* * *

Согласно Прусту, дело не только в том, что природа подражает искусству. А в том, что великий художник учит нас видеть в природе то, что его произведение одному ему присущим образом сумело из нее вычленить. Все женщины становятся ренуаровскими.

«У подножия кровати, сотрясаемая всеми вихрями этой агонии, не рыдая, но порой заливаясь слезами, моя мать впала в безотчетное отчаяние, как листва, которую хлещет дождь и кружит

ветер». Г[ерманты].

«Существа, сыгравшие в нашей жизни большую роль, редко исчезают из нее внезапно и насовсем». Г[ерманты].

«В поисках утраченного времени» — произведение героическое и мужественное:

1) благодаря постоянству созидающей воли;

2) благодаря усилию, которого его создание потребовало от больного человека.

«Когда из-за приступов я несколько дней и ночей подряд не мог не только спать, но даже лежать, не мог ни есть ни пить, то в момент наивысшего изнурения и страдания, когда мне казалось, что мучения мои никогда не кончатся, я сравнивал себя с путешественником: выброшенный на песчаный берег, отравленный ядовитыми растениями, он трясется от лихорадки в мокрой одежде, но через два дня ему становится лучше, и он наудачу продолжает свой путь, пытаясь отыскать какое-нибудь местное племя, которое может оказаться и людоедским. Его пример укреплял меня, возвращал мне надежду, и мне становилось стыдно, что я на мгновение утратил присутствие духа» («Содом и Гоморра»).

* * *

Не идет к проститутке, которая к нему пристает и возбуждает в нем желание, потому что у него при себе только тысячефранковый билет, а попросить сдачу ему неловко.

* * *

Чувство, противоположное прустовскому: восхищаться новизной города, каждого нового дома, каждого человека, каждой розы и каждым любовным порывом и воображать себе, чем они станут для нас со временем, когда сделаются привычными и «родными», отправляться на поиски времени, которое еще не наступило.

Пример:

Ночь, одиночество, приезд в незнакомый город — это ощущение удушья, собственной ничтожности рядом с организмом в тысячу раз более сложным. Достаточно на следующее утро отыскать главную улицу, и все приходит в порядок; мы обживаем новое место. Коллекционировать ночные приезды в города, где ты никогда не был, черпать силы из незнакомых гостиничных номеров.

* * *

В трамвае: «Родился он нормально. Но через неделю его веки склеились. И тут, само собой, глазки загноились».

* * *

Когда к некоторым городам (как правило, к тем, где мы уже были) или некоторым людям нас влекут сексуальные мечтания, мы оказываемся в дураках. Ибо даже самые бездуховные из нас никогда не живут, повинуясь сексуальному влечению, во всяком случае, в повседневной жизни слишком много вещей, не имеющих ни малейшего отношения к сексу. Так что, когда нам время от времени с грехом пополам удается воплотить одно из этих мечтаний или воскресить одно из таких воспоминаний, в жизни нашей образуются огромные пустоты, словно мы изменили образ жизни. И тогда приходится вожделеть другие города.

* * *

Критики о «Постороннем». Говорят: бесстраст-

ность. Неудачное слово. Точнее было бы сказать: доброжелательность.

Будеёвице (или Господь не отвечает). Вместо молчаливой служанки — старый слуга.

Женщина в последней сцене: «Господи, сжалься надо мной, обрати ко мне свой взор. Услышь меня, Господи. Протяни мне руку. Господи, сжалься над теми, кто любит друг друга и живет в разлуке».

Входит старик.

— Вы звали меня?

Женщина: Да… Нет… Не знаю. Но помогите мне, помогите, ибо мне нужна помощь. Сжальтесь надо мной и помогите мне.

Старик: Нет.

(Занавес.)

Поискать детали, усиливающие символику.

* * *

Отчего лицо его, напоминающее о стольких страданиях, все-таки кажется мне счастливым?

* * *

Роман. Женщина, которую он любит, при смерти. «Я не могу, не могу позволить тебе умереть.

Ибо я знаю, что забуду тебя и потеряю все, что имею. Я хочу удержать тебя в этом мире, единственном, где я могу сжать тебя в объятиях», и проч., и проч.

Она: «О! Как ужасно умирать, зная, что тебя забудут».

Все время держать в памяти и выражать *одновременно* обе точки зрения.

* * *

Уяснить себе, что я хочу сказать в «Чуме».

* * *

Октябрь

В еще зеленой траве уже пожелтевшие листья. Короткие, но сильные порывы ветра бьют солнечным молотом по зеленой наковальне лугов, выковывая слиток света, и пчелиное гудение этой кузницы доносится до меня. Алая красота.

Роскошная, ядовитая и одинокая, как мухомор.

* * *

В Спинозе можно увидеть культ поклонения тому, что есть, а не тому, что может или должно

быть, — ненависть к делению на черное и белое, к нравственной иерархии — некоторое равновесие добра и зла в лучах божественного света. «Люди ставят порядок выше беспорядка, как если бы порядок составлял в природе что-либо независимое от нашего представления» (Прибавление к кн. I).

Что Бог одновременно с совершенством создал несовершенство, ничуть его не удивляет — ему было бы удивительнее другое: что Бог вовсе не создал несовершенства. Ибо, будучи в силах создать весь ряд от совершенства до несовершенства, он не мог этого не сделать, и это огорчительно лишь с нашей точки зрения, а она ошибочна.

Этот Бог, этот мир незыблемы и не противоречат друг другу. Все задано раз и навсегда. Мы можем сколько угодно отыскивать причины и следствия (отсюда геометрическая форма). Но этот мир ни к чему не стремится и ниоткуда не происходит, ибо он уже завершен и всегда был таковым. Он не знает трагедии, ибо не знает истории. Он предельно бесчеловечен. Это мир для отважных.

[А также мир без искусства — ибо без случайностей (прибавление к книге I отрицает существование уродства или красоты)].

Ницше говорит, что математическая форма у

Спинозы оправданна лишь как средство *эстетическое*.

См. Этика, кн. I. Теорема XI дает четыре доказательства существования Бога. Теорема XIV и пространная схолия к теореме XV, судя по всему, отрицающая творение.

Значит, правы те, кто толкует о пантеизме Спинозы? Но ведь у него есть постулат (слово, которого Спиноза избегает на протяжении всей «Этики»): пустоты не существует (впрочем, доказательства даны в предыдущих произведениях).

XVII теорему можно противопоставить XXIV: одна обосновывает понятие необходимости, другая позволяет снова ввести понятие случайности. Теорема XXV трактует о соотношении состояний и модусов. Наконец, в XXXI теореме отрицается свобода воли человека. А также и Бога, скованного его собственной природой. XXXIII теорема еще жестче ограничивает и без того скованный мир. Можно было бы подумать, что для Спинозы природа Бога сильнее его самого, — но в теореме XXXIII он заявляет (споря со сторонниками Верховного Добра), что бессмысленно подчинять Бога фатуму.

Это мир данного раз и навсегда, мир, существующий по принципу «так заведено», — необ-

ходимость здесь всемогуща — самобытности и случайности здесь места нет. Здесь царит однообразие.

* * *

Любопытно. Умные историки, излагая историю какой-либо страны, наперебой расхваливают определенную — например, реалистическую — политику, которой эта страна, как им кажется, обязана величайшими эпохами своего существования. Однако они сами признают, что это положение дел никогда не было долговечным, потому что очень скоро к власти приходил новый правитель либо изменялась форма правления. Тем не менее историки продолжают отстаивать политику, не выдерживающую замены одного человека другим, хотя политика по сути своей сводится именно к замене одних людей другими. Все дело в том, что эти историки думают и пишут в расчете лишь на свою эпоху. Альтернатива историков: скептицизм или политическая теория, не зависящая от смены людей (?).

* * *

Эти потуги так же ничтожны в сравнении с

гениальностью, как судорожные скачки саранчи в сравнении с полетом ласточки.

* * *

«Иногда, после долгих ночей, когда всем распоряжалась воля, когда час за часом я трудился, запретив себе развлечения и слабости, стараясь забыть и о чувствах и о мире, я предавался — о, с каким самозабвением, с каким облегчением! — той тоске, что сопутствовала мне все эти дни. Как сладостно, как соблазнительно было прекратить переделывать себя и бросить этот труд и эту маску, которую мне так нелегко было вылепить. Я любил, я скорбел, я желал, одним словом, я был человеком…

…пустынное летнее небо, море, которое я так любил, и эти ждущие поцелуя губы».

* * *

Сексуальная жизнь была дана человеку, дабы сбить его с пути истинного. Это его опиум. Она все усыпляет. Без нее вещи вновь оживают. С другой стороны, воздержание препятствует продлению рода — в этом, быть может, и заключается истина.

* * *

Писатель не должен говорить о сомнениях, посещающих его в связи с его творчеством. Он рискует услышать в ответ: «Кто же заставляет вас творить? Если это так ужасно, зачем этим заниматься?» Сомнения — самая потаенная часть нашей души. Никогда не говорить о своих сомнениях — *каковы бы они ни были*.

* * *

«Грозовой перевал» — один из величайших романов о любви, ибо он кончается поражением и бунтом — иначе говоря, смертью без надежды. Главный герой — дьявол. Такая любовь может держаться лишь финальным поражением, то есть смертью. Она может продолжаться только в аду.

* * *

Октябрь

Высокий красный лес под дождем, усыпанные желтой листвой луга, запах сушеных грибов, лесные костры (обугливщиеся шишки сверкают,

как адские бриллианты), ветер, воющий над домом, — где еще найдешь такую традиционную осень? Крестьяне нынче ходят чуть наклонившись вперед — из-за ветра и дождя.

В осеннем лесу буки светятся золотистыми пятнами или желтеют на опушках, словно огромные соты, из которых сочится светлый мед.

* * *

23 октября. Начало.

«Чума» имеет общественный смысл и смысл метафизический. Они абсолютно одинаковы. Подобная двойственность присутствует также и в «Постороннем».

* * *

Говорят: мухи не обидит — как будто можно обидеть бессловесную муху. Но посмотрим, как умирают мухи на липкой бумаге — той, что изготовлена специально для борьбы с ними, — и мы поймем, что создатель этого выражения долго следил за их ужасной и незаметной агонией — этой медленной смертью, почти не издающей запаха тления (общие места — творение гения).

* * *

Идея: он отвергает все предложения, все возможности счастливой жизни, оттого что ему необходимо нечто более серьезное. Он рвет с женой, завязывает сомнительные знакомства, ждет, надеется. «Я не смогу описать ее, но я ее чувствую». И так до конца жизни. «Нет, описать ее я никогда не смогу».

* * *

Секс ни к чему не ведет. Он не безнравствен, но бесплоден. Им можно заниматься, пока не захочешь творить. Но совершенствоваться может лишь личность целомудренная.

Секс приносит победу, если человек освобождает его от нравственных императивов. Но очень скоро победа оборачивается поражением, истинной же победой становится победа над сексом — целомудрие.

* * *

Подумать о комментарии к «Дон Жуану» Мольера.

* * *

Ноябрь 1942 г.

Осенний пейзаж расцвечен листьями — вишни краснеют, клены желтеют, буки словно покрываются бронзой. На плато загораются тысячи огней второй весны.

* * *

Отречение от юности. Не я отрекаюсь от людей и вещей (я бы не смог), люди и вещи отрекаются от меня. Моя юность бежит меня: это и есть болезнь.

* * *

Главное, что должен уметь писатель, — претворять те чувства, которые он испытывает, в те, которые он хочет внушить. Поначалу ему это удается случайно. Но затем на место случая должен прийти талант. Значит, у истоков гения стоит случайность.

* * *

Он всегда вставляет: «Как говорят у нас на

родине…» — и добавляет банальные фразы, не имеющие родины. Напр.: «Как говорят у нас на родине: “волшебная погода” (или “блестящая карьера”, или “примерная барышня”, или “феерическое освещение”)».

* * *

11 ноября. Точь-в-точь как крысы!

* * *

Утром все покрыто инеем, небо сияет над гирляндами и хоругвями светлого праздника. В десять часов, когда уже пригревает солнце, воздух наполняется звонкой музыкой оттепели: легкий шорох — словно вздыхают деревья, падение инея на землю, словно валятся друг на друга белые мухи, полет запоздалых листьев, беспрерывно осыпающихся под тяжестью льда и едва заметных на поверхности земли, словно истлевший прах. Кругом — тающие в дымке холмы и долины. Стоит вглядеться повнимательнее, и замечаешь, что, утратив все свои краски, этот пейзаж сразу постарел. За одно утро из глубины тысячелетий всплывает очень древний край… Этот волнорез, поросший деревьями и папоротником, устрем-

ляется, словно нос корабля, к месту слияния двух рек. С первыми лучами солнца он освобождается от белого покрова и кажется единственным живым местом среди этой равнины, седой, как вечность. По крайней мере в этом месте неясный гул двух потоков противостоит окружающему безмолвию. Но постепенно и журчание воды растворяется в пейзаже. Не затихая ни на миг, оно, однако, обращается в молчание. И лишь тройки дымчатых ворон, пролетающие время от времени в небе, возвращают пейзажу признаки жизни.

Сидя на краю волнореза, я совершаю неподвижное плавание по равнодушному краю. Только вся природа и этот белый покой, который зима дарует чересчур пылким сердцам, — только они могут смирить сердце, терзаемое горькой любовью. Я вижу, как разрастается в небе светлое пятно, рассеивающее предчувствие смерти. Наконец-то мне, которому теперь все говорит только о прошлом, является свыше знамение будущего. Замолкни, легкое! Пей этот бледный, ледяной воздух, который питает тебя. Молчи. Как хочу я не слышать больше твоего медленного гниения — как хочу обратиться наконец к…

* * *

Сент-Этьенн.

Я знаю, что такое воскресенье для бедного человека, который работает. Главное, я знаю, что такое воскресный вечер, и если бы я смог передать и выразить то, что знаю, я смог бы сообщить воскресенью бедняка общечеловеческий смысл.

* * *

Мне не следовало бы писать: если бы мир был ясен, искусства бы не существовало. Но если бы мир казался мне осмысленным, я не стал бы писать. Есть случаи, когда следует говорить о себе — из скромности. Добавьте, что четкое определение потребовало бы от меня гораздо бóльших умственных усилий, и в конце концов я не записал бы его. Это истина блестящая, но безосновательная.

* * *

Разнузданная чувственность приводит к убеждению, что мир бессмыслен. Целомудрие, напротив, возвращает миру смысл.

* * *

Кьеркегор. Эстетическая ценность брака. Мысли продуманные, но слишком много славословия.

Роль этики и эстетики в формировании личности: гораздо более основательно и волнующе. Апология *всеобщего*.

Для Кьеркегора эстетическая мораль ведет к самобытности, а на самом деле главное — прийти к всеобщему. *Кьеркегор — не мистик*. Кьеркегор критикует мистицизм за то, что он отстраняется от мира, — именно за то, что он не достигает всеобщего. Если Кьеркегор и совершает скачок, то это скачок в области ума. Это скачок в чистом виде. Я говорю об этической стадии. Но на стадии религиозной все меняется.

* * *

Когда именно жизнь становится судьбой? Когда человек умирает? Но это судьба *для других*, для истории или для его родственников. В сознании? Но ум человеческий сам творит образ жизни как судьбы, вводит связность туда, где ее нет. В обоих случаях перед нами иллюзии. Что же из этого

следует? Что судьбы не существует?

Злоупотребление образом Эвридики в литературе 40-х годов. Ибо никогда еще столько любовников не жили в разлуке.

* * *

Все искусство Кафки состоит в умении заставлять читателя *перечитывать*. Его развязки — или отсутствие таковых — подсказывают истолкование, но подсказывают весьма неопределенно и принуждают возвращаться к началу, чтобы, перечитав книгу под новым углом зрения, примерить к ней это истолкование. Иногда возможны две или три трактовки, из чего вытекает необходимость второго и третьего чтения. Но не следует искать объяснения для каждой детали в книгах Кафки. Символ — всегда обобщение, и художник переводит его, не разрушая его цельности. Дословный перевод здесь невозможен. Можно восстановить лишь общий смысл. А остальное — дело случая, которому платит дань всякий творец.

* * *

В этом краю, где зима стерла все краски, потому

что кругом все бело, отменила все звуки, потому что снег их приглушает, уничтожила все запахи, потому что холод отбивает обоняние, первое благоухание весенних трав воспринимается, должно быть, как радостный зов, трубный глас чувств.

* * *

Болезнь — монастырь со своим уставом, своей аскезой, своим молчанием и своими видениями.

Ночью в Алжире лай собак разносится в десять раз дальше, чем в Европе. От этого в нем слышится тоска, неведомая тесным европейским странам. Собачий лай — язык, который звучит сегодня только в моей памяти.

* * *

Развитие абсурда:

1) является ли потребность в единстве главной заботой;

2) может ли мир (или Бог) удовлетворить ее.

Человек должен сам создать для себя единство, либо внутри мира, либо отвернувшись от него. Так восстанавливаются в правах нравственность и аскеза, которым еще предстоит найти точное

определение.

* * *

Жить своими страстями — значит также и жить своими страданиями, в которых — противовес страстям, поправка к ним и плата за них. Когда человек умеет — и не на словах, а на деле — оставаться один на один со своим страданием, преодолевать свое желание спастись бегством, умеет не доверять иллюзии, будто другие способны «разделить» с ним страдание, ему уже почти ничему не надо учиться.

* * *

Вообразим себе мыслителя, который, опубликовав несколько книг, заявляет в своем новом сочинении: «До сих пор я шел по неверному пути. Теперь я начну все сначала. Я понял, что был не прав» — после этого никто никогда не станет принимать его всерьез. А между тем он доказал бы таким поступком свое право мыслить.

* * *

Вне любви женщина скучна. Она ничего не

понимает. Надо жить с одной из них и молчать. Или спать со всеми и делать свое дело. Самое важное — не в этом.

* * *

Паскаль: Мы всегда совершаем ошибку, исключая что-то из своего поля зрения.

* * *

Уравнение в «Макбете», но уравнение дьявольское по своей природе: «Fair is foul and foul is fair» [25]. «And nothing is but what is not» [26]. И далее, акт II, сцена III: «For from this instant there is nothing serious in mortality» [27]. В серии Гарнье перевод: «The night is long that never finds the day» — «всякой долгой ночи приходит на смену день» (?).

Да — «it is a tale by an idiot, full of sound and fury,

---

[25] Примечания: 25
Добро есть зло, зло есть добро (*англ.*).

[26] Примечания: 26
Не существует ничего, кроме того, что существует (*англ.*).

[27] Примечания: 27
С этого мгновения в жизни не осталось ничего серьезного (*англ.*).

signifying nothing» [28].

* * *

Боги наградили человека великими, блистательными добродетелями, позволяющими ему достичь всего, чего он пожелает. Но одновременно они наградили его и добродетелью более горькой, внушающей ему презрение ко всему, чего он достиг.

...Вечно наслаждаться невозможно, в конце концов наступает усталость. Превосходно. Но отчего? На практике невозможно наслаждаться вечно, потому что невозможно наслаждаться всем. При мысли обо всех тех наслаждениях, которые тебе совершенно недоступны, ощущаешь такую же усталость, как при мысли о тех, которые ты уже испытал. Если бы в самом деле можно было бы объять все наслаждения без исключения, почувствовали бы мы усталость?

* * *

Вот вопрос: любите ли вы идеи — всей душой, всем существом? Может ли идея лишить вас

---

[28] Примечания: 28

Это бессмысленная история, рассказанная идиотом, где есть и шум, и ярость (*англ.*).

сна? Чувствуете ли вы, что готовы отдать за нее жизнь? Сколько мыслителей отступились бы!

* * *

Для публикации пьес: Калигула — *трагедия*; Изгнанник (или Будеёвице) — *комедия*.

* * *

15 декабря

Согласиться на испытание, с его помощью достичь единства. Если другая сторона не откликнется, умереть, не преодолев различий.

* * *

Красота, говорит Ницше вслед за Стендалем, — это обещание счастья. Но если сама она не является счастьем, что может она обещать?

* * *

…Только когда все вокруг занесло снегом, я заметил, что двери и окна синие.

* * *

Если правда, что преступление отнимает у человека весь запас жизненных сил (см. выше)… Значит, преступление Каина (а вовсе не Адама, которое сравнительно с Каиновым грехом кажется мелким проступком) истощило наши силы и отняло у нас любовь к жизни. В той мере, в какой мы принадлежим к племени Каина и несем на себе его проклятие, мы страдаем от этой странной пустоты и тоскливого ощущения собственной никчемности, которое возникает вслед за слишком бурными взрывами страсти и слишком смелыми поступками. Каин разом лишил нас всякой возможности деятельной жизни. Это и есть ад. Но находится он, безусловно, на земле.

* * *

«Принцесса Клевская». Не такая уж простая вещь. Она разветвляется на несколько повествований. В конце единство, но в начале — сложность. По сравнению с «Адольфом» это запутанный роман.

Подлинная простота здесь в понимании любви: г-жа де Лафайет видит в любви опасность. Это ее

постулат. Вся книга, как, впрочем, и «Принцесса де Монпансье», и «Графиня де Танд», исполнена недоверия к любви (что, разумеется, есть полная противоположность равнодушию).

«Он ждал смерти, его помиловали, но им овладел столь сильный страх, что через несколько дней он умер, не приходя в сознание». (*Всех* героев Лафайет, которые умирают, убивает *чувство*. Понятно, отчего *чувства* так страшат ее.)

«Я сказал ему, что, пока печаль его знала предел, я одобрял и разделял ее; но если он всецело предастся отчаянию и утратит разум, я не стану его жалеть». Великолепно. Вот целомудрие наших великих эпох. Оно мужественно. Но лишено черствости. Ибо тот самый человек (принц Клевский), который произносит эти слова, умрет именно от отчаяния.

«Шевалье де Гиз… решился не помышлять более о любви госпожи де Клев. Но, дабы отказаться от этого предприятия, казавшегося ему столь трудным и славным, ему потребна была какая-либо иная великая цель. И он замыслил взять Родос».

«Слова госпожи де Клев о его портрете возвратили ему жизнь, ибо показали, что он — тот самый, *кого она не ненавидит*». Эти слова жгут

ему уста.

* * *

Добродетель бедняка — душевная щедрость.

* * *

Бедное детство. Главное отличие дядиного дома: у нас вещи были безымянны, у нас говорили: глубокие тарелки, тот горшок, что стоит на камине, и проч. У него: вогезская керамическая ваза, кемперовский сервиз и проч. — Я узнавал, что такое выбор.

* * *

Грубое физическое желание вспыхивает мгновенно. Но желание вкупе с нежностью требует времени. Приходится пройти через всю страну любви, чтобы загореться желанием. Не потому ли вначале так нехотя вожделеешь ту, которую любишь?

* * *

Эссе о бунте. Тоска по «началам». Там же тема относительности — но относительности страст-

ной. Напр.: разрываясь между миром, который его не удовлетворяет, и Богом, которого он не знает, абсурдный ум страстно привязывается к миру. Там же: колеблясь между относительным и абсолютным, он пылко предается относительному.

* * *

Теперь, когда он знает этому цену, он нищ. Условие обладания — незнание. Даже в физическом плане: обладать до конца можно лишь незнакомкой.

* * *

Будеёвице (или *Изгнанник*).

I

Мать: Нет, не сегодня. Дадим ему время, передышку. Воспользуемся этим промежутком. Быть может, мы успеем спастись?

Дочь: Что, по-твоему, значит спастись?

Мать: Получить отпущение грехов.

Сестра: Тогда я уже спасена. Ибо я на вечные времена заранее отпустила себе все грехи.

II

Там же, см. выше.

Сестра: Во имя чего?

Женщина: Во имя моей любви.

Сестра: Что означает это слово?

(*Проход по сцене.*)

Женщина: Любовь — это моя былая радость и моя нынешняя боль.

Сестра: Вы говорите как раз на том языке, которого я не понимаю. Любовь, радость и боль, я никогда не слыхала этих слов.

III

— Ах! — сказал он перед смертью. — Значит, этот мир создан не для меня и дом этот не мой.

Сестра: Мир создан для того, чтобы умирать, а дома — чтобы в них спать.

IV

2-й акт. Рассуждение о гостиничных номерах. Он звонит. Тишина. Шаги. Появляется немой старик. Стоит на пороге, неподвижный и безмолвный.

— Ничего, — говорит тот, первый. — Ничего. Я просто хотел узнать, есть ли кто-нибудь в доме, работает ли звонок.

Старик секунду стоит неподвижно, потом уходит. Шаги.

V

Сестра: Молите Бога, чтобы он сделал вас бесчувственными как камень. Вот истинное счастье,

вот участь, которую он избрал для самого себя.

Он глух, говорю я вам, и нем, как гранит. Уподобьтесь ему, и вас не будет волновать ничего, кроме журчания ручья и солнечного света. Станьте как камень, пока еще есть время (развить).

* * *

Оправдание абсурдного мира может быть только эстетическим.

* * *

Ницше: Ничто окончательное не созидается без «несмотря ни на что».

* * *

Метафизические романы Мориса Бланшо.

Загадочный Тома. Анну влечет к Тома смерть, живущая в его душе. Любовь ее метафизична. Поэтому она расстается с ним перед смертью. Ибо в этот миг она *знает*, а мы предпочитаем не знать. Следовательно, истинным знанием наделяет одна лишь смерть. Но она же делает любое знание бесполезным: ее достижения бесплодны.

Тома понимает, что несет в себе смерть, и про-

зревает свое будущее. Ключ к книге — в главе XIV. Прочтя ее, нужно вернуться к началу, и тогда весь роман озарится тем тусклым светом, что омывает асфодели у гробового входа. (Около фермы странное дерево — два сросшиеся ствола, один из которых давно высох и даже не касается земли, ибо корни его сгнили. Он обвивается вокруг другого ствола, и оба они похожи на Тома. Но живой ствол не дал себя задушить. Он сам сдавил своей толстой корой мертвый ствол — он простер ветки вширь и ввысь — он устоял.)

Аминадаб, несмотря на кажущуюся простоту, более загадочен. Это новое воплощение мифа об Орфее и Эвридике (заметьте, что в обеих книгах усталость, которую, кажется, испытывает герой и которая передается читателю, рождена искусством).

* * *

«Чума». Второй вариант.

Библия: Второзаконие, XXVIII, 21; XXXII, 24. Левит, XXVI, 25, Амос, IV, 10. Исход, IX, 4; IX, 15; XII, 29. Иеремия, XXIV, 10; XIV, 12; VI, 19; XXI, 7 и 9. Иезекииль, V, 12; VI, 12; VII, 15. «Каждый ищет свой крест, а когда находит, чувствует, что он чересчур тяжел. Да не будет сказано, что я не сумел снести

свой крест».

* * *

Изначально три первые части, составленные из газет, дневников, записных книжек, проповедей, трактатов и объективных описаний, должны были подсказывать, увлекать и открывать глубинное значение книги. Последняя часть, изображающая только ход событий, должна была выражать общий смысл с их, и только с их, помощью.

Каждая часть должна была также все теснее сближать персонажей — воздействовать посредством постепенного слияния всех газет в одну, — а в 4-й части следовало довершить это впечатление.

* * *

Второй вариант.

Живописность и описательность в «Чуме» — маленькие документальные куски и рассуждение о бедствиях.

Стефан — глава 2-я: он проклинает эту любовь, лишившую его всего остального.

Изложить все не от себя (проповеди, газеты

и пр.) и так, чтобы описания Чумы приносили однообразное облегчение?

Это непременно должен быть отчет, хроника. Но как это нелегко.

Быть может: переписать с начала до конца все, что касается Стефана, исключив тему любви. Стефану недостает развития. Продолжение ожидалось более значительным.

Довести до конца тему расставания.

Дать общий отчет о чуме в О.?

Люди, нашедшие на себе блоху.

Глава о нищете.

Для проповеди: «Замечали ли вы, братья, как однообразен Иеремия?»

Еще один персонаж: разлученный, изгнанник, которому, несмотря на все его старания, не удается покинуть город. Его действия: он хочет получить пропуск под тем предлогом, что он «нездешний». Если он умрет, показать, что он страдает прежде всего от невозможности воссоединиться с близким существом, от множества незавершенных дел. В этом — самая суть чумы.

Не забыть: астма не требует столь частых осмотров.

Ввести оранскую атмосферу.

Ничего «вымученного», естественность.

Гражданский героизм.

Больше социальной критики и бунта. Вот чего им недостает: воображения. Они ведут себя в эпопее, как на пикнике. Они упускают из виду масштаб бедствия. Предлагаемые ими средства годятся разве что против насморка. Они обречены (развить).

Глава о болезни. «Они лишний раз убеждались в том, что физическая боль никогда не приходит одна и всегда сопровождается нравственными страданиями (семья — несчастная любовь), которые усугубляют ее. Так — в противовес общепринятому мнению — они постигали, что, если одно из жестоких преимуществ человека — возможность умереть в одиночестве, не менее жестокая и глубокая истина заключается в том, что умереть в подлинном одиночестве человеку как раз и не дано».

Мораль чумы: она не послужила никому и ничему. Стали мудрее только те, кто видел смерть совсем близко или лишился родственников. Но истина, которая им при этом открылась, касается только их одних. Она обречена.

Событийная, хроникальная сторона должна выразить социальный смысл чумы. Персонажи должны придать изображению смысл более глу-

бокий. Но все это в общем.

Социальная критика. Столкновение администрации, являющейся абстрактной общностью, и чумы, конкретнейшей из всех возможных сил, неминуемо приводит к последствиям комическим и скандальным.

Разлученный спасается бегством, потому что, *если он будет медлить, она постареет.*

Глава о родственниках, оказавшихся в *лагерях*.

Конец первой части. Распространение заболеваний чумой должно повторять распространение этой болезни у крыс. Шире.

Еще шире.

Странная чума?

Первая часть — экспозиция, которая должна в целом развиваться очень стремительно, даже в газетных сообщениях.

Одна из возможных тем — борьба медицины и религии: преимущества относительного (и какого относительного!) перед абсолютным. Побеждает, или, точнее, не остается в проигрыше, относительное.

«Конечно, мы знаем, что у чумы есть и положительная сторона, она раскрывает глаза, она заставляет думать. В этом отношении она подобна всякому злу в земном мире и самому этому

миру. Но то, что справедливо применительно к злу земного мира и самому этому миру, справедливо и применительно к чуме. На какую бы высоту она ни поднимала отдельных людей, только безумец, преступник или трус может, видя страдания своих братьев, примириться с чумой; единственный ответ ей, достойный человека, — бунт».

Все ищут покоя. Отметить это.

? Рассказать о Коттаре в *обратном порядке*: описать его поведение и открыть под конец, что он боялся ареста.

Газеты пишут теперь только о чуме. Люди говорят: в газете ничего нет.

Приглашают врачей из других городов.

Наиболее характерным для этого периода мне кажется состояние *разлуки*. Все разлучены с внешним миром, со своими возлюбленными или своими привычками. И в этом уединении одни — те, кто на это способен, — поневоле начинают размышлять, а другие — вести жизнь загнанных зверей. Середины тут нет.

Изгнанник в конце заболевает чумой, взбирается на холм и громко кричит, зовя свою жену, которую отделяют от него стены города, поля, три деревни и река.

? Предисловие рассказчика с соображениями относительно объективности и подлинности.

Под конец все жители чумного города становятся похожи на эмигрантов.

Побольше деталей «эпидемии».

Тарру — человек, который способен все понять — и страдает от этого. Он не способен никого судить.

Каков идеал человека, ставшего жертвой чумы? Вы будете смеяться: это порядочность.

Убрать: «В начале — на самом деле — в действительности — в первые дни — приблизительно в то же время» и т. п.

? На протяжении всей книги намекать средствами детектива, что рассказчик Риэ. В начале: запах сигареты.

Дикость и потребность в тепле разом. Выход: кино, где незнакомые люди сидят бок о бок.

Островки света в темном городе, к которым призрачные фигуры тянутся, словно одноклеточные во власти гелиотропизма.

Об изгнаннике: вечерами в кафе, хозяева которых, чтобы сэкономить электроэнергию, стараются включать свет как можно позже, полумрак, словно серая вода, заливает зал, лучи заходящего солнца почти не проникают сквозь

стекла, мраморные столешницы и спинки стульев слегка поблескивают. В этот час он осознает свое одиночество.

Разлученные во второй части: «Они были потрясены тем, что на свете есть множество мелочей, имеющих огромное значение для них и ничего не значащих для других. Так они открыли существование частной жизни». «Они прекрасно знали, что нужно кончать с этим — во всяком случае, что они должны желать конца, и, стало быть, они его желали — однако уже без прежнего пыла, но лишь с ясным сознанием причин, по которым им следует его желать. От великих первоначальных порывов в их душах осталась лишь угрюмая подавленность, заслонившая сам источник этой тоски. Они вели себя как люди удрученные и несчастные, но остроты несчастья не ощущали. По сути, это и было самое страшное. Прежде они были всего-навсего во власти отчаяния. Вот отчего многие были неверны. Ибо от любовных страданий у них остался только вкус к любви и потребность в ней, и, постепенно отдаляясь от тех, кто когда-то был предметом этих чувств, они расслабились и откликнулись на первый же ласковый призыв. Таким образом, они были неверны из любви». «Издалека им ка-

залось, что жизнь их составляет единое целое. И тогда они окунались в нее с новой силой. Так чума возвращала им единство. Следовательно, эти люди не умели жить в единстве, когда единство это существовало, — или, точнее, для того, чтобы научиться жить в единстве, им нужно было однажды его потерять». «Иногда они замечали, что находятся еще на первой стадии, когда то и дело собираешься показать какую-нибудь вещь другу, которого нет рядом. Тогда они еще питали надежду. Вторая стадия вступила в свои права, когда на все их мысли наложила свой отпечаток чума». «Но иногда глубокой ночью рана их раскрывалась вновь. И, внезапно пробудившись, они искали ее воспаленными губами, к ним возвращалось страдание во всей его первозданности, а вместе с ним — потрясенный лик их любви».

Говоря о чуме, я хочу показать ту удушливую и грозную атмосферу изгнания, в которой мы жили и от которой страдали. Одновременно я хочу распространить эту картину на все существование в целом. Чума поможет изобразить тех, кто во время последней войны принадлежал к безмолвно размышляющим — и нравственно страдающим.

* * *

Здесь неведомы жажда и то ощущение сухости, которое охватывает все твое существо после ходьбы под солнцем по пыльной дороге. Глотаешь лимонад — и не чувствуешь в горле жидкости, только обжигающие иголочки газа.

* * *

Не создан для рассеяния.

* * *

15 января

Болезнь — это крест, но, быть может, и опора. Идеально было бы взять у нее силу и отвергнуть слабости. Пусть она станет убежищем, которое придает силу в *нужный момент*. А если платить нужно страданиями и отречением — заплатим.

* * *

Небо голубое, поэтому заснеженные деревья, склоняющие свои белые ветви низко-низко надо льдом, кажутся похожими на цветущий миндаль. В этом краю глаз не может отличить весну

от зимы.

У меня роман с этим краем, иначе говоря, у меня есть причины и любить его, и ненавидеть. А с Алжиром все наоборот — я люблю его беспредельно и сладострастно предаюсь этому чувству. Вопрос: можно ли любить страну, как женщину?

* * *

«Чума», второй вариант. Разлученные.

Разлученные замечают, что на первой стадии они, по сути дела, не переставали на что-то надеяться: на то, что придут письма, на то, что чума кончится, на то, что их близкие проберутся в город. Только когда наступает вторая стадия, они теряют надежду. В этот момент они, к счастью, утрачивают и жизненные силы (или жизнь ставит перед ними новые цели). Они должны либо умереть, либо предать.

То же: эти минуты, когда чума влечет их к себе и они мечтают только о том, как бы уснуть вечным сном. Коттар говорит: должно быть, в тюрьме хорошо. А горожане: чума, наверное, избавляет от всего.

* * *

Чистосердечие Кьеркегора. Сколько разглагольствований. Неужели гений так неспешен!

«Отчаяние — это граница, где встречаются, равно беспомощные, запальчивость подло-трусливого эгоизма и мужество упрямо-горделивого ума».

«Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит» (Матф., XII, 43).

Его деление на людей действия и людей страдания.

То же применительно к Кафке: «Нужно истребить земную надежду, лишь тогда возможно спастись надеждой истинной».

Для К. Чистосердечие — это единство. Но это единство *и* добро. Нет чистоты вне Бога. Вывод: смириться с жизнью нечистой? Я далек от добра и жажду единства. И тут ничего не изменишь.

* * *

Эссе о Бунте. Раньше я выводил философию из тревоги — вывести ее теперь из счастья.

То же. Воскресить любовь в абсурдном мире

— значит воскресить самое жгучее и бренное из человеческих чувств (Платон: «Будь мы богами, мы не знали бы любви»). Но мы не вправе судить долгую любовь (земную) и любовь мимолетную. Верная любовь — *если она не скудеет* — для человека есть способ пестовать, насколько возможно, лучшее в себе. Так верность вновь поднимается в цене. Но эта любовь — за гранью вечного. Это человечнейшее из чувств, со всей вытекающей отсюда ограниченностью и восторженностью. По этой причине человек реализует себя только в любви, ибо в ней он находит ослепительное воплощение своей судьбы, лишенной будущего (а вовсе не потому, что, как утверждают идеалисты, в любви он хотя бы отчасти приближается к вечности). Пример: Хитклиф. Все сказанное — иллюстрация того факта, что абсурд сводится к противопоставлению *долговечного* и *недолговечного*. Подразумевается, что длиться что бы то ни было может только вечно. Мы принадлежим миру недолговечному. Все, что недолговечно, и только оно, принадлежит нам. Значит, нужно отобрать любовь у вечности или по крайней мере у тех, кто рядит ее в одежды вечности. Предвижу возражение: значит, вы никогда не любили. Оставим это.

* * *

«Чума», второй вариант.

Разлученные утрачивают здравый смысл. Самые умные из них начинают выискивать в газетах или радиопередачах доводы в пользу того, что чума вот-вот кончится, начинают питать беспочвенные надежды и испытывать беспричинные страхи при чтении рассуждений, которые настрочил, зевая от скуки, какой-нибудь журналист.

* * *

Вот что освещает мир и делает его сносным — привычное ощущение наших связей с ним, точнее, наших связей с людьми. Общение с людьми всегда помогает жить, потому что оно всегда предполагает продолжение, будущее, — кроме того, мы живем так, словно нашим единственным призванием является именно общение с людьми. Но бывают дни, когда мы осознаем, что это не единственное наше призвание, а главное, понимаем, что связью с людьми мы обязаны лишь своим собственным усилиям: стоит перестать писать или говорить, стоит обособиться

— и толпа людей вокруг вас растает; понимаем, что большая часть этих людей на самом деле готовы отвернуться от нас (не из злобы, а лишь из равнодушия), а остальные *всегда* оставляют за собой право переключить свое внимание на что-нибудь другое; в эти дни мы понимаем, сколько совпадений, сколько случайностей необходимы для рождения того, что называют любовью или дружбой, и тогда мир снова погружается во мрак, а мы — в тот вечный холод, от которого нас ненадолго укрыла человеческая нежность.

* * *

10 февраля

Четыре месяца жизни аскетической и уединенной. Воле, уму это на пользу. А сердцу?

* * *

Вся проблема абсурда могла бы, пожалуй, сосредоточиться вокруг критики объективного и субъективного суждения.

* * *

Любопытный текст Книги Бытия (III, 22): «И

сказал Господь Бог: вот, Адам стал [после грехопадения] как *один из Нас*, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей и не взял также от древа жизни, и не вкусил, *и не стал жить вечно*».

И изгнал человека из Эдема пламенным мечом, «обращающимся, чтобы охранять путь к древу жизни». Снова повторяется история Зевса и Прометея. Человек получил возможность стать равным Богу, Бог испугался и принудил его к повиновению. *То же*. Об ответственности Бога.

* * *

Размышлять и писать по плану мне мешает воображение. Оно у меня беспорядочное, неумеренное, пожалуй, даже чудовищное. Трудно представить себе, какую огромную роль воображение сыграло в моей жизни. А между тем я заметил эту свою особенность только в тридцать лет.

Иногда в поезде или в автобусе, когда время тянется медленно, я запрещаю себе блуждать среди образов и построений, кажущихся мне бесплодными. Но постоянно направлять мысль на верный путь, возвращать ее к полезному источнику утомительно, и наступает минута, когда

мысли мои разбредаются, вернее, растекаются во все стороны: тогда часы пролетают молниеносно и я, не успев оглянуться, прибываю к месту назначения.

* * *

Быть может, к скульптуре меня влечет любовь к камню. Скульптура возвращает человеческому облику весомость и равнодушие, без которых я не мыслю величия.

* * *

Эссе: глава о «плодотворности тавтологии».

* * *

Человек, хоть немного знакомый с гимнастикой ума, знает, подобно Паскалю, что мы всегда совершаем ошибку, исключая что-то из своего поля зрения. Ум, развившийся до своего предела, твердо знает, что любая теория содержит в себе зерно истины и что любой опыт, накопленный человечеством, даже если он воплощен в таких противоположных фигурах, как Сократ и Эмпедокл, Паскаль и Сад, нельзя априорно

отрицать. Однако обстоятельства вынуждают совершать выбор. Так, Ницше считал необходимым подвергнуть критике философию Сократа и христианство, хотя не мог привести серьезных аргументов. Нам же, напротив, необходимо встать на защиту Сократа или по крайней мере того, что он олицетворяет, ибо сегодня существует опасность, что на смену этим ценностям придет отрицание всякой культуры, так что Ницше рискует одержать здесь победу, которой он бы не пожелал.

На первый взгляд кажется, что это вносит в жизнь идей некоторый оппортунизм. Но это только кажется, ибо ни Ницше, ни мы сами не забываем о другой стороне вопроса; наши действия — просто защитная реакция. А в конечном счете опыт Ницше вместе с нашим опытом, опыт Паскаля вместе с опытом Дарвина, опыт Калликла вместе с опытом Платона воплощают все богатство человечества и возвращают нас нашему отечеству (но все это может быть верно, лишь если учесть дюжину дополнительных тонкостей).

Как бы там ни было, см. Ницше (Происхождение философии, Бьянки, с. 208): «Сократ, признаюсь честно, так близок мне, что я все время борюсь против него».

«Чума», второй вариант. У разлученных трудности с днями недели. В первую очередь, конечно, с воскресеньями. С субботними вечерами. И с некоторыми днями, к которым прежде были приурочены определенные ритуалы.

То же. Глава о страхе: «Люди, за которыми приходили по вечерам…»

В главе о лагерях: сначала родственников разлучает смерть — потом из соображений гигиены детей отделяют от родителей, мужчин от женщин. *И тогда разлука становится всеобщей*. Все обречены на одиночество.

Таким образом, тема разлуки должна стать главной темой романа. «Они ничего не просили у чумы. Они терпеливо выстроили себе в сердцевине непонятного мира свой собственный, очень человечный мирок, где дни текли под знаком нежности и привычки. Но оказалось, что разлука с миром — это еще полбеды; пришла чума и разлучила их с их скромными привычными представлениями. Сначала она затмила их ум, а потом вырвала у них сердце». Практически: *в романе нет никого, кроме одиноких людей*.

* * *

«Чума», второй вариант.

Мы ищем покоя и идем за ним к людям. Но они поначалу не могут дать нам ничего, кроме безумия и смуты. Покоя надо искать в другом месте, но небеса молчат. И вот тогда, и только тогда, можно возвратиться к людям, потому что, за неимением покоя, они навевают сон.

* * *

«Чума», второй вариант.

Хорошо бы иметь террасы, расположенные над чумой.

Все они правы, говорит Риэ.

Тарру (или Риэ) прощает чуме.

* * *

Эссе о Бунте. Абсурдный мир *сначала* не поддается строгому анализу. Он открывается памяти и воображению. Таким образом, мир этот есть продукт *мысли вообще*, то есть конкретного воображения. Это приложение к жизненному поведению и к эстетике определенного современ-

ного принципа. Это не анализ.

Но как только вы очертите основные контуры этого мира, зало́жите первый (и единственный) камень, вы получите возможность рассуждать философски — а точнее, если вы все поняли правильно, у вас возникнет потребность рассуждать философски. Теперь необходим строгий анализ, и мы возвращаемся к нему. Торжествуют детали и описания. «Нас не интересует ничего, кроме…» превращается в «нас интересует все, кроме…» Отсюда точное и строгое — без выводов — исследование о бунте:

1) развитие бунта и внешний бунт;

2) состояние бунта;

3) метафизический бунт.

Развитие бунта: Неоспоримое право — впечатление, что дело затянулось, что другой превышает свои полномочия (отец, например). «Досюда да, а дальше нет» — продолжить анализ.

Ср. заметки: Происхождение Философии и Человек злопамятный в Эссе.

* * *

Эссе о Бунте: одно из направлений абсурдного ума — это бедность и нищета.

Единственный способ не дать абсурду «все-

литься» в тебя — это не извлекать из него пользы. Не предаваться сексуальному рассеянию, лишенному целомудрия, и т. д.

То же. Ввести тему колебания.

То же. Созерцание как одна из абсурдных целей, в той мере, в какой оно вызывает наслаждение, ничего не утверждая определенно.

* * *

Вообразим себе мыслителя, который говорит: «Вот, я знаю, что это правда. Но в конечном счете последствия этого мне отвратительны, и я отступаю. *Истина неприемлема даже для того, кто ее открывает*». Это и будет абсурдный мыслитель с его постоянной тревогой.

* * *

Странный ветер — он всегда дует на опушке леса. Любопытный человеческий идеал: устроить себе жилье в самом лоне природы.

* * *

Нужно решиться ввести в мыслительный аппарат необходимое различие между философией

очевидной и философией приятной. Иначе говоря, мы можем прийти к философии, которая противна уму и сердцу, *но которая напрашивается*. Так, для меня очевидная философия — абсурд. Но это не мешает мне иметь (или, точнее, учитывать) философию приятную. Напр.: точное равновесие между умом и миром, гармония, полнота и т. д. Счастлив мыслитель, который отдается своей склонности, а тот, что отказывает себе в этом — из любви к истине, с сожалением, но решительно, — мыслитель-изгнанник.

Как далеко может зайти этот разрыв между мыслителем и его системой? Не возвращает ли это нас, по сути дела, окольными путями к реализму: истина, внеположная человеку, — принудительная. Возможно, но в таком случае это был бы реализм, не могущий нас удовлетворить. Не априорное решение.

* * *

Важный вопрос, который следует разрешить «на практике»: можно ли быть счастливым и одиноким.

* * *

Антология незначительности. Прежде всего что такое незначительность? Этимология здесь обманчивая. Это не то, что не имеет значения. Иначе пришлось бы сказать, что незначителен наш мир. Бессмысленный и незначительный — не синонимы. Незначительный человек вполне может быть рассудительным. С другой стороны, незначительный не есть ничтожный. Существуют великие деяния, серьезные и грандиозные планы, являющиеся незначительными. Впрочем, это уже ближе к делу. Ибо деяния эти не кажутся незначительными тем, кто затевает их с истовой серьезностью. Следовательно, надо добавить, что они незначительны для кого-то… что некое лицо незначительно в чьих-то глазах… что некая мысль незначительна в определенном контексте… Иначе говоря, у незначительности, как у всех прочих вещей на этом свете, есть своя мера относительности. Что вовсе не означает, что незначительность — вещь относительная. Она имеет отношение к чему-то, что незначительностью не является, что имеет смысл — что важно, что «кое-что значит», что заслуживает интереса, что достойно внимания, заботы, покло-

нения, что занимает — и по праву — свое место, что поражает ум, западает в память, бросается в глаза… и проч. Но все это еще не определение. Незначительность будет относительной, лишь если удастся найти несколько определений этому эталонному метру значения. Иначе говоря, незначительность, как и всякая вещь, сравнима с чем-то большим, и то скудное количество смысла, которым она наделена, — производное от значения более общего. Остановимся на этих словах. В определенной мере, с большой осторожностью и не забывая о множестве нюансов, можно сказать, что незначительная вещь — вовсе не обязательно вещь, лишенная *смысла*, но вещь, лишенная *сама по себе* общего *значения*. Выражаясь иначе и прибегая к естественной иерархии ценностей, если я женюсь, я совершаю поступок, который получает общее значение на уровне рода, еще одно значение — на уровне общества, религии, и, быть может, еще одно — в плане метафизическом. Вывод: женитьба не является поступком незначительным, во всяком случае, согласно иерархии общепринятых ценностей. Ибо, если родовое, общественное или религиозное значение у нее отсутствует — а это происходит в тех случаях, когда женится человек, не уважающий все эти

ценности, — женитьба становится в самом деле поступком незначительным. На этом примере по крайней мере видна связь незначительности с отсутствием значения.

Возьмем противоположный пример: если, открывая дверь, я двигаю защелку вправо, а не влево, я не могу связать этот жест ни с каким общепринятым значением. Обществу, религии, роду и даже Богу решительно начхать, двигаю я защелку налево или направо. Вывод: мой поступок незначителен, если только эта привычка не связана для меня с необходимостью экономить силы, с практической сметкой, истоки которой — в волевом характере или жизненных принципах, и т. д. В этом случае для меня будет гораздо важнее отодвинуть защелку определенным образом, чем жениться. Следовательно, незначительность — это всегда результат определенных отношений. Общий вывод из сказанного таков: в вопросе о незначительности всегда остается некоторая неясность.

Но, раз уж я задумал составить антологию незначительных поступков, значит, мне известно, какие поступки являются незначительными. Вероятно, так. Но понять, незначителен ли тот или иной поступок, и понять, что такое незна-

чительность, — вещи разные. В конце концов, может быть, я составляю эту антологию просто для очистки совести. Однако…

План.

1. Незначительные поступки: старик и кот, военный и девушка (примечание: не знаю, стоит ли включать эту историю в антологию. Возможно, она исполнена большого смысла. Но я все-таки помещаю ее, чтобы показать исключительную сложность моего труда. Как бы там ни было, можно будет поместить ее *также* и в антологию вещей значительных — готовится к публикации), и проч., и проч.

2. Незначительные речи. «Как говорят у нас на родине», «Как говорил Наполеон» — и, шире, бóльшая часть исторических изречений. Зубочистка Жарри.

3. Незначительные мысли. Потребуется множество гигантских томов.

* * *

Зачем нужна эта антология? В конце концов она должна показать, что незначительность почти всегда тождественна механической стороне существования людей и вещей — чаще всего незначительность тождественна привычке.

Иначе говоря, поскольку все рано или поздно входит в привычку, можно быть уверенным, что величайшие мысли и величайшие деяния рано или поздно становятся незначительными. Цель жизни — незначительность. Тем и интересна антология. По сути, она не только воспроизводит бóльшую часть нашего существования — ничтожные жесты, ничтожные мысли и ничтожные настроения, — но и описывает наше общее будущее. У нее есть чрезвычайно редкое в наши дни преимущество — она имеет поистине пророческий характер.

* * *

Ницше, внешняя сторона жизни которого была более чем однообразна, доказывает, что мысль, работающая в одиночестве, сама по себе страшное приключение.

* * *

Мы покорно соглашаемся с тем, что Мольер должен был умереть!

* * *

9 марта. Первые барвинки — а еще неделю назад шел снег.

* * *

У Ницше тоже бывали приступы тоски. Но он ничего не хотел просить у неба. Его решение: потребовать от человека того, чего нельзя потребовать у Бога; это сверхчеловек. Странно, что в отместку за такое самомнение его самого не сделали Богом. Быть может, это вопрос времени. Будда проповедует мудрость без богов, а через несколько столетий ему самому поклоняются как Богу.

* * *

Европеец наслаждается собственной храбростью: он любуется собою. Отвратительно. Истинная храбрость пассивна — это безразличие к смерти. Идеал: чистое познание и счастье.

* * *

Что может быть лучше для человека, чем бед-

ность? Я говорю не о нищете или безнадежном труде современного пролетария. Но я не знаю, что может быть лучше бедности в сочетании с деятельным отдыхом.

* * *

Невозможно *полностью* исключить оценочные суждения. Они — отрицание абсурда.

* * *

Древние философы размышляли гораздо больше, чем читали (и недаром). Вот отчего в их сочинениях так много конкретности. Книгопечатание все изменило. Теперь читают больше, чем размышляют. Вместо философии у нас одни комментарии. Именно это имеет в виду Жильсон, когда говорит, что на смену эпохе философов, занимавшихся философией, пришли профессора философии, занимающиеся философами. В таком подходе — и скромность, и беспомощность. Мыслитель, который начнет свою книгу словами «Рассмотрим все с самого начала», вызовет насмешки. Дошло до того, что сегодня философский трактат, не ссылающийся ни на какие авторитеты, не подкрепленный цитатами

и комментариями, никто не принял бы всерьез. И все же…

* * *

Для «Чумы»: в людях больше черт, достойных восхищения, чем черт, достойных презрения.

* * *

Когда, несмотря на уверенность в том, что «все дозволено», преодолеваешь соблазн, в душе все-таки остается след — перестаешь судить других.

Многих людей влечет к роману то, что жанр этот, по видимости, лишен стиля. На самом же деле он требует стиля более виртуозного — такого, который полностью подчиняется предмету рассказа. Так что можно вообразить писателя, у которого каждый роман написан в своем стиле.

* * *

Предчувствие смерти, к которому я с некоторых пор привык: оно лишено поддержки болью. Боль привязывает к настоящему, она *вовлекает в борьбу*. Но предчувствовать смерть просто при виде окровавленного носового платка, не совер-

шая никакого усилия, — это головокружительное погружение во время: страх бытия.

* * *

Облака поредели. Лишь только показалось солнце, над пахотой закурился дымок.

* * *

Смерть сообщает новую форму любви — а равно и жизни, она превращает любовь в судьбу. Твоя возлюбленная умерла в пору, когда ты любил ее, поэтому любовь твоя пребудет вечно — в противном же случае от нее не осталось бы и следа. Чем же был бы мир без смерти — вереницей исчезающих и воскресающих форм, мучительным бегством, миром, не знающим завершенности. Но, к счастью, она существует, — она, надежная опора. И любовник, оплакивающий прах возлюбленной, Рене на могиле Полины, проливает слезы чистой радости — ибо совершилось, — радости человека, сознающего, что судьба его наконец определилась.

* * *

Любопытная теория г-жи де Лафайет — брак как наименьшее из зол. Лучше неудавшийся брак, чем мучения страсти. Здесь налицо этика *Порядка*.

(Французский роман психологичен, потому что сторонится метафизики. Он всегда избирает мерилом человека *из осторожности*.) Тот, кто считает «Принцессу Клевскую» классическим романом, невнимательно читал ее. Напротив, она очень плохо выстроена.

* * *

«Чума». Разлученные: Дневник Разлуки? «Ощущение разлуки было всеобщим, и представление о нем можно составить по беседам, признаниям и сообщениям, появлявшимся на страницах газет».

То же. Разлученные. Тот вечерний час, когда верующие заглядывают в свою душу, — час, тяжкий для узников, — это пора обманутой любви.

«Чума». *То же*. Голод заставляет одних задумываться, других — запасаться продовольствием. Следовательно, мало того, что одно и то же явле-

ние приносило с собой не только зло, но и добро; то, что было злом для одних, оборачивалось добром для других. Было от чего потерять голову.

? Стефан. Дневник разлуки.

Три плана в книге:

Тарру, который описывает мелочи;

Стефан, который говорит о *главном*;

Риэ, который объединяет их и поднимает на новую высоту в *относительном диагнозе*.

* * *

Разлученные. *То же*. В самом конце эпидемии они уже не могли представить себе ту домашнюю атмосферу, в которой прежде существовали, не могли представить себе, что рядом с ними жило существо, на которое они могли в любую минуту поднять руку.

* * *

Эпиграф для «Недоразумения»? «Рожденное не достигает совершенства, но никогда не останавливается». Монтень.

* * *

Нетрудно представить себе европейца, обратившегося в буддийскую веру, ибо это обеспечивает ему жизнь после смерти — которую Будда считает непоправимым злом, но которой человек желает изо всех сил.

* * *

Сент-Этьенн и его пригород. Подобное зрелище — обвинительный акт породившей его цивилизации. Мир, где нет места живому существу, радости, деятельному отдыху, — это мир, обреченный на гибель. Ни один народ не может существовать без красоты. Он может какое-то время продержаться, и все. А между тем Европа, где подобных городов множество, с каждым днем все дальше уходит от красоты. Вот отчего она корчится в конвульсиях, вот отчего она умрет, если, заключив мир, не вспомнит о красоте и не возвратит любовь на подобающее ей место.

* * *

Всякая жизнь, посвященная погоне за день-

гами, — это смерть. Воскрешение — в бескорыстии.

* * *

Сам процесс письма дает ощущение уверенности в себе, которой мне начинает недоставать. Уверенности, что тебе есть что сказать, а главное, что возможно сказать что бы то ни было, уверенности, что твои чувства и твое существование годятся для примера, уверенности, что ты незаменим и не знаешь страха. Все это я постепенно утрачиваю и начинаю думать о том времени, когда перестану писать.

* * *

Иметь силу выбрать то, что тебе по душе, и не отступаться. Иначе лучше умереть.

* * *

Разлученные: «Чтобы вновь пережить свою любовь, они с нетерпением ждали часа, когда в их душах проснется беспредметная ревность».

* * *

То же. Их просят составить список близких людей, с которыми они разлучены. Они удивляются, что за этим ничего не последовало. А все дело было в том, чтобы выяснить, кого извещать, «если что-то случится». «Короче, мы записались».

* * *

То же. Третья часть. «Но когда они встретились снова, им еще долгое время было очень трудно поставить реального человека на место того, кого создало их воображение… и можно сказать, что чума кончилась только в тот день, когда один из них смог снова посмотреть на ту, кто рядом, скучающим взглядом».

* * *

Всякую мысль следует оценивать по тому, что она сумела извлечь из страдания. Несмотря на мое отвращение, страдание — это действительность.

* * *

Я не могу жить без красоты. И этим объясняется моя слабость в отношении некоторых людей.

* * *

Когда все будет кончено, *устраниться* (Бог *или* женщина).

* * *

Главное, что отличает человека от животного, — воображение. Поэтому у нас половое влечение не может быть по-настоящему естественным, то есть слепым.

* * *

Абсурд — это трагическая фигура перед зеркалом (Калигула). Значит, он *не один*. Тут есть почва для удовлетворения или снисхождения. Теперь нужно убрать зеркало.

* * *

Время идет медленно, когда за ним следишь.

Оно чувствует слежку. Но оно пользуется нашей рассеянностью. Возможно даже, что существуют два времени: то, за которым мы следим, и то, которое нас преобразует.

* * *

Эпиграф для «Недоразумения»: «Отсюда же проистекает и созданный поэтами вымысел, будто несчастная мать Ниобея, потеряв сначала семерых сыновей, а затем столько же дочерей и не выдержав стольких утрат, в конце концов превратилась в скалу… Они создали этот образ, чтобы передать то мрачное, немое и глухое оцепенение, которое овладевает нами, когда нас одолевают несчастья, превосходящие наши силы». Монтень.

* * *

То же. О печали. «Я принадлежу к числу людей, наиболее свободных от этой страсти, и не питаю к ней ни любви ни уважения, хотя все кругом как нарочно расхваливают ее наперебой».

* * *

То же. О лжецах. А ведь нет лучшего способа узнать силу коня, чем испытать его уменье останавливаться сразу и плавно.

* * *

Абсурд. Восстановить нравственность с помощью «ты». Я не верю в существование иного мира, где мы должны «дать отчет». Но в этом мире мы обязаны дать отчет — всем, кого мы любим.

* * *

То же. О языке. (Парен: аргументы, доказывающие, что человек не мог изобрести языка, неопровержимы.) Стоит только копнуть, повсюду натыкаешься на метафизические проблемы. Таким образом, куда ни глянь, человек одинок, словно на острове, а реальность со всех сторон омывает его грозным морем возможностей и вопросов. Отсюда можно сделать вывод, что мир наделен смыслом. Ибо, если бы он попросту грубо существовал, смысла в нем бы не было. Счастливые миры не имеют разумных оснований.

Поэтому смешно спрашивать: «Возможна ли метафизика?» Метафизика существует.

* * *

К счастью, мир наш устроен так, что страдания не длятся вечно. Боль отпускает, и возвращается радость. Они уравновешивают друг друга. В этом мире одно компенсирует другое. А если мы сами мучим себя и возводим это добровольное страдание в ранг силы, дабы длить его без конца, сам выбор наш доказывает, что страдание это для нас — благо, и в данном случае именно оно является компенсацией.

Третье «Несвоевременное размышление». «Шопенгауэр скорбно отвращал взгляд от образа великого основателя траппистского монастыря Рансе, говоря: “Для этого потребна благодать”».

* * *

По поводу М. [нрзб.]. Я не отказываюсь идти к Верховному Существу, но я не хочу следовать путем, уводящим от обычных, смертных существ. Узнать, можно ли обрести Бога, предавшись сполна своим страстям.

* * *

«Чума»: очень важно. «Они сперли у вас провизию и боль от разлуки — вот вы и подчинились им, не ропща».

* * *

20 мая

Впервые: странное чувство удовлетворения и успокоения. Вопрос, которым я задавался, лежа в траве, теплым и душным вечером: «Что, если эти дни последние…» Ответ: спокойная улыбка. Меж тем мне нечем гордиться: ничего не решено, и даже веду я себя не так уж стойко. Что это — ожесточение, приходящее с опытом, предзакатная кротость или, напротив, начало всеприемлющей мудрости?

* * *

Июнь. Люксембургский сад.

Ветреное и солнечное воскресное утро. Ветер разносит брызги вокруг большого фонтана; по воде, на которой качаются крошечные парусники, идет рябь, над высокими деревьями летают

ласточки. Двое молодых людей спорят: «Ты ведь у нас веришь в человеческое достоинство».

* * *

Пролог: Любовь…
Познание…
Это одно и то же.

* * *

Днем полет птиц всегда кажется бесцельным, но к вечеру движения их становятся целенаправленными. Они летят к чему-то. Так же, быть может, и с людьми, достигшими вечера жизни…

Бывает ли у жизни вечер?

* * *

Гостиничный номер в Валансе. «Не делай этого, прошу тебя. Как я смогу жить с этой мыслью? Что скажут обо мне твоя мать, твои сестры, Мари-Роланда, я поклялся не говорить тебе этого, ты ведь знаешь. — Я умоляю тебя, не делай этого. Мне так необходимы были эти два дня покоя. Я не дам тебе этого сделать. Я пойду до конца. Мы поженимся, если нужно. Но я не могу взять на себя такой

груз. — Я поклялся не говорить тебе этого. — Это слова. А для меня имеют значение только поступки… — Все решат, что это несчастный случай. Поезд… и т. д. (Она плачет. Она кричит: «Ненавижу тебя. Ненавижу тебя за то, что ты со мной делаешь».) — Я знаю, Роланда, я это отлично знаю. Но я не хотел тебе этого говорить. И т. д. и т. д.». Он дает обещание. Продолжительность: полтора часа. Монотонность. Топтание на месте.

* * *

Ван Гога поразила одна мысль Ренана: «Умереть для самого себя, осуществить великие деяния, стать благородным и отринуть пошлость, в которой тонет существование почти всех людей».

«Если продолжать искренне любить то, что в самом деле достойно любви, и *не растрачивать свою любовь по мелочам, по пустякам, по глупостям*, можно понемногу сделать свою жизнь светлее и стать сильнее».

«Выучившись в совершенстве какой-нибудь одной вещи и поняв ее до конца, начинаешь вдобавок понимать и знать множество других вещей».

«Я — человек, постоянный в своем непостоянстве».

«Если я рисую пейзажи, они всегда хранят следы присутствия человека».

Он приводит слова Доре: «Я терпелив, как бык».

Ср. на с. 340 письмо о поездке в Звеелоо.

Дурной вкус великих художников: он ставит на одну доску Милле и Рембрандта.

«Я все больше и больше убеждаюсь, что не следует судить о Господе Боге по нашему миру, это его неудачный набросок».

«Я прекрасно могу и в жизни и в живописи обойтись без Господа Бога, но в страдании я не могу обойтись без того, что сильнее меня, что лежит в основе моей жизни, — без способности творить».

Блуждания Ван Гога, долго искавшего свой путь и только в двадцать семь лет обнаружившего, что он — художник.

* * *

Когда ты уже сделал все, что нужно, чтобы как следует понять, принять и снести бедность, болезнь и собственные недостатки, остается сделать еще один шаг.

* * *

«Чума». Сентиментальный профессор в конце эпидемии приходит к выводу, что самое умное, что остается, — начать переписывать книгу с конца (развить текст и смысл).

Тарру умирает молча (мигает и т. п.).

Административный лагерь-изолятор.

Последний разговор между профессором и доктором: Они снова вместе. Потому что им так мало нужно. А у меня не было, и проч.

Еврейский квартал (мухи). Те, кто хочет соблюсти благопристойность. Приглашают гостей на цикорий.

Разлученные. 2. И то, с чем им и без того было очень трудно смириться (старость), они вынуждены были теперь сносить за двоих.

Тем не менее текущие вопросы по-прежнему решались. Именно в эту пору выяснилось, чем кончилось дело, привлекшее в свое время внимание знатоков. Юный убийца… был помилован. Газеты высказывали предположение, что он отделается десятью годами примерного поведения, а затем сможет зажить своей обычной жизнью. По правде говоря, игра не стоила свеч.

* * *

Вера в слова — это классицизм, но, дабы сохранить эту веру, он расходует их очень бережно. Сюрреализм, который не доверяет словам, ими злоупотребляет. Вернемся к классицизму — из скромности.

* * *

Те, кто любит истину, должны искать любви в браке, то есть в любви без иллюзий.

* * *

«В чем особенность провансальской культуры?» Специальный выпуск «Кайе дю Сюд». В общем и целом мы мало чего стоили в эпоху Возрождения, в XVIII веке и во время Революции. Мы кое-что создали в X–XIII веках и в ту пору, когда как раз и не были нацией, — в пору, когда вся цивилизация стала интернациональной. Итак, целые столетия человеческой истории, слава и бесславие, сотня великих имен, которые они нам завещали, традиции, жизнь нации, любовь — все это пустяки, все это ничего не значит. И нас же

называют нигилистами.

* * *

Гуманизм пока еще не наскучил мне: он мне даже нравится. Но он мне тесен.

* * *

Брюк, доминиканец: «Они мне осточертели, эти христианские демократы».

«Г. ужасно похож на кюре, он держится с епископской елейностью. А я с трудом переношу ее даже у самих епископов».

* * *

Я: «В юности я считал всех священников счастливыми».

Брюк: «Страх потерять веру сужает круг их чувств. Они отрекаются от своих склонностей. Они не смотрят жизни в лицо». (Его идеал — церковь великая и могущественная, но славная своей бедностью и отвагой.)

Разговор о про́клятом Ницше.

* * *

Баррес и Жид. Оторванность от родной почвы — для нас вопрос решенный. А когда вопрос больше не волнует нас, мы говорим меньше глупостей. В конечном счете мы нуждаемся и в отечестве, и в странствиях.

* * *

Недоразумение. Женщина после смерти мужа: «Как я люблю его!»

* * *

Агриппа д'Обинье: вот человек, который верит и сражается за то, во что верит. В конечном счете он доволен. Это видно по гордости, с которой он рассказывает о своем доме, своей жизни, своих успехах. Если он гневается, то лишь на тех, кто не прав — с его точки зрения.

* * *

Трагедию порождает столкновение двух равно законных, имеющих равное право на жизнь сил. Следовательно, слабая трагедия — та, что вводит

в действие силы незаконные. Следовательно, сильная трагедия — та, что узаконивает *все*.

* * *

На Мезенкских плато ветер со свистом рассекал воздух сильными ударами шпаги.

* * *

Жить страстями может только тот, кто подчинил их себе.

* * *

Вечное Возвращение предполагает примирение со страданием.

* * *

Жизнь полна происшествий, которые заставляют нас с нетерпением ждать, когда мы станем старше.

* * *

Не забыть: болезнь и связанное с нею ничтожество. Нельзя терять ни минуты — что, быть

может, вовсе не означает, что «надо торопиться».

* * *

Мораль: невозможно жить рядом с людьми, если знаешь их сокровенные мысли.

Упорно отказываться от любого коллективного суждения. Хранить невинность, несмотря на склонность общества к «толкам».

* * *

В жару люди зреют, подобно плодам. Они созревают, не успев начать жить. Они все знают, еще ничего не изучив.

* * *

Б.Б.: «Никто не подозревает, что некоторые люди прилагают геркулесовы усилия, чтобы остаться просто нормальными».

* * *

«Чума». Если записные книжки Тарру занимают так много места, то лишь оттого, что он умер в доме рассказчика (в начале).

— Вы уверены, что болезнь в самом деле за-

разная, что изоляция необходима? — Я ни в чем не уверен, но я твердо знаю, что брошенные без погребения трупы, скученность и проч. нежелательны. Теории могут меняться, но есть нечто, остающееся в силе всегда, в любое время, — это логика.

* * *

Занятые борьбой, санитарные отряды уже не интересуются известиями о чуме.

Чума отменяет оценочные суждения. Никто больше не говорит о качестве одежды, продуктов и пр. Все всё приемлют.

Разлученный хочет получить у доктора пропуск на выезд из города (так они знакомятся), он рассказывает о своих хлопотах… Он регулярно приходит снова.

Поезда, вокзалы, часы ожидания.

Чума обрекает на разлуку. Но сама совместная жизнь — лишь длящаяся случайность. Правило — чума.

* * *

1 сентября 1943 г.

Тот, кто не верит в ход вещей, — трус, но тот,

кто верит в человеческий удел, — безумец.

* * *

15 сентября

Он все забросил — свою работу, деловые письма и проч., — чтобы ответить тринадцатилетней девочке, вложившей в письмо всю душу.

* * *

Поскольку слово «существование» обозначает какую-то реальность, реальность нашей тоски, но при этом не может не подразумевать некоей высшей реальности, мы сохраним его лишь в обращенной форме — мы будем говорить о философии несуществования, что не означает отрицания, но должно указать на состояние «человека, который лишен...». Философия несуществования будет философией изгнания.

* * *

Сад: «Люди осуждают страсти, забывая, что философия зажигает свой факел от их огня».

* * *

У искусства случаются приступы целомудрия. Оно не может назвать вещи своими именами.

* * *

Во время революций погибают лучшие. По закону жертвоприношений последнее слово остается за людьми трусливыми и осторожными, ибо остальные лишились слова, пожертвовав лучшим, что у них было. Говорят те, кто совершил предательство.

* * *

Только художники творят добро. Нет, говорит Парен.

* * *

«Чума». Все борются — каждый на свой лад. Трусость — только в том, чтобы упасть на колени… Явилась масса новых моралистов, и все они пришли к одному выводу: нужно встать на колени. Но Риэ отвечает: нужно бороться, и объясняет, как именно.

Изгнанник часами сидит на вокзалах. Передать атмосферу вымершего вокзала.

Риэ: «Всякому борющемуся коллективу необходимы люди убивающие и люди лечащие. Я сделал выбор и намереваюсь лечить. Но я знаю, что веду борьбу».

* * *

«Чума». А где-то в далеких портах вода розовеет в лучах заходящего солнца.

* * *

«Обращаться к Богу оттого, что вы разочаровались в земной жизни, а боль отъединила вас от мира, бесполезно. Богу угодны души, привязанные к миру. Ему по нраву ваша радость».

* * *

Тот, кто воспроизводит этот мир, как он есть, предает его, возможно, гораздо больше, чем тот, кто преображает его. Лучшая из фотографий — уже предательство.

Против рационализма. Если бы чистый детерминизм имел смысл, достаточно было бы одного

верного утверждения, чтобы, переходя от одного следствия к другому, узнать истину во всей ее полноте. Но этого не происходит. Значит, либо мы никогда не произнесли ни одного верного суждения и суждение о всеобщей детерминированности тоже неверно, либо мы сказали правду, но правду *бесполезную* и, следовательно, детерминизм лжет.

* * *

Для моего «творения против Творца». Одному католическому критику (Станисласу Фюме) принадлежит мысль, что искусство, *какова бы ни была его цель*, всегда вступает в преступное соперничество с Богом. То же: Роже Секретен, «Кайе дю Сюд», август — сентябрь 43-го г. И Пеги: «Есть даже такая поэзия, которая извлекает свою мощь из отсутствия Бога, которая не спекулирует ни на каком спасении, которая рассчитывает только на самое себя, человеческое стремление заполнить пустоту пространства, вознаграждаемое еще на земле».

Следовательно, между апологетической литературой и литературой, вступившей в соперничество, середины нет.

* * *

Долг состоит в том, чтобы делать то, что ты считаешь справедливым и добрым — «предпочтительным». Легко ли это? Нет, ибо даже то, что считается предпочтительным, всегда делается с трудом.

* * *

Абсурд. Убивая себя, человек отрицает абсурд. Не убивая себя, он с помощью абсурда открывает в повседневности источник удовлетворения, отрицающий сам этот абсурд. Это не значит, что абсурда не существует. Это значит, что абсурд *действительно* лишен логики. Поэтому на нем *действительно* нельзя строить жизнь.

* * *

Париж. Ноябрь 1943 г.

Сурена. В 4-м акте возле всех дверей — охрана. И Эвридика, которая прежде находила такие замечательные слова, смолкает, безуспешно пытаясь выговорить слово, которое принесет ей свободу. Она будет молчать до конца — и потому

умрет. А Сурена:

«Зачем ты растравляешь рану?

Я сердцем размягчусь, в борьбе с собой устану» [29].

Великолепный трюк классического театра, где сменяющие друг друга актерские дуэты рассказывают о событиях, не показывая их, — и, несмотря на это, интрига развивается, а волнение нарастает.

* * *

Парен. Они все схитрили. Им ни разу не удалось подняться выше своего отчаяния. И все из-за литературы. Коммунист для него — это человек, отказавшийся от речей и заменивший их *бунтом на деле*. Он избрал для себя путь, который презрел Христос, — спасать проклятых, обрекая на проклятие самого себя.

* * *

У всякого страдания, волнения, страсти есть пора, когда они принадлежат самому человеку с его неповторимой индивидуальностью, и другая

---

[29] Примечания: 29
Перевод Э. Г. Линецкой.

пора, когда они начинают принадлежать искусству. Но в первые мгновения искусство бессильно что-либо сделать с ними. Искусство — расстояние, на которое время удаляет от нас страдания.

Это — трансцендентность человека по отношению к самому себе.

* * *

Благодаря Саду систематическая эротика сделалась одним из направлений философии абсурда.

* * *

Для Кафки смерть не является избавлением. Его смиренный пессимизм, по Маньи.

* * *

«Чума». Любовь приняла у них форму упорства.

Добавить в гранки «Калигулы»: «Ну что ж, трагедия окончена, поражение бесспорно. Я отворачиваюсь и ухожу. Я сделал все, что мог, в этой битве за невозможное. Подождем смерти, хотя ни от чего не избавляет».

* * *

«Быть может, Христос и умер за кого-нибудь, но не за меня». Человек виновен — но виновен он в том, что не смог справиться со всем самостоятельно, и вина эта со временем стала еще тяжелее.

* * *

О справедливости — тип, который теряет веру в нее с тех пор, как его поколотили.

То же. Вот в чем я упрекаю христианство — в том, что это учение несправедливо.

* * *

«Чума». Окончить изображением неподвижной женщины в трауре — ее страдания напоминают о жизни и крови, которых лишились мужчины.

* * *

Тридцать лет.

Главная способность человека — способность к забвению. Но справедливости ради следует заметить, что он забывает даже то добро, которое сам сотворил.

* * *

«Чума». Правилом стала разлука. Все остальное — дело случая.

— Но люди все равно живут вместе.

— Есть такие случайности, которые длятся целую жизнь.

Купаться в море запрещено. Это знак. Запрещено тешить свое тело — прорваться к истинному смыслу вещей. Но чума кончается, и истинный смысл вещей возвратится.

Дневник разлученного?

* * *

Самая большая экономия, которая возможна в области мысли, — согласиться, что мир непознаваем, — и заняться человеком.

* * *

Когда в старости человек становится мудрым и нравственным, ему, вероятно, бывает стыдно вспоминать свои былые поступки, шедшие вразрез с предписаниями нравственности и мудрости. Слишком рано или слишком поздно.

Середины нет.

* * *

Я бываю у Х., потому что у них память лучше, чем у меня. Они обогащают наше общее прошлое, возвращая моей памяти все, что из нее изгладилось.

* * *

Чтобы произведение прозвучало как вызов, оно должно быть завершено (отсюда необходимость «обреченности»). Оно противоположно божественному творению. Оно завершено, имеет свои пределы, ясно, замешано на человеческих потребностях. Единство в наших руках.

* * *

Парен. Может ли человек выбрать мгновение, когда он готов умереть за истину?

* * *

В этом мире люди делятся на свидетелей и подтасовщиков. Стоит человеку умереть, как его свидетельство начинают подтасовывать с

помощью слов, проповедей, искусства и проч.

* * *

Успех может облагородить юношу, как счастье облагораживает человека зрелого. Убедившись, что его усилия оценены по заслугам, юноша может вести себя спокойно и непринужденно — по-королевски.

* * *

Роджер Бэкон пробыл в тюрьме *двенадцать лет* за то, что утверждал первенство опыта в познании.

* * *

Есть мгновение, когда юность уходит. Это мгновение, когда мы теряем наших близких. И с этим нужно смириться. Но это тяжело.

* * *

Об американском романе: он стремится к универсальности. Как классицизм. Но если классицизм стремится к универсальности вечной, современная литература волею обстоятельств

(взаимопроникновение разных народов) стремится к универсальности исторической. Ее интересует не человек всех времен, а человек всех стран.

* * *

«Чума». «Он любил просыпаться в четыре утра и думать о ней. В этот час она принадлежала ему. В четыре часа утра люди *ничего не делают*. Они спят».

Театр продолжает работать: дают пьесу об Орфее и Эвридике.

* * *

Разлученные: Мир… Но кто я такой, чтобы судить их. Все они правы. Но выхода нет.

Разговор о дружбе между доктором и Тарру: «Я думал об этом. Но это невозможно. Чума *не оставляет времени*. — Внезапно: — Сейчас мы все живем для смерти. Есть над чем задуматься».

Там же. Чудак, выбирающий *молчание*.

* * *

— Защищайтесь, — говорили Судьи.

— Нет, — отвечал Обвиняемый.

— Почему? Так положено.

— Пока еще нет. Я хочу, чтобы вы приняли всю ответственность на себя.

* * *

О естественности в искусстве. Абсолютная естественность невозможна. Ибо невозможна действительность (дурной вкус, вульгарность, несоответствие глубинным потребностям человека). Именно поэтому все, что создано человеком на основе мира, всегда в конце концов оборачивается против мира. Романы-фельетоны плохи, потому что по большей части правдивы (то ли оттого, что действительность приспособилась к ним, то ли оттого, что мир условен). Искусство и художник воссоздают мир, но втайне всегда не удовлетворены им.

* * *

Портрет С., нарисованный А.: «Ее изящество, ее чувствительность, эта смесь томности и решимости, осторожности и дерзости, это простодушие, не мешающее ей судить трезво и искушенно».

* * *

Греки «ничего не поняли бы в экзистенциализме — между тем христианство они, *хотя и со скандалом*, могли бы принять. Все дело в том, что экзистенциализм не предполагает определенного *поведения*».

То же. Не существует познания абсолютно чистого, то есть бескорыстного. Искусство — попытка чистого познания с помощью описаний.

* * *

Поставить вопрос об абсурдном мире — все равно что спросить: «Согласны ли мы предаться отчаянию и ничего не предпринимать?» Я полагаю, что ни один порядочный человек не ответит утвердительно.

* * *

Алжир. Не знаю, достаточно ли понятно я изъясняюсь. Но для меня вернуться в Алжир — все равно что взглянуть в лицо ребенка. А между тем я знаю, что все не так уж безоблачно.

* * *

Мои произведения. Окончить книгой о сотворенном мире: «Исправленное творение».

* * *

Если произведение, рожденное бунтом, вмещает в себя совокупность человеческих устремлений, оно не может не быть идеалистическим (?). В таком случае чистейший продукт бунтарского творчества — это роман о любви, которая…

* * *

Эта поразительная путаница, приводящая к тому, что поэзию нам выдают за деятельность духа, а роман — за результат аскезы.

* * *

Роман. Все типы отношения одного и того же человека к деянию или смерти. Причем всякое отношение подается как единственно правильное.

* * *

«Чума». Невозможно наслаждаться криками птиц и вечерней прохладой — миром, как он есть. Ибо он покрылся нынче густым слоем истории, сквозь который пробивается к нам его речь. Это его искажает. Он утрачивает самоценность, ибо с каждой его деталью связывается целая вереница образов смерти или отчаяния. Ни одно утро не обходится без агонии, вечер — без тюрьмы, полдень — без ужасающей резни.

* * *

Мемуары палача: «Я чередую мягкость с жестокостью. Психологически это очень полезно».

* * *

«Чума». Субъект, который размышляет, участвовать ли ему в работе санитарных отрядов или поберечь себя для великой любви. Плодовитость! Где она?

То же. После наступления комендантского часа город обращается в камень.

То же. Их смущала ненадежность. Всякий день,

всякий час, без передышки, в положении загнанного зверя, не уверенные в завтрашнем дне.

То же. Я стараюсь быть всегда наготове. Но днем или ночью всегда наступает такой час, когда человеком овладевает страх. Этого-то часа я и боюсь.

То же. Лагерь-изолятор. «Я знал, что это такое. Обо мне забудут, я в этом не сомневаюсь. Те, кто меня не знает, забудут потому, что им не до меня, а те, кто меня знает и любит, забудут потому, что выбьются из сил в поисках способа вытащить меня оттуда. Во всяком случае, никто не станет думать обо мне. Никто не станет представлять себе мое существование минута за минутой, и проч., и проч.».

(Послать туда Рамбера.)

То же. Санитарные отряды, или искупители. Все члены санитарных отрядов печальны.

То же. «Именно на этой террасе доктору Риэ пришло в голову написать хронику событий, где ясно выразилась бы его близость с этими людьми. И этот рассказ, который теперь подходит к концу… и проч.».

То же. Во время чумы человеческое тело не живет, оно истощается.

То же. Начало: доктор провожает жену на вок-

зал. Но он вынужден потребовать закрыть город.

* * *

«Бытие и ничто» (с. 135–136). Странная ошибка в суждении о наших жизнях, потому что мы пытаемся взглянуть на них извне.

* * *

Если тело тоскует о душе, нет оснований считать, что в вечной жизни душа не страдает от разлуки с телом — и, следовательно, не мечтает о возвращении на землю.

* * *

Мы пишем в минуты отчаяния. Но что такое отчаяние?

* * *

На любви ничего нельзя построить: она — бегство, боль, минуты восторга или стремительное падение. Но она не…

* * *

Париж, или самая видимость чувствительности.

* * *

Новеллы. В разгар Революции один тип обещает сохранить жизнь своим противникам. После этого члены его партии приговаривают их к смерти. Он устраивает им побег.

То же. Священник под пыткой совершает предательство.

То же. Цианистый калий. Он решает не принимать яд, чтобы проверить, сможет ли он выдержать все до конца.

То же. Тип, который внезапно переходит к пассивной обороне. Он помогает пострадавшим. Но он не снял нарукавной повязки. Его расстреливают.

То же. Трус.

* * *

«Чума». *После* окончания эпидемии он впервые слышит, как падают на землю дождевые капли.

То же. Поскольку ему скоро предстояло умереть, он должен был срочно убедиться, что жизнь бессмысленна. Он так думал до настоящего времени, пусть же это по крайней мере пригодится в трудную минуту. Неужели как раз тогда, когда ему так необходима поддержка, он встретит улыбку на лице, всегда хранившем суровость.

То же. Тип, которого кладут в больницу по ошибке. Это ошибка, говорит он. Какая ошибка? Не морочьте голову, ошибок не бывает.

То же. Медицина и Религия: два ремесла, которые на первый взгляд уживаются друг с другом. Но сегодня, когда все разъясняется, становится понятно, что они несовместимы — и что следует выбрать что-то одно: либо относительное, либо абсолютное. «Если бы я верил в Бога, я не стал бы лечить человека. Если бы я думал, что человека можно вылечить, я не стал бы верить в Бога».

Справедливость: поиски справедливости *в спорте*.

* * *

«Чума». Субъект, который философски воспринимает чужие болезни. Но если заболел его лучший друг, он всех поднимает на ноги. Следовательно, солидарность в борьбе — пустой звук,

побеждают личные привязанности.

Хроника Тарру: бокс — Тарру завязывает дружбу с боксером. Тайные поединки — футбол — суд.

Этот прекрасный утренний час, когда после вкусного легкого завтрака выходишь на улицу и закуриваешь сигарету. В жизни еще остались прекрасные минуты.

Тарру: «Забавно, у вас мрачная философия и счастливое лицо». Следовательно, моя философия не мрачна.

В середине все герои попадают в один санитарный отряд. Глава о великом единении.

Воскресное времяпрепровождение футболиста, который больше не может играть; познакомить его с Тарру: Этьенн Виллаплан, с тех пор как футбольные матчи запретили, скучает по воскресеньям. Как он проводил воскресенья раньше. И как проводит теперь: слоняется по улицам, поддевает ногой камни, стараясь забросить их прямо в водосточные люки («Один — ноль», — говорит он. И добавляет, что дело дрянь.) Он вмешивается в игры детей, если те гоняют мяч. Выплевывает окурки и подкидывает их ногой (в начале, разумеется. Под конец он стал беречь окурки).

Риэ и Тарру.

Риэ: Судя по тому, что вы пишете, можно поду-

мать, что людям уже ничем не поможешь.

— Да нет, — говорит Тарру, — это только кажется.

* * *

В. Все, чему она может дать определение, кажется ей отвратительным. Она говорит: «Это мерзко. Это борьба полов». Меж тем борьба полов существует, и с этим ничего не поделаешь.

* * *

Человек, требующий, чтобы *другой* делал все за него, и, следовательно, существующий пассивно, начинает действовать, и притом весьма энергично, только когда нужно убедить другого по-прежнему всем жертвовать и все делать.

* * *

Эссе о Бунте: «Все бунтари, однако, действуют так, словно верят в окончание истории. Противоречие заключается…»

То же. О свободе мечтают немногие. О справедливости — гораздо большее число людей, а самая большая часть даже путает справед-

ливость со свободой. Но спрашивается: равна ли абсолютная справедливость абсолютному счастью? Постепенно перед людьми встает необходимость чем-то пожертвовать: либо свободой ради справедливости, либо справедливостью ради свободы. Художнику же приходится в определенных обстоятельствах делать выбор между своим искусством и счастьем человечества.

Может ли человек сам создать свои ценности? Вот в чем вопрос.

Вы благоразумны? Но я никогда не отказывал человеку в рассудительности. Я хочу только одного — отнять у него иллюзорное будущее и заставить признать, что без иллюзий существование его сделается наконец ясным и цельным.

То же. Жертва, которая утверждает ценность. Но и эгоистическое самоубийство тоже: возвеличивает ценность, кажущуюся самоубийце важнее, чем его собственная жизнь, — а именно ощущение, что существует благородная и счастливая жизнь, которой он был лишен.

* * *

Считать героизм и храбрость второстепенными ценностями — *после того, как ты доказал свою храбрость*.

* * *

Роман об отложенном самоубийстве. Отложил на год — его потрясающая гордость тем, что смерть ему безразлична.

Связать это с романом о любви?

* * *

Бессмысленность жертвы: субъект, умирающий за что-то, *чего* он *не увидит*.

* * *

Я потратил десять лет, чтобы завоевать то, что кажется мне бесценным: сердце, не знающее горечи. И, как это часто бывает, преодолев горечь, я выплеснул ее в нескольких книгах. Следовательно, обо мне всегда будут судить по этой горечи, которой я уже не испытываю. Но это справедливо. Это плата за освобождение от нее.

* * *

Страшный и ненасытный эгоизм художников.

* * *

Любовь можно сохранить лишь по причинам, не имеющим отношения к любви. Например, по причинам морального порядка.

* * *

Роман. Что означает для нее любовь: эта пустота внутри, это легкое посасывание под ложечкой с тех пор, как они узнали друг друга, этот клич влюбленных, громко зовущих друг друга по имени.

Невозможно быть ангажированным во всем. Однако можно выбрать тот вид существования, где быть ангажированным возможно. Существовать достойно — и только так. В некоторых случаях это приводит сердца, страстно любящие людей (их — в первую очередь), к удалению от людей.

Как бы там ни было, это всегда мучительно. Но что это доказывает? Что тот, кто *всерьез* приступает к решению нравственной проблемы, неизбежно впадает в крайность. Можно быть за (Паскаль) или против (Ницше), главное — чтобы это было всерьез, и тогда становится ясно, что

нравственная проблема — не что иное, как кровь, безумие и вопль.

* * *

Бунт. Глава I. Нравственность существует. Безнравственно христианство. Определение нравственности в противовес интеллектуальному рационализму и божественному иррационализму.

Глава X. Заговор как нравственная ценность.

* * *

Роман.

Та, которая все упустила по рассеянности: «А ведь я любила его всей душой».

— Значит, — говорит священник, — этого было недостаточно.

* * *

Воскресенье 24 сентября 1944 г. Письмо.

Роман: «Ночь признаний, слез и поцелуев. Постель, влажная от слез, пота и любви. Предел надрыва».

* * *

Роман. Прекрасное существо. И все ему всё прощают.

* * *

Те, кто любит всех женщин, движутся к абстракции. Вопреки очевидности, они воспаряют над миром. Ибо им неинтересны частности, отдельные случаи. Человек, чуждающийся всякой идеи и всякой абстракции, истинно отчаявшийся, предан одной женщине. Из упрямства он хранит верность этому единственному лицу, хотя оно и не может удовлетворить всех его притязаний.

* * *

Декабрь. Сердце полно мрака и печали.

* * *

«Чума». Находясь в разлуке, они переписываются, и он находит верный тон и сберегает свою любовь. Победа языка и умения писать.

* * *

Оправдание искусства: настоящее произведение искусства помогает быть искренним, укрепляет сообщество людей и проч.

* * *

Я не верю в безнадежные поступки. Я верю только в поступки обоснованные. *Но* я думаю, что обосновать поступок не так уж трудно.

* * *

Против тоталитаризма можно возражать только с позиций религии или морали. Если этот мир бессмыслен, они правы. Я не могу признать их правоту. Значит…

Это мы создаем Бога. А не он нас. Вот вся история христианства. Ибо у нас нет иного способа создать Бога, кроме как стать им.

* * *

Роман о Справедливости.

В конце. Бедная и больная мать:

— Я спокойна за тебя, Жан. Ты умница.

— Нет, мама, это не так. Я часто ошибался и не всегда был справедлив. Пожалуй, только одно…

— Конечно.

— Только одно: я ни разу не предал вас. Всю жизнь я хранил вам верность.

— Ты хороший сын, Жан. Я знаю, ты очень хороший сын.

— Спасибо, мама.

— Нет, это я говорю тебе спасибо. Будь таким всегда.

* * *

Человек не станет свободным, пока не преодолеет страха смерти. Но не с помощью самоубийства. Нельзя преодолеть, сдавшись. Суметь умереть, глядя смерти в глаза, без горечи.

* * *

Героизм и святость, второстепенные добродетели. Но нужно доказать, что ты ими обладаешь.

* * *

Роман о справедливости. Мятежник совершает поступок, зная, что в ответ на него будут убиты

невинные заложники… А позже подписывает приказ о помиловании писателя, которого презирает.

* * *

Репутация. Ее создают вам посредственности, и вы делите ее с посредственностями и негодяями.

* * *

Помилование?

Мы должны служить справедливости, потому что существование наше устроено несправедливо, должны умножать, взращивать счастье и радость, потому что мир наш несчастен. Сходным образом мы не должны приговаривать к смерти, раз уж мы сами приговорены к ней.

Врач, враг Бога: он борется со смертью.

* * *

«Чума». Риэ говорит, что был врагом Бога, потому что боролся со смертью, и что быть врагом Бога его ремесло. Он говорит еще, что, пытаясь спасти Панлу, он одновременно хотел доказать священнику, что тот не прав и что, соглашаясь

быть спасенным, он признает, что может оказаться неправым. Панлу отвечал ему только одно: что в конце концов он окажется прав, ибо, без сомнения, умрет, а Риэ возразил на это: главное — не смиряться и бороться до конца.

* * *

Смысл моего творчества: такое множество людей лишены благодати. Как жить без благодати? Нужно приложить усилия и сделать то, чего никогда не делало христианство: заняться про́клятыми.

* * *

Классицизм — это подавление страстей. В великие эпохи страсти были индивидуальными. Сегодня они коллективны. Нужно подавлять коллективные страсти, точнее, придавать им форму. Но они истощают того, кем овладевают. Вот почему большая часть современных книг — репортажи, а не произведения искусства.

Ответ: если нельзя сделать все разом, надо от всего отказаться. Что это значит? Сегодня нам нужно больше силы и воли, чем прежде. Мы добьемся своего. Грядущий великий классик будет

победителем, не имеющим равных.

* * *

Роман о справедливости.

Тип, который был под судом или под подозрением, а после (во имя единения) переходит на сторону революционеров (Комм.) и ему сразу же дают задание, посылая его на верную смерть. Он соглашается выполнить задание, потому что таков порядок. И гибнет.

То же. Тип, который искренне проповедует единомыслие. Его бесконечное одиночество в финале.

То же. Мы убиваем самых дерзких из них. Они убили самых дерзких из нас. Остаются чиновники и подонки. Вот что значит иметь убеждения.

* * *

«Чума». Глава об усталости.

* * *

Бунт. Свобода — это право не лгать. Это верно и в социальном плане (подчиненный и начальник), и в плане нравственном.

* * *

Исправленное творение. История отложенного самоубийства.

* * *

«Чума». «Вещи, стонущие в разлуке».

* * *

Этот тип (инспектор Национальной службы железных дорог) живет только железными дорогами.

Чиновник НСЖД живет на пленкообразной поверхности материи.

* * *

Кузен М. В. Он собирает воздушные шары (фарфор, трубки, пресс-папье, чернильницы и проч.).

* * *

Вселенский роман. Танк, который разворачивается и ползет как сороконожка.

* * *

Боб идет в наступление летом, на равнине. Его каска покрыта ботвой дикой редьки и сорной травой.

* * *

Исправленное творение.

Танк, который разворачивается и отбивается, как сороконожка.

Боб летом, на нормандской равнине. Его каска покрыта сорной травой и ботвой дикой редьки.

Ср. в «Таймс» доклад английской комиссии о зверствах.

Испанский журналист де Сузи (достать его текст) — дети со смехом показывают ему трупы.

Целый час — острый нож в сердце.

Весь день разговоры о том, будут ли вечером давать молочный суп, от которого ночью приходится несколько раз бегать на двор. О том, что ватерклозеты в ста метрах от дома, что ночью холодно и проч.

Женщины из лагеря, попав в Швейцарию, хохочут при виде похорон: «Вот как здесь обходятся с покойниками».

Жаклина.

Два четырнадцатилетних мальчика-поляка, которых заставили сжечь дом, где были их родители. С четырнадцати до семнадцати лет в Бухенвальде.

Консьержка гестапо, занимающего два этажа в доме на улице Помп. Утром она убирает комнаты, где пытают. «Я никогда не вмешиваюсь в дела моих жильцов».

Жаклина возвращается из Кёнигсберга в Равенсбрюк — сто километров пешком. В большой палатке, разделенной подпорками на четыре отсека. Женщин столько, что они могут спать прямо на земле, только тесно прижавшись одна к другой. Дизентерия. Ватерклозеты в сотне метров. Но приходится перешагивать через тела и наступать на них. Привыкают и к этому.

Всемирный аспект диалога политики и морали. Против этого конгломерата огромных сил — [нрзб.].

Х. — заключенная, вышла на свободу с татуировкой: в течение года служила в лагере СС в…

* * *

Доказательство. Что абстракция — зло. Она порождает войны, пытки, жестокость и проч.

Спрашивается: как люди сохраняют абстрактный подход перед лицом физического зла — идеологию перед лицом пытки, производимой во имя этой же идеологии.

* * *

Христианство. Вы были бы жестоко наказаны, если бы мы приняли ваши постулаты. Ибо в этом случае мы бы не знали жалости.

* * *

Сад. Вскрытие произведено Галлем: «Череп, подобный всем старческим черепам. Шишки отцовской нежности и любви к детям развиты сверх меры».

Сад о г-же де Лафайет: «Изъясняясь более лаконично, она становится более трогательной».

Преклонение Сада перед Руссо и Ричардсоном, которые научили его, «что не только торжество добродетели может тронуть читателя».

То же. «Познать человеческое сердце» можно только в несчастье и в путешествиях.

То же. Человек XVIII века: «Когда, по примеру Титанов, он осмеливается поднять свою дерзкую руку на само небо и, вооруженный страстями,

не страшится объявить войну тем, перед кем трепетал».

* * *

Бунт. В конечном счете политика порождает партии, которые препятствуют общению (сообщничеству).

* * *

— И само творение. Что делать? У бунтаря *меньше всего шансов* устранить сообщников. Но они будут устранены.

* * *

Глубокое отвращение ко всякому обществу. Соблазн спастись бегством и смириться с упадком своей эпохи. Одиночество приносит мне счастье. Но одновременно и ощущение, что упадок начинается с той минуты, когда ты с ним смиряешься. И приходится оставаться — чтобы человек оставался на должной высоте, чтобы не способствовать его падению. Однако отвращение, отвращение до тошноты, вызываемое этой людской разобщенностью.

* * *

Общение. Затруднено для человека, потому что он не может выйти за границы известного ему круга лиц. Все остальное для него абстракция. Человек *должен жит*ь в границах, определенных плотью.

* * *

Сердце стареет. Любить и при этом ничего не сохранить!

* * *

Искушение второстепенными и повседневными делами.

* * *

К. и П.Г.: страсть к правде. Вокруг них весь мир распят.

* * *

Мы, французы, находимся нынче в авангарде цивилизации: мы разучились приносить смерть.

Мы свидетельствуем против Бога.

* * *

Июль 1945 г.

Шатобриан Амперу, в 1841 г. отправившемуся в Грецию: «Попрощайтесь за меня с горой Гимет, где я оставил пчел, с мысом Сунион, где я слышал кузнечиков… Мне скоро придется отказаться от всего. Пока я еще блуждаю среди своих воспоминаний, но вскоре они сотрутся из памяти… Вы не найдете в Аттике ни одного оливкового листка, ни одной виноградной косточки из тех, что видел там я. Мне жаль каждую былинку моего времени. У меня не хватило сил продлить жизнь даже кустику вереска».

* * *

Бунт.

В конечном счете я выбираю свободу. Ибо благодаря свободе человек, даже не добившись торжества справедливости, сохраняет право протестовать против несправедливости и поддерживает связь между людьми. Справедливость в безмолвном мире, справедливость в мире немых разрушает сообщничество, отрицает бунт

и восстанавливает согласие, но на этот раз в самой низменной форме. Вот когда становится очевидным главенство, которое постепенно завоевывает понятие свободы. Но самое трудное заключается в том, чтобы все время помнить: свобода обязана *одновременно* требовать справедливости, как уже было сказано. В таком случае можно признать и существование справедливости, хотя и совсем иной, которая должна стать единственной незыблемой ценностью в истории людей, испокон веков умиравших достойно только за свободу.

Свобода — это возможность защищать то, во что я не верю, даже в государстве или мире, который я принимаю. Это возможность оправдать противника.

* * *

«Кающийся человек велик. Но кто согласился бы сегодня на величие в безвестности?» («Жизнь Рансе»).

* * *

Каким человеком я стал бы, если бы не был таким ребенком!

* * *

Из неопубликованных вещей Ш.

«Никогда не испытывал я в объятиях женщины того полного слияния, той двойной близости, того пыла страсти, которых искал и которые стоят всей жизни».

«Бывают эпохи, когда характеры так вялы, что пороки рождают не преступления, но лишь развращенность».

То же. «Без страсти не было бы добродетели, а между тем нынешняя эпоха так жалка, что не имеет ни страсти, ни добродетели; она вершит зло и добро бесстрастно, как материя».

«Имея возвышенный ум и подлое сердце, люди пишут великие вещи и совершают мелкие поступки».

* * *

Роман. «Я отдал дань людям. Иными словами, я лгал и жаждал вместе с ними. Я метался от одного к другому, я делал то, что нужно. С меня довольно. Я в долгу перед этим пейзажем. Я хочу остаться с ним наедине».

* * *

30 июля 1945 г.

В тридцать лет человек должен держать себя в руках, иметь точный счет своим недостаткам и достоинствам, знать свой предел, предвидеть свое поражение — быть тем, кто он есть. А главное, все принимать. Мы входим в область положительного. Нужно все совершить и от всего отказаться. Стать естественным, не снимая маски. Я испытал достаточно много, чтобы суметь почти от всего отказаться. Остается совершить громадное усилие, каждодневное, упорное. Усилие тайное, без надежды, но и без горечи. Больше ничего не отрицать, потому что есть возможность все утверждать. Быть выше боли.

Тетрадь № V. Сентябрь 1945 года – апрель 1948 года

Главный вопрос в наши дни: можно ли изменить мир, не веря в абсолютное могущество разума? Несмотря на рационалистические, в том числе и марксистские, иллюзии, вся история мира — история свободы. Разве можно подчинить детерминизму пути свободы? Без сомнения, неверно утверждать, что то, что детерминировано, мертво. Но детерминированным может быть лишь то, что уже прожито. Сам Бог, если бы он существовал, не мог бы изменить прошлое. Но будущее принадлежит ему не больше и не меньше, чем человеку.

* * *

Политические антиномии. Мы живем в мире, где необходимо выбирать, кем быть, жертвой или палачом — третьего не дано. Выбор не из легких. Мне всегда казалось, что, в сущности, палачей не существует, все люди — жертвы. В конечном счете, разумеется. Но мало кто разделяет это мнение.

Я страстно люблю свободу. А для всякого интеллектуала свобода в конце концов сводится к свободе выражения. Но я прекрасно отдаю себе отчет в том, что очень многих европейцев свобода волнует мало, ибо только справедливость может дать им тот минимум материального благополучия, в котором они нуждаются, и правы они или нет, но они охотно пожертвовали бы свободой ради этой элементарной справедливости.

Я знаю это уже давно. Если я считал необходимым отстаивать союз справедливости и свободы, то лишь оттого, что видел в этом последнюю надежду Запада. Но этот союз может осуществиться лишь при определенных условиях, которые нынче представляются мне едва ли не утопическими. Значит, придется пожертвовать одной из этих ценностей? Какую же из них выбрать?

* * *

Политика (продолжение). Все дело в том, что людям, выступающим от имени народа, свобода всегда была глубоко безразлична. Когда они пускаются в откровенности, то даже хвастают этим. А ведь довольно было бы простого небезразличия…

Следовательно, одиночки — а их очень мало, —

которых это положение тревожит, должны рано или поздно погибнуть (есть разные варианты гибели во имя свободы). Если натура у них благородная, они не сдадутся без боя. Но как бороться против своих братьев, против справедливости? Говорить правду, вот и все. И спустя два тысячелетия мы снова станем свидетелями жертвенной гибели Сократа, повторенной многократно. Программа на завтра: торжественное и знаменательное предание смерти людей, говорящих правду о свободе.

* * *

Бунт: творить, дабы воссоединиться с людьми? Но понемногу творчество отлучает нас от них и отбрасывает вдаль, не оставив и тени любви.

* * *

Люди всегда полагают, что самоубийцы кончают с собой по какой-то одной причине. Но ведь можно покончить с собой и по *двум* причинам.

* * *

Мы не рождены для свободы. Но и детерминизм

— заблуждение.

* * *

Чем могло бы быть (Что есть) для меня бессмертие? Жизнь до тех пор, пока на земле останется хоть один человек. Ничего больше.

* * *

X. Это странное существо никогда ничего не говорит толком, но тут нет ничего похожего на легкомыслие. Она говорит, а затем опровергает себя или охотно признает, что не права. Все оттого, что она уверена: это не имеет значения. Она не думает всерьез о том, что говорит, ибо мысли ее заняты другой, гораздо более горькой обидой, которую она будет втайне носить в душе до самой смерти.

* * *

Эстетика бунта. Если для классицизма главное — подавление страстей, то классическая эпоха — та эпоха, искусство которой отливает в формы и формулы страсти современников. Сегодня, когда коллективные страсти возобладали над

индивидуальными, место любви заняла политика в ее чистейшем виде. Человек проникся страстью, созидательной либо разрушительной, к собственному уделу.

Но насколько усложняется задача — 1) оттого, что, прежде чем вывести формулу страсти, ее надо пережить, а коллективная страсть поглощает все время художника; 2) оттого, что теперь художнику гораздо чаще грозит гибель, более того, единственный способ по-настоящему проникнуться коллективной страстью — пойти за нее на смерть. Таким образом, чем больше у художника шансов достичь неподдельности переживания, тем больше у искусства шансов потерпеть поражение. Следовательно, новый классицизм скорее всего невозможен. Вероятно, смысл человеческого бунта в том и заключается, чтобы дойти до этого предела. В таком случае выходит, что Гегель прав и история конечна, но конец ее — в поражении. А это означало бы, что Гегель прав не во всем. Но если, как нам кажется, этот классицизм возможен, то очевидно, что его может создать не одиночка — но лишь целое поколение. Иначе говоря, шансу потерпеть поражение, о котором я говорю, можно противопоставить только вероятность больших чисел, то есть шанс,

что из десяти настоящих художников один уцелеет и сумеет найти в своей жизни время и для страстей и для творчества. Художник больше не может быть отшельником. А если он становится им, то лишь благодаря победе, которой он обязан целому поколению.

* * *

Октябрь 1945 г.
Эстетика бунта.

Человек не способен отчаяться полностью. Вывод: вся литература отчаяния — лишь крайний и не самый показательный случай. Замечательно в человеке не то, что он приходит в отчаяние, но то, что он это отчаяние преодолевает или забывает. Литература отчаяния никогда не станет вселенской. Вселенская литература не может исчерпываться отчаянием (как, впрочем, и оптимизмом — достаточно вывернуть приведенное выше рассуждение наизнанку), она должна лишь принимать его в расчет. Добавить: причины, по которым литература является или не является вселенской.

* * *

Эстетика бунта. Высокий стиль и прекрасная форма, выражение самого непримиримого бунтарства.

* * *

Исправленное творение.

«Люди вроде меня не боятся смерти, — говорит он. — Она — случайность, доказывающая их правоту».

* * *

Почему я художник, а не философ? Потому что я мыслю словами, а не идеями.

* * *

Эстетика бунта.

Э. М. Форстер: «(Произведение искусства) — единственный материальный предмет в мире, наделенный внутренней гармонией.

Все остальные обязаны своей формой внешнему давлению и распадаются, лишившись подпорок. Произведение искусства существует

самостоятельно, а все остальные на это не способны. *Оно осуществляет то, что общество часто сулило, но еще ни разу не выполнило.*

...Оно (искусство) — единственный упорядоченный продукт, который породило наше беспорядочное племя. Этот крик тысячи часовых, эхо тысячи лабиринтов, маяк, который невозможно погасить, это лучшее доказательство нашего достоинства».

* * *

То же. Шелли: «Поэты — непризнанные законодатели мира».

* * *

Трагедия.

С. и Л.: Меня привело к тебе особое обстоятельство. Итак, я посылаю тебя на смерть.

— Все они правы, — восклицает один из героев.

С.: Я посылаю тебя на верную смерть. Но я требую, чтобы ты понял меня.

Л.: Я не могу понять бесчеловечности.

С.: Значит, мне придется отказаться еще и от

надежды быть понятым теми, кого я люблю.

С.: Я не верю в свободу. В этом моя человеческая мука.

Сегодня свобода стесняет меня.

Л.: Почему?

С.: Она мешает установлению справедливости.

— Я убежден, что они не противоречат друг другу.

— История показывает, что убеждение твое ложно. Я уверен, что примирить их нельзя. В этом моя человеческая мудрость.

— Но почему ты выбираешь справедливость, а не свободу?

— Потому что я хочу сделать счастливыми как можно большее число людей. А свобода — это цель, заветная цель единиц.

— А если твоя справедливость окажется обманом?

— Тогда меня ждет ад, какого ты не можешь вообразить даже сегодня.

— Я скажу тебе, что произойдет (картина).

— Каждый человек ручается за то, что он полагает истиной…

— Повторяю еще раз, свобода меня стесняет. Мы должны устранить тех, кто помнит свободу.

С.: Л., ты уважаешь меня?

Л.: Какое тебе до этого дело?

С.: Ты прав, это бессмысленная слабость.

Л.: Однако именно благодаря ей я по-прежнему уважаю тебя. Прощай, С. …У таких людей, как я, на лице написано, что они умирают в одиночестве. Именно так я и поступлю. Но, по правде говоря, я хотел бы сделать так, чтобы люди не умирали в одиночестве.

Л.: Переделать мир — задача незначительная.

С.: Переделать нужно не мир, а человека.

С.: Глупцы есть повсюду. Но рядом с ними, как правило, есть еще и трусы. Среди нас ты не найдешь ни одного труса.

Л.: Героизм — добродетель второстепенная.

С.: Что до тебя, то ты имеешь право так говорить, ибо доказал свою храбрость. Но какова же, по-твоему, высшая добродетель?

Л. (глядя на него): Дружба. Если мир трагичен, если мы живем в муках, то не только и не столько по вине тиранов. Ты и я знаем, что существуют свобода, справедливость, глубокая и разделенная радость, наконец, единение в борьбе против тиранов. Если верх берет зло, выбора нет. Когда человек сражается с несправедливостью, он спокоен и свободен. Мучительный разлад наступает

тогда, когда люди, в равной степени желающие человечеству добра, расходятся в сроках: одни требуют, чтобы добро восторжествовало немедленно, а другие — через три поколения, и этого оказывается довольно, чтобы сделать их лютыми врагами. Когда обе стороны правы, мы вступаем в область трагедии. А знаешь ли ты, чем кончаются трагедии?

С.: Да, смертью.

Л.: Именно смертью. И все же я никогда не соглашусь убить тебя.

С.: Я бы согласился, если бы это было необходимо. Такова моя мораль. И поэтому я считаю, что ты заблуждаешься.

Л.: А я считаю, что заблуждаешься ты.

С.: Я выгляжу победителем, потому что жив. Но я, как и вы, блуждаю во тьме, не имея другой опоры, кроме моей человеческой воли.

Конец. Приносят тело Л. Один из партизан дерзко осуждает его. Пауза. С.: «Этот человек пал смертью храбрых за наше дело. Мы почтим его память и отомстим за него».

С.: Вглядитесь [нрзб.]. Вглядитесь в эту ночь. Она огромна.

Ее безмолвные светила плывут над отврати-

тельными человеческими бойнями. Тысячелетиями вы поклонялись этому небу, упорно хранившему молчание, вы считали, что ваша жалкая любовь, ваши желания и страхи — ничто в сравнении с Божеством. Вы верили в ваше одиночество. Неужели же сегодня, когда от вас требуют той же жертвы, но на этот раз во имя человека, вы откажетесь?

С.: Не считайте меня человеком, чья душа совершенно слепа.

* * *

Л. возвращается раненый.

С.: Нужно было все-таки прорваться.

Л.: Это было невозможно.

С.: Раз ты сумел вернуться, значит, сумел бы и пройти.

Л.: Это было невозможно.

С.: Почему?

Л.: Потому что я умираю.

Х.: Вам туда идти не следует.

С.: Командир здесь я, и решать мне.

Х.: В том-то и дело, что вы нужны нам. Мы здесь не для того, чтобы делать красивые жесты, а для того, чтобы побеждать.

А победа зависит от хорошего командира.

С.: Верно, Х. Но мне не по душе истины, которые оборачиваются к моей выгоде. Поэтому я пойду.

Ф.: Но кто же прав?

Лейт[енант]: Тот, кто выжил.

Входит человек.

— Он тоже умер.

Ах, нет, нет! Я-то знаю, кто был прав. Это он, да, он, тот, кто мечтал о единении.

* * *

Бунт.

Коллективные страсти оттесняют страсти индивидуальные.

Люди разучились любить. Судьба человечества волнует их больше, чем судьбы отдельных личностей.

* * *

Свобода — последняя из индивидуальных страстей. Вот почему сегодня она безнравственна. Безнравственна в обществе, а строго говоря, и сама по себе.

* * *

Философия — современная форма бесстыдства.

* * *

Когда мне исполнилось тридцать лет, ко мне, как говорится, в один прекрасный день пришла слава. Я не жалею об этом. Позже меня это, пожалуй, лишило бы покоя. Теперь я знаю, что такое слава. Пустяк.

* * *

Тридцать статей. Похвалы так же неоправданны, как и порицания. Справедливых или взволнованных откликов один-два, не больше. Слава! В лучшем случае — недоразумение. Но я не стану делать вид, что высокомерно презираю ее. Она такой же знак, подаваемый людьми, как и их равнодушие, дружба, ненависть. В конечном счете, какое мне до всего этого дело? Тому, кто сумел разобраться в этом недоразумении, оно приносит свободу. Мое тщеславие, если оно у меня есть, связано с совсем другими вещами.

* * *

Ноябрь — 32 года

Самая естественная склонность человека — губить себя и вместе с собою весь мир. Сколько непомерных усилий, чтобы остаться просто нормальным! А насколько большие усилия требуются тому, кто вознамерился овладеть самим собою и сферою духа. Сам по себе человек ничто. Он всего лишь бесконечная возможность. Но он несет бесконечную ответственность за эту возможность. Сам по себе человек мягок, как воск. Но стоит его воле, его совести, его авантюрному духу взять верх, и возможность начинает расти. Никто не может сказать, что достиг предела человеческих возможностей. Последние пять лет убедили меня в этом. От зверя до мученика, от духа зла до готовности к безнадежному самопожертвованию — все было явлено нам, надрывая душу. Каждому из нас полезно использовать свою самую большую возможность, свою высшую добродетель. В тот день, когда выяснится, на что способен человек, встанет вопрос о Боге. Но не раньше, ни в коем случае не раньше того дня, когда возможность будет исчерпана до конца. Великие деяния преследуют единственную цель

— умножить творческие силы человека. *Но прежде всего нужно научиться владеть собой.*

* * *

Трагедия — не выход.

* * *

Парен. Бог не создал себя сам. Он порождение человеческой гордыни.

Понять — значит сотворить.

* * *

Бунт. Если человек не способен примирить справедливость и свободу, значит, он не способен ни на что. Тогда получается, что права религия? Нет, если он согласен на приблизительность.

* * *

Чтобы в уделе человеческом произошла еле заметная перемена, должны пролиться моря крови и истечь столетия истории. Таков закон. Годами головы слетают с плеч одна за другой, царит Террор, народ славит Революцию, и в результате на смену легитимной монархии приходит монархия

конституционная.

* * *

Все молодые годы я прожил с сознанием собственной невинности, иными словами, совсем несознательно. А сегодня…

* * *

Я не создан для политики, ибо не способен ни желать смерти противника, ни смиряться с ней.

* * *

Я могу творить только ценою постоянного усилия. Сам по себе я скатываюсь к неподвижности. Самая глубинная и неотъемлемая моя склонность — молчать и действовать по привычке. Чтобы избавиться от рассеянности, от автоматизма, мне понадобились годы упорного труда. Но я знаю, что стою на ногах исключительно благодаря своим усилиям, а перестав в это верить хоть на секунду, скачусь в пропасть. Благодаря этому я и не поддаюсь болезни и унынию, изо всех сил стараясь не склонять головы, чтобы дышать и побеждать. Таков мой способ предаваться отчая-

нию и излечиваться от него.

* * *

Наше призвание: созидать универсальность или по крайней мере универсальные ценности. Вернуть человеку его кафоличность.

* * *

Исторический материализм, абсолютный детерминизм, отрицание всякой свободы, этот ужасный мир отваги и безмолвия, — все это законнейшие следствия философии, отрицающей Бога. В этом Парен прав. Если Бога нет, ничто не дозволено. В этом отношении все преимущества на стороне христианства. Потому что обожествлению истории оно всегда будет противопоставлять сотворение истории: столкнувшись с экзистенциальной ситуацией, оно обратится к ее происхождению и т. д. Но в основе ответов, которые оно дает, не разум, а мифология, мифология же требует веры.

Что избрать? Какой-то голос подсказывает мне, убеждает меня, что я не смогу порвать со своей эпохой, не совершив подлости, не признав себя рабом, не отрекшись от моей матери и моей

правды. Я мог бы сделать это, мог бы связать себя обязательством чистосердечным, но не абсолютным, лишь если бы был христианином. Не будучи им, я обязан идти до конца. Но идти до конца — значит избрать историю во всей ее полноте, а с нею убийство человека, раз уж без убийства человека истории не бывает. В противном случае я — всего лишь свидетель. Вот в чем вопрос: могу ли я быть только свидетелем? Иначе говоря: имею ли я право быть только художником? Я не могу в это поверить. Если я не совершаю выбора, мне нужно молчать и признать себя рабом. Если я совершаю выбор, идя и против Бога, и против истории, я становлюсь свидетелем, который дает показания в пользу чистой свободы и которого история обрекает на гибель [30]. Сегодня мой удел — молчание или смерть. Если я решу сделать над собой усилие и поверить в историю, моим уделом станут ложь или убийство. Или религия. Я понимаю тех, кто предается ей слепо, дабы избежать этого безумия, этой нестерпимой боли (да, поистине нестерпимой). Но я не могу этого сделать.

Вывод: имею ли я право, оставаясь художником, все еще приверженным свободе, пользоваться

[30] Примечания: 30

Или на необходимость плутовать и жить, извлекая материальные преимущества из положения баловня художника.

преимуществами, которые дает эта профессия, — такими, как деньги, известность? Ответить мне было бы несложно. Бедность позволяла и всегда позволит мне, если я виновен, по крайней мере не стыдиться своей вины и не терять гордости. Но должен ли я обречь на бедность моих детей, отказать им даже в том весьма скромном достатке, который я им обеспечиваю? И верно ли я поступил, взяв на себя в этих условиях самые простые человеческие обязанности и тяготы, например став отцом? Если идти до конца, имеем ли мы право рожать детей, совершать то, что предписывает человеческий удел [31], если не верим в Бога (добавить промежуточные рассуждения)?

* * *

Как легко стало бы мне, если бы я поддался ужасу и отвращению, которые внушает мне этот мир, если бы я еще мог поверить, что призвание человека творить счастье! По крайней мере молчать, молчать, молчать до тех пор, пока я не почувствую право…

---

[31] Примечания: 31

Да и совершал ли я все это по-настоящему, я, действовавший с таким отвращением и такой неохотой? Разве сердце, скупое на верность, может избежать этого противоречия?

* * *

Исправленное творение.

Во время оккупации: сборщики лошадиного навоза. Сады в предместьях.

Сент-Этьенн-Дюньер: Рабочие в одном купе с немецкими солдатами. Пропал штык. Солдаты не выпускают рабочих из купе до самого Сент-Этьенна. Верзила, которому нужно было сойти в Фирмини, злится до слез. На лице — печать усталости и, что еще мучительнее, унижения.

* * *

Нас заставляют выбирать между Богом и историей. Отсюда это непреодолимое желание выбрать землю, мир и деревья, хотя я и знаю наверняка, что человеческое существование не исчерпывается историей.

* * *

Всякая философия самооправдание. Оригинальной была бы только философия, оправдывающая другого человека.

* * *

Против ангажированной литературы. Человек *не только* общественное существо. По крайней мере он властен над своей смертью. Мы созданы, чтобы жить бок о бок с другими. Но умираем мы по-настоящему только для себя.

* * *

Эстетика бунта. Тибоде о Бальзаке: «“Человеческая комедия” — это подражание Богу-отцу». Тема бунта, попрания законов у Бальзака.

* * *

80 процентов разводов у репатриированных узников. 80 процентов человеческих привязанностей не могут вынести пятилетней разлуки.

* * *

Тома: Э-э… о чем это я говорил? Ладно, сейчас вспомню… В общем, Рупп мне сказал: «Так вот, я менеджер боксера. И хотел бы работать еще и с художником. Так что, если хочешь…» Я-то не хотел, я люблю свободу. Но потом Рупп предложил

мне перебраться в Париж. Я, конечно, согласился. Он меня кормит. Снял мне номер в гостинице. И платит за меня. А теперь заставляет работать.

* * *

X. Скромная и милосердная чертовщина.

* * *

Трагедия о проблеме зла. Лучший из людей обречен на вечные муки, если служит только человеку.

* * *

«Мы любим людей не столько за добро, которое они сделали, сколько за добро, которое сделали мы им». Нет, в худшем случае мы равно любим их и за то, и за другое. И в этом нет ничего плохого. Естественно, мы признательны тому из них, который позволил нам хотя бы ненадолго сделаться лучше, чем мы есть. Так мы чтим и одобряем лучшее представление о человеке.

* * *

По какому праву коммунист или христианин

(если ограничиться почтенными формами современной мысли) стали бы упрекать меня в пессимизме? Ведь не я изобрел земные страдания и ужас Господнего проклятия. Не я постановил, что человек не способен спастись самостоятельно и что в своем ничтожестве он может надеяться в конечном счете только на милость Божию. Что же до пресловутого марксистского оптимизма, позвольте мне посмеяться над ним. Мало кто из людей зашел так далеко в недоверии к себе подобным. Марксисты не верят ни в убеждение, ни в диалог. Буржуа не превратишь в рабочего, а экономические условия исполняют в их мире роль рока, еще более страшного, чем Божественное своеволие.

А г-н Эррио и публика из «Анналов»!

Коммунисты и христиане скажут мне, что их оптимизм шире, что он возвышается над всем остальным и что в Боге или в истории — смотря по тому, кто говорит, — диалектика находит удовлетворительное завершение. Так же могу рассуждать и я. Христианство пессимистично применительно к отдельному человеку, но оптимистично применительно к судьбам человечества. Марксизм пессимистичен применительно к судьбам человечества и человеческой

природе, но оптимистичен применительно к ходу истории (его противоречие!). Я же скажу о себе, что, будучи пессимистом по отношению к человеческому уделу, я оптимист по отношению к человеку.

Как могут они не видеть, что никто еще не был исполнен такого доверия к человеку? Я верю в диалог, в искренность. Я верю, что они ведут к психологической революции, не имеющей себе равных, и проч., и проч…

* * *

Гегель. «Только современный город предоставляет уму почву для самоосознания». Показательно. Эпоха больших городов. От мира отрезали часть его истины, источник его постоянства и равновесия: природу, море и проч. Сознание живет только на улицах!

(Ср. Сартр. Все современные философии истории и проч.)

* * *

Бунт. Человек стремится к свободе, но впадает в *обычное* противоречие: сам убивает и дисциплину и свободу. Революция должна смириться

со своим собственным насилием или погибнуть. Следовательно, она не может остаться незапятнанной: или кровь, или расчет. Мое стремление: показать, что логика бунта отрицает кровь и расчет. И что диалог, доведенный до абсурда, дает хотя бы *один* шанс остаться незапятнанным. — С помощью сострадания (страдать вместе)?

* * *

«Чума». «Не будем преувеличивать, — говорит Тарру. — Чума существует. Нужно защищаться от нее, и мы это делаем. По правде говоря, это мало что дает и, уж во всяком случае, ничего не доказывает».

Аэродром слишком далеко от города, чтобы установить регулярное сообщение. Лишь изредка на парашютах сбрасывают посылки. После смерти Тарру приходит телеграмма с сообщением о смерти г-жи Риэ.

Чума подражает природе. У нее есть своя весна, когда она пускает росток и бурно стремится вверх, свое лето и своя осень, и проч.

* * *

К Гийу: «Все беды случаются оттого, что люди не

умеют говорить просто. Если бы герой «Недоразумения» сказал: «Вот. Это я, ваш сын», персонажи смогли бы вступить в диалог и не кричали бы в пустоту, как они это делают в пьесе. Трагедии бы не произошло, ибо вершина всех трагедий — глухота героев. В этом отношении правота — на стороне Сократа, а не на стороне Иисуса и Ницше. Истинный прогресс и величие — в диалоге, ведущемся на равных, а не в Евангелии — монологе, продиктованном с вершины уединенной горы. Вот мое убеждение. Единственное, что можно противопоставить абсурду, — это сообщество людей, объединившихся в борьбе против него. И если мы решаем служить этому сообществу, мы решаем служить диалогу, пусть даже доводя его до абсурда, и вести борьбу против всякой политики лжи и молчания. Это способ вести себя свободно с себе подобными».

* * *

Пределы. Вот что я скажу: есть тайны, которые подобает перечислить и обдумать. И ничего больше.

* * *

Сен-Жюст: «Поэтому я полагаю, что нам следует действовать вдохновенно. Это не исключает ни здравого смысла, ни мудрости».

* * *

Для того чтобы мысль преобразила мир, нужно, чтобы она сначала преобразила жизнь своего творца. Нужен пример.

* * *

Когда ей было двенадцать лет, ее взял кучер фиакра. Один раз. До семнадцати лет она помнила о чем-то грязном.

* * *

Исправленное творение. Еврейская пара из Верделло во время оккупации. Жуткий страх ареста. Обезумев от ужаса, она доносит на него. Потом возвращается сказать ему об этом.

Когда за ними пришли, оба были уже в петле. Собака выла всю ночь, как в пошлейшем романе-фельетоне.

* * *

Исправленное творение: «Мне всегда говорили, что надо воспользоваться первой же возможностью бежать. Чем бы это ни грозило, все равно хуже не будет. Но легче остаться в заключении и ждать ужасного конца, чем бежать. Потому что в последнем случае нужно действовать самому. А в первом действуют другие».

* * *

То же. «Если хотите знать, я никогда не верил в гестапо. Потому что никогда не видел гестаповцев. Конечно, я старался держаться осторожно, но как бы вообще, на всякий случай. Время от времени кто-нибудь из приятелей исчезал. Однажды около Сен-Жермен-де-Пре я увидел двух верзил, которые били какого-то человека кулаками по лицу и заталкивали его в такси. И все молчали. Официант в кафе сказал мне: «Сидите тихо. Это они». Тут у меня родилось подозрение, что они в самом деле существуют и что однажды… Но пока только подозрение. Все дело в том, что я бы не поверил в гестапо до тех пор, пока не получил удара ногой в живот. Так уж я устроен. Поэтому

не воображайте, что я такой уж большой храбрец, раз я участвую в Сопротивлении. Нет, моей заслуги тут нет, просто у меня бедное воображение».

* * *

Политика бунта. «Таким образом пессимистическая революция превращается в революцию счастливую».

* * *

Трагедия. С.Л.С.: Я прав и потому должен убить его. Я не могу останавливаться перед такой мелочью. Я исхожу из законов мира и истории.

Л.: Когда мелочью является человеческая жизнь, эта мелочь равна для меня всему миру и всей истории.

* * *

Истоки нынешнего безумия. Это христианство отвратило человека от мира. Оно ограничило интересы человека им самим и его историей. Коммунизм — логическое следствие христианства. Это христианская история.

То же. После двух тысячелетий существования

христианства — бунт тела. Потребовалось две тысячи лет, чтобы тело снова смогло показаться обнаженным на морском берегу. Отсюда крайности. В реальной жизни тело вновь обрело свое место. Остается помочь ему сделать то же в философии и метафизике. В этом — одна из причин нынешних конвульсий.

* * *

Справедливая критика абсурда Альбертом Уайльдом: «*Чувство* тревоги несовместимо с *чувством* свободы».

* * *

Греки учитывали существование божества. Но *не все исчерпывалось божеством*.

* * *

«Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет», а что сверх этого, то от лукавого» (Матф., 5, 37).

* * *

Кёстлер. Крайняя доктрина: «Тот, кто сопротивляется диктатуре, должен смириться с

гражданской войной как средством. Тот, кто не может согласиться на гражданскую войну, должен отказаться от сопротивления и смириться с диктатурой». Типичное «историческое» рассуждение.

* * *

То же. «Она (партия) отрицала свободу воли индивида — и в то же время требовала от него добровольного самоотречения. Она отрицала, что индивид имеет возможность выбирать между двумя решениями, и в то же время требовала, чтобы он постоянно выбирал решение правильное. Она отрицала, что индивид способен самостоятельно отличить добро от зла, и в то же время патетически рассуждала о вине и предательстве. Партия считала, что индивид — этот винтик часового механизма, заведенного навечно, который ничто не может ни остановить, ни разладить, — подчинен экономическому року, и при этом требовала, чтобы винтик восстал против часового механизма и изменил его ход».

Типичное «историческое» противоречие.

* * *

То же. «Самое сильное искушение для людей вроде нас — это возможность отказаться от насилия, покаяться, примириться с самим собой. Искушения, посланные Богом, всегда были для человечества более опасны, чем те, что посланы Сатаной».

* * *

Роман о любви: Джессика.

* * *

Смерть старого актера.

Утро в слякотном, заснеженном Париже. Самый старый и унылый квартал города, тот, где находятся тюрьма Санте, богадельня Святой Анны и больница Кошена. Черные, обледенелые улицы — пристанище умалишенных, больных, бедняков и обреченных. А что такое больница Кошена: казарма для нищих и убогих, где сырые грязные стены сочатся несчастьем. Там он и умер. В конце жизни он еще играл на выходах (театральные словечки!), меняя свой единственный

костюм, некогда черный, а теперь пожелтевший и совершенно истрепавшийся, на более или менее новые костюмы из театрального гардероба, которые как ни крути, а все-таки причитаются исполнителям второстепенных ролей. Ему пришлось прервать работу. Он не мог пить ничего, кроме молока, которое, впрочем, невозможно было достать. Его отвезли к Кошену, и он сказал товарищам, что ему сделают операцию и все пройдет (я помню одну фразу из его роли: «Когда я был маленьким», — а когда ему стали объяснять, каким тоном ее произносить, он возразил: «О нет, я чувствую это иначе»). Операцию ему делать не стали и выписали, сказав, что он поправился. Он даже снова стал играть маленькую комическую роль, которую исполнял прежде. Но он исхудал. Меня поразило, насколько явственно определенная степень худобы, выступающие вперед скулы и обнажившиеся десны предвещают скорый конец. Только тот, кто худеет, никогда, кажется, «не отдает себе отчета». А если и «отдает отчет», то не до конца; впрочем, откуда мне знать. Я знаю только то, что вижу, а видел я, что Льесс скоро умрет.

И он в самом деле умер. Он снова ушел из театра. Вернулся в больницу. Оперировать его все равно не стали, но он умер и без операции

— ночью, незаметно. А утром жена как обычно пришла его проведать. Никто из администрации не предупредил ее: они и сами ничего не знали. Жене сообщили о смерти соседи покойного. «Знаете, — сказали они, — это случилось ночью».

А сегодня утром он лежит здесь в маленьком морге, выходящем на улицу Санте. Несколько старых его товарищей пришли туда вместе со вдовой и дочерью вдовы — падчерицей покойного. Когда я подошел к моргу, распорядитель (почему-то у него на рукаве была трехцветная повязка, как у мэра) сказал мне, что я еще успею проститься с покойным. Мне этого вовсе не хотелось, меня угнетало это грязное, промозглое утро, с которым я никак не мог сладить. Но я вошел туда. Видна была только голова. Полотно, служившее саваном, закрывало все тело до подбородка. Он еще больше исхудал. Казалось, ему уже некуда было худеть. Но тем не менее ему это удалось, и стало заметно, как он широк в кости, стало понятно, что эта большая шишковатая голова была создана для того, чтобы нести на себе тяжелый груз плоти. Плоти не было, и я увидел страшный оскал зубов. Но к чему описывать все это. Покойник есть покойник, это всем известно; пусть они все вместе уходят в землю. Но как жаль, однако, как

нестерпимо жаль!

Тут люди, которые стояли у него в головах, положив руки на края гроба, и будто демонстрировали тело всем входящим, заработали. Заработали — иначе не скажешь, потому что эти неловкие наемные автоматы в грубой одежде внезапно бросились кто к савану, кто к крышке, кто к отвертке. В одну секунду крышка легла на гроб, и двое мужчин начали закручивать винты, устрашающе надавливая на них и грубо играя мускулами. «Нет уж, — казалось, говорили они, — ты отсюда не выйдешь!» Живые люди хотели отделаться поскорее — это было видно с первого взгляда. Гроб вынесли. Мы пошли следом. Вдова с дочерью сели в фургон с гробом. Мы влезли в машину, которая шла следом. Ни у кого ни единого цветочка, кругом только черный цвет.

Мы ехали на кладбище Тие. Вдова считала, что это слишком далеко, но администрация настояла на своем. Мы выехали из города через Итальянскую заставу. Никогда еще, казалось мне, небо не нависало так низко над парижскими пригородами. Мимо мелькали среди грязного снега крыши лачуг, сваи, редкие черные деревья и кусты. Проехав километров шесть, мы очутились перед монументальными воротами безобразнейшего в

мире кладбища. Сторож с багровым лицом остановил погребальную процессию и потребовал входной талон. Завладев причитающимся ему добром, он сказал: «Проезжайте». Минут десять мы ехали по снежному месиву. И наконец остановились позади другой процессии. От могил нас отделял заснеженный склон. Из снега косо торчали два креста: один, судя по надписи, для Льесса, а другой — для одиннадцатилетней девочки. Люди, стоявшие впереди нас, хоронили девочку. Но они уже снова влезали в свой фургон. Тот тронулся с места, и мы смогли продвинуться еще на несколько метров. Потом мы вышли из машины. Высокие мужчины в синих куртках и болотных сапогах, наблюдавшие за происходящим, отложили лопаты. Они подошли поближе и начали вытаскивать гроб из фургона. Тут к нам подскочил какой-то человек, похожий на почтальона, в сине-красной форме, с продавленным кепи на голове; в руках он держал квитанционную книжку с вложенной в нее копиркой. Могильщики вслух прочли номер, стоящий на гробе, — 3237 С. Почтальон, водя кончиком остро отточенного карандаша по строчкам, отыскал нужный номер, сделал в книжке пометку и сказал: «Ладно». После этого вынесли гроб, и мы двинулись вперед.

Ноги наши сразу увязли в жирной, густой глине. Яма была вырыта между четырьмя другими могилами, окружавшими ее со всех сторон. Рабочие довольно быстро опустили гроб в яму. Но мы все находились еще очень далеко от нее, потому что идти можно было только по узкому проходу между могилами, где были свалены инструменты и возвышалась куча земли, выброшенной из ямы. Когда гроб достиг дна, наступило молчание. Все смотрели друг на друга. Не было ни священника, ни цветов, и никто не произнес ни слова утешения, ни слова скорби. Все ощущали, что минуту эту надо сделать более торжественной — что нужно как-то ее отметить, но никто не знал как. Тогда один из могильщиков сказал: «Может, господа и дамы хотят бросить горсть земли?» Вдова кивнула утвердительно. Он поднял на лопате немного земли, вынул из кармана скребок и зачерпнул им горстку земли. Вдова протянула руку над кучей земли. Она взяла скребок и бросила землю в сторону ямы, почти наугад. Земля глухо стукнула по крышке гроба. А дочь промахнулась. Земля перелетела через яму. Она махнула рукой, словно говоря: «Тем хуже».

Итог: «И за умопомрачительную цену его закопали в глину».

Знаете, здесь хоронят приговоренных к смерти. Лаваль немного подальше.

* * *

Роман. Если ужин запаздывал, это означало, что на завтра назначена казнь.

* * *

В. Окампо идет к Букингемскому дворцу. Солдат у входа спрашивает ее, куда она идет. «К королеве». — «Проходите». Привратник (?) *То же*. «Проходите». Покои королевы. «Поднимитесь на лифте». И т. д. Ее приняли без всяких формальностей.

* * *

Нюрнберг. Под обломками погребено 60 000 трупов. Запрещается пить воду. Но даже и купаться в ней желания не возникает. Это вода из морга. Вдобавок к гнили — процесс.

На абажурах из человеческой кожи — очень древняя танцовщица с татуировкой между грудей.

* * *

Бунт. Начало: «Единственная истинно серьезная нравственная проблема — это убийство. Остальное вторично. Но знать, могу ли я убить другого человека, стоящего передо мной, или дать согласие на то, чтобы его убили, знать, что я ничего не знаю, пока не узнаю, способен ли я убивать, — вот что главное».

* * *

Люди хотят привести нас к *своим* выводам. Если они вас судят, то всегда по своим собственным законам. Но мне-то безразлично, так они думают или эдак. Мне важно знать одно: способен ли я убивать. Если мысль ваша достигла предела, положенного всякой мысли, они потирают руки. «Что-то он теперь будет делать?» И держат наготове свою правду. Но мне, в общем-то, безразлично, есть в моих рассуждениях противоречие или нет, я не стремлюсь стать гением от философии. Я вообще не стремлюсь стать гением, мне достаточно трудно быть просто человеком. Я хочу прийти к согласию и, зная, что я не способен убить себя, понять, способен ли я убить или позволить убить

другого, а поняв это, вывести из своего знания все возможные следствия, пусть даже это не избавит меня от противоречий.

* * *

Кажется, мне остается обрести гуманизм. Я, конечно, ничего не имею против гуманизма. Просто мне он тесен, вот и все. Греческая философия, например, отнюдь не исчерпывалась гуманизмом. Это была философия всеприемлющая.

* * *

Террор! А они уже начали забывать.

* * *

Роман Справедливость.

1) Бедное детство — несправедливость от природы.

При первой жестокости (драка) несправедливость и отроческий бунт.

2) Туземная политика. Партия (и т. д.).

3) Революция в целом. Не думает о принципах. Война и Сопротивление.

4) Очищение. Справедливости с насилием не

по пути.

5) О том, что правды не бывает без праведной жизни.

6) Возвращение к матери. Священника? «Не стоит». Она не сказала «нет». Сказала, что не стоит. Он знал, что она всегда считала, что не стоит беспокоить кого бы то ни было ради нее. И даже когда к ней пришла смерть…

* * *

Бунт и Революция.

Революция как миф — окончательная революция.

То же. Исторический подход не может объяснить феномен красоты, то есть отношения с миром (чувство природы) и с отдельным человеком (любовь). Что же говорить об объяснении, претендующем на абсолютность, которое…

* * *

То же. Все усилия немецких философов были направлены на то, чтобы подменить понятие человеческой природы понятием человеческой ситуации и, следовательно, поставить на место Бога историю, а на место древнего равновесия

современную трагедию. Современный экзистенциализм идет еще дальше, вводя в понятие ситуации ту же неопределенность, что и в понятие природы. Остается одно движение. Но я, подобно грекам, верю в природу.

* * *

«Чума». Никогда в жизни я не испытывал подобного чувства провала. Я даже не уверен, что дойду до конца. И все же иногда…

* * *

Все взорвать. Придать бунту форму памфлета. Революция и те, что никогда не станут убивать. Бунтарская проповедь. Ни одной уступки.

* * *

«Какая безумная, непостижимая штука: не существует таких обстоятельств, при которых автор мог бы быть честным со своими читателями». Мелвилл.

* * *

С точки зрения нового классицизма «Чуму»,

пожалуй, можно считать первой попыткой изобразить коллективную страсть.

* * *

Для «Чумы». Ср. Предисловие Дефо к третьему тому «Робинзона»: Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо: «Изображать один вид заточения посредством другого столь же основательно, сколь основательно изображать любую вещь, существующую взаправду, посредством другой вещи, вовсе не существующей. Если бы я стал писать историю жизни частного человека общепринятым образом… все сказанное мною нимало бы вас не развлекло…»

* * *

«Чума» — *памфлет.*

* * *

Как научиться умирать в пустыне!

* * *

Лурмарен. Первый вечер после стольких лет.

Первая звезда над Любероном, мертвая тишина, трепещущая вершина кипариса и моя беспредельная усталость. Край торжественный и суровый — несмотря на свою потрясающую красоту.

* * *

История бывшего заключенного, который встречает в Лурмарене немецких пленных. «Первый раз его избили на допросе. Но это было в каком-то смысле нормально именно потому, что исключительно. Все началось в лагере, когда за мелкую провинность он получил две здоровенные оплеухи. Ибо тогда он понял, что для того, кто его ударил, это и есть вещь привычная, нормальная, естественная…» Он пытается обсудить это с немцем-пленным. Но тот — *пленный*, с ним нельзя говорить об этом. Потом немец исчезает, теперь с ним вовсе не поговоришь. Размышляя, он приходит к выводу, что нет человека, достаточно свободного, чтобы суметь объяснить это. Все они пленники.

Однажды, в лагере, охранники забавы ради заставили их вырыть себе могилу, но не расстреляли. Добрых два часа они копали черную землю и видели корни и все прочее по-новому.

* * *

«Не свершив ничего, смерть без смерти узнать,
Если просто пропасть
В черном чреве беды и барахтаться в нем».
Агриппа д'Обинье

* * *

Бунт. 1-я глава о смертной казни.

То же, окончание. Итак, начав с абсурда, невозможно пройти через бунт, не придя в результате, чем бы дело ни кончилось, к переживанию любви, которому остается найти определение.

* * *

Роман. Бедное детство. «Я стыдился моей бедности и моей семьи (да ведь это же чудовища!). И если сегодня я могу говорить об этом прямо, то лишь оттого, что больше не стыжусь этого стыда и больше не презираю себя за то, что ощущал его. До этого все кругом были такие же, как я, и бедность казалась мне непременным свойством человечества. В лицее я начал сравнивать.

Ребенок сам по себе ничего не значит. О нем

судят по родителям. И невелика заслуга того, кто, повзрослев, перестает испытывать эти гнусные чувства. Ибо о взрослых людях судят по тому, каковы они есть, более того, иной раз по вашей карьере судят о ваших родителях. Теперь я знаю, что, только имея героическое и чистое сердце, я мог бы не страдать в ту пору, замечая на лице более обеспеченного товарища плохо скрытое удивление при виде дома, где я жил.

Да, я был злым, что вполне заурядно. И если до двадцати пяти лет я вспоминал о своей злости со стыдом и яростью, то лишь оттого, что не желал быть заурядным. Меж тем сегодня я знаю, что заурядан, и, не находя это ни хорошим, ни плохим, забочусь о другом…

Я любил свою мать отчаянно. Я всегда любил ее отчаянно».

* * *

Идея сопротивления в метафизическом смысле.

* * *

Подумать о зле, которое причиняет мне мир. Он вынуждает меня становиться критиканом, хотя

мне это вовсе не по душе… Своего рода второе существование…

* * *

Мачадо. «Стук гроба, опускаемого в землю, — вещь очень серьезная».

«Господи, вот я вместе с моей матерью и моим сердцем.
Когда придет час отправиться в мой последний путь,
Когда отплывет тот корабль, что не приходит назад,
Я буду стоять на борту без поклажи,
Полунагой, как все дети моря».

* * *

Перевести «Речи Хуана Майрены» [32].
Африканский романсеро?

* * *

Единственный великий христианский мыслитель, взглянувший *в лицо* проблеме зла, — это

---

[32] Примечания: 32
Прозаическое произведение Антонио Мачадо.

Блаженный Августин. Отсюда его ужасное Nemo bonus [33]. С тех пор христианство всякий раз решало эту проблему временными средствами.

Результат налицо. Ибо это и есть результат. Сколько воды утекло, а люди и сегодня отравлены ядом, которому две тысячи лет. Они измучены злом или смирились с ним, что, в сущности, одно и то же. Впрочем, теперь они хотя бы не лгут в разговорах на эту тему.

* * *

19 февраля 1861 г. Отмена крепостного права в России. Первый выстрел (Каракозова) прозвучал 4 апреля 1866 г.

Прочесть «Кто виноват?», роман Герцена (1847) и его же «О развитии революционных идей в России».

* * *

Я больше люблю ангажированных людей, чем ангажированную литературу. Храбрость в жизни и талант в книгах — это уже немало. К тому же писателя можно ангажировать, лишь если он

---

[33] Примечания: 33
Никто не добр (*лат.*).

этого хочет. Его заслуга — в том, что он действует по велению сердца. А если им движут долг, навык или страх, в чем тогда заслуга?

Получается, что тот, кто сегодня сочиняет стихотворение о весне, служит капитализму. Я не поэт, но я искренне порадуюсь такому произведению, если оно будет хорошо написано. Мы служим человеку в его целостности или не служим ему вовсе. И если у человека есть потребность в хлебе и справедливости, которую мы непременно должны удовлетворять, у него есть также потребность в чистой красоте, ибо это хлеб его сердца. Все прочее — не важно.

Да, я хотел бы, чтобы в творчестве они были ангажированы чуть менее, а в жизни — чуть более.

* * *

Экзистенциализм унаследовал от гегельянства его основную ошибку — он отождествляет человека с историей. Но он не унаследовал тех выводов, что делали гегельянцы, по сути, полностью отказывавшие человеку в свободе.

* * *

Октябрь 1946 г. Через месяц мне тридцать три.

Память моя вот уже год как слабеет. Я не способен запомнить услышанную историю — вспомнить целые пласты прошлого, бывшие когда-то такими живыми. Очевидно, что, пока состояние мое не улучшится (если это вообще произойдет), мне придется делать здесь все больше и больше записей, пусть даже самых личных — тем хуже. Ибо в конечном счете все, что я вижу, застилает туман, и даже сердце теряет память. На мою долю остались только короткие вспышки эмоций, лишенные долгого эха, которым их одаряет память. Так чувствуют собаки.

* * *

«Чума»… «И всякий раз, когда я читал описание чумы, из глубины сердца, отравленного собственным бунтарством и чужим насилием, вырывался звонкий крик, убеждавший, что человек все-таки заслуживает скорее восхищения, чем презрения».

…«И что каждый носит чуму в себе, ибо нет в мире человека, которого бы она не затронула. И что нужно без устали следить за собой, чтобы по рассеянности не дыхнуть на соседа и не заразить его. Естествен только микроб. Все остальное — здоровье, целостность, чистота, если хотите, —

это результат волевого усилия, причем усилия, которое нужно совершать постоянно. Порядочный человек, тот, кто никого не заражает, — это человек, которому менее всего свойственна рассеянность.

Да, быть мерзавцем утомительно. Но еще более утомительно не желать быть мерзавцем. Оттого-то все кругом и устали, что все немного мерзавцы. Но некоторые из них устали до такой степени, что избавление им принесет только смерть».

* * *

Естественно, мне важно не сделаться лучше, но добиться признания. Но никто никого не признает. Признала она меня? Нет, это совершенно очевидно.

* * *

Перед кабинетом врача люди выглядят как загнанные животные.

* * *

Жан Риго: «Пример подан свыше. Бог создал человека по своему подобию. Какой соблазн для

человека — уподобиться этому образцу».

«Решение, ответ, ключ, истина — это смертный приговор».

«Чего мог бояться этот гордец?»

«И чем больше мое бескорыстие, тем неподдельнее моя корысть».

«Одно из двух. Не говорить, не молчать. Самоубийство».

«Пока я не преодолею тягу к наслаждениям, самоубийство будет кружить мне голову, я знаю это наверняка».

* * *

Разговоры с Кёстлером. Цель оправдывает средства, если речь идет о разумном соотношении величин: я могу послать Сент-Экзюпери на верную смерть ради спасения полка. Но я не могу сослать тысячи людей и лишить их свободы ради количественно равноценного результата, не могу, все рассчитав, разом принести в жертву три или четыре поколения.

— Гений. Его не существует.

— Самые тяжелые испытания выпадают на долю творца, когда он получает признание (я уже не решаюсь публиковать свои книги).

* * *

Бывают часы, когда мне кажется, что я не смогу дольше выносить противоречия. Когда небеса холодны и ничто в природе не поддерживает нас… О! Быть может, лучше умереть.

* * *

Продолжение предыдущего. Мои мучения при мысли о необходимости писать эти статьи для «Комба».

* * *

Эссе о любви к природе — и наслаждении.

* * *

Искусство и бунт. Бретон прав. Я тоже не верю в разлад между миром и человеком. Бывают минуты слияния с дикой природой. Хотя природа никогда не бывает дикой. Но пейзажи исчезают и забываются. Вот почему существуют художники. А сюрреалистическая живопись *по своему замыслу* есть выражение бунта человека против Творения. Однако ее ошибка состояла в том,

что она хотела сохранить и скопировать только чудесную часть природы. Истинный художник-бунтарь не отрицает чудес, но он их покоряет.

* * *

Парен. О том, что суть современной литературы — отречение от прежних воззрений. Сюрреалисты, становящиеся марксистами. Рембо, ударившийся в благочестие. Сартр-моралист. И о том, что главная проблема эпохи — конфликт. Человеческий удел. Человеческая природа.

— Но если человеческая природа существует, где ее истоки?

* * *

Очевидно, мне придется прекратить всякую творческую деятельность до тех пор, пока я не буду знать истину. То, что принесло моим книгам успех, делает их в моих глазах лживыми. По сути, я средний человек + одно требование. Ценности, которые мне сегодня следовало бы защищать и прославлять, — это средние ценности. Для этого потребен такой строгий талант, какого я, боюсь, не имею.

* * *

Конец бунта — умиротворение людей. Всякий бунт оканчивается и продолжается в уяснении предела человеческих возможностей — и в утверждении сообщества всех людей, кто бы они ни были, действующих в этих пределах. Смирение и гений.

* * *

29 октября. Кёстлер — Сартр — Мальро — Шпербер и я. Между Пьеро делла Франческа и Дюбюффе.

К.: Необходимость определить минимальную политическую мораль. Следовательно, сначала избавиться от ложной щепетильности (он говорит — «вранье»): а) то, что мы говорим, может служить делу, которому мы служить не можем; б) самоанализ. Порядок несправедливостей. «Когда интервьюер спросил меня, ненавижу ли я Россию, у меня внутри, вот тут, что-то оборвалось. И я сделал усилие. Я сказал, что ненавижу сталинский режим так же, как ненавидел гитлеровский, и по тем же причинам. Но что-то там внутри разладилось. Столько лет борьбы. Я лгал ради них… а

теперь похож на того товарища, который, придя ко мне, бился головой об стену и говорил, обернув ко мне залитое кровью лицо: “Никакой надежды, никакой надежды”». Способы действия и проч.

М.: Временная невозможность затронуть пролетариат. Является ли пролетариат высочайшей исторической ценностью?

К.: Утопия. Утопия сегодня обойдется им дешевле, чем война. С одной стороны. А с другой: «Не думаете ли вы, что все мы в ответе за отсутствие ценностей? И что, если все мы, у кого позади ницшеанство, нигилизм или исторический реализм, объявили бы публично, что ошиблись, что нравственные ценности существуют и отныне мы начнем делать то, что нужно, чтобы сохранить и возвеличить их, — не думаете ли вы, что этим мы заронили бы надежду?»

С.: Я не могу ограничить круг своих нравственных ценностей борьбой против Советского Союза. Конечно, высылка нескольких миллионов гораздо хуже, чем линчевание одного негра. Но линчевание негра — результат положения, которое длится уже сотню с лишним лет и за которым встают в конечном счете бедствия миллионов негров — их ничуть не меньше, чем высланных черкесов.

К.: Нужно сказать, что мы как писатели не выполним своего долга перед историей, если не разоблачим то, что достойно разоблачения. Заговор молчания опорочит нас в глазах потомков.

С.: Да, и проч., и проч.

И при этом постоянная невозможность определить, что движет каждым из говорящих — страх или убежденность в своей правоте.

* * *

Если мы верим в моральную ценность, значит, мы верим в мораль вообще, в том числе и сексуальную. Изменить все без исключения.

* * *

Прочесть Оуэна.

* * *

Написать историю современного человека, который излечился от мучительных противоречий долгим и неотрывным созерцанием пейзажа.

* * *

Робер, сочувствующий коммунистам и отказы-

вающийся в 33-м году от военной службы. Три года тюрьмы. Когда он выходит на свободу, коммунисты уже выступают за войну, а пацифисты сочувствуют Гитлеру. Он ничего не может понять в этом обезумевшем мире. Он отправляется в Испанию и *воюет* в республиканской армии. Гибнет на фронте под Мадридом.

* * *

Что такое знаменитость? Это человек, которого все знают по фамилии, и потому имя его не имеет значения. У всех других имя значимо.

* * *

Отчего люди пьют? Оттого, что после выпивки все наполняется смыслом, все достигает высшего накала. Вывод: люди пьют от беспомощности или в знак протеста.

* * *

Миропорядок может быть установлен не сверху, то есть посредством идеи, но снизу, то есть с помощью общей основы, которая…

* * *

Подготовить сборник политических текстов, посвященных Бразийяку.

* * *

Гийу. Единственное связующее звено — боль. О том, что и величайший преступник принадлежит человеческой породе.

* * *

Встретил Тар. после доклада о диалоге. Вид у него нерешительный, но взгляд такой же дружелюбный, как когда-то, когда я снова привлек его в «Комба».

— Вы теперь марксист?

— Да.

— Значит, вы станете убийцей.

— Я уже был им.

— Я тоже. Но больше не хочу.

— А ведь вы были моим крестным отцом.

— Это правда.

— Послушайте, Тар., вот в чем вопрос: что бы ни случилось, я всегда буду защищать вас от

направленных на вас автоматов. А вам придется согласиться, чтобы меня расстреляли. Подумайте об этом.

— Я подумаю.

* * *

Невыносимое одиночество — я не могу в это поверить, не могу с этим смириться.

* * *

Человек чувствует себя одиноким, когда он окружен трусами. Надо ли пытаться понять и этих трусов? Это выше моих сил. Но, с другой стороны, я не могу и презирать их.

* * *

Если все в самом деле сводится к человеку и к истории, тогда, спрашиваю я, как быть с природой — любовью — музыкой — искусством?

* * *

Бунт. Нам нужен герой — но не какой попало. Мотивы героического поведения важнее самого героизма. Следовательно, сначала причинно-

следственная ценность, а затем уже ценность героическая. Ницшеанская свобода — экзальтация.

* * *

Исправленное творение. Фигура террориста (Равенель).

* * *

Связь абсурда и бунта. Принять окончательное решение, отказаться от самоубийства, чтобы вступить в борьбу, — значит подспудно признать жизнь единственной подлинной ценностью, той, что делает борьбу возможной и сама *является* борьбой, «той, без которой не обойтись». Из чего следует, что тот, кто в угоду этой абсолютной ценности отказывается от самоубийства, отказывается одновременно и от убийства. Наша эпоха, доведшая нигилизм до крайних проявлений, приемлет самоубийство. Это видно и по тому, с какой легкостью она приемлет убийства и оправдывает их. Человек, убивающий сам себя, уважает хотя бы одну ценность — чужую жизнь. Он *никогда* не использует свою свободу и страшную силу, которую дает ему его решение умереть,

для господства над другими людьми: всякое самоубийство в чем-то алогично. Но поклонники террора довели самоубийство до его крайних следствий — до узаконенного убийства, то есть коллективного самоубийства. Доказательство: нацистский апокалипсис 1945 г.

* * *

Бриансон. Январь 1947 г.

Вечер, затопляющий холодные горы, в конце концов леденит сердце. Есть только два места на земле, где этот вечерний час не кажется мне невыносимым, — это Прованс или средиземноморские пляжи.

Дж. Оруэлл. Burmese days [34]. «Многие люди вольготно чувствуют себя на чужбине, лишь презирая коренных жителей».

«…безмерное счастье, которое проистекает из опустошенности и успеха и с которым ничто другое в жизни — ни одно наслаждение тела и ума — не может сравниться».

---

[34] Примечания: 34
Бирманские дни (*англ.*).

* * *

Прочесть Георга Зиммеля («Шопенгауэр и Ницше»). Комментарий к Ницше, переведенный на английский Бернери (убит в Испании коммунистами в пору борьбы с анархистами). Рассуждает о тяготении Ницше к Богу. «Хотя это может показаться фантастическим преувеличением, здесь под оболочкой крайнего персонализма можно разглядеть чувство, которое, несмотря на формальные отличия, имеет немало общего с христианским представлением о внутренней жизни. Христианство, по сути дела, предполагает не только сознание бесконечной малости человека и его удаленности от Бога, но и идею богоравного человека. Мистик любого века и любого вероисповедания питает надежду воссоединиться с Богом или, точнее говоря, стать им. Схоластики рассуждают относительно обожествления, а по мнению Майстера Экхарта, человек способен сбросить свою человеческую оболочку и вновь стать Богом, каковым он и является по подлинной своей и естественной сути; о том же говорит и Ангелус Силезиус:

Я должен найти свой конец и начало,

Я должен найти Бога в себе и себя в Боге
И стать тем, кем является он…

Та же страсть мучила Спинозу и Ницше: *каждый из них не мог смириться с тем, что он не Бог*».

Ницше говорит: «Бога не может быть, потому что, если бы он существовал, я не смог бы смириться с тем, что им не являюсь».

* * *

Есть только одна свобода — выяснить свои отношения со смертью. После этого все становится возможным. Я не могу заставить тебя поверить в Бога. Верить в Бога — значит примириться со смертью. Если бы ты примирился со смертью, проблема Бога была бы разрешена — но не наоборот.

* * *

Радичи, полицейский, служивший в СС, которого судят за расстрел двадцати восьми заключенных в тюрьме Санте (он присутствовал при четырех массовых казнях), был членом Общества охраны животных.

* * *

Ребате и Морган. Справа и слева — или универсальное определение фашизма: за неимением характера они изобрели доктрину.

* * *

Заглавие на будущее: Система (1500 с.).

* * *

Подобно тому как огромные пространства дремлющего мира были постепенно заполонены творениями рук человеческих, так что сама идея девственной природы связывается сегодня только с мифом об Эдеме (островов больше не осталось), ибо, населяя пустыни, разрезая на наделы морские побережья и перечеркивая само небо длинными самолетными следами, человек оставлял нетронутыми лишь те районы, где жить невозможно, — подобно этому и одновременно с этим (а также по причине этого) чувство истории заполонило постепенно сердца людей, вытеснив оттуда чувство природы, отняв у творца то, что прежде причиталось ему, и отдав это твари,

и движение это было столь могущественно и непреодолимо, что можно вообразить день, когда безобразное творение человеческое — огнедышащее, сопровождающееся грохотом революций и войн, шумом заводов и поездов и ставшее в ходе истории окончательным победителем — полностью вытеснит из мира безмолвное творение природы, и тогда человечество выполнит свое призвание на земле, которое, быть может, в том и заключалось, чтобы доказать, что все грандиозное и ошеломительное, что оно могло свершить за тысячи лет, не стоит ни легкого аромата шиповника, ни оливковой рощи, ни любимой собаки.

* * *

1947 г.

Как все слабые люди, он принимал решения крайне резкие и отстаивал их с упорством, достойным лучшего применения.

* * *

Эстетика бунта. Живопись совершает выбор. Она объединяет, «вычленяя». Пейзаж вычленяет в пространстве то, что при обычных условиях

теряется в перспективе. Жанровая живопись вычленяет во времени жесты, которые при обычных условиях теряются среди всех других жестов. Великие художники — те, чьи полотна кажутся написанными *только что* (Пьеро делла Франческа), внезапно представшими в луче проекционного фонаря.

* * *

Пьеса о правлении женщин. Мужчины решают, что потерпели неудачу и следует передать бразды правления женщинам.

Акт I. Появляется мой Сократ и решает передать власть.

Акт II. Женщины хотят подражать мужчинам — неудача.

Акт III. Следуя мудрым советам Сократа, правят по-женски.

Акт IV. Заговор.

Акт V. Капитулируют перед мужчинами.

Делают вид, будто объявляют войну. «Поняли вы теперь, каково это — оставаться дома и смотреть, как все, кого ты любишь на этой земле, отправляются на бойню?»

— Теперь мы можем уйти. Мы сделали все, что можно сделать в борьбе против человеческой

глупости. — Что же вы сделали? — Дали небольшой урок.

«Женщины так же глупы, как мы, но не так злы».

Опыт продлится год.

Если все пойдет хорошо, договор продлят.

Все идет хорошо, но договор не продлевают. Им не хватило ненависти.

Все начнется сначала, говорит Сократ. Они уже готовятся. Великие идеи и мысли об истории. Через десять лет — груды трупов.

Слушайте:

Уличный торговец.

Статья I.

— Отныне ни богатых, ни бедных.

Статья II.

— Ты опять уходишь.

— Да, у меня собрание.

— Мне надо развлечься — и чтобы дома все было в порядке…

* * *

1947 г.

Vae mini qui cogitare ausus sum [35].

---

[35] Примечания: 35

Горе мне, дерзнувшему рассуждать (*лат.*).

* * *

После недельного уединения снова острое ощущение собственной несостоятельности перед произведением, начатым в порыве безумного честолюбия. Соблазн все бросить. Для этой долгой борьбы с истиной, которая сильнее меня, потребно более суровое сердце, более широкий и могучий ум. Но как быть? Без этого я бы умер.

* * *

Бунт. Свобода по отношению к смерти. Единственная свобода, которую можно противопоставить свободе убивать, — это свобода умереть, то есть освободиться от страха смерти и найти этому несчастному случаю место в природе. Постараться сделать это.

* * *

Монтень. Перемена интонации в главе XX первой книги. О смерти. Удивительные вещи говорит он о своем страхе смерти.

* * *

Роман. — Твинкль: «Я приехал, измученный страхом и лихорадкой. Я пошел взглянуть на расписание, чтобы узнать, когда она может приехать, если еще не приехала. Было одиннадцать вечера. Последний поезд с запада приходил в два ночи. Я вышел последним. Она ждала меня у выхода, рядом стояли два или три человека, у ее ног сидела овчарка, которую она где-то подобрала. Она пошла мне навстречу. Я не сумел как следует обнять ее, но сердце мое затопила радость. Мы вышли. Над городской стеной в небе Прованса светились звезды. Она была здесь с пяти часов вечера. Она встречала семичасовой поезд, но меня там не было. Она боялась, что я не приеду, ведь номер заказан на мое имя и ее документы не годятся. Ее отказались поселить, и она не осмеливалась туда возвращаться. Когда мы дошли до городской стены, она прижалась ко мне, не обращая внимания на шедших мимо и оборачивавшихся людей, и обняла меня с той горячностью, в которой чувствовалось облегчение и не любовь, но надежда на любовь. А я чувствовал, что хочу быть сильным и красивым, но меня бьет лихорадка. В гостинице я все разъяснил и

устроил. Но мне захотелось выпить рюмку перед тем, как подняться в номер. А в жарко натопленном баре, где она заставляла меня пить еще и еще, я почувствовал, как уверенность возвращается ко мне, и покой охватил все мое существо».

* * *

Над верхней губой у него был длинный шрам. Зубы обнажались до самых десен. Казалось, он все время смеется. Но глаза смотрели серьезно.

* * *

Чего стоит человек? Что такое человек? После того, что я видел, у меня до конца жизни не исчезнет по отношению к нему недоверие и всеобъемлющая тревога.

* * *

Ср. в «Германских исследованиях» «Замечания и наблюдения о нацистских концентрационных лагерях» Марка Клейна.

* * *

Роман исправленное творение. «Повалив его на

землю, он сразу приставил ему к горлу лопату. И, точно таким же движением, как если бы он разрезал жирную землю, нажал на лопату ногой».

* * *

Немезида — богиня меры. Все, кто нарушил меру, будут безжалостно истреблены.

* * *

Исократ: В мире нет ничего более божественного, более царственного, более благородного, чем красота.

Эсхил о Елене: «Моря затихшего безмятежней, Сокровищ краше, мила, скромна, / Очам плененным — сладкая рана, / Сердцу — цветок любви томящей» [36].

Елена не преступница, она жертва богов. После катастрофы продолжает жить, как жила.

* * *

Лапательер. Тот миг (предсмертные полотна), когда вспыхивают времена года — когда из каждого угла картины таинственные руки протя-

---

[36] Примечания: 36
Перевод С. Апта.

гивают цветы. Спокойная трагедия.

* * *

Терроризм.

Предельная чистота террориста в духе Каляева, для которого убийство граничит с самоубийством (ср. «Воспоминания террориста» Савинкова). За жизнь расплачиваются жизнью. Рассуждение неверное, но вызывающее уважение (жизнь, отнятая насильно, не стоит жизни, отданной добровольно). Сегодня убивают по договоренности. Никто не платит.

1905 год. Каляев: в жертву приносится тело. 1930 год: в жертву приносится дух.

* * *

Панелье, 17 июня 1947 г.

Чудесный день. Мягкий, сверкающий, нежный свет над высокими буками и вокруг них. Кажется, что его источают все ветви. Ворох листьев, медленно плывущий в этом голубом золоте, словно тысяча уст, из которых день напролет струится этот светлый, сладкий воздушный сок — или тысяча причудливых фонтанчиков из позеленевшей бронзы, которые беспрестанно выбрасывают

в небо голубую сияющую струю — или еще… но довольно.

* * *

О том, что невозможно *назвать* кого-то абсолютно виновным и, следовательно, полностью осудить.

* * *

Критика идеи немедленной пользы — одна глава.

* * *

Немецкая философия наделила разум и мир движением — меж тем как древние сообщали им неподвижность. Невозможно будет превзойти немецкую философию — и спасти человека, — не отделив неподвижное от подвижного (а также от вещей, относительно которых невозможно сказать, подвижны они или нет).

* * *

Цель абсурдного, бунтарского и т. д. порыва, а следовательно, цель современного мира — со-

чувствие изначальному смыслу, иными словами, любовь и поэзия. Но для этого потребна невинность, которую я уже утратил. Все, что я могу сделать, это правильно указать путь, который к этому ведет, и дожидаться наступления эры невинных. Как бы дожить до нее.

* * *

Гегель против природы. Ср. «Большую логику», 36–40. Отчего природа абстрактна. — Конкретен только дух.

Этот великий подвиг ума — в конце концов убивающий все вокруг.

* * *

Присовокупить к «Архиву Чумы»:

1) Анонимные доносы на целые семьи. Образец бюрократического допроса;

2) Типы арестованных.

Безысходность.

1-я серия. Абсурд: «Посторонний» — «Миф о Сизифе».

«Калигула» и «Недоразумение».

2-я серия. Бунт: «Чума» (с приложениями) —

«Бунтующий человек» — Каляев.

3-я серия. — Суд. — Первый человек.

4-я серия. — Больная любовь: Костер — О любви — Соблазнитель.

5-я серия. — Исправленное творение, или Система + большой роман + пространное размышление + пьеса для чтения.

* * *

25 июня 1947 г.

Горечь успеха. Противодействие необходимо. Если бы все давалось мне с трудом, как прежде, я имел бы гораздо больше прав говорить то, что говорю. Все же — пока суд да дело — я смогу помочь многим людям.

* * *

Недоверие к показной добродетели — вот основа нашего мира. У тех, кто испытал это недоверие на себе и распространил его на других, осталась в душе вечная настороженность по отношению к тем, кто добродетелен на словах. Так недолго потерять доверие и к добродетели *деятельной*. Тогда они решили назвать добродетелью то, что приближает наступление общественного строя,

о котором они мечтают. Мотив (это недоверие) благороден. Верна ли логика — вот что неясно.

Мне тоже необходимо свести счеты с этой идеей. Все, что я когда бы то ни было думал или писал, связано с этим недоверием (на нем построен «Посторонний»). Но если я не принимаю чистое и простое отрицание (нигилизм или исторический материализм)«добродетельного сознания», о котором говорит Гегель, мне нужно найти посредующее звено. Разве возможно, позволительно, пребывая в истории, чтить ценности, лежащие вне истории? Разве самое понятие невежества не является всего лишь благовидным предлогом? Нет ничего незапятнанного, нет ничего незапятнанного — вот крик, отравивший наш век.

Искушение стать на сторону тех, кто отрицает и действует! Среди них есть такие, которые принимают ложь как постриг. И уж наверняка в том же восторженном порыве. Но что такое порыв? Как, кого, за что станем мы судить?

Если ход истории в самом деле таков, если освобождение невозможно, а возможно только объединение, не принадлежу ли я к числу тех, кто тормозит историю? Освобождения не будет без объединения, говорят они, и если это правда, значит, мы отстаем. Но для того, чтобы идти быстрее,

надо предпочесть гипотезу маловероятную, уже вызвавшую однажды страшные *исторические* опровержения, — предпочесть ее тем реальностям, которые состоят в горе, гибели и изгнании двух или трех поколений. Гипотеза, разумеется, более привлекательна. Не доказано, что освобождению должно предшествовать объединение. Не доказано также и противоположное: что освобождение может свершиться без объединения. Но разве объединение непременно должно быть насильственным? Насилие, как правило, создает лишь видимость единства, под которой скрывается мучительная разобщенность. Вероятно, и объединение, и освобождение необходимы, возможно, что объединение имеет шанс осуществиться с помощью *познания* и проповеди. Тогда слово сделалось бы поступком. Во всяком случае, этому делу нужно посвятить себя целиком.

О, эти часы сомнения! Кто может снести в одиночку сомнения целого мира.

* * *

Я слишком хорошо знаю себя, чтобы поверить в непорочную добродетель.

* * *

Пьеса. Террор. Нигилист. Повсюду насилие. Повсюду ложь.

* * *

Разрушать, разрушать.

Реалист. Нужно поступить в охранку.

Ни то ни другое. — Каляев. — Нет, Борис, нет.

— Я люблю их.

— Почему ты так страшно говоришь об этом?

— Потому что любовь моя страшна.

* * *

То же. Янек и Дора.

Я.(*мягко*). А любовь?

Д. Любовь, Янек? Любви не существует.

Я. О, Дора, как ты можешь так говорить — я ведь знаю, какое у тебя доброе сердце!

— Слишком много крови кругом, слишком много жестокостей. Те, кто слишком любит справедливость, не имеют права на любовь. Они все такие же несгибаемые, как я, с высоко поднятой головой, с пристальным взглядом. Что делать

любви в гордом сердце? Любовь потихоньку склоняет головы, а мы, Янек, их отрубаем.

— Но мы же любим наш народ, Дора.

— Да, мы любим его великой и несчастной любовью. Но любит ли народ нас, и знает ли он, что мы его любим? Народ молчит. Какое молчание, какое молчание…

— Но это и есть любовь, Дора. Все отдать, всем пожертвовать, не надеясь на благодарность.

— Быть может, Янек. Это чистая, вечная любовь. Та самая, которая сжигает меня. Но бывают минуты, когда я задаюсь вопросом: а вдруг любовь — что-то совсем другое, а вдруг она иногда перестает быть монологом без ответа? Понимаешь, я представляю себе вот что: тихонько склоняющиеся головы, смирившее гордыню сердце, полуприкрытые глаза, руки, раскрывающиеся для объятий. Забыть об ужасной трагедии мира, Янек, позволить себе на один час, на один маленький часик стать эгоисткой, можешь ты это себе представить?

— Да, Дора, это называется нежность.

— Ты все понимаешь, милый. Это называется нежность. А нежно ли ты любишь справедливость?

Янек молчит.

— Любишь ли ты свой народ так же беззаветно, или же тобою движут жажда мести и бунта?

Янек молчит.

— Вот видишь. А меня, Янек, ты любишь нежно?

— Я люблю тебя больше всего на свете.

— Больше справедливости?

— Я не разделяю вас: тебя, Организацию и справедливость.

— Я знаю. Но скажи, скажи, прошу тебя, Янек, ответь мне. Когда ты остаешься один, ты любишь меня нежно, эгоистично?

— О, Дора, я умираю от желания сказать «да».

— Скажи «да», милый, скажи «да», если ты так думаешь и если это правда. Скажи «да» перед лицом Организации, справедливости, трагедии мира, перед лицом порабощенного народа! Скажи «да», умоляю тебя, выбросив из памяти умирающих детей и бесконечные тюрьмы, забыв о тех, кого вешают и засекают до смерти.

Янек побледнел.

— Замолчи, Дора. Замолчи.

— О, Янек, ты ведь еще ничего не сказал.

Пауза.

— Я не могу сказать тебе этого. А ведь сердце мое полно тобой.

Она засмеялась, и смех ее был похож на рыдание.

— Ну и прекрасно, милый. Ты сам видишь, это было неразумно. И я тоже не смогла бы этого сказать. Я тоже люблю тебя заторможенной любовью, перемешанной со справедливостью и тюрьмами. Мы не от мира сего, Янек. Наш удел — кровь и холодная веревка.

* * *

Бунт — это лай бешеной собаки (Антоний и Клеопатра).

* * *

Я перечел все эти тетради — начиная с первой. Мне бросилось в глаза: пейзажей становится все меньше и меньше. Нынешняя раковая опухоль гложет уже и меня.

* * *

Самая серьезная проблема, которая встает перед современными умами, — конформизм.

* * *

По поводу Лао-Цзы: чем меньше действий, тем больше власти.

* * *

Г. жил с бабушкой, торговавшей в магазине похоронных принадлежностей в Сен-Бриеке: готовил уроки на могильной плите.

* * *

Ср. Крапуйо: Анархия. Тайяд: Воспоминания следователя. Штирнер: Единственный и его достояние.

* * *

Г. Иронию вовсе не обязательно рождает злоба.

М. Но можно поручиться, что ее рождает и не доброта.

Г. Конечно. Но быть может, ее рождает боль, о которой мы всегда забываем, говоря *о других*.

* * *

В Москве, на которую наступает белая армия, Ленину, решившему мобилизовать заключенных уголовников, возражают:

— Нет, только не *вместе* с этими.

– *Для* этих, — отвечает Ленин.

* * *

Пьеса о Каляеве: невозможно убить человека *во плоти*, убивают самодержца. Но не того типа, который утром брился и т. д. и т. п.

* * *

Сцена: казнь провокатора.

* * *

Великий вопрос жизни — как жить среди людей.

* * *

Х.: «Я человек, который ни во что не верит и никого не любит, во всяком случае, таков я от при-

роды. Во мне есть пустота, ужасная пустыня…»

* * *

Марк, приговоренный к смерти в Лооской тюрьме. Не позволяет на Страстной неделе снять с себя кандалы, чтобы больше походить на Спасителя. Когда-то он стрелял из револьвера по придорожным крестам.

* * *

Христианам хорошо. Они взяли себе благодать, а нам отдали милосердие.

* * *

Гренье. О правильном использовании свободы: «Современный человек больше не верит в существование Бога, которому следует подчиняться (иудей и христианин), не верит в общество, которое следует уважать (индус и китаец), в природу, которой следует подражать (грек и римлянин)».

То же. «Тот, кто страстно любит какую-нибудь ценность, становится по этой причине врагом свободы. Тот, кто сильнее всего любит свободу, либо отрицает все ценности, либо вспоминает о

них лишь изредка». (Терпимость, причина которой в ветшании ценностей.)

«Если мы останавливаемся (на пути отрицания), то не столько для того, чтобы поберечь других, сколько для того, чтобы сберечь самих себя». (Отрицание для себя, утверждение для других!)

* * *

Пьеса.

Д. Печально, Янек, что все это нас старит. Больше никогда, никогда мы не будем детьми. Отныне мы можем умереть, мы испытали все, что суждено человеку (убийство — это предел).

— Нет, Янек, если единственный выход — смерть, тогда мы не на верном пути. Верный путь только тот, что ведет к жизни.

— Мы взяли на себя горести мира и понесем наказание за эту гордыню.

— Мы оставили позади ребяческую любовь; теперь перед нами первая и последняя любовница — смерть. Мы слишком спешили. Мы не люди.

* * *

Беда нашего века. Еще недавно в оправдании

нуждались дурные поступки, теперь в нем нуждаются поступки добрые.

* * *

Роман. «Раз я люблю ее, то хочу, чтобы она знала, чем я был. Ибо она думает, что это восхитительное добродушие… Но нет, она — исключение».

* * *

Реакция? Если это означает повернуть историю вспять, я никогда не пойду так далеко, как они, — до Фараона.

* * *

Дефо: «Я был рожден, чтобы погубить себя».

Он же: «Я слышал о человеке, который в приступе чрезвычайного отвращения к несносной болтовне своих близких внезапно решился навсегда замолчать…» (пьеса).

Марьон о Дефо (с. 139). Двадцать девять лет молчания. Его жена сходит с ума. Дети уезжают. Остается дочь. Лихорадка, бред. Он начинает говорить. Впоследствии говорит часто, но с дочерью очень редко, «а с посторонними еще реже».

Пс. XCI: «Говорит Господу: «Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы… Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень».

* * *

Полное одиночество. В писсуаре большого вокзала в час ночи.

* * *

Человек (француз?), святой человек, который всю жизнь провел во грехе (не ходил к причастию, не женился на женщине, с которой жил), ибо — не в силах смириться с мыслью, что хотя бы одна душа будет проклята, — хотел тоже заслужить проклятие.

«То была величайшая любовь — любовь человека, отдающего душу за други своя».

* * *

Мерло-Понти. Научиться читать. Он жалуется, что его плохо прочли — и плохо поняли. Я преж-

де тоже был склонен к таким жалобам. Теперь я знаю, что для них нет оснований. Неверных прочтений не бывает.

Распутники, добродетельные в душе. Воистину. Но практически в данный момент я предпочитаю повесу, который никого не убивает, пуританину, который убивает всех подряд. А уж кого я всегда терпеть не мог, так это распутника, который хочет убивать всех подряд.

М.П. или образец современного человека: тот, кто выжидает. Он объясняет, что никто никогда не бывает прав и не все так просто (надеюсь, что он пускается в эти рассуждения не ради меня). Но чуть ниже он восклицает, что Гитлер — преступник, и всякий, кто боролся против него, всегда будет прав. Если никто не прав, тогда никого нельзя судить. Все дело в том, что нужно бороться против Гитлера *сегодня*. Мы уже достаточно выжидали. И продолжаем выжидать.

* * *

Нынче поступок кажется нам оправданным, лишь если он совершен ради конкретных целей. Так говорит современный человек. Тут есть противоречие.

* * *

Двингер (в сибирском лагере): «Если бы мы были животными, нам давно бы пришел конец. Но мы люди».

Он же. Лейтенант, пианист, который живет ради своего искусства. Из досок от ящиков он сколачивает беззвучное пианино. И играет по шесть — восемь часов в день. Он слышит каждую ноту. Иногда лицо его светлеет.

Все мы в конце концов будем заниматься тем же.

Он же. Во время гражданской войны. Поезд в тылу. Д. и его товарищ входят в купе, где едет высокий капитан с воспаленными глазами. На полке напротив лежит кто-то накрытый шинелью. Наступает ночь. Купе заливает лунный свет. «Откройте глаза, братья. Вы сейчас кое-что увидите, вы это заслужили». Он осторожно откидывает шинель: под ней обнаженная женщина безупречной, поразительной красоты… «Смотрите, — говорит офицер. — Это придаст вам новые силы. И вы будете знать, за что мы сражаемся. Ибо мы ведь сражаемся еще и за красоту, не так ли? *Только никто об этом не говорит*».

* * *

Батай о «Чуме»: Сад также требовал отмены смертной казни, *узаконенного* убийства. Причина: убийцу оправдывают страсти, коренящиеся в его природе. У закона этого оправдания нет.

* * *

Этюд о Г.: Г. как противоположность Мальро. И каждый из них сознает искушение, олицетворяемое другим. Сегодняшний мир — диалог между М. и Г.

* * *

Пьеса. Янек — другому, Убийце.

Янек. Возможно. Но это лишит нас любви.

У. Кто так думает?

Янек. Дора.

У. Дора — женщина, а женщины не знают, что такое любовь… Этот ужасный взрыв, который скоро меня уничтожит, это и есть всплеск любви.

* * *

«Дни нашей смерти». 72–125–190.

«К.м.» [Концентрационный мир] 15–66.

* * *

Сохранить за насилием характер слома, преступления — то есть допоить его лишь при условии личной ответственности. В противном случае оно входит *в норму*, обращается *в привычку* — либо закон, либо метафизика. Оно перестает быть сломом. Оно обходит противоречие. Как ни парадоксально, оно разом создает массу удобств. *Насилие сделалось удобным*.

* * *

Друг М. Д., который приходит, как всегда, в маленькое кафе на улице Дофин, садится за тот же столик, что и всегда, и смотрит на тех же игроков в белот. У игрока, за спиной которого он сидит, на руках одни бубны. «Жаль, — говорит друг М.Д., — что вы не играете без козырей». И внезапно умирает.

То же. Старая женщина, занимающаяся спиритизмом, потеряла сына на войне: «Куда бы я ни пошла, сын всегда за мной следом».

То же. Старый губернатор, управляющий одной из колоний, прямой, как палка, и требующий,

чтобы его называли господин губернатор. Сравнивает григорианский календарь с другими. Единственная тема, которая его воодушевляет, — его возраст: «Восемьдесят лет! Никогда ни одного аперитива — и вот пожалуйста!» И после этого несколько раз подпрыгивает на месте, ударяя себя пятками по заду.

* * *

Палант (И.ч.) [37]: «Гуманизм — вторжение священнического духа во владения чувства… Это ледяной холод в царстве Духа».

* * *

Нас упрекают, что мы фабрикуем абстрактных людей. Но все дело в том, что абстрактен человек, служащий нам моделью. Упрекают, что мы не знаем любви, но все дело в том, что человек, служащий нам моделью, не способен любить и т. д.

* * *

Лотреамон: Всей морской воды не хватило бы, чтобы смыть пятно крови, пролитой интеллек-

---

[37] Примечания: 37
Индивидуалистическая чувствительность (*философ. термин*).

туалом.

* * *

Новелла или роман «Справедливость». Пытка: пять дней на ногах, без еды и питья, не прислоняясь к стене, и проч., и проч. Ему предлагают бежать. Он отказывается: нет сил. Чтобы остаться, сил требуется меньше. Пытки возобновятся, и он погибнет.

* * *

Иль-сюр-Сорг. Большая комната, а за окном — осень. Сама комната тоже осенняя, с причудливыми древесными узорами на мебели и сухими листьями платанов, которые влетают в окно, проскальзывая под шторами, с вытканными на них папоротниками.

* * *

В мае 44 года Р.С. покидает партизанский отряд и летит из Нижних Альп в Северную Африку; над Дюрансой самолет пролетает ночью. В горах Р.С. видит целую линию огней — это его люди разожгли костры, чтобы проститься с ним.

В Кальви он ложится спать (врываются сны). Утром просыпается и видит террасу, заплеванную толстыми окурками американских сигарет. После четырех лет, проведенных в борьбе, со стиснутыми зубами, он чувствует, как к горлу подступают слезы, и целый час плачет, глядя на эти окурки.

* * *

Старый боец-коммунист, который не может привыкнуть к тому, что видит: «Сердцу не прикажешь».

* * *

Бейль: различные размышления о комете.

«Не следует судить о жизни человека ни по тому, во что он верит, ни по тому, что он пишет в своих книгах».

* * *

Доносчик, содержащий в идеальном порядке свое рабочее место.

Пузырьки с разными чернилами. Подчеркнутые слова. Имена, выведенные рондо.

* * *

Как разъяснить, что сын бедняка может испытывать стыд, не испытывая зависти.

* * *

Старый нищий говорит Элеоноре Кларк: «Люди мы не плохие, но темные».

* * *

Сартр, или ностальгия по всеобщей идиллии.

* * *

Равашоль (допрос): «Те, кто несет человечеству истину, ясность, счастье, не должны останавливаться ни перед какими, абсолютно ни перед какими препятствиями, и пусть даже в результате их усилий на земле осталась бы только горстка людей, горстка эта по крайней мере была бы счастлива».

Он же (заявление суду присяжных): «Что же касается невинных жертв, которых я мог погубить, я искренне о них скорблю. Я скорблю о них тем более глубоко, что жизнь моя была очень

горькой».

Показания свидетеля (Шомартена): «Он не любил женщин и пил только воду с лимоном».

* * *

Виньи (из письма): «Общественный строй всегда плох; временами он становится сносным. Ради того, чтобы поменять плохой строй на сносный, не стоит проливать даже каплю крови». — Нет, сносный строй стоит если не пролитой крови, то хотя бы напряженного труда всей жизни.

Индивидуалист ненавидит людей в целом, но щадит отдельного человека.

* * *

Сент-Бёв: «Я всегда полагал, что, если бы люди хоть на минуту перестали лгать и высказали вслух то, что думают, общество бы не устояло».

* * *

Б. Констан (пророк!): «Чтобы жить спокойно, нужно затратить не меньше усилий, чем для того, чтобы править миром».

* * *

Посвятить себя человечеству: по Сент-Бёву, такие люди хотят до самого конца быть в центре внимания.

* * *

Стендаль: «Я ничего не сделаю для своего личного счастья, пока не перестану страдать оттого, что плохо выгляжу в чьих-то глазах».

* * *

Палант верно говорит, что, если существует единая и всеобщая истина, отпадает нужда в свободе.

* * *

14 октября 1947 г. Время не ждет. В одиночестве все силы напряжены, а вокруг — сухой воздух.

* * *

17 октября. Начало.

* * *

Как будто человек обязан выбирать между унижением и возмездием.

* * *

В детской больнице. Маленькая комната с низким потолком, окна закрыты, жарко натоплено — пахнет жирным бульоном и мазями… обморок.

* * *

Есть поступки мессианские, и есть поступки обдуманные.

* * *

Написать все — как получится.

* * *

Мы можем все сделать наилучшим образом, все понять, а затем всем овладеть. Но мы никогда не сможем отыскать ту силу любви, которую отняли у нас безвозвратно.

* * *

Смертная казнь. Меня вынуждают заявить, что я противник любого насилия. Это было бы так же умно, как объявить себя противником ветра, дующего в ту или иную сторону.

* * *

Но никто не бывает абсолютно виновен, следовательно, никого нельзя приговаривать к абсолютному наказанию. Никто не бывает абсолютно виновен ни 1) в глазах общества, ни 2) в глазах индивида. Каждый в чем-то несчастен.

Является ли смерть абсолютным наказанием? Для христиан — нет. Но наш мир — не христианский. Разве каторжные работы не хуже? (Полан.) Не знаю. Но тюрьма оставляет возможность избрать смерть (если только человек из лености не предпочитает, чтобы эту работу выполнили за него другие). Смерть не оставляет никакой возможности выбрать тюрьму. Меж тем Рошфор говорит: «Только вампиры могут требовать отмены смертной казни».

* * *

Поколение стариков. «Юноша, который вступает в свет в богатой одежде, но с бедной душой, тщетно старается заменить внутреннее богатство внешним, он хочет все получить *извне*, уподобляясь тем старикам, что пытаются набраться новых сил, целуя уста юных дев» (Афоризмы о жизненной мудрости).

Сократа пнули ногой. «Если бы меня лягнул осел, разве я стал бы подавать на него в суд?» (Диоген Лаэртский, II, 21.)

* * *

Гейне (1848): «Все, чего нынче добиваются люди, все, на что они надеются, совершенно чуждо моему сердцу».

* * *

Храбрость, по Шопенгауэру, — «просто-напросто добродетель младшего лейтенанта».

* * *

В IV книге «Эмиля» Руссо оправдывает (в 21-м

примечании) убийство ради защиты чести.

«Полученные и оставленные без ответа пощечина и вызов влекут за собою гражданские последствия, которых не может предвидеть ни один мудрец, отомстить же за эти оскорбления не может ни один суд. Беспомощность законов возвращает оскорбленному независимость; в этом случае он сам — следователь и судья себе и обидчику; он сам — толкователь и исполнитель естественного закона; он один стоит на страже справедливости и один может восстановить ее... Я не говорю, что он должен драться на поединке, это нелепость; я говорю, что он стоит на страже справедливости и сам решает, что справедливо, а что нет. Я утверждаю, что если бы я был государем, то, не прибегая к стольким бесполезным указам против дуэлей, добился бы того, чтобы в моих владениях и слуха не было о пощечинах и вызовах, *причем добился бы самым простым образом без всякого вмешательства судей*. Как бы то ни было, Эмиль знает, что в подобном случае он обязан восстановить справедливость и этим показать пример честным людям. Самый мужественный человек не может помешать другому оскорбить его, но он может помешать обидчику хвастать своей оскорбительной выходкой».

* * *

Для Шопенгауэра объективное существование предметов, их «изображение» всегда приятно, тогда как субъективное существование, воля всегда сопряжены со страданием.

«Все предметы красивы с виду и отвратительны по существу, отсюда столь распространенная и столь для меня удивительная иллюзия цельности чужой жизни».

* * *

Шопенгауэр: «И слава и молодость разом — это слишком много для смертного».

Он же: «Наш мир дает знания, но не дает счастья». Следовательно, «ограничивая себя, мы становимся счастливее».

* * *

Давид засыпает Иегову мольбами о сыне, пока тот болеет. Но когда сын умирает, он щелкает пальцами и сразу перестает думать о нем.

* * *

Вольтер: «В этом мире люди побеждают только силой и умирают с оружием в руках».

Печерин, русский эмигрант XIX в., на чужбине ставший монахом, восклицает: «Как сладостно отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтоженья!»

Интеллигенция и *тоталитарное* видение мира.

Заговорщики-петрашевцы: идиллические люди (освобождение крепостных без революции — влияние Жорж Санд). Любовь не к ближним, а к дальним. «Не находя никого достойным своей привязанности — ни из женщин, ни из мужчин, я обрек себя на служение человечеству» (Петрашевский). (За исключением Спешнева, прототипа Ставрогина.)

* * *

Индивидуалистический социализм Белинского. Против Гегеля, за личность человека. Ср. Письма Боткину: «Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судьбы всего мира и здравия

китайского императора (то есть гегелевской Allgemeinheit [38])».

Он же: «Кланяюсь вашему философскому колпаку (Гегелю). Но со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением честь имею донести вам, что, если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр. Иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастия и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братий по крови — костей от костей моих и плоти от плоти моя...»

«Говорят, что дисгармония есть условие гармонии; может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить своею участью идею дисгармонии».

Петрашевский и его идиллические соратники.

Белинский и индивидуалистический социализм.

Добролюбов — аскет, мистик, совестливый

---

[38] Примечания: 38
Всеобщность (*нем.*).

человек.

Он теряет веру *при виде зла* (Маркион).

Чернышевский: «Что делать?»

Писарев: «Сапоги выше Шекспира».

Герцен — Бакунин — Толстой — Достоевский.

Чувство вины у интеллектуалов, далеких от народа.

«Кающийся дворянин» (кающийся в социальном грехе).

* * *

Нечаев и катехизис революционера (централизованная партия, прообраз большевизма).

«Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстию — революцией».

Все, что служит Революции, нравственно.

Сходство с Дзержинским, создателем ЧК.

Бакунин: «Страсть к разрушению созидательна».

Он же: Три принципа развития человечества:

животное начало

мысль

бунт.

* * *

70-е годы. Михайловский, индивидуалистический социалист, говорит, что, если бы революционная толпа ворвалась в его комнату с намерением разбить бюст Белинского и разгромить библиотеку, он сражался бы с ней до последней капли крови.

* * *

Проблема перехода… Должна ли была Россия пройти стадию буржуазной и капиталистической революции, как того требует логика истории? В этом пункте только Ткачев (и с ним Нечаев и Бакунин) — предшественник Ленина. Маркс и Энгельс были меньшевиками. Они предвидели только наступление буржуазной революции.

Беспрерывные дискуссии первых марксистов о необходимости развития капитализма в России и их готовность к приятию этого развития. Тихомиров, старый народоволец, обвиняет их в том, что они стали «поборниками первых капитализаций».

* * *

Предсказание Лермонтова:
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел.

Ср. Бердяев, с 107.

* * *

Духовный коммунизм Достоевского — это всеобщная нравственная ответственность.

* * *

По Бердяеву, диалектики материи не существует, диалектика есть только там, где есть Логос и Мысль; возможна только диалектика мысли и духа. Маркс переносил свойства духа в царство материи.

В конце концов мир преобразует лишь воля пролетариата. Значит, в марксизме *действительно* содержится экзистенциальная философия, изобличающая ложь объективации и утверждающая победу человеческой деятельности.

* * *

По-русски *воля* означает *и* «волеизъявление», *и* «свобода».

* * *

Вопрос к марксистам:

«Является ли марксистская идеология отражением экономической деятельности, подобно всем прочим идеологиям, или же она претендует на обладание абсолютной истиной, независимой от исторических форм экономики и экономических интересов?» Иначе говоря, является ли она абсолютным реализмом или абсолютным прагматизмом?

Ленин утверждает, что политика важнее экономики (вопреки марксизму).

Лукач: революционное сознание — это сознание целого. Идея целостного мира, где теория и практика тождественны.

Религиозное сознание по Бердяеву.

* * *

В России существует свобода коллективная,

«тотальная», но не личная. Но что такое тотальная свобода? Люди свободны от чего-то — и по отношению к чему-то. Кажется, будто предел — свобода по отношению к Богу. Но совершенно очевидно, что она означает порабощение человека.

* * *

Бердяев сближает Победоносцева (прокурора Священного Синода, главного идеолога Российской империи) и Ленина. Оба *нигилисты*.

* * *

Вера Фигнер: «Согласовать слово с делом… требовать этого согласования от себя и от других… Это стало девизом моей жизни».

Она же: «Я находила совершенно недопустимым в тайном обществе заводить еще тайное сообщество».

Бюджет царской России на 80–90 процентов создавался трудом низших сословий.

* * *

Всякий член «Народной воли» торжественно

клялся отдать все силы революции, забыть ради нее кровные узы, личные привязанности, любовь и дружбу…

* * *

Пьеса «Дора»: если ты ничего не любишь, это не может кончиться хорошо.

* * *

Сколько человек входило в «Народную волю»? 500. А сколько было подданных в Российской империи? Более ста миллионов.

* * *

Софья Перовская, поднявшись на эшафот вместе со своими товарищами по борьбе, обнимает троих (Желябова, Кибальчича и Михайлова), но сторонится четвертого, Рысакова, который действовал храбро, но затем, чтобы спасти свою жизнь, выдал один из адресов и погубил трех человек. Рысаков гибнет на виселице в одиночестве.

Бомбу в царя Александра II метнул Рысаков. Царь, оставшийся невредимым, сказал: «Слава

Богу, все хорошо». «Посмотрим, хорошо ли», — ответил Рысаков. Вторая бомба, брошенная Гриневицким, убила императора.

* * *

Ср. Вера Фигнер, с. 190 о доносе.

Она же. Мария Калужная. Ее выпустили из тюрьмы, и пошел слух, что она выдавала. Чтобы смыть с себя пятно, она стреляет в жандармского офицера. Ее приговаривают к каторжным работам. В Каре она и еще две заключенные кончают с собой в знак протеста против телесного наказания, которому подвергли одну из их товарок (с. 239).

* * *

Напомнить христианам. «Христианское братство». Призыв «ко всем, кто почитает святое учение Христово». «Нынешнее правительство, все законы, основанные на лжи, угнетении и запрещении свободного поиска истины, — все это следовало бы считать незаконным, противным божественной воле и христианскому духу».

* * *

Вера Фигнер: «Я должна была жить; жить, чтобы быть на суде — этом заключительном акте деятельности активного революционера».

* * *

Приговоренный к смерти: «За всю мою короткую жизнь я не видел ничего, кроме зла… Разве можно в таких условиях, при такой жизни любить что бы то ни было, *даже добро*!»

* * *

В 80-е годы был казнен солдат, убивший унтер-офицера. Перед смертью он поклонился всем четырем сторонам света со словами: «Прощай, Север. Прощай, Юг… Восток… Запад».

* * *

Никто не был так уверен, как я, в возможности завоевать мир честным путем. А теперь… В чем же была ошибка, что же внезапно дало слабину и привело к краху все остальное…

* * *

Мелкая деталь: люди часто утверждают, что «где-то меня уже видели».

* * *

Париж — Алжир. Самолет как одна из составных частей современного отрицания и абстрагирования. Природа исчезает; ни глубокого ущелья, ни рельефа местности, ни бурного потока — не видно ничего. Остается *чертеж* — план.

В общем, человек начинает смотреть на мир глазами Бога. И замечает, что Бог видит все лишь абстрактно. Ничего хорошего в этом нет.

* * *

Полемика как составная часть абстрагирования. Когда в человеке хотят увидеть врага, его начинают представлять абстрактно. Его отодвигают вдаль. Никому уже не интересно, что он оглушительно смеется. Он превращается в *силуэт*.

И проч., и проч…

* * *

Если для того, чтобы преодолеть нигилизм, следует вернуться к христианству, можно пойти еще дальше и, преодолев христианство, возвратиться к эллинизму.

* * *

Платон переходит от бессмыслиц к вещам разумным, а от них к мифу. В нем есть все.

* * *

Ослепительное утро в Алжирском порту. Ультрамариновый пейзаж врывается через окно и заливает всю комнату.

* * *

Сократ: «Вы мне неприятны». — Возвращение из лагеря.

Конец II действия. Он показывает шрамы.

— Что это?

— Следы.

— Какие следы?

— Следы человеческой любви.

* * *

Упреки в том, что я пишу свои книги, не уделяя должного внимания политике. Иными словами: они хотят, чтобы я писал о партиях. Но я пишу только о личностях, противостоящих государственной машине, потому что я знаю, что говорю.

* * *

Мир станет более справедливым, если станет более целомудренным (Ж. Сорель).

* * *

В театре: необходимость, разнообразия ради, обнажать синтаксические конструкции.

* * *

Пьеса: Дора или другая женщина: «Обречены, обречены быть героями и святыми. Сделаны героями насильно. Потому что нас это не интересует, понимаете, нас вовсе не интересуют грязные делишки этого отравленного, тупого мира, липкого, как смола. Признайтесь, признайтесь, что

вас интересует только одно — люди и их лица… И что на самом деле вы ищете не столько истину, сколько любовь».

* * *

«Не плачьте. Это день оправдания. Что-то рождается в этот час, и это что-то свидетельствует в нашу пользу, в пользу бунтарей».

* * *

Роман. Человек, арестованный политической полицией, потому что ему лень было выправить себе паспорт. Он знал это. Но не позаботился и т. д.

* * *

«Я имел все, что только можно пожелать. А теперь я навеки стал рабом… и т. д.».

* * *

Руссе. Я должен молчать, потому что не был в лагере. Но знали бы вы, какой крик рвется из моей души.

* * *

Объяснение большевизма — в христианстве. Сохраним равновесие, чтобы не стать убийцами.

* * *

Современная литература. Оскорблять легче, чем убеждать.

* * *

Р. С. Во время оккупации, ранним утром в поезде. Немцы. Женщина роняет золотую монету. С. наступает на нее ногой, поднимает и подает владелице. Женщина: спасибо. Предлагает ему сигарету. Он берет. Она предлагает сигареты немцам. Р.С.: «Я передумал, сударыня, и возвращаю вам сигарету». Один из немцев смотрит на него. Тоннель. Чья-то рука сжимает его руку. «Я поляк». Когда поезд выезжает из тоннеля, Р.С. смотрит на немца. Глаза у того полны слёз. На вокзале немец на прощанье оборачивается к нему и подмигивает. С. с улыбкой отвечает. «Сволочи», — говорит француз, наблюдавший эту сцену.

* * *

Форма и бунт. Придать форму тому, что ее лишено, — цель всякого творчества. Следовательно, здесь налицо не только созидание, но и исправление (см. выше). Отсюда важность формы. Отсюда необходимость особого стиля для каждой темы, хотя все они будут иметь нечто общее, ибо у каждого автора — свой язык. Но язык этот обнажает не *единство* той или иной книги, а именно единство всего написанного этим автором.

* * *

Справедливости нет, есть только пределы.

* * *

Анархист-толстовец во время оккупации. Он написал на двери: «Кто бы вы ни были, добро пожаловать». Пожаловали полицейские-фашисты.

* * *

Словарь. *Гуманизм*: обычно пишется и приводится в исполнение с придыханием. Но кое-кто возражает… Переносное значение: *предлог*. Сино-

нимы: Подстилка — Подножка — Полоскание для горла — Тупик.

Палинодия: род высокой литературы, во славу которой следует поднимать флаг, который ты только что оплевал, возвращаться к нравственности посредством пьяных оргий и шествовать по стопам старых пиратов. Все начинается с игры в погромы, а кончается орденом Почетного легиона. *Ист.*: 80 процентов писателей XX века восславляли бы имя Господне, если бы могли делать это анонимно. *Естественные науки*: Процесс трансформации полосатого строптивца в заурядного мэтра отеля и алтаря.

* * *

Трагедия. Его *подозревают* в предательстве. Этого подозрения оказывается довольно, чтобы он покончил с собой. Это единственный возможный ответ.

* * *

Лейзен. Вся долина сверху донизу — в снегу и облаках. Над неподвижными ватными просторами летают стаи галок, похожих на черных чаек, и снежные брызги попадают им на крылья.

* * *

Толстой: «Сильный западный ветер поднимал столбами пыль с дорог и полей, гнул макушки высоких лип и берез сада и далеко относил падавшие желтые листья» (*Детство*).

Там же: «Если бы в тяжелые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку (матери), я бы не знал, что такое горе».

* * *

Я удалился от мира не потому, что имел врагов, а потому, что имел друзей. Не потому, что они вредили мне, как это обычно бывает, а потому, что они считали меня лучшим, чем я есть. Этой лжи я вынести не смог.

* * *

Высшая добродетель, заключающаяся в том, чтобы задушить свои страсти. Добродетель более глубокая, заключающаяся в том, чтобы привести их в равновесие.

* * *

Все, что ценит сегодняшний ум, принадлежит сфере иррационального. А между тем все, что берет верх в политике, проповедует, убивает и властвует именем Разума.

* * *

Покойнее всего было бы любить молча. Но в дело вступают сознание и личность; приходится разговаривать. И любовь превращается в ад.

* * *

Актер П. Б., набожный лентяй, слушает мессу по радио, лежа в постели. Ему нет нужды вставать. Он знает порядок.

* * *

Людмила Питоева: «Публика меня, пожалуй, раздражает. Без нее гораздо лучше». О Ж.П.: «Он никогда не переставал удивлять меня».

* * *

По египетским верованиям, праведник — тот, кто может сказать после смерти: «Я никому не причинил зла». Иначе его ждет кара.

* * *

Итак, история может достичь своей цели, лишь истребив духовные завоевания. Мы дошли до края…

* * *

Для христиан история начинается с Откровения. Для марксистов она им кончается. Две религии.

* * *

Маленький залив близ Тенеса, у подножия горной цепи. Идеальный полукруг. Когда наступает вечер, тихая водная гладь вселяет в душу тревогу. В этот миг понимаешь, что греческие представления об отчаянии и трагедии сложились *на основе* красоты и всего того гнетущего, что она таит в себе. Красота — кульминация трагедии. Совре-

менный же ум толкают к отчаянию уродство и посредственность.

Именно это, без сомнения, хочет сказать Шар. Для греков красота — исходная точка. Для европейца она — редко достигаемая цель. Я — человек несовременный.

* * *

Истина нашего века: пройдя сквозь суровые испытания, мы становимся лжецами. Покончить со всем прочим и высказать самые глубокие свои мысли.

Тетрадь № VI. Апрель 1948 года – март 1951 года

В конце XIX века Антуан Орли, нотариус из Периге, внезапно покинул родной город, отправился в Патагонию и поселился там. Он сумел войти в доверие к туземцам и через несколько лет, исключительно благодаря своей дружбе с ними, получил титул Арауканского императора. Он чеканил монету, выпускал почтовые марки, одним словом, пользовался всеми правами законного монарха. Весть об этом достигла Чили, в чьем подчинении находились далекие патагонские владения; Антуан Орли предстал перед судом и был приговорен к смерти. Смертную казнь заменили десятью годами тюрьмы.

Через десять лет он выходит на свободу и возвращается в Патагонию; подданные по-прежнему видят в нем императора, и он снова соглашается принять этот титул. Но, чувствуя приближение старости, решает позаботиться о преемнике и завещает арауканский трон своему сыну Луи Орли, которому предстоит стать императором под именем Людовика I. Но Луи Орли отказывается.

Тогда Антуан отрекается от престола в пользу своего племянника, Ашиля Орли, живущего в Периге; затем Антуан умирает, и подданные хоронят его с большими почестями. Однако Ашиль I не намерен переселяться в свои владения. Он перебирается в Париж, заводит светские знакомства, живет на широкую ногу, устраивает приемы с королевской щедростью. Деньги он добывает, раздавая за взятки посты арауканских консулов в разных странах. Поскольку потребности его постоянно растут, он организует сбор средств на строительство христианских церквей и соборов. Под этим предлогом он собирает настолько крупные суммы, что встревоженные иезуиты жалуются папе римскому. Выясняется, что в Патагонии не построено ни одной церкви, и Ашиль I предстает перед судом, который выносит ему суровый приговор. Разорившийся император кончает свои дни на бульваре Монпарнас, проводя время всегда в одном и том же кабачке, где, по слухам, с ним встретилась королева Ранавало.

* * *

Всякое самопожертвование — мессианство. Доказать, что можно возвыситься и до самопожертвования обдуманного (то есть не сводящегося к

мессианству). Трагедия равновесия.

* * *

Современное искусство. Они возвращаются к вещам, потому что не знают природы. Они вновь создают природу, и ничего другого им не остается — ведь они ее забыли. *Когда она будет воссоздана*, начнется великая эпоха.

* * *

«Без неограниченной свободы печати, без абсолютной свободы собраний и ассоциаций власть широких масс немыслима» (Роза Люксембург. «Русская революция»).

* * *

Сальвадор де Мадарьяга: «Европа придет в себя лишь тогда, когда слово «революция» будет произноситься не с гордостью, а со стыдом. Хвастать своей прославленной революцией так же глупо и бессмысленно, как хвастать своим прославленным аппендицитом».

В каком-то смысле верно. Но спорно.

* * *

Стендаль (письмо к ди Фьоре, 34): «Но моя душа — огонь, который страдает, если не горит».

Он же: «Всякий романист должен стараться уверить читателей в том, что им владеет *пылкая страсть*, но ни за что не называть ее прямо: это нецеломудренно» (письмо к г-же Готье, 34).

Он же. Против Гёте: «Гёте дал доктору Фаусту в друзья Дьявола, и вот с этим-то могущественным помощником Фауст делает то, что делали все мы в двадцать лет, — соблазняет модистку».

* * *

Лондон. В моей памяти Лондон — город садов, где по утрам меня будили птицы. Лондон совсем другой, и все-таки память моя не ошибается. Целые фургоны цветов на улицах. Потрясающие доки.

N. Gallery [39]. Чудесный Пьеро и Веласкес.

Оксфорд. Аккуратно причесанный табун. Оксфордское безмолвие. Что там делать людям?

---

[39] Примечания: 39
Н[ациональная] галерея (*англ.*).

* * *

Раннее утро на шотландском побережье. Эдинбург: каналы и лебеди. Город, располагающийся вокруг лжеакрополя, таинственный и тонущий в туманах. В Северных Афинах нет ничего северного. Китаец и малаец на Принсесс-стрит. Это — порт.

* * *

По мнению Симоны Вейль, мысли о духовности труда или их предвестия, разбросанные в книгах Руссо, Санд, Толстого, Маркса, Прудона, — единственные оригинальные мысли, рожденные нашей эпохой и не заимствованные у греков.

* * *

Германия: несчастье, причинившее слишком большие муки, рождает расположение к несчастью, из-за которого мы губим и себя и других.

* * *

По мнению Ришелье, бунтовщики, пусть даже они ни в чем не уступают защитникам господ-

ствующего строя, всегда вполовину слабее. Из-за нечистой совести.

* * *

Отец Фуко, свидетель Христа, живший среди туарегов, считал вполне естественным для себя предоставлять французской разведке сведения об *умонастроении* этих самых туарегов.

* * *

С. В. Противоречие между наукой и гуманизмом. Нет. Между так называемым современным научным духом и гуманизмом. Ибо детерминизм и сила отрицают человека.

«Раз человеческое сердце нельзя лишить веры в справедливость, значит, справедливость существует. В таком случае не права наука».

* * *

С.В.: Римляне опошлили стоицизм, заменив мужественную любовь гордыней.

* * *

Г. Грин: «Люди, живущие счастливо, испыты-

вают разочарование в человеческой природе лишь перед смертью. А нам приходится терпеть это разочарование в течение всей жизни»… «В наше время люди знают слишком много еще до совершеннолетия».

Он же. Самопожертвование… «Что же это за мир, если он не ценит подобных достоинств!»

Он же: «Он (тайный агент) опрометчиво дал обещание, словно в мире насилия можно что бы то ни было обещать и загадывать наперед».

Он же: «Тот, кто не верит в Бога, видит в мире, где людей не ценят по достоинству, только хаос и предается отчаянию».

* * *

Писатель обречен на *понимание*. Он не может быть убийцей.

* * *

Страсть к тюрьме у тех, кто борется. Чтобы избавиться от привязанностей.

* * *

Эпиграф к «Костру»:

«Если людям, снедаемым глубокой тоской, улыбается счастье, они не умеют скрыть этого: они набрасываются на счастье, словно хотят сжать его в объятьях и задушить из ревности…»

* * *

Июль 1948 г. — Комо:

«Небо без нашей любви — что делать нам с ним?

С ужасом жизни живем один на один».

* * *

Пьеса. Гордость. Гордость рождается посреди земель.

* * *

Траурный Прованс.

* * *

Ответственность перед историей освобождает от ответственности перед людьми. В этом ее удобство.

* * *

Звезды мерцают в том же ритме, в каком стрекочут цикады. Музыка сфер.

* * *

Друг С.: «Мы умираем в сорок лет от пули, которую послали себе в сердце в двадцать».

* * *

Мы слишком долго живем.

* * *

В «Критоне» диалоги Законов и Сократа напоминают московские процессы.

* * *

Бабочки под цвет скал.

Ветер, дующий в ущелье, шумит, словно чистый и быстрый ручей. Сорга с цветущим шлейфом.

* * *

Наш век помешался на добродетели. Отвратив

лицо от скептицизма, человечество напрягло все силы в поисках истины. Оно расслабится, когда общество вновь отыщет жизнеспособное заблуждение.

* * *

Художники хотят быть святыми, а не художниками. Я не святой. Мы мечтаем о всеобщем согласии и не достигнем его. Как же быть?

* * *

Заглавие для пьесы. Инквизиция в Кадисе. Эпиграф: «Инквизиция и Иезуиты — два бича правды». Паскаль.

* * *

Мучительное ощущение: думаешь, что служишь справедливости, а на самом деле приумножаешь несправедливость. По крайней мере признаем это — и тем самым усугубим мучение; ведь это все равно что признать: всеобщей справедливости не существует. Отважившись на самый страшный бунт, в конце концов признать свое ничтожество — вот что мучительно.

* * *

Удача моей жизни заключается в том, что я общался только с существами исключительными, любил (и разочаровывал) только их. Я узнал, что такое добродетель, достоинство, естественность, благородство — *у других*. Зрелище великолепное — и горестное.

* * *

Гобино. Мы не происходим от обезьяны, но стремительно превращаемся в нее.

* * *

Радость жизни рассеивает внимание, рассредоточивает, останавливает всякое стремление ввысь. Но жить без радости… Значит, выхода нет. Разве что черпать жизнь из великой любви, не опасаясь наказания рассеянием.

* * *

1 сентября 1948 г.

«Я близок к завершению целого ряда работ, которые я задумал десять лет назад. Благодаря им

я выучился своему ремеслу. Теперь, когда я знаю, что рука моя не дрогнет, я могу дать волю моему безумию». Так говорил тот, кто знал, что делает. В итоге — костер.

* * *

Разве сознающий человек может сколько-нибудь себя уважать? — говорит Достоевский.

* * *

Д.: «А что, если так случится, что человеческая выгода иной раз не только может, но даже и должна в том состоять, чтоб в ином случае себе худого пожелать, а не выгодного?»

* * *

«Мы живем по-настоящему лишь несколько часов нашей жизни…»

* * *

Ночь в Воклюзе на вершине холма. Огни в долине кажутся продолжением Млечного Пути. Все перемешалось. В небе — деревни, в горах — созвездия.

* * *

Первой должна прийти любовь, а за ней — мораль. Обратное мучительно.

* * *

Нет такой вещи, которую бы мы совершали ради одного человека (но совершали всерьез), не раня при этом другого. А если мы не можем решиться ранить людей, мы остаемся навеки бесплодными. В конечном счете любить одного человека — значит убивать всех остальных.

* * *

Я выбрал творчество, чтобы избежать преступления. А тут их уважение! Что-то здесь не так.

* * *

Х. Вы пьете кофе по вечерам?
— Вообще-то нет.

* * *

— Десять доз сульфамидов в день.

— Десять? Не многовато ли?
— Или десять, или ни одной.

* * *

Андре Б. и его тетка, подарившая ему шарф, слишком толстый и слишком яркий. Поскольку она каждое утро проверяет, надел ли он его, он приходит попрощаться с ней в рубашке, а потом быстро накидывает в прихожей пиджак и пальто.

* * *

Вначале сочиняешь в одиночестве и думаешь, что это трудно. Потом начинаешь писать и сочинять в компании. И тогда понимаешь, какое это безнадежное предприятие и как хорошо было раньше.

* * *

Конец романа. «Человек — животное религиозное», — сказал он. А над безжалостной землей лил неумолимый дождь.

* * *

Исправленное творение: Он единственный представитель этой старой, как человек, религии, и тем не менее все гонят его.

* * *

Зная свои слабости, я изо всех сил старался быть человеком нравственным. Нравственность убивает.

* * *

Ад — особая милость, которой удостаиваются те, кто упорно ее домогался.

* * *

Согласно Бейлю, не следует судить о человеке ни по тому, что он говорит, ни по тому, что он пишет. Я добавлю: ни по тому, что он делает.

* * *

С плохой репутацией жить легче, чем с хорошей, ибо хорошую репутацию тяжело блюсти,

нужно все время быть на высоте — ведь любой срыв равносилен преступлению. При плохой репутации срывы простительны.

* * *

Обед у Жида. Письма молодых сочинителей, которые спрашивают, стоит ли писать дальше. Жид отвечает: «Как? Вы можете не писать и еще сомневаетесь?»

* * *

Сначала мы не любим никого. Затем любим все человечество. Затем некоторых людей, затем единственную женщину, затем единственного мужчину.

* * *

Алжир десять лет спустя. Лица, которые я узнаю, но не сразу, — постарели. Похоже на вечер у Германтов. Но в масштабах целого города, где я теряюсь. Никакого погружения в себя. Я — часть этой огромной толпы, которая безостановочно движется к дыре, куда упадут все — одни чуть раньше, другие чуть позже, теснимые сзади но-

вой толпой, которая и сама…

* * *

Ночью, в самолете, — огни Балеарских островов, словно цветы в море.

* * *

М.: «Когда у меня счастливый вид, это их разочаровывает. Они расспрашивают меня, они хотели бы вытянуть у меня признание, что это неправда, привлечь меня к себе, вернуть в их мир. Они чувствуют себя обманутыми».

* * *

Жить — значит проверять.

* * *

Гренье. Отказ от деятельности — это приятие будущего — но и отчаяние перед лицом прошлого. Это философия смерти.

* * *

Речь о «Дон Жуане» или «Пармской обители».

И постоянное требование французской литературы, отстаивающей гибкость и стойкость духа отдельного человека.

* * *

Александр Блок:

«О, если б знали, дети, вы
Холод и мрак грядущих дней».

И еще:

«Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим».

И еще:

«Несчастны мы все, что наша родная земля приготовила нам такую почву — для злобы и ссор друг с другом. Все живем за китайскими стенами, полупрезирая друг друга, а единственный общий враг наш — российская государственность, церковность, кабаки, казна и чиновники — не показывает своего лица, а натравливает нас друг на друга. Изо всех сил постараюсь забыть… все болота, чтобы стать человеком, а не машиной для приготовления злобы и ненависти… люблю я только искусство, детей и смерть».

«О сволочь, родимая сволочь!»

«Чем глубже любишь искусство, тем оно становится несоизмеримее с жизнью; чем сильнее любишь жизнь, тем бездоннее становится пропасть между ею и искусством», но: «Мы умираем, а искусство остается».

* * *

Прокош. «Семь беглецов»: «Все ненавидели его, но все завидовали его ослепительной улыбке, и он был почти убежден, что самая большая драгоценность в глазах большинства людей, сокровище, которым они в глубине души страстно желают обладать, — это недоступный и недолговечный блеск красоты».

* * *

«Часовые: скалы; внизу огромное плато, наверху — звезды. Всюду только сила; врагом, которому эти вечные часовые преграждали путь в здешние края, была слабость, то есть нечистота и бренность духа».

«…те, кто когда-то, в пылкую пору детства и юности, утратил всякую способность любить».

Великолепно на с. 106.

«…его мать — единственное существо, к кото-

рому он когда-либо испытывал если не любовь, то хотя бы некую сердечную привязанность».

«Люди! Они говорят о войне и деньгах, о голоде, несправедливости и всем прочем. Но за этим скрывается нечто куда более серьезное, глубокое, страшное. Хотите знать, что это? Вот что: любовь к смерти».

«Я предвижу большой пожар… Все сгорит. Все. Уцелеют только те, кто очистится от скверны и удостоится вечной жизни благодаря огню духовному. Благодаря любви.

— Какой любви?

— Любви разрушающей! Любви неослабной и бесконечной».

* * *

Новелла, действие которой будет происходить в день желтого тумана.

* * *

В этом мире можно жить, лишь отказавшись от части его? Против amor fati [40]. Человек — единственное животное, которое отказывается быть

---

[40] Примечания: 40
Любовь к судьбе (*лат.*).

таким, как оно есть.

* * *

«О! Я непременно покончил бы с собой, если бы не знал, что даже смерть не дает покоя и что ужасная тревога последует за нами в могилу».

* * *

Прокурор входит в камеру приговоренного. Тот молод. Он улыбается. Прокурор спрашивает, не хочет ли заключенный что-нибудь написать. Тот говорит, что хочет. И пишет: «Победа!» И продолжает улыбаться. Прокурор спрашивает, нет ли у заключенного каких-нибудь желаний. Есть, отвечает молодой человек. И с размаху дает прокурору пощечину. Тюремщики бросаются на него. Прокурор колеблется. Ненависть, старая как мир, подступает к горлу. Но он стоит не шевелясь, до него постепенно доходит истина. *С ним ничего не сделаешь.* А узник глядит на прокурора с улыбкой. «Нет, — говорит он весело, — ничего не сделаешь».

Прокурор у себя дома.

— И что же ты сделал? — спрашивает жена. — Неужели ты не…

— Что?

— Ты прав. Ничего не сделаешь.

С каждым новым процессом прокурор свирепствует все больше. От каждого обвиняемого он ждет унижения. Но ничего не происходит. Они покорны.

Наконец он начинает действовать слишком жестоко. Он сбивается с пути. Впадает в ересь. Его приговаривают к смерти. И тут все возвращается на круги своя. Впереди свобода. Он даст прокурору пощечину. Повторяется прежняя сцена. Но он не улыбается; вот перед ним лицо прокурора. «Нет ли у вас каких-нибудь желаний…»

Он глядит на прокурора. Нет, говорит он. Действуйте.

* * *

Предел бунтарского сознания: согласиться на самоубийство, чтобы не стать сообщником всеобщего убийства.

* * *

Светские развлечения можно выносить только по долгу дружбы.

* * *

Костер: «В этом втором периоде меня поражало, как мало знал я о ней в первом периоде, хотя она навсегда вошла в мою жизнь и озарила ее своим светом».

* * *

Там же: «Я рисовал ее в своем воображении. Я знал, что утром образ существа, встреченного накануне, и зыбкая прелесть первых признаний внезапно предстают в новом свете и вчерашний невнятный хмель сменяется солнечной радостью, рожденной чистейшей из побед».

* * *

Шар. Глыба спокойствия, обломок неведомой катастрофы.

* * *

У меня есть две-три страсти, которые можно счесть предосудительными, которые я считаю таковыми и от которых стараюсь избавиться волевым усилием. Иногда мне это удается.

* * *

Макс Жакоб: «Хорошая память — залог раннего опыта». Отложить все дела и развивать память.

— Недолговечность и жестокость — следствия лени.

— Не презирайте ни мелких людишек, *ни великих людей* (важно для меня).

* * *

Роман. Возвращение из лагеря. Он приезжает, немного оправившийся, он тяжело дышит, но твердо стоит на своем. «Я удовлетворю ваше любопытство раз и навсегда. Но потом вы оставите меня в покое». Дальше — холодный отчет.

Напр. Я вышел оттуда.

Речь жесткая, гладкая. На этот раз уже без нюансов.

Я хотел бы покурить. Первая затяжка. Он оборачивается и улыбается.

Простите меня, говорит он с тем же спокойным и замкнутым видом.

И больше никогда к этому не возвращается. Он ведет самый заурядный образ жизни. Только одно: он не спит со своей женой. А когда она

начинает выяснять отношения, кричит: «Все человеческое мне отвратительно».

* * *

Программа на февраль — июнь.

1) Веревка.

2) Бунтующий человек.

Подготовить три тома эссе:

1) Литература. *Предисловие* — Минотавр + Прометей в аду +

Изгнанничество Елены + Города Алжира + …

2) Критика. *Предисловие* — Шамфор + Разум и эшафот +

Агриппа д'Обинье + Предисловие к Итальянским хроникам +

Комментарии к «Дон Жуану» + Жан Гренье.

3) Политика. *Предисловие* — Десять передовиц + Разум и отвага + Ни палачей, ни жертв + Ответ д'Астье + Почему Испания?

+ Художник и свобода.

18–28 февраля: Закончить первую редакцию «Веревки».

Март — апрель: Закончить первую редакцию «Бунтующего человека».

Май: Эссе.

Июнь: Перечитать «Веревку» и «Б.Ч.».

Вставать рано. Душ *до* завтрака.
Ни одной сигареты до полудня.
Упорный труд. Упорство одолевает слабости.

* * *

Портреты. Она глядит из-под вуали во все свои прекрасные глаза. Спокойная, немного тяжелая красота. Внезапно заговаривает, и губы тут же кривятся, складываясь в параллелограмм. Она некрасива. Светская женщина.

* * *

С ним говорят. Он говорит. Внезапно взгляд его делается отсутствующим, он договаривает фразу, по инерции продолжая смотреть на вас, но думая уже о чем-то другом. Дамский угодник.

* * *

Последние слова Карла Герхарда, который был врачом Гиммлера (и знал о Дахау):

«Я сожалею, что в мире еще осталась несправедливость».

* * *

Отдаваться может лишь тот, кто владеет собой. Бывает, что отдаются, чтобы избавиться от собственного ничтожества. Дать можно только то, что имеешь. Стать хозяином самому себе — и лишь после этого сдаться.

* * *

Х.: «Это случилось в тот год, когда у меня был перитонит».

«Это было сразу после моего прободения…» и проч., и проч. Утробный календарь.

* * *

«Процесс». Как подумаешь о том неповторимом, что таится в благородном сердце, о том, как много знает великодушный человек; сколько раз он одерживал победы в борьбе с самим собой и с жестокостью судьбы; и как вспомнишь, что довольно трех служителей правосудия, чтобы…

* * *

В мире, где никто не верит в существование

греха, обязанности проповедника берет на себя художник. Но речи священника достигали цели оттого, что были подкреплены его собственным примером. Следовательно, художник пытается стать примером для других. За что его расстреливают или высылают за границу, к его великому негодованию. К тому же добродетели нельзя выучиться так же быстро, как стрельбе из пулемета. Борьба тут неравная.

* * *

После убийства Александра II Исполнительный комитет обратился к Александру III:

«Мы лучше, чем кто-либо другой, понимаем, как печальна гибель стольких талантов, такой энергии — на деле разрушения…»

«Мирная идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем Вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости».

См. любопытное показание Рысакова, готового служить осведомителем ради спасения собственной жизни. Но он оправдывает себя. [«Знаменитые судебные процессы в России», с. 137].

Лейтенант Шмидт: «Смерть моя все довершит,

и дело, за которое я принял казнь, пребудет безупречным и совершенным».

* * *

Г.: Эти губы, изъязвленные грязным наслаждением.

* * *

Бунт. Глава о том, что такое казаться (себе и другим). Дендизм — движущая сила многих деяний, вплоть до революционных.

* * *

До тех пор, пока человек не совладал с желанием, он не совладал ни с чем. Меж тем ему почти никогда не удается совладать с ним.

* * *

Винавер. В конечном счете писатель несет ответственность за то, что он делает для общества. Но он должен (и это область, где ему следует держаться очень скромно, быть очень нетребовательным) не знать поначалу о своей ответственности, не ведать, *пока он пишет*, об

условиях, на которых он подрядился служить обществу, — должен рисковать.

* * *

Эссе. Введение. К чему отвергать доносительство, полицию и т. д. …если мы не христиане и не марксисты. У нас для этого недостает ценностных ориентиров. Пока мы не отыщем ценностной основы, мы будем вынуждены выбирать добро (если мы выбираем его) наугад. До этих пор добродетель будет вне закона.

* * *

Первый цикл. Во всех моих книгах, начиная с первых («Бракосочетания») и кончая «Веревкой» и «Бунтующим человеком», я стремился к безличности (всякий раз на свой лад). Позже я смогу говорить от своего имени.

* * *

Меня привлекают люди великодушные — и только они. Но сам я не великодушен.

* * *

Предисловие к сборнику статей. «Среди прочего я сожалею о том, что слишком многим жертвовал ради объективности. Подчас объективность — слабость. Сегодня все разъяснилось, и следует называть концентрационное концентрационным, даже если речь идет о социализме. В определенном смысле я никогда больше не стану церемониться».

Я принуждал себя к объективности, чуждой моей природе. Все оттого, что я не доверял свободе.

* * *

Желябов, подготовивший убийство Александра II и арестованный за двое суток до покушения, требует, чтобы его казнили одновременно с Рысаковым, метнувшим бомбу.

«Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две».

* * *

Зыбин, непревзойденный дешифровщик охранки, оставлен на той же должности в ГПУ. *То*

же. Комиссаров, сотрудник охранки и организатор погромов, переходит на службу в ЧК. «Уйти в подполье» (на нелегальное положение).

«Террористические акты должны быть тщательно подготовлены. Моральную ответственность берет на себя партия. Это сообщит героическим бойцам необходимое спокойствие духа».

Азеф — могила 10 466 на кладбище в берлинском предместье.

За несколько дней до покушения на Плеве он «намекает» на опасность начальнику охранки Лопухину и просит вознаграждения. Он выдает южных террористов, чтобы развязать руки петербургским. Плеве погибает; Азеф так и сказал: «Опасность грозит вам с другой стороны (не от Гершуни)».

* * *

Начальник Зубатов. Защищал обвиняемого перед поддельной следственной комиссией. И превращал его в осведомителя.

Девяти из десяти революционеров ремесло осведомителя приходилось по вкусу.

* * *

Революция 1905 г. началась с забастовки рабочих одной из московских типографий, которые требовали, чтобы при сдельной оплате точки и запятые считались за буквы.

Санкт-Петербургский совет в 1905 г. призывает к забастовке с требованием «Долой смертную казнь!».

* * *

При Московской коммуне на Трубной площади перед развалинами здания, разрушенного при артиллерийском обстреле, была выставлена тарелка с куском человеческой плоти и надписью, гласившей: «Внесите свою лепту в помощь пострадавшим».

* * *

Провокация. История Малиновского. Ср. Лапорт, с. 175–176.

Встреча Бурцева с Азефом во Франкфурте — после приговора. Ср. с. 221, Лапорт.

* * *

Дмитрию Богрову, убийце Столыпина, была оказана милость — дано разрешение быть повешенным во фраке.

* * *

Закончить 1 июня. Потом — путешествия. Дневник. Жизненная сила. Не киснуть.

* * *

Эссе об алиби.

* * *

Всю историю русского терроризма можно рассматривать как борьбу между интеллигенцией и абсолютизмом на глазах безмолвствующего народа.

* * *

Роман. Среди бесконечного лагерного страдания — мгновение невыразимого счастья.

* * *

В конечном счете Евангелие реалистично, хотя обычно его считают нереальным. Оно исходит из того, что человек не может быть безгрешным. Но оно может постараться признать его греховность, то есть простить. Виноваты всегда судьи… Выносить абсолютный приговор могут только те, кто абсолютно безгрешен… Вот почему Бог должен быть абсолютно безгрешным.

* * *

Приговорить человека к смерти — значит лишить его возможности исправиться.

* * *

Как жить, не имея нескольких серьезных причин для отчаяния!

* * *

Предисловие. Сказать о себе, что ты революционер, выразив, впрочем, несогласие со смертной казнью (процитировать предисловие Толстого — мало кто знает как следует это предисловие

Толстого, которое я ныне читаю с безграничным почтением), с ограничением свобод и с войнами, — значит ничего не сказать. Следовательно, нужно объявить, что ты не революционер, но просто скромный сторонник реформ. Убежденный реформатор. В конце концов, *как следует все взвесив*, можно сказать, что ты — бунтарь.

* * *

(Вы погубите свою репутацию, говорят мне.

— Тем лучше, если она создается подобным образом.)

* * *

Чайковский имел привычку в рассеянности жевать бумагу (включая очень важные документы в министерстве юстиции).

Жажда творчества была в нем так сильна, что лишь его огромная работоспособность позволяла утолять ее (Н. Берберова).

«Если б то состояние души артиста, которое называется вдохновением, продолжалось бы беспрерывно, нельзя было бы и одного дня прожить» (Чайковский).

«Как только я предамся праздности, меня

начинает одолевать тоска, сомнения в своей способности достигнуть доступной мне степени совершенства, недовольство собой, даже ненависть к самому себе. Мысль, что я никуда не годный человек, что только моя музыкальная деятельность искупает все мои недостатки и возвышает меня до степени человека в настоящем смысле этого слова, начинает одолевать и терзать меня. Единственное средство уйти от этих мучительных сомнений и самобичеваний — это приняться за новый труд» (Чайковский).

А между тем музыка его по большей части посредственна.

* * *

Вербовка. Большинство несостоявшихся литераторов идут в коммунисты. Это единственный статус, позволяющий смотреть на художников свысока. В этом смысле коммунисты — партия неудачников. Естественно, у них отбоя нет от желающих.

* * *

Май 1949 г. А теперь: отречься от «человеческого», как они выражаются.

* * *

Придуманные мною сюжеты были просто предлогами, чтобы заставить самого себя говорить.

* * *

Предисловие к книге политических эссе. Последнее эссе довольно точно выражает мои мысли, а именно убежденность в том, что современный человек обязан заниматься политикой. Я занимаюсь ею скрепя сердце, оттого, что, хотя это скорее недостаток, чем достоинство, я никогда не уклонялся ни от одной из своих обязанностей.

* * *

Психология мешает поверить в доброту, нравственность и бескорыстие. Но история мешает поверить в зло.

* * *

Роман. Любовники из камня. И теперь он знал, что мучило его все время их любви и чему можно было бы помочь, лишь если бы… в тот самый момент… некий вихрь небесный превратил бы

их в камень и они навсегда застыли бы в порыве любви лицом к лицу, расставшиеся наконец с этой безжалостной землей, не ведающие желаний, бушующих вокруг, и тянущиеся друг к другу, словно к сияющему лику взаимной любви.

* * *

Мы не говорим и четверти того, что знаем. Иначе все пошло бы прахом. Стоит сказать самую малость, и они уже поднимают вой.

* * *

Тот, кто хоть раз видел, как сияет от счастья лицо любимого существа, знает, что у человека нет иного призвания, кроме как приносить радость окружающим… а между тем самим фактом своего существования мы приносим горе людям, с которыми нас сталкивает жизнь, и погружаем во мрак их сердца; мысль об этом невыносима.

* * *

Когда северные варвары разрушили пленительное королевство Прованс и превратили нас во французов…

* * *

Мунье в «Эспри» советует мне бросить политику, ибо я (тут он прав) не создан для нее, и ограничиться вполне благородной ролью предсказателя, которая мне будет очень к лицу. Но что значит быть созданным для политики? Этого «Эспри» не объясняет.

Что же до «благородной» роли предсказателя, для нее потребна кристально чистая совесть. А мое единственное призвание — говорить людям, что совесть их нечиста, а разум несовершенен.

* * *

Июль 1949 г.

См. «Южноамериканский дневник» с июня по август 1949 г.

* * *

Сентябрь 1949 г.

В заключение по-новому взглянуть на убийство, противопоставив его безличному и бездушному абстрактному разрушению. Апология убийства человека человеком — один из этапов на пути

к бунту.

* * *

Единственное, к чему я всегда стремился, — всем остальным (кроме богатства, которое мне безразлично) меня наделила, и наделила щедро, природа — это жизнь нормального человека. Я не хотел быть человеком бездны. Я стремился к нормальной жизни изо всех сил — и ничего не добился. Вместо того чтобы мало-помалу приближаться к цели, я с каждым днем подхожу все ближе к краю бездны.

* * *

Георгиу справедливо замечает, что Христа осудили (и казнили) вместе с двумя разбойниками. Подобные смешения были в ходу уже на заре нашей эры.

По Г., прогресс состоит только в том, что сегодня вместе с двумя виновными казнят десять тысяч невинных.

* * *

...фасады домов, построенные Потемкиным

вдоль дорог, по которым проезжала, путешествуя по своим владениям, Екатерина II.

* * *

Надо полюбить жизнь больше, чем смысл ее, говорит Достоевский. Да, а когда любовь к жизни проходит, нам становится безразличен и ее смысл.

* * *

Великий имам Али: «Мир — падаль. Кто пожелает себе хоть кроху от этого мира, тому место среди собак».

* * *

Стендаль: «Отличие немцев от других народов: размышления не успокаивают их, а возбуждают. Еще одна особенность: они сгорают от желания иметь характер».

* * *

Шпербер: «Да покарает Господь святош, которые, вместо того чтобы ходить в церковь, вступают в революционную партию, дабы пре-

вратить ее в церковь».

Коммунизм, скептический фанатизм.

Об учителе (Гренье?): «Встреча с этим человеком была огромным счастьем. Стать его последователем было бы скверно, никогда не расставаться с ним — прекрасно».

* * *

Он же. Смерть Розы Люксембург: «Для других она умерла двенадцать лет назад. Для них она все двенадцать лет умирала».

* * *

«Единичных самопожертвований не бывает. За каждым человеком, приносящим себя в жертву, стоят другие, которых он, не спрашивая их согласия, приносит в жертву вместе с собой».

Они желают народу добра, но не любят народ. Они не любят никого, даже себя.

* * *

Октябрь 1949 г.

Роман. «Каким-то потаенным уголком своей души он любил их. Он любил их по-настоящему,

но был так далек от них, что слово «любовь» приобретало новый смысл».

«Он желал двух вещей, первой из которых было абсолютное обладание. Второй — абсолютная власть воспоминания, которое он хотел бы оставить в ее душе. Люди слишком хорошо знают, что любовь смертна, и изо всех сил стараются оставить о своей любви наилучшее воспоминание. Он хотел, чтобы она запомнила его великим человеком; тогда, думал он, любовь их в конце концов тоже станет великой. Но теперь он знал, что он — не великий человек, что однажды, рано или поздно, она поймет это и на смену абсолютной власти воспоминаний придет абсолютная власть смерти. Победить, победить наверняка можно было бы, только признав, что любовь может быть великой, даже если любовник таковым не является. Но к такому страшному смирению он еще не был готов».

«Память ему раскаленным железом жгло воспоминание о ее лице, истерзанном болью… Именно в эту пору он постепенно утратил уважение к себе, поддерживавшее его прежде… Она была права: он недостоин любви».

«Любовь может презреть цепи, крепостные

стены толщиной в несколько метров и проч. Но стоит только подчинить крошечную часть души долгу, и настоящая любовь становится невозможной».

«Он рисовал себе одинокое будущее, полное страданий. И эти картины доставляли ему мучительное наслаждение. Ведь страдание казалось ему благородным и гармоническим. То есть, по сути, он рисовал себе будущее без страданий. Меж тем, когда боль настигала его, это была уже не жизнь».

«Он говорил ей, что мужская любовь — это воля, а не благодать и что ему нужно победить самого себя. Она клялась ему, что любовь совсем не такая».

«Он утратил все, даже одиночество».

«Он кричал ей, что для него это смерть, но его слова не трогали ее. Ибо в своей беспредельной требовательности она полагала, что раз он не устоял, то должен умереть».

* * *

«Все нуждается в прощении, и прежде всего сам факт существования. Существование в конце

концов всегда оказывается дурным поступком».

«В тот день он ее и потерял. На первый взгляд беда стряслась позже. Но он знал, что все произошло в тот день. Чтобы удержать ее, ему следовало устоять. Требовательность ее была так велика, что он не смел ошибиться, не смел дрогнуть. Любому другому она бы это простила, прощала и готова была прощать в будущем. Но не ему. Таковы преимущества любви».

«У любви есть своя честь. Стоит потерять ее — и любви приходит конец».

* * *

«Пока я не полюбил, я был ничтожен именно потому, что подчас очень хотел считать себя великим» (Стендаль. «О любви»).

* * *

Тонкий ум и посредственное сердце. Или, говоря иначе: добродетели от ума, а не от сердца. Ему нравилось в ней все внешнее: романический характер, склонность к игре и комедии.

* * *

Отчаяние охватывает, когда не знаешь, почему ты вступаешь в борьбу и стоит ли вообще в нее вступать.

Воспоминание на улицах Парижа: костры в бразильской деревне и дурманящий запах кофе и пряностей. Жестокие и печальные вечера, спускающиеся в такую пору на эту бескрайнюю землю.

* * *

Бунт. Абсурд предполагает отсутствие выбора. Жить — значит выбирать. Выбирать — значит убивать. Отрицание абсурда — убийство.

* * *

Гийу. Несчастье художника в том, что он живет и не совсем в монастыре, и не совсем в миру — причем его мучат соблазны и той и другой жизни.

* * *

Самая главная проблема сейчас — возмездие.

* * *

Кто сможет выразить отчаяние человека, который взял сторону твари против творца, однако, утратив сознание собственной невинности и невинности окружающих, считает виновными не только творца, но и тварей, не исключая себя самого.

* * *

Монро: «О плодовитости создателя идей (речь идет о Гегеле) свидетельствует множественность возможных *переводов* (*толкований*)».

Разумеется, нет. Это верно по отношению к художнику и совершенно неверно по отношению к мыслителю.

* * *

Роман. Приговоренный к смерти. Но ему передают цианистый калий… И вот, один в своей камере, он разражается смехом. Его переполняет огромная радость. Глухая стена, стоявшая перед ним, исчезла. В его распоряжении целая ночь. У него есть свобода выбора… Сказать себе: «Ну», а

после: «Нет, еще минуту» — и наслаждаться этой минутой… Какой реванш! Какой ответ!

* * *

За неимением любви можно попытаться обзавестись честью. Безрадостная честь.

* * *

Ф.: Безумец тот, кто что-то строит на любви, безумец тот, кто что-то ломает ради любви.

* * *

Бог завидовал нашей боли — вот почему он низошел на землю, чтобы умереть на кресте. Этот странный взгляд еще не его взгляд.

* * *

Конец октября 1949 г. Ухудшение.

Больной должен содержать себя в чистоте, чтобы о нем забыли, чтобы ему простили. Да и то, даже чистота его несносна. Она подозрительна — как те огромные орденские ленточки, что торчат в петлицах жуликов.

* * *

Я так долго был уверен в своем выздоровлении, что это новое обострение должно было бы подействовать на меня удручающе. Оно в самом деле удручает меня. Но поскольку позади — непрерывная цепь удручающих событий, мне почти смешно. В конце концов, теперь я свободен. Безумие — тоже освобождение.

* * *

«Такой чувствительный, что он мог бы коснуться боли своими руками» (Эми Лоуэлл — о Китсе).

А вот из Китса: «Нет большего греха, чем считать себя большим писателем. Впрочем, это преступление влечет за собою суровое наказание».

* * *

«Ступай в монастырь, Офелия!» Да, ибо единственный способ овладеть ею — устроить так, чтобы ею не смог овладеть никто. Кроме Бога, с чьим соперничеством легко смириться: ведь он не посягает на тело.

* * *

Если душа существует, неверно было бы думать, что она дается нам уже сотворенной. Она творится на земле, в течение всей жизни. Сама жизнь — не что иное, как эти долгие и мучительные роды. Когда сотворение души, которым человек обязан себе и страданию, завершается, приходит смерть.

* * *

«Я счастлив, что в земной жизни существует такая вещь, как могила» (Китс).

* * *

Честертон. Справедливость — тайна, но не иллюзия.

* * *

О Браунинге: средний человек — такой, какой меня занимает.

* * *

Клейст дважды сжигал свои рукописи… Пьеро делла Франческа к концу жизни ослеп… Ибсен в старости утратил память и заново учил алфавит… Не падать духом! Не падать духом!

* * *

Красота, помогающая жить, помогает также и умирать.

* * *

В течение тысячелетий мир был похож на те полотна художников эпохи Возрождения, где одни люди на холодных каменных плитах страдают от пыток, а другие с великолепным безразличием смотрят вдаль. Число людей «бесчувственных» было головокружительно огромным по сравнению с числом людей сочувствующих. История кишела людьми, не сочувствовавшими несчастьям других людей. Подчас приходилось плохо и «бесчувственным». Но и это случалось в обстановке всеобщего безразличия и не меняло дела. Сегодня все делают вид, что полны сочувствия.

В залах дворца правосудия свидетели внезапно обращают взор в сторону бичуемого.

* * *

Пер Гюнт рассказывает своим согражданам, что дьявол обещал толпе хрюкнуть, точь-в-точь как свинья. Он появляется и исполняет обещанное. Но зрители недовольны. Одни находят голос слишком тонким, другие — слишком искусственным. Все осуждают подражателя за преувеличение. А между тем хрюкал настоящий поросенок, которого дьявол спрятал под плащом и щипал.

* * *

Конец Don Giovanni: голоса ада, дотоле молчавшие, внезапно заполняют сцену мира. Они невидимо присутствовали тут, превосходя числом живых.

* * *

Процесс Райка: идея объективного преступника, в котором сталкиваются две стороны человеческого характера, — идея распространенная, но преувеличенная.

* * *

Марксизм — философия, где в избытке сутяжничество, но нет юриспруденции.

* * *

Обдумать: в течение всего процесса Райк сидел, наклонив голову вправо, чего никогда не делал прежде.

* * *

То же. Приговоренные к смерти, но *не казненные* и проживающие в Сибири или в каком-то ином месте *другую жизнь* (герои романа).

* * *

Против смертной казни. Фихте. «Система естественного права».

* * *

Роман (*окончание*). Он вспоминал то время, когда глотал биографии великих людей, стремясь поскорее добраться до описания их смерти. В

ту пору ему страстно хотелось знать, что могут гений, величие, чувствительность противопоставить смерти. Теперь же он знал, что эта его страсть была напрасной и что жизнь великих людей ничему не может научить его. Гений не умеет умирать. А старая нищенка — умеет.

* * *

Величие состоит в том, чтобы попытаться стать великим. И ничего более. (Вот почему М. — великая женщина.)

* * *

Там, где хотят иметь рабов, надо как можно больше сочинять музыки. Так по крайней мере полагал, по словам Толстого, один немецкий князь.

* * *

Слушайтесь, говорил Фридрих Прусский. Но, умирая, сознался: «Я устал управлять рабами».

* * *

Роман. «Я искал средство не погибнуть из-за ее

свободы. Если бы я нашел его, то возвратил бы ей эту свободу».

* * *

Горький о Толстом: «Он — человек, взыскующий Бога не для себя, а для людей, дабы он его, человека, оставил в покое пустыни, избранной им».

«Не сирота я на земле, пока этот человек есть на ней!»

* * *

Когда Яна Гуса жгли на костре, славная старушка принесла свою охапку хвороста, чтобы подбросить в огонь.

* * *

Минуты, когда отдаешься страданию, как физической боли: лежишь недвижимый, безвольный, лишенный будущего, во власти бесконечной муки.

* * *

Превозмочь? Но страдание — это именно то,

выше чего стать невозможно.

* * *

Роман. «Когда она была рядом и мы мучили друг друга, мои страдания и слезы имели смысл. *Она могла их видеть*. Но после того, как она уехала, эти страдания сделались тщетными, лишенными будущего. А истинное страдание и есть страдание тщетное. Страдать у нее на глазах было сладостно. Но страдать в одиночестве и безвестности — вот чаша, которую нам постоянно преподносит жизнь, чаша, которую мы упорно отстраняем, но которую нам придется однажды испить, и день этот будет страшнее, чем день нашей смерти».

* * *

После ночей, проведенных в страдании, чувствуешь себя как с похмелья.

* * *

Роман. «Последнее слово. Дело не в том, чтобы начать сладостный и одновременно горький разговор с исчезнувшим прекрасным образом. Дело в том, чтобы старательно, безжалостно из-

гнать из своей души этот образ, изуродовать это лицо, иначе воспоминания по-прежнему будут тревожить мое отчаявшееся сердце… Убить эту любовь, о любовь моя».

То же. «Уже десять лет он не мог войти в театральный зал…»

* * *

Эссе о море.

У отчаявшегося человека нет родины. Но я — я знал, что на свете есть море, и это помогло мне пережить роковое время.

Так люди, любящие друг друга, могут страдать в разлуке. Но что бы они ни говорили, они не испытывают отчаяния: они знают, что на свете есть любовь.

* * *

Люди упорно путают брак и любовь, с одной стороны, счастье и любовь — с другой. Между тем это совершенно разные вещи. Именно поэтому, хотя любовь — вещь очень редкая, среди браков бывают и счастливые.

* * *

Невольно ангажированный.

* * *

Физическая ревность есть в большой мере осуждение самого себя. Зная, о чем способен помыслить ты сам, ты решаешь, что и *она* помышляет о том же.

* * *

Дни на море, эта жизнь, «неподвластная забвению, неподвластная памяти», — по Стивенсону.

* * *

Ламбер: «Теперь я жалею только самого себя».

* * *

Гийу: «В конечном счете пишут не для того, чтобы сказать, а для того, чтобы *не сказать*».

* * *

Роман. «Истерзанный этой мучительной болью,

я искал спасения в той части своего существа, что не любит никого. Боль отпускала. А затем я снова понуро возвращался в терновые заросли».

* * *

Нынче добродетель достойна похвалы. Великие жертвы не встречают поддержки. Мучеников постигает забвение. Они стараются привлечь к себе внимание. На них смотрят. Но стоит им оступиться, и газеты берутся за свое.

* * *

Мерль, журналист, занимающийся шантажом, целый год печатал в своей газете клеветнические статьи об Х., но так ничего и не добился. Тогда, изменив тактику, Мерль принялся превозносить свою жертву до небес — и тут же получил деньги.

* * *

Во время суда над Шибуниным Толстой выступил защитником этого несчастного солдата, ударившего офицера, а когда Шибунина приговорили к смертной казни, ходатайствовал о

помиловании через свою тетку, которую просил обратиться к военному министру. Министр ответил, что не может ничего предпринять, потому что Толстой забыл указать название полка.

Тетка написала об этом Толстому, но на следующий день после того, как пришло ее письмо, Шибунин был казнен *по вине Толстого*.

* * *

Последнее, незаконченное сочинение Толстого, оставшееся лежать на его письменном столе: «Нет в мире виноватых».

* * *

Он родился в 1828 г. «Войну и мир» писал в 1863–1869 гг. В начале работы ему было 35 лет, в конце — 41 год.

* * *

По Грину, жизнь чересчур длинна. «Разве не могли бы мы совершить первый смертный грех в семь лет, разориться из-за любви или ненависти в десять лет, а в пятнадцать молить о прощении на смертном одре?»

* * *

Скоби. Адюльтер. «Честь, чистая жизнь искушали его по ночам, как искушает грех».

* * *

То же. «В любви человеческой не бывает ничего, что заслуживало бы названия победы, разве что несколько мелких стратегических удач перед финальной катастрофой — смертью или равнодушием».

* * *

То же. «Любовь не есть понимание. В ней живет желание понять, но вскоре, под влиянием постоянных неудач, желание это угасает, и тогда любовь…»

* * *

Мари Дорваль — Альфреду де Виньи: «Ты меня не знаешь! Ты меня не знаешь!» После долгой разлуки, не узнавая себя: «Скажи, неужели правда, что у меня могут вырваться стоны сладострастия!»

Паспорт, выданный, ей в Тулузе: «Стан согбенный, волосы пышные, поступь величавая».

«Я не порвала с г-ном де Виньи, а оторвала себя от него».

* * *

Нынче Христос умирает во дворцах. Он царит за окошечками банков — с кнутом в руках.

* * *

Стрептоцид — 40 граммов с 6 ноября по 5 декабря 49-го года. ПАСК — 360 граммов с 6 ноября по 5 декабря 49-го года + 20 граммов стрептоцида с 13 ноября по 2 января.

* * *

Роман. «Оттого, что она спрашивала его, любит ли он ее, а главное, оттого, что в вопросах этих сквозила тревога, в душе его зарождались сомнения. И по мере того как сомнения эти росли, он все сильнее напрягал свою волю, приказывая себе любить ее. Таким образом, чем громче она взывала к его сердцу, тем отвлеченнее становилась его любовь».

* * *

Всякое убийство может быть оправдано только любовью. Для террористов эшафот был новым доказательством любви.

* * *

В 1843 году американцы освобождают Гавайские острова, захваченные англичанами. Это происходит на глазах Мелвилла. Король дозволяет своим подданным «в ознаменование радостного события забыть обо всяких соображениях морали, законности, религии и предаться ликованию; он торжественно объявляет, что в течение десяти дней все законы в его владениях будут недействительны».

* * *

Заблуждения радостны, истина страшна.

* * *

Эта священная неуверенность, о которой говорит Мелвилл, — та, из-за которой люди и народы постоянно находятся на распутье.

* * *

Заметка Мелвилла на полях «Опытов» Шелли: «В нравственном отношении Сатана Мильтона намного превосходит его Бога, как всякий, кто хранит верность своим убеждениям, невзирая на пытки и превратности судьбы, превосходит того, кто, будучи твердо уверен в победе, хладнокровно обрушивает на головы противников самые ужасные кары».

* * *

Горьки воды смерти…

* * *

Мелвилл в 35 лет: «Я согласен на уничтожение».

* * *

Готорн о Мелвилле: «Он не верил, но не мог довольствоваться неверием».

* * *

Л.Г. — хороша собой, но, как говорит Стендаль, оставляет желать лучшего по части мыслей.

* * *

В день, когда он ушел от жены, ему страшно захотелось шоколаду, и он не отказал себе в этой прихоти.

* * *

История деда г-на де Боканде. Когда он учился в лицее, его обвинили в каком-то проступке. Он отрицал свою вину. Три дня карцера. Он продолжает отрицать. «Я не могу сознаться в проступке, которого не совершал». Извещают отца. Он дает сыну три дня сроку. Если через три дня он не сознается, его отдадут во флот юнгой (семья богата). Три дня карцера. Он выходит оттуда. «Я не могу сознаться в том, чего не совершал». Неумолимый отец записывает его во флот. Мальчик вырастает, проводит всю жизнь в море, становится капитаном. Отец умирает. Приходит старость. На смертном одре все то же: «Это не я».

* * *

Во время парижского восстания кругом свистят пули. Ах! Ах! — вскрикивает Гастон Галлимар. Робер Галлимар, обезумев от ужаса, бросается к нему. А Гастон чихает.

* * *

Она льстила его тщеславию. И потому он не изменял ей.

* * *

Ф.: «У меня все не как у людей. Я могу понять, что люблю, только когда начинаю страдать. А до этого я еще не уверен».

* * *

Предисловие к «Изнанке и лицу».

У меня есть художнические убеждения, как у других бывают убеждения моральные или религиозные. Сознание запретности, мысль, что «так не делают», чуждые мне как существу, свободолюбивому от природы, присущи мне как рабу (причем рабу восторженному) суровой

художественной традиции. (Я преодолел эти табу лишь в «Осадном положении», чем объясняется нежность, которую я испытываю к этому мало кем оцененному сочинению.)

…Возможно также, что это недоверие противостоит моему глубинному анархизму, и в этом его польза. Я знаю свою разбросанность, силу некоторых своих инстинктов, способность впадать в ярость. Все эти непредсказуемые силы должны быть пущены в ход, когда созидается произведение искусства (я имею в виду будущее). Но необходим и барьер, их сдерживающий. Мои барьеры еще и сегодня слишком крепки. Но и то, что им приходилось сдерживать, было слишком мощным. В тот день, когда я достигну равновесия, я попытаюсь написать книгу, о которой мечтаю. Она будет похожа на «Изнанку и лицо», иными словами, мне будет покровительствовать в работе над ней некий род любви.

Я думаю, мне это по силам. Мой обширный опыт, знание ремесла, мое неистовство и мое смирение… В центр новой книги также будет поставлено великолепное безмолвие матери, искания человека, который стремится обрести любовь, подобную этому безмолвию, обретает ее, затем утрачивает и, пройдя войну, познав

страдание и безумную страсть к справедливости, возвращается к уединению и покою, к счастливому безмолвию смерти. Я напишу там…

* * *

Маритен. Взбунтовавшийся атеизм (абсолютный атеизм) ставит историю на место Бога и заменяет бунт абсолютным повиновением. «Долг и добродетель для него суть не что иное, как полное подчинение и полное принесение себя в жертву святыне ненасытного становления».

«Святость — тоже бунт: святой отвергает вещи как они есть. Он принимает на себя все горе мира».

* * *

Манжетка для «Праведников»: страх и справедливость.

* * *

Роман. «У нее была привычка повторять трижды: «Я люблю тебя» — быстрым шепотом, словно признание это у нее вырвали силой…»

* * *

«Хотя со стороны это незаметно, главным, что занимало меня, всегда была любовь (долгое время то были ее наслаждения, а под конец — мучительное исступление страсти). У меня романическая душа, и мне всегда трудно было увлечься чем-либо иным».

* * *

Весной, когда все будет закончено, описать *все мои ощущения*. Выбранные наугад мелочи.

* * *

Роман. «С большинством женщин он мог удачно притворяться. С ней — никогда. Некая гениальная интуиция позволяла ей угадывать, что творится в его сердце, видеть его насквозь».

* * *

Критика о «Праведниках»: «Ни малейшего понятия о любви». Если бы я имел несчастье не знать, что такое любовь, и был настолько смешон, что захотел выяснить это, я стал бы брать

уроки не в Париже и не у газетчиков.

* * *

Холодный вечер, ледяные призрачные сумерки… это выше моих сил.

* * *

Предисловие к «Политическим эссе»: «После падения Наполеона автор нижеследующих страниц, считая, что глупо тратить молодость на политику с ее распрями, пустился путешествовать» (Стендаль. «Жизнь Россини»).

* * *

То же. Стендаль («О любви»): «Человек не волен не делать того, что приносит ему наибольшее наслаждение».

То же. «Женщины безупречной красоты при втором свидании поражают куда меньше. Это большое несчастье… и т. д.».

Герцог Поликастро, который «каждые полгода проделывал сотню лье, чтобы провести четверть часа в Лекке у любовницы, которую он обожал и у которой был ревнивый муж».

Ср.: История Донны Дианы. Театральный финал (с. 108, Гарнье).

* * *

Когда все будет закончено, начать смесь. Записывать все, что взбредет в голову.

* * *

Бунт: бунт без Бога приводит к филантропии. Филантропия приводит к процессам. Гл[ава] о филантропах.

* * *

Пока он был безупречным мужем, он не верил в Бога; изменив жене, уверовал.

* * *

Лучше быть свободным бедняком, чем богатым невольником. Конечно, — люди хотят быть и богатыми и свободными — и из-за этого подчас становятся бедными рабами.

* * *

Делакруа: «Реальны во мне лишь те иллюзии, которым я даю жизнь на своих полотнах. Все прочее — зыбучие пески».

* * *

Могадор.

* * *

Делакруа: «Гениев рождают не новые идеи, но заветное убеждение, что сказанного прежде недостаточно».

* * *

Он же. «Этот край (Марокко) вечно будет стоять у меня перед глазами. До скончания моих дней я сохраню в памяти людей из этого могучего племени. Глядя на них, я понял, что такое настоящая древняя красота».

Он же: «…они ближе к природе благодаря тысяче мелочей: одежде, форме обуви. Поэтому все их действия прекрасны. А мы, с нашими корсетами, нашими тесными башмаками, смехотворными

шнуровками, выглядим жалко. Красота презирает нашу премудрость».

С. 212–213 (Плон), т. 1, великолепные страницы о таланте.

Он причисляет Гёте (вполне основательно доказывая свое суждение) к «умам мелочным и напыщенным».

«Человек, который вечно смотрит на себя со стороны…»

* * *

10 января 1950 г.

Я никогда не читал в своем сердце достаточно ясно. Но инстинктивно я всегда следовал за невидимой звездой…

В глубине моей души — анархия, ужасный хаос. Творчество стоит мне тысячи мучений, ибо оно требует собранности, а все мое существо противится ей. Но без нее я до самой смерти не избавился бы от разбросанности.

* * *

Солнечный свет, заливающий после полудня мою комнату, небо в голубой дымке, ребячьи крики, доносящиеся из деревни, плеск воды в

бассейне… — как будто я снова в Алжире. Как двадцать лет назад…

* * *

Л., о маме: «Это хлеб, и какой хлеб!»

* * *

Беспалов: «Совершая бунт за бунтом, революцию за революцией, люди думали, что идут к свободе, а пришли к Империи».

* * *

Бунт. Ахилл, бросающий вызов мирозданию после смерти Патрокла.

* * *

Гл[ава]. Мы, ницшеанцы.

* * *

Генри Миллер: «Я восхищен грандиозным крушением мира». Но есть люди, которых это крушение не восхищает: в нем больше мерзости, чем грандиозности.

* * *

Подчинить произведение своей власти, не забывая, однако, о *дерзости*. Творить.

* * *

Кувре. Приезжает, просит оказать ему любезность и поймать программу новостей Би-би-си, которая, по его мнению, всегда интересна, усаживается и засыпает.

* * *

Семья. «Зачем вы беспокоились!»
«Вы напрасно стесняете себя!»
«Он свой человек».

* * *

Темы. Гостиница в провинции. Влечение людей друг к другу.

* * *

Море. Несправедливость климата. Цветущие деревья в Сент-Этьенне. Еще ужаснее. В конечном

счете я мечтаю о совершенно черном лице. Так северные народы…

* * *

Февраль 1950 г.

Работать через силу до апреля. Затем работать со страстью. Молчать. Слушать. Давать выплеснуться.

* * *

Понятие «интеллектуал» (и соответствующая реальность) родились в XVIII веке.

* * *

Позже написать, без оглядок и недомолвок, эссе обо всем, *в чем я уверен* (делать то, что не хочется, желать того, что не делается).

* * *

Первородная ночь.

* * *

Я прочел биографию Рашели. Снова вечное

разочарование при мыслях об истории. Все эти слова, которые она произносила, например, общаясь с близкими людьми, — они, как и многие другие, утрачены, навсегда забыты. Сравнительно с этой бесконечной массой забытых слов то, о чем сообщает нам история, — капля в море.

* * *

В Дневнике Делакруа фраза (с чьих-то слов) о критиках, которые позволяют себе заниматься художественным творчеством: «Нельзя одновременно сечь и подставлять свой зад».

* * *

Делакруа — о расстояниях в Лондоне:

«Здесь счет нужно вести на мили: уже одно несоответствие между обширной территорией, которую населяют эти люди, и скромной величиной человеческой фигуры заставляет меня считать их врагами истинной цивилизации, сходной с цивилизацией аттической, которая ограничила Парфенон размерами современного дома и собрала столько ума, жизни, силы, величия в узких пределах своих владений, кажущихся смешными нашим варварам, которым тесно

среди огромных просторов».

* * *

Делакруа: «В музыке, *как, должно быть, и во всех других искусствах*, стоит только стилю, характеру, одним словом, чему-то серьезному, проявиться, как все прочее исчезает».

Он же: Страшно подумать, сколько памятников и произведений искусства погубили революции.

Против прогресса. Т. I, с. 428: «Если мы хоть чего-нибудь стоим, то этим мы обязаны древности».

* * *

Делакруа.

Великий художник должен научиться избегать *того, за что не следует браться*. «Лишь безумцы да бездари мечтают о невозможном. И тем не менее *нужно быть очень дерзким*».

Он же: «Нужна большая дерзость, чтобы осмелиться *стать самим собой*».

Он же: «Трудиться нужно не только для того, чтобы создавать произведения, но и для того, чтобы не даром проводить время».

Он же: «Удовлетворение человека, хорошо потрудившегося и проведшего день с толком,

огромно. В этом состоянии я получаю безмерное наслаждение от малейшей передышки. Я даже могу без малейшего сожаления провести время в обществе самых скучных собеседников».

Он же: «…не гнаться за пустяками, но наслаждаться трудом и восхитительными часами, следующими за ним…»

Он же: «Как я счастлив, что ничто более не принуждает меня быть счастливым на старинный лад (страсти)».

Великие итальянцы, в чьих полотнах «простодушие слито с величайшим мастерством».

Он же: О Милле: «Он, бесспорно, из числа тех бородатых художников, что совершили революцию 1848 г. или приветствовали ее, полагая, очевидно, что вместе с равенством состояний будет введено равенство талантов».

Он же: Против прогресса, с. 200 целиком: «…Что за благородное зрелище представляет нам лучший из веков — людские стада, откармливаемые философами».

Он же: Русские романы «источают поразительный аромат достоверности».

С. 341. «…несовершенное Творение…»

«Самобытный талант — в начале робость и сухость, в конце широта и пренебрежение де-

талями».

* * *

Крестьянин, который равнодушно выслушал молитву, исторгнувшую слезы у всех слушателей. Людям, упрекавшим его в бесчувственности, он отвечал, что он не этого прихода.

* * *

Февраль 1950 г.

Память слабеет с каждым днем. Надо решиться вести дневник. Делакруа прав: все дни, которые не описаны, словно бы и не прожиты. Может быть, начну в апреле, когда вновь обрету свободу.

* * *

Том: вопросы искусства — где я изложу свою эстетику.

* * *

Литературное общество. Людям чудятся коварные интриги, грандиозные честолюбивые замыслы. А на деле — одно лишь тщеславие, и

притом весьма неприхотливое.

* * *

Немного гордости довольно, чтобы держаться на должном расстоянии. Помнить об этом *несмотря ни на что*.

* * *

Удовольствие, переходящее в благодарность, — венец творения. Но есть и другая крайность — горькое удовольствие.

* * *

Мистраль расчистил небо, и оно стало совсем новенькое, синее и блестящее, как море. Со всех сторон доносятся громкие птичьи трели — ликование, упоенная разноголосица, бесконечный восторг. День журчит и сияет.

* * *

Не мораль, но свершение. Для свершения же нужно только одно: полюбить, то есть отречься от себя и умереть для мира. Дойти до конца. *Исчезнуть*. Раствориться в любви. Тогда творить

буду уже не я, творить будет сила любви. Сгинуть в бездне. Раздробиться. Уничтожиться в свершении и погоне за истиной.

* * *

Эпиграф: «Нет ничего дороже жизни смиренной, невежественной, упорной» («Обмен»).

* * *

То же. «Теперь я знаю, как нужно было тебя любить, но я любил тебя иначе».

* * *

«Адольф». Перечитал. То же, что и прежде, ощущение обжигающей сухости.

* * *

«На нее (Э.) смотрели с интересом и любопытством, как на прекрасную грозу».

«Это сердце (А.), чуждое всем светским интересам».

* * *

«Стоило мне увидеть на ее лице выражение страдания, и я полностью подчинялся ее воле: я был спокоен, лишь если она была довольна мной».

* * *

«…Два эти несчастные существа, которые одни в целом свете знали друг друга, *одни в целом свете могли оценить друг друга по достоинству*, понять и утешить, казались непримиримыми врагами, готовыми разорвать друг друга в клочья».

* * *

Вагнер, музыка рабов.

* * *

Роман. «Он был согласен, чтобы она страдала, но вдали от него. Он трусил».

* * *

Констан: «Нужно исследовать человеческие несчастья, причислив к ним и представления людей о средствах борьбы с этими несчастьями».

* * *

То же. «Страшная опасность: если политика американских дельцов и хрупкая цивилизация интеллектуалов объединят свои усилия».

* * *

Заглавия для солнечных эссе: Лето. Юг. Праздник.

* * *

Февраль 1950 г.

Владение собой: не разговаривать.

Обдумать: опыт — это память, но верно и обратное.

Теперь вернуться к деталям. Превыше всего — правда.

* * *

Ницше: *Я стыдился этой лживой скромности.*

* * *

Расцвели розмарины. У подножия оливковых деревьев венки фиалок.

* * *

Март 1950 г.

Протестанты-филантропы отрицают все неразумное, потому что разум, как они полагают, может дать им власть над всем, даже над природой. Над всем, кроме Красоты. Красота неподвластна этим расчетам. Поэтому художнику так трудно быть революционером, хотя всякий художник — бунтарь. Поэтому он не может стать убийцей.

* * *

Ждать, ждать, пока один за другим погаснут дни, огоньки которых еще светят мне. В конце концов последний погаснет, и настанет полная тьма.

* * *

1 марта

Один месяц абсолютного владения собой — во всем. Потом начать заново — но не терять *правды, реальности* предшествующего опыта, и *принять все последствия*, проникнувшись решимостью преодолеть их и преобразить в крайнюю (но сознательно избранную) позицию творца. Ни от чего не отказываться.

* * *

(Иметь право сказать: это было трудно. С первого раза мне это не удалось, и я вел изнурительную борьбу. Но в конце концов я победил. И этой страшной усталости я обязан большей прозорливостью и большим смирением, но одновременно и большей славой.)

* * *

Бунт. Записав все, снова все обдумать, *исходя* из расположенных таким образом документов и идей.

* * *

В искусстве абсолютный реалист был бы абсолютным божеством.

Вот отчего те, кто желает обожествить человека, стремятся усовершенствовать реализм.

* * *

Море: я не терялся в нем, а обретал себя.

* * *

Друг Виве, бросивший курить, снова начал курить, узнав о создании водородной бомбы.

* * *

Семья.

Алжир создали ломовые извозчики.

Мишель. 80 лет. Прямой и сильный.

Х., его дочь. Ушла от них в 18 лет, чтобы «начать жить». Вернулась в 21 год с полным кошельком и, распродав свои драгоценности, купила отцу лошадей взамен всех тех, что пали в эпидемию.

* * *

«Хитрый человек» Гурджиева. Сосредоточенность. Вернуться к самому себе (взглянуть на себя глазами другого).

* * *

Яков Генсс, управляющий Вильнюсского гетто, согласился на эту полицейскую должность, чтобы облегчать положение людей. Постепенно три четверти обитателей гетто (48 тысяч) были уничтожены. В конце концов расстреляли и его самого. Расстрелянный ни за что — и ни за что лишившийся чести.

* * *

Заглавие: Лукавый Гений.

* * *

Ей следовало умереть. Тогда наступило бы мучительное счастье. Но вот в чем беда: «они» никогда не умирают вовремя.

* * *

Китайцы утверждают, что империи, близящиеся к гибели, изобилуют законами.

* * *

Ослепительный свет. Мне кажется, будто я просыпаюсь после десятилетнего сна — еще связанный по рукам и ногам путами несчастья и ложной морали, но вновь нагой и устремленный к солнцу. Блестящая, размеренная сила — и суровый, острый ум. Я возрождаюсь и телом тоже…

* * *

Комедия. Человек получает официальную благодарность за добродетельное поведение, которое до тех пор было инстинктивным. Теперь он осознанно стремится к добродетели — полный крах.

* * *

Стиль XVII века, по словам Ницше: четкий, точный и свободный.

Современное искусство: искусство тираническое.

* * *

В определенном возрасте столкновения между людьми начинают осложняться борьбой со временем. И это уже безнадежно.

* * *

Словно с первым солнечным лучом любви скопившиеся в ее сердце снега начали постепенно таять, давая дорогу буйному, неостановимому потоку радости.

* * *

4 марта 1950 г.

Душа твоя была во мне, и отдалось
Открыто сердце, вот как ты, земля,
Страдалице суровой. Часто в ночь
Я клялся ей, в святую ночь любить
Тревожную бесстрашно, верно — в смерть
И передумать темные загадки.
Так смертью я скрепил союз с землей.
Гёльдерлин «Эмпедокл» [41]

---

[41] Примечания: 41
Перевод Я. Голосовкера.

* * *

Мужество приходит после знания.

* * *

Художники и мысли, *лишенные солнца*.

* * *

«Недоразумение с нежностью, — говорит Ницше. — Есть раболепная нежность, которая повинуется и подличает, идеализирует и заблуждается, — но есть нежность божественная, которая презирает и любит, преобразует и возвышает то, что любит».

* * *

Мир, где я чувствую себя *вольготнее* всего, — греческий миф.

* * *

Сердце — еще не все. Оно *должно быть*, ибо без него… Но оно должно быть покоренным и преображенным.

* * *

Все мое творчество иронично.

* * *

Вечное искушение, против которого я непрестанно веду изнурительную борьбу, — цинизм.

* * *

Быть язычником для себя, христианином для других — к этому инстинктивно склоняется всякий человек.

* * *

Существовать не трудно, а невозможно.

* * *

Любовь несправедлива, но одной справедливости недостаточно.

* * *

В человеке всегда есть нечто, отвергающее любовь. Это та часть его существа, которая *хочет*

умереть. Именно ей необходимо прощение.

* * *

Заглавие для «Костра»: Деянира.

* * *

Деянира. «Я хотел бы, чтобы она навсегда осталась такой, как в тот уже далекий день, когда она возникла передо мной в Тюильри, — черная юбка и белая блузка с закатанными рукавами, открывающими золотистые руки, распущенные волосы, твердая поступь и точеный профиль».

* * *

«В этот последний вечер я сделал то, что собирался сделать уже давно: попросил ее поклясться, что она никогда не будет принадлежать другому мужчине. Я не хотел того, что может внушить и разрешить религия, если на это неспособна земная любовь. Она дала мне клятву, не требуя от меня того же. В страшной радости и гордыне моей любви я с восторгом дал ей обет верности. Так мы обрекли на смерть нас обоих».

* * *

Там, где любовь — роскошь, как не быть роскошью и свободе? Впрочем, это еще одно основание для борьбы с теми, кто унижает и любовь, и свободу.

* * *

Вольтер догадывался почти обо всем. Правда, доказал он очень немного, но зато неопровержимо.

* * *

Роман. Мужские персонажи: Пьер Г., Морис Адрей, Никола Лазаревич, Робер Шатте, М.Д.б., Жан Гренье, Паскаль Пиа, Раванель, Эрран, Эттли.

Женские персонажи: Рене Одибер, Симона С., Сюзанна О., Кристиана Галендо, Бланш Бален, Люсетта, Марселла Рушон, Симона М. Б., Ивонна, Кармен, Марселла, Шарлотта, Лора, Мадлен Бланшу, Жанина, Жаклин, Виктория, Виоланта, Франсуаза 1 и 2, Воклен, Лейбовиц.

Мишель, Андре Клеман, Лоретта, Патриция Блейк, М. Тереза, Жизель Лазар, Рене Томассе,

Эвелина, Мамена, Одиль, Ванда, Николь Альган, Одетта Кампана, Иветта Птижан, Сюзанна Аньели, Виветта, Натали, Виржини, Катрин, Метт, Анна.

* * *

«Море и небо влекут к мраморным террасам толпу юных и сильных роз». А. Рембо.

* * *

Тем, кто пишет темно, повезло: у них появятся комментаторы. У остальных будут только читатели, а это, судя по всему, вызывает презрение.

* * *

Жид отправляется в СССР, потому что ищет *радости*.

* * *

Жид: Сегодня примиряющей силой может быть только атеизм (!).

* * *

Диалог между Лениным и русским политзаключенным.

* * *

Париж начинает с того, что хлопочет о книге и поднимает ее на щит. Но самое приятное начинается, когда книга уже завоевала успех. Теперь главное — уничтожить ее. Париж в этом отношении похож на бразильские реки — в некоторых из них живут крошечные рыбки, которые ничем другим не занимаются. Они малюсенькие, но их очень много. Они, если можно так выразиться, состоят из одних зубов. Им ничего не стоит в пять минут обглодать человека так, чтобы остались одни косточки. Потом они уплывают и, соснув немного, принимаются за следующего.

* * *

Боссюэ: «Единственный решительный шаг, на который способно большинство людей, — это возмущение тем, что их считают неспособными на решительные шаги». Он не был способен даже

на это возмущение.

* * *

Словно те старые люди, которые, живя в большом доме, некогда полном жизни и голосов, сужают свое жизненное пространство сначала до одного этажа, затем до одной комнаты, затем до самой крошечной из комнат, которой и ограничивают свое существование, — живут, замуровав сами себя, в ожидании неизбежного переселения в обитель еще более тесную.

* * *

Апрель 1950 г. Снова Кабри.

В конце концов к этому приходишь. С трудом, но приходишь. О! На вид они некрасивы. Но им прощаешь. Что же до двух-трех существ, которых я люблю, они лучше меня. Как смириться с этим? Пренебречь.

* * *

Туманная и теплая ночь. Вдали — огни на побережье. В долине — громкий хор жаб; поначалу их голоса звучат певуче, а затем как будто хрипнут.

Эти светящиеся деревни, дома… «Вы поэт, а я на стороне смерти».

* * *

Самоубийство А. Потрясен — потому, конечно, что я любил его, но еще и потому, что я внезапно понял, что хотел поступить так же.

* * *

В отличие от нас женщины по крайней мере не обязаны стремиться к величию. У мужчин даже вера, даже смирение призваны доказывать величие. Это так утомительно.

* * *

Рано или поздно всегда наступает момент, когда люди перестают бороться и мучить друг друга, смиряются наконец с тем, что надо любить другого таким, как он есть. Это — царствие небесное.

* * *

Довольно сознания вины — довольно раскаяния.

* * *

Клодель. Жадный старик, рвущийся к алтарю, чтобы хапнуть побольше почестей… Какое ничтожество!

* * *

Новелла. Погожий день. Одинокая дама в самом соку. Канн.

* * *

В большой роман. Лазаревич. Адрей. Шатте (его комедии с первыми встречными).

* * *

Стареть — значит переходить от чувств к сочувствию.

* * *

Дама, лечащаяся фосфатом извести. За столом. «И вы думаете, что за все подвиги, которые совершила в Индокитае эта несчастная собака (отличный спаниель, уже умерший), ее наради-

ли? Ничего подобного, оказывается, у нас собак не награждают. Между прочим, в Англии собак, отличившихся на войне, награждают. А у нас нет! А ведь сколько раз он разнюхивал засады, устроенные этими китайцами, — и никакой благодарности. Несчастное животное!»

* * *

Девица из бара: «Переписываться? Ну уж нет. Не хочу, чтоб голова трещала».

* * *

XIX столетие — столетие бунта. Почему? Потому что оно началось неудавшейся революцией, нанесшей смертельный удар только идее Бога.

* * *

27 мая 1950 г.

В одиночестве. А пламя любви опаляет мир. Ради этого стоит страдать, рождаясь и взрослея. Но стоит ли жить после этого? Всякая жизнь находит в любви свое оправдание. А доживание?

* * *

После «Бунтующего человека» — творчество на свободе.

* * *

Сколько ночей в жизни, где нас уже нет!

* * *

Мое творчество в первые два периода: люди нелгущие, значит, нереальные. В жизни таких не бывает. Вот почему, без сомнения, я до сих пор не стал романистом в общепринятом смысле. Я скорее художник, творящий мифы по воле своей страсти и тревоги. Вот почему существа, соединявшие меня с жизнью, всегда обладали мощью и исключительностью этих мифов.

* * *

Безрассудство любви в том, что любящий стремится, чтобы дни ожидания поскорее прошли и *пропали*. Так он стремится приблизить конец. Так любовь одной из граней соприкасается со смертью.

* * *

Лагерь. Невежественный надзиратель измывается над интеллигентом. «Все книжки читаешь! Ты, значит, умник…» и т. д. В конце концов интеллигент просит прощения.

* * *

Людские лица искажены знанием (эти встречающиеся подчас лица тех, кто знает). Но иногда из-под шрамов проступает лицо отрока, благословляющего жизнь.

* * *

Близ них я не чувствовал ни бедности, ни лишений, ни унижения. Отчего не сказать прямо: я чувствовал и чувствую до сих пор свое благородство. Близ моей матери я чувствую, что принадлежу к благородному племени: к тем, кто ничему не завидует.

* * *

Я жил, не зная меры красоты: вечного хлеба.

* * *

Для большинства людей война означает конец одиночества. Для меня она — окончательное одиночество.

Один-единственный удар кинжала, стремительный, как молния, — совокупление быка целомудренно. Это совокупление божества. Не наслаждение, а ожог и священное самоуничтожение.

* * *

Вогезы. Из-за красного песчаника церкви и придорожные распятия цветом напоминают спекшуюся кровь. Вся кровь, пролитая завоевателями и владыками в этом краю, засохла на стенах его святилищ.

* * *

Мораль бесполезна: жизнь и есть мораль. Тому, кто не отдает всего, всего не получить.

* * *

Если тебе выпало счастье жить в мире ума, какое безрассудство — искать доступ в страшный, полный криков мир страсти.

* * *

Я люблю все или не люблю ничего. Значит, я не люблю ничего.

* * *

Конец Деяниры. Он убивает ее прилежно, постепенно (она постепенно таяла у него на глазах, и он следил за тем, как заострялись черты ее лица, с жуткой надеждой и мучительными всхлипами любви). Она умирает. Он находит другую, снова юную и прекрасную. Восхитительное чувство снова рождается в его сердце. «Я люблю тебя», — говорит он ей.

* * *

Духовные упражнения Святого Игнатия — чтобы не дремать во время молитвы.

* * *

Все могущество науки направлено сегодня на укрепление Государства. Ни одному ученому не пришло в голову использовать свои знания для защиты личности. Здесь, пожалуй, полезным оказалось бы франкмасонство.

* * *

Если бы наша эпоха была только трагична! Но она еще и гнусна. Вот отчего ей надо бросить обвинение — и даровать прощение.

* * *

I. Миф о Сизифе (абсурд.). — II. Миф о Прометее (бунт.). — III. Миф о Немезиде.

* * *

Ж. де Местр: «Я не знаю, какова душа подлеца, но, пожалуй, представляю себе, какова душа порядочного человека — она ужасна».

* * *

Откройте ворота тюрем или докажите собственную непорочность.

* * *

Местр: «Горе поколениям, мечтающим о переломных эпохах». Словно тот китайский мудрец, который желал своим врагам пожить в «интересную эпоху».

* * *

Бодлер. Мир стал так непроходимо туп, что умный человек презирает его с неистовством страсти.

* * *

Унтерлинден: «Всю жизнь я мечтал о монастырском покое». (И разумеется, не смог бы выдержать его больше месяца.)

* * *

Европа лавочников — удручающая.

* * *

Ангажированность. Мои представления об искусстве возвышенны и страстны. Слишком возвышенны, чтобы я согласился подчинить его пустяку. Слишком страстны, чтобы я захотел лишить его даже пустяка.

* * *

Любовь была ему заказана. Он имел право только на ложь и адюльтер.

* * *

Клодель. Вульгарный ум.

* * *

Савойя. Сентябрь 1950 г.

Люди, подобные М., — вечные эмигранты, которые ищут родину и не могут найти ее нигде, кроме как в страдании.

* * *

Страдание и его лик, подчас такой подлый. Но

нужно терпеть его и жить им — это расплата. Гибнуть в страдании за то, что посмел губить других.

Роман. «Он вспомнил, что однажды, во время одной из этих душераздирающих сцен, внушавших ему ужасные предчувствия, она сказала, что поклялась не принадлежать никому, кроме него, и что, даже если он ее бросит, ей никто не будет нужен. Ей казалось, что в эту минуту она дает ему наивысшее и неопровержимое доказательство своей любви, да так оно и было, но именно в эту минуту, которая, как она думала, навсегда связала его и слила с нею, ему, напротив, пришла в голову мысль, что он получил свободу и пора бежать — ведь можно не сомневаться, что она будет вечно верна ему и абсолютно бесплодна. Но в тот день — как и во все последующие — он остался».

* * *

Париж. Сентябрь 1950 г.

То, что я хочу сказать, гораздо важнее того, что я есть. Устраниться — и *устранить*.

* * *

Прогресс: решиться не рассказывать любимому существу о боли, которую оно нам причиняет.

* * *

Боязнь страдания.

Фолкнер. На вопрос, что он думает о молодых писателях, отвечает: «Они не создадут ничего значительного. Им нечего больше сказать. Чтобы писать, нужно проникнуться исконными великими истинами и посвятить свое творчество одной из них или всем им вместе. Те, кто не умеет говорить о гордости, чести, страдании, — посредственные писатели, и сочинения их умрут вместе с ними, если не раньше. Гёте и Шекспир выстояли, потому что верили в человеческое сердце. Бальзак и Флобер тоже. Они вечны».

— В чем причина охватившего литературу нигилизма?

— В страхе. В тот день, когда люди перестанут бояться, они снова начнут создавать шедевры, то есть произведения, которым суждена долгая жизнь.

* * *

Сорель: «Ученики вынуждают учителя отбросить сомнения и принять окончательные решения».

* * *

Без сомнения, всякая мораль нуждается в *толике* цинизма. Но где предел?

* * *

Паскаль: «Долгое время я жил, веря в существование справедливости, и не ошибался, ибо она существует постольку, поскольку Господу было угодно открыть нам ее. Но я ошибался, ибо полагал, что наша справедливость справедлива сама по себе, независимо от Господней воли, и что я смею познать ее и судить о ней».

* * *

Н. (эллины): «Отвага благородных племен, безумная, бессмысленная, стихийная отвага… их безразличие и презрение к телесной безопасности, к жизни и благополучию».

* * *

Роман. «Любовь либо крепнет, либо вырождается. Чем она несчастнее, тем сильнее она калечит. Если любовь лишена творческой силы, она навсегда отнимает у человека возможность творить по-настоящему. Она — тиран, причем тиран посредственный. Поэтому П. было тяжко сознавать, что он полюбил, не имея возможности целиком отдаться этой любви. Он безрассудно растрачивал время и душу и видел в этом некую справедливость, в конечном счете единственную, какую ему довелось встретить на этой земле. Но признать существование этой справедливости значило бы признать себя обязанным поднять свою любовь над уровнем посредственности, обязанным претерпевать самую страшную, но самую честную боль, ту, перед которой он всегда отступал с бьющимся сердцем, не помня себя от страха. Он не мог ни сделать больше, ни стать другим, и единственная любовь, которая могла бы все спасти, была любовь существа, которое приняло бы его таким, как он есть. Но любовь не может смириться с тем, что есть. Не для того раздается во всех уголках земли ее зов. Она отвергает доброту, сострадание, ум, все, что ведет

к примирению. Она зовет к невозможному, к абсолютному, к небу в огне, к вечной весне, к жизни, превозмогающей смерть, и смерти, преображенной в вечную жизнь. Как можно было, полюбив, примириться с ним — в определенном смысле не более чем ничтожеством, причем сознающим свое ничтожество. Только он сам мог бы примириться с собой — примирившись с долгой, бесконечной и жестокой болью, настигающей человека, который потерял свою любовь и знает, что сам виноват в этом. Так мог он обрести свободу, правда, свободу страшную, истекающую кровью. Так, признав свое собственное ничтожество и ничтожество жизни любого человека, но одновременно ощутив в душе порыв к великому, который один только и мог его оправдать, мог он обрести и возможность творить свое существование.

Без этой пытки любовь, столкнувшись с любой слабостью, превращается в глупое ребячество, становится тем бесполезным и безрадостным принуждением, против которого в конце концов восстает всякое хоть сколько-нибудь требовательное сердце. Да, надо было сказать именно так: «Я люблю тебя — но я полное или почти полное ничтожество, и ты не можешь вполне

примириться со мной, несмотря на всю твою любовь. Глубинам твоей души, истокам тебя самой потребна цельность, а во мне ее нет. Прости мне, что душа моя меньше моей любви, возможности — меньше желания, прости, что любовь моя стремится к цели, мне недоступной. Прости меня и не унижай меня больше. Когда ты уже не сможешь любить меня, ты сможешь быть ко мне справедливой. Однажды ты поймешь, в каком аду я мучаюсь, и полюбишь меня, помимо нашей воли, любовью, которая никогда не сможет насытить не только тебя, но и меня, но которую я тем не менее посчитаю даром жизни и еще раз примирюсь с нею в своей муке». Да, сказать нужно было именно так, но тут-то и начиналось самое трудное. В ее отсутствие дни стенали, а каждая ночь зияла раной».

* * *

Самая сильная страсть XX века: холуйство.

* * *

В Бру две лежащие фигуры — надгробные памятники Маргарите Австрийской и Филиберу Савойскому — вместо того чтобы смотреть в небо,

вечно смотрят друг на друга.

* * *

Тем, кто не требовал от мира и людей абсолютного целомудрия и не выл от тоски и беспомощности, осознав неисполнимость этого требования, тем, кто не губил себя в попытках опуститься до уровня существа, не способного творить любовь и умеющего лишь копировать ее, тем не понять, что такое бунт и его неистовая страсть к разрушению.

* * *

«Аксьон франсез». Умонастроение парий, отторгнутых историей: злоба. Расизм политического гетто.

* * *

Пьеса. Человек, не имеющий характера. Он меняется в зависимости от того, что думают о нем окружающие. Жалкий рохля с женой. Умница и храбрец с любимой женщиной и проч. …Однажды два образа сталкиваются. Конец:

Горничная: Вы очень добры, сударь.

Он: Возьмите, Мари, это вам.

* * *

Мало кто способен *понять* искусство.

* * *

Во времена Рембрандта изображением битв занимаются фабриканты.

* * *

Париж. Дождь и ветер усыпали улицы осенними листьями. Идешь по влажному рыжему меху.

* * *

Шофер такси, негр, с учтивостью, какой не встретишь в Париже в 1950 году, сказал мне, когда мы проезжали мимо «Комеди Франсез», перед которой стояло множество машин: «Дом Мольера нынче вечером полон».

* * *

Уже две тысячи лет люди непрестанно и упорно лгут, говоря о греческой культуре. Марксисты в

этом отношении — наследники христиан. И эти же две тысячи лет греческая культура защищается так успешно, что в идеологии XX столетия различимо больше греческих и языческих черт, чем христианских и русских.

* * *

Интеллектуалы творят теории, массы — экономику. В конечном счете интеллектуалы пользуются трудом масс, то есть теория пользуется экономикой. Вот почему им необходимо поддерживать блокаду и экономическое рабство — чтобы массы оставались на черной работе. Очень верно, что плоть истории составляет экономика. Идеи довольствуются тем, что управляют ею.

* * *

Отныне я знал правду о себе и о других. Но не мог принять ее. Я корчился под ее тяжестью, она жгла меня огнем.

* * *

Творцы. Когда разразится катастрофа, им при-

дется драться первыми. Если они проиграют, те, кто выживет, доберутся до стран, где можно будет возродить культуру: Чили, Мексики и проч. Если победят — это опаснее всего.

* * *

XVIII век: утверждение, что человек способен совершенствоваться, само по себе уже спорно. Но утверждение, что человек добр, звучащее из уст человека пожившего…

* * *

Да, у меня есть родина: французский язык.

* * *

Роман.

1) Взятие Веймара, или чего-то подобного, полосатыми.

2) В лагере гордый интеллектуал попадает в камеру плевков.

Смысл всей его последующей жизни: выжить, чтобы иметь возможность убивать.

* * *

Роспуск группы. Лазаревич: «Мы любим себя, вот и все. Мы не способны пальцем пошевелить ради того, что мы любим. Нет, мы не бессильны. Но мы отказываемся сделать даже то немногое, что в наших силах. Если на улице дождь, если мы поругались с домашними, нам уже не до собрания, и проч., и проч…»

* * *

Бесчестность художника, который делает вид, что верит в принципы демократии. Ибо в этом случае он отрицает самую глубинную сущность своего опыта, великий урок искусства: иерархию и упорядоченность. Не важно, что эта бесчестность продиктована чувством. Она ведет к рабскому труду на фабриках или в лагерях.

* * *

С. Вейль права, защищать надо не человеческую личность, а таящиеся в ней возможности. К тому же, говорит она, «нельзя постичь истину, не пережив собственной гибели: не прожив

долгое время в состоянии полного и крайнего самоуничижения». Несчастье (я могу исчезнуть случайно) — именно в этом состоянии самоуничижения, а не в страдании. И еще: «Дух справедливости и дух истины един».

* * *

Революционный ум отрицает первородный грех. И погрязает в нем. Греческий ум о нем не думает. И избегает его.

* * *

Сумасшедшие в концентрационных лагерях. На свободе. Жертвы жестоких шуток.

* * *

В Бухенвальде фашисты избивают людей, а оперного певца заставляют петь при этом знаменитые арии.

* * *

То же. Свидетели Иеговы в Бухенвальде отказались вязать шерстяную одежду для немецких солдат.

* * *

В Гинцерте французские заключенные носили на одежде две заглавные буквы: HN — Hunde-Nation — Нация собак.

* * *

Коммунизм во Франции имеет шансы на успех, потому что французы — нация солдат.

* * *

Пьеса.

— Такова честность. Думая, что творит добро, она творит зло.

— Но она их различает.

* * *

Принцип права — это государственный принцип. Римский принцип, который 89-й год возродил насильно и противозаконно. Следует вернуться к греческому принципу — автономии.

* * *

Описание моря. Волны — слюна богов. Морское чудовище, море-соперник и проч. Мое беспорядочное влечение к наслаждению.

* * *

Александр Жакоб: «Видишь ли, мать — это человечество».

* * *

Лейбниц: «Я не презираю почти ничего».

* * *

23 января 1951 г. Валанс.

Я кричал, требовал, злорадствовал, отчаивался. Но, дожив до тридцати семи лет, я узнал однажды, что такое несчастье, и понял все то, чего, как выяснилось, не понимал до сих пор. В середине жизни мне пришлось заново, с трудом учиться жить одному.

* * *

Роман. «Я, который уже давно жил, стеная, в мире тел, восхищался теми, кто, подобно С.В., сумел, казалось, освободиться от их власти. Что до меня, я не мог вообразить любви без обладания и, следовательно, без унизительного страдания, являющегося уделом тех, кто живет по велению тела. Я доходил до того, что соглашался, чтобы любящее меня существо изменяло мне душой и сердцем, лишь бы оно оставалось верным мне физически. Впрочем, прекрасно зная, что у женщин физическая верность зависит от духовной, я домогался и этой последней, но лишь как условия плотского обладания, которое было для меня важнее всего остального, — отсутствие его причиняло мне неисчислимые муки, а наличие было моим спасением. Мой рай заключался в непорочности окружающих».

* * *

Грас — столица парикмахеров.

* * *

Вернуться к переходу от эллинизма к христианству, единственному подлинному перевороту в истории. Опыт о судьбе (Немезида).

* * *

Сборник философских эссе. Философия выражения + комментарий к первой книге Этики + размышления о Гегеле (лекции о философии истории) + эссе о Гренье + комментарий к «Апологии» Сократа.

* * *

«Свобода — дар моря». Прудон.

* * *

То, чего я так долго искал, наконец появляется. Готовность к смерти.

* * *

5 февраля. Умереть, ничего не решив. Но кто умирает, все решив, кроме?.. Решить по крайней

мере, как не потревожить покоя тех, кого ты любил… Себе самим мы ничего не должны, даже — и в особенности — предсмертного умиротворения.

* * *

Февраль 1951 г. Бунтующий человек. Я хотел сказать правду, оставаясь великодушным. В этом мое оправдание.

* * *

Работа и проч. 1) Эссе о море. Собрать книгу эссе: Праздник. 2) Предисловие к американскому изданию пьес. 3) Предисловие к американскому изданию эссе. 4) Перевод Тимона Афинского. 5) Любовь к далекому. 6) Вечный голос.

* * *

Игнатий Лойола: «Беседа, лишенная порядка, греховна».

* * *

После «Бунтующего человека». Яростный, упрямый отказ от системы. Впредь — афоризмы.

* * *

Лойола. Род человеческий: «Все эти толпы людей, стремящихся в ад».

* * *

Новелла. Страх смерти. И он кончает с собой.

* * *

Ничтожные парижские писаки, взращивающие в себе то, что они считают дерзостью. Слуги, которые и подражают господам, и смеются над ними в лакейской.

* * *

Я желал насильственной смерти — такой, когда простительно закричать от боли, потому что у тебя из груди вырывают душу. В другие дни я мечтал умирать долго и в полном сознании — чтобы по крайней мере никто не мог сказать, что смерть застала меня врасплох, что она пришла в мое отсутствие, — одним словом, чтобы знать… Но в земле так душно.

* * *

1 марта 1951 г.

Мыслитель движется вперед, лишь если он не спешит с выводами, пусть даже они кажутся ему очевидными.

* * *

Добродетель напоказ, заставляющая отрицать собственные страсти. Более глубокая добродетель — заставляющая уравновешивать их.

* * *

Моя могучая воля к забвению.

* * *

Если бы мне было суждено умирать вдали от мира, в холодной тюремной камере, море в последний момент затопило бы мою темницу, подняло бы меня на неведомую мне доселе высоту и помогло бы мне умереть без ненависти в душе.

* * *

7 марта 1951 г.

Окончил первый вариант «Бунтующего человека». Эта книга венчает два первых цикла. 37 лет. Может ли теперь творчество стать свободным?

* * *

Всякое свершение обрекает на рабство. Оно обязывает к более высоким свершениям.

Записные книжки. Март 1951 – декабрь 1959

Тетрадь № VII. Март 1951 года – июль 1954 года

«Сотворивший великое должен вдобавок его прожить».
Ницше

* * *

Предисловие к «И. и Л.» [42].

«…и тогда я полюбил искусство с той неистовой страстью, которая с годами не только не утихала, но становилась еще исключительней… Эта болезнь создавала для меня новые препятствия, и подчас очень трудные. Но она развивала свободу сердца, способность отвлекаться от человеческих интересов, всегда спасавшую меня от горечи и злопамятства. С тех пор как я живу в Париже, я понимаю, что это королевская привилегия (ибо

[42] Примечания: 42
«Изнанка и лицо» (1937), первая книга А. Камю, опубликованная в Алжире. Данный отрывок предназначен для переиздания в парижском издательстве «Галлимар», которое увидело свет только в 1958 г. — *Здесь и далее примеч. пер. Переводчик выражает свою глубочайшую признательность коллегам С. Н. Зенкину, Е. П. Кушкину, С. Роле и С. Л. Фокину за помощь и ценнейшие советы по переводу и идентификации литературных, культурных и политических реалий.*

речь идет именно о привилегии). Но дело в том, что я пользовался ею беспрепятственно. Как писатель я сразу же оказался в атмосфере восхищения, и это, в некотором смысле, было раем на земле. Как человек я не испытывал страстей «наперекор». Моя страсть всегда была обращена к тем, кто лучше и значительнее меня».

* * *

Безумие XX века: смешивать абсолютное и логическое. Даже для таких разных умов, как Парен [43] и Арагон.

* * *

11 июня 1951 г. Письмо от Режин Жюнье: она заявляла о своем намерении покончить с жизнью.

* * *

Творец. Разбогател на своих книгах. Но они перестали ему нравиться, и он решает создать Великое Творение. Он занят исключительно своим Творением, неустанно переписывая его. Постепенно в доме воцаряется безденежье, потом

---

[43] Примечания: 43
Парен, Брис (1897–1971) — французский философ и эссеист.

нищета. Все рушится, а он живет, и жизнь его ужасающе счастлива. Болеют дети. Приходится снимать квартиру, вся семья ютится в одной комнате. А он все пишет и пишет. Жена становится неврастеничкой. Идут годы, и в этом тотальном запустении он все пишет и пишет. Дети бросают его. В тот день, когда жена умирает в больнице, он ставит последнюю точку, и человек, сообщивший ему о несчастье, слышит в ответ: «Наконец-то!»

* * *

Роман. «Его смерть была лишена романтизма. Двенадцать человек посадили в двухместную камеру. Он стал задыхаться и потерял сознание. Он умирал, прижатый к засаленной стене, а все остальные отвернулись от него, устремившись к окну».

* * *

«НРФ» [44]. Любопытное место, призванное вдохновлять писателей. Но именно здесь они

[44] Примечания: 44

«Нувель ревю франсез» — престижный литературный журнал, выходящий с 1908 г. в издательстве «Галлимар». Скомпрометировавший себя во время Второй мировой войны коллаборационистскими публикациями, был закрыт после освобождения Франции. Возобновлен с 1953 г.

утрачивали радость письма и творчества.

* * *

Счастье требовало от нее всего, даже смерти.

* * *

Естественность не может быть врожденной — она может быть только приобретенной добродетелью.

* * *

Отвечая на вопрос о десяти самых любимых словах: «Мир, боль, земля, мать, люди, пустыня, честь, нищета, лето, море».

* * *

Голоса вечности: Деметра, Навсикая, Эвридика, Пасифая, Пенелопа, Елена, Персефона.

* * *

О свет! Так восклицают герои греческих трагедий, брошенные на произвол смерти или ужасного рока.

* * *

Человек 1950 года: занимался блудом и читал газеты.

* * *

У меня всегда было впечатление, будто я в открытом море: чувство опасности на пике высшего счастья.

* * *

Г [45]., или симулятор. Считая себя не от мира сего, он делает вид, будто живет в реальности. Играет и не скрывает своей игры. Да так хорошо, что невозможно поверить, что он всего лишь играет. Он симулирует дважды. И еще раз: часть его самого совершенно реально связана с плотью, наслаждениями, властью.

* * *

Принимать все как есть — разве это признак

---

[45] Примечания: 45

Гренье, Жан (1898–1971) — французский философ и писатель, школьный учитель А. Камю.

силы? Нет, скорее рабства. Принимать то, что уже случилось. А в настоящем — борьба.

* * *

Истина — не добродетель, а страсть. Поэтому ей никогда не быть милосердной.

* * *

Языковые автоматизмы М.: Вообще. — В общем и целом. — При всем при том… Ну, знаете ли, да… ну знаете ли… — Мне кажется, она совсем не интересна. — Она никому не верит, это неприятно. — Да что вы говорите! Не могу поверить, это надо увидеть своими глазами. — Уникально. — Когда ее должны были оперировать… — Как вилки и ложки из разных сервизов. — Все это болтовня, вот и хорошо, платить будешь ты. — Ты только вспомни, знаешь, у нее был шик. — И пятое и десятое. — И вместе с тем… — Ты как эксгибиционист (мужу, выходящему без свитера).

* * *

Там же. Один солдат, подшефный Огюсты, выразил ей признательность в следующих словах:

«Мадам Пельрен, вы были для меня хуже, чем мать». Она рассказывает о бомбардировке Нанта. Застигнутая врасплох на улице, она с подругой спряталась под какой-то дверью. «На мне были лисьи меха и новый костюмчик. Когда все закончилось, я обнаружила на себе одну комбинацию. Подруга исчезла под развалинами». «Я стала вытаскивать ее за волосы. От нее осталось лишь…» «А в это время муж мой предавался любовным утехам и вряд ли думал о том, что я выбираюсь из-под обломков… Накануне мне сделали паспорт. В графе «особые приметы» я поставила прочерк, на следующий день моя физиономия была неузнаваема».

* * *

Баптист, просидевший пятьдесят дней и пятьдесят ночей в темном карцере Бухенвальда. «Когда я вышел, концентрационный лагерь показался мне таким же прекрасным, как свобода».

* * *

«Единым существом они живут — те, кто в любой момент находит силы, чтоб расставание избрать». Гёльдерлин. «Смерть Эмпедокла».

Там же. «Ведь ты рожден для светлых дней».

Там же. «Пред ним в час радостной кончины, в священный день Божественное скинуло покровы».

* * *

Жестокость адмирала Колчака, как считает Виктор Серж, позволила чекистам в русской компартии взять верх над теми, кто выступал за гуманность.

* * *

1920 год. Отмена смертной казни. В ночь перед объявлением декрета, чекисты убивают заключенных. Через несколько месяцев смертная казнь была восстановлена. Горький: «Когда мы прекратим убивать и проливать кровь?»

* * *

Виктор Серж. «Все, созданное в СССР, было бы сделано гораздо лучше, если бы этим занималась

советская демократия» [46].

* * *

Предисловие к «И. и Л.». Мой дядя [47]. «Как и все в ту эпоху, он был вольтерьянец и проповедовал самое жестокое презрение к людям вообще и к собственной буржуазной клиентуре в частности. Блистал в жанре сатиры и анафемы. У него был сильный характер, и под его влиянием я стал трудным человеком. Теперь, когда он умер, мне грустно, когда я в Париже вспоминаю о нем».

* * *

Как войны способствовали распространению социализма в XX веке: Война 14-го года воспламенила революцию 17-го года. Война с захватчиком и гражданская война произвели Мао Дзе Дуна — 1939 год принес советскую власть в польскую часть Украины и Белоруссию, прибалтийские государства и Бессарабию. Война 1941–1945 годов

---

[46] Примечания: 46

Цитата взята из книги Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. Пер. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. Москва — Оренбург, 2001. С. 126.

[47] Примечания: 47

Ако, Гюстав — муж сестры матери А. Камю, работал мясником в Алжире.

приводит Россию на Эльбу. Война против Японии дает ей Сахалин, Курилы, Северную Корею. И еще были Финляндия и Южная Корея.

* * *

Персонаж романа. Раванель [48]. Абсолютный интеллект. Бухгалтерия терроризма. Светская скука. Воинственность. Полиция. Прокурор. См. также выше — новелла — Прокурор.

* * *

Принципы надлежит применять к великим делам. А для малых — достаточно сострадания.

* * *

Позиции цинизма и реализма позволяют рубить сплеча и презирать. Все остальное принуждает к пониманию. Поэтому для интеллектуалов первые более почетны.

* * *

В наше время мы работаем, не надеясь на насто-

---

[48] Примечания: 48
Раванель, Серж (1920–2009) — герой движения Сопротивления.

ящее вознаграждение. А они героически трудятся во имя персональной вечности.

* * *

Чего бы ни желал наш век, его главная цель — поиск аристократии. Но ему невдомек, что надо будет отказаться от той цели, которую громогласно назначил сам себе: от благополучия. Аристократия не может возникнуть без жертвоприношения. Аристократ — это прежде всего человек, который дает, не получая ничего взамен. Он *сам себя обязывает.* Старый режим рухнул именно потому, что забыл об этом.

* * *

Уайльд. Он хотел поставить искусство превыше всего. Но величие искусства не в том, чтобы воспарить над всем и всеми. Наоборот, искусство должно во все вмешиваться. В конце концов, Уайльд понял это благодаря страданию. Его эпоха виновата в том, что без боли и рабства было невозможно узреть истину, а ведь она может быть и счастьем, если сердце его достойно. Век рабства.

* * *

Там же. Талант к жизни и талант к творчеству не существуют по отдельности. Талант един. И, разумеется, талант, создающий неглубокие произведения, способен лишь на легкомысленную жизнь.

* * *

Роман. К [49]. и ее платье в цветочек. Вечерние поля. Косой свет.

* * *

Я начинал с произведений, в которых отрицалось время. Постепенно я отыскал источник времени и понял, в чем заключается созревание. Этим долгим созреванием было само произведение.

* * *

Они отрекались от красоты и природы во имя интеллекта и его всепобеждающей силы.

---

[49] Примечания: 49
Во французском оригинале «С.».

Фауст захотел породить Эвфориона без Елены. Чудо-ребенок оказался уродливым чудовищем, гомункулом из пробирки. Чтобы сотворить Эвфориона, недостаточно ни одного Фауста без Елены, ни Елены без Фауста.

* * *

Бунт — истинное горнило богов. Однако он порождает еще и идолов.

* * *

Смерть-бунт. История человечества — это история мифов, которыми люди прикрывали эту реальность. Традиционные мифы исчезли, и вот уже два столетия история бьется в конвульсиях, ибо смерть лишилась надежды. И все же достичь человеческой истины можно только, если мы в конце концов согласимся с идеей смерти без надежды. Не слепое смирение, но принятие границы в высшей точке напряженности бытия, совпадающей с точкой равновесия.

* * *

Роман. Погожий день. «Она шла по набережной

Круазетт, покачивая телом на высоких каблуках. Еще раз посмотрела на себя в зеркало перед тем, как выйти из комнаты. Конечно, эти брюки из мягкой фланели слишком сильно облегали фигуру. И бедра казались шире плеч. Ну и что же — именно такими и должны быть настоящие женщины. И еще — слишком большая грудь. Но и это не катастрофа — только прибавляет женственности. А вон другие тела — там, внизу, где играли в волейбол: к ним надо еще хорошенько присмотреться, чтобы определить, кому они принадлежат — мужчинам или женщинам.

Маленький черный силуэт шагал на фоне моря. Между платком и очками можно было увидеть только две черточки, прорисованные кисточкой, на том месте, где раньше были брови, и еще белое выпуклое пространство лба, напрасно пытавшееся хмуриться под сверкающим солнцем.

* * *

Маленькая пьеса о соблазнителе.

Нет, я пью только воду — Поешьте — Я мало ем. Если я и выпиваю иногда, то только из соображений гигиены.

Что к желанию может добавить любовь? Неоценимое — дружбу.

Я не соблазняю, я уступаю.

Почему женщины? Не переношу общества мужчин. Они или льстецы, или судьи. Не выношу ни того, ни другого.

Полночь — ничего не случилось, командор не явился. Соблазнитель опечален. Собирается уходить. «Подойдите», — говорит Анна. «Нет, быть правым и счастливым в один и тот же день невозможно… (Спохватывается.) Однако же, если вы правы, не остается ничего, кроме счастья. И любви, в которую вы никогда не верили, хотя всегда верили в свои сны, которые называли Богом». Он смотрит на нее. «Значит поднимающееся во мне чувство и есть любовь? Наверное, да. Отодвиньте потихоньку все, что окружает это хрупкое растение. Тише, тише — освободите место для счастья».

* * *

Роман. Одна из тайн Б… заключалась в том, что она никогда не умела принимать, выносить или просто забывать болезнь и смерть. Отсюда ее глубинная отрешенность. Она заранее устала жить — просто жить, как живут другие, и хоть немного притворяться беззаботной и наивной для того, чтобы продолжать жить. И в глубине

души она никогда не могла забыть. Ей не хватало наивности, чтобы совершить настоящий грех. Для нее жизнь — это время, сведенное лишь к болезни и смерти. И она не могла смириться со временем. Упорствовала в заведомо проигранной битве. А если и уступала, то ее уносило течением, тогда она походила на утопленницу. Она не от мира сего, она всем своим существом отвергала этот мир. Вот в чем причина.

* * *

Дордонь. Розовая земля, камни телесного цвета, красные рассветы, увенчанные чистым пением. За день цветок умирает и уже снова возрождается под косыми лучами солнца. По ночам заснувший карп спускается по плодовитой реке; стайки подёнок вспыхивают, словно факелы, подлетая к лампам на мосту, они оставляют на руках живое оперенье и покрывают землю своими крылышками и воском, из которых снова будет бить фонтаном неуловимая жизнь. То, что здесь умирает, не может исчезнуть навсегда. Это прибежище, верная земля. Путник, ты должен возвращаться сюда, в дом, где хранятся следы и память и все, что в человеке не умирает с его смертью, но возрождается в его детях.

* * *

Неправда, что сердце изнашивается — эту иллюзию создает тело.

* * *

О тех, кто жертвует счастьем во имя принципов. Они отказываются быть счастливыми помимо тех условий, которые заранее придумали для своего счастья. А если они случайно его обретают, их охватывает чувство растерянности, и вот они уже несчастны, потому что лишились своего несчастья.

* * *

Трагедия о целомудрии.

* * *

Роман. В. (она была выразительницей и моей истины): «Я ничего не хочу помимо того, что уже имею. Мое несчастье и наказание — в моей неспособности радоваться тому, что у меня уже есть».

* * *

Там же. Когда он был подростком, да и много лет спустя, в любви его привлекало одно — неизвестность. Он стремился к познанию. Отсюда множество приключений. Но приключения эти никогда не были абсолютно животными, у них всегда было начало, пусть и очень краткое. Этого начала зачастую вполне хватало для познания, особенно когда было мало что познавать, и если он все-таки соглашался на связь, он заранее знал, что она не принесет ничего большего.

Так, люди, достаточно высокомерные, чтобы с бóльшим или мéньшим основанием верить в собственную самодостаточность, путали любовь и познание. Другие же осознавали свою ограниченность, и любовь их была единственной, ибо требовала от них всего, и требовала скорее бытия, чем познания.

* * *

Роман. А.В [50]., молодой американец, воевавший на войне (он был брошен на войну

[50] Примечания: 50
Во французском оригинале «A.W.».

счастливым студентом-конформистом), приезжает в Париж. Он живет в Париже, проклиная Америку и страстно ловя отблески величия и мудрости, которые еще можно было прочесть на лице старой Европы. Богемная жизнь. С его лица сошел характерный для американцев лоск, оно утратило четкость. Появились круги под глазами. В конце концов он заболел и умер в грязном отеле. И тогда он воззвал к той Америке, которую все это время он не переставал любить, и к лужайкам Гарвардского университета в Бостоне, и звукам от ударов битами, и вечерним крикам, раздававшимся вокруг реки.

* * *

Роман. Первая часть: футбольный матч. Вторая часть: коррида.

* * *

Бывают вечера, сладость которых может длиться. Легче умирать, если знаешь, что такие вечера вернутся на землю и после нас.

* * *

Женщина, любящая действительно, всей душой, отдавая любви всю себя, без остатка, вырастает так безмерно, что нет ни одного мужчины, который не стал бы рядом с ней посредственностью, ничтожеством и скупердяем.

* * *

Роман. В темной комнате, уткнувшись носом в светящийся экран радиоприемника, слушал музыку ребенок.

* * *

Роман. Два персонажа: немецкий друг. — Марсель Э.

* * *

Абсурд — не в мире и не в нас, но в противоречии между миром и голым опытом. И точно так же мера — не в реальности, не в желании, но… Мера есть движение, преобразование абсурдного усилия.

* * *

Дневник графини Толстой [51].

С. 45. Как Т. писала дневник.

Т.: «Опять дневник, скучно».

Графиня, 9 октября 1862 г. (свадьба была 23 сентября): «Так противны все физические проявления», — и в декабре настоящий крик женской души: «Если б я могла и его убить, а потом создать нового, точно такого же, я и то бы сделала с удовольствием».

Апрель 63 г. «У него играет большую роль физическая сторона любви. Это ужасно — у меня никакой, напротив».

63 г. «Где я такой, какой я был», — говорил Т.

Сент. 67 г. «...я жалкая, растоптанная гадина, никому не нужная, никому не милая, ни на что не способная, с тошнотой и испорченными двумя зубами, с брюхом, дурным духом... и т. д.».

78 г. Мы узнаем, что Толстой читает за столом.

87 г. Он кричит, что его давно преследует мысль бросить семью.

90 г. Она тайком читает дневник мужа, кото-

---

[51] Примечания: 51

Камю цитирует по изданию: Tolstoïa S. *Journal de la comtesse Léon Tolstoï 1862–1891, 1891–1897*. En 2 tomes. P., Plon, 1930–1931.

рый запирает его на замок.

Дек. 90 г. Он пишет: «Любви нет, есть плотская потребность сообщения и разумная потребность в подруге жизни».

91 г. «Мне и так мучительно, что мы окружены прислугой».

91 г. Графиня рассказывает о том, что она не может привыкнуть к грязи и дурному запаху, исходящему от графа. *Там же*, с. 283 (97).

92 г. Графиня рассказывает, что Л.Т. был способен радоваться только физической любви.

Все, как она говорит, ей сочувствуют и считают ее жертвой.

Потом споры по поводу авторских прав. С. 81 и 97, 131–137, 216, 145.

С. 88. Признание в двойной любви.

«…Люди, почему-либо болезненно сбившиеся с пути обыденной жизни, люди слабые, глупые, — те и бросаются на учение Льва Николаевича…»

«…этой ходульной фальши, которую он сам себе создал среди своих темных».

97 г. Он уходит из дома и возвращается только наутро.

97 г. Каждое утро он играет в теннис.

В 70 лет, проехав на лошади по снегу 35 верст, он признается в своей страсти к графине, которая

пишет об этом с изумлением.

* * *

Прозвище, придуманное Сталину его товарищами (в 17 г.): «серая клякса».

* * *

Вершина счастья — и мне навстречу выходит ночь.

* * *

Никто не стремился так сильно, как я, к гармонии, отказу, окончательному равновесию, но мне всегда приходилось добираться до них самыми опасными путями — через хаос, борьбу.

* * *

«Конечно, — говорил он, — мне страшно, что если я буду умирать, то умру не до конца и под землей мне будет не хватать воздуха. Но я пытаюсь себя урезонить. Если я боюсь, что мне не будет хватать воздуха, значит, я боюсь умереть. Надо выбирать что-то одно. Или я не умру и мне по-прежнему будет не хватать воздуха, но тогда

это не должно меня тревожить. Или же я умру, но тогда к чему тревога?»

* * *

Роман. Жанна П. и ее машинальный жест.

Там же. Военные кладбища на Востоке. В 35 лет сын подходит к могиле отца и замечает, что тот умер в 30 лет. *Он стал старше его*.

Здесь покоятся арабы. Забытые всеми.

* * *

Роман. Мечтания в автомобиле по дороге в Берар.

* * *

В. «Признаю, что действительно существуют люди более великие и истинные, чем другие. И в мире из них образуется невидимое и видимое общество, и это действительно оправдывает жизнь как таковую».

* * *

М. «Смешная смерть после смешной жизни. Только смерть великих сердец не может быть

несправедливой».

Испанские беженцы. Доменеч (гражданская война — война 39 г., Сопротивление, Бухенвальд — безработица), Гарсиа (которому А.Б. простил долг в 140 000 франков. «Да ты — как я, никогда не разбогатеешь»), Гонсалес (существует два класса — и они не могут работать вместе — Не приемлет любезности хозяина — Он хочет, чтобы с ним обращались сурово), Бертомеу: Хорал (а потом он жарит сардины прямо у себя в кабинете).

* * *

Джеймс («Послы»). «Ненавижу себя, когда думаю обо всем, что мы наверное забрали из жизней других людей, чтобы стать счастливыми, и что даже так мы не достигли счастья».

* * *

Мориак. Восхитительное доказательство мощи его религии: прийти к милосердию, минуя щедрость. Он не прав, бесконечно напоминая мне о страхе Христа. Кажется, я уважаю его больше, чем он, ибо никогда не позволял себе разглагольствовать о мучениях Спасителя по два раза в неделю на первой странице газеты для банкиров.

Он называет себя писателем плохого настроения. Похоже, так и есть. Но плохое настроение порождает неодолимое желание использовать крест в качестве метательного орудия. Поэтому журналист он блистательный, но писатель второго ряда. Достоевский-жирондист.

* * *

Роман. «В такие моменты, закрывая глаза, он принимал удар наслаждения, подобно парусному, внезапно взятому на абордаж в тумане: потрясенный от корпуса до киля, он бился в конвульсиях — от палубы до фока и всех его снастей и вант, идущих к бортам корабля, который еще долго продолжал трепетать — пока не начинал медленно ложиться на бок. Потом было кораблекрушение».

* * *

Роман. «Его поразило тогда, как мало у него дома было вещей. Только самое необходимое, никогда еще это слово не было более точным. Когда в одной из комнат жила его мать, она не оставляла за собой ни следа, разве что, изредка, носовой платок».

* * *

«Я жаждал самых возвышенных страданий, я взывал к ним, уверенный в том, что отныне обрету заключенное в них счастье (и буду способен насладиться им…)».

* * *

Если начинаешь дарить, то обрекаешь себя на невозможность подарить достаточно, даже когда отдаешь все. Да и возможно ли все отдать…

* * *

Никогда не говорите о человеке, что он обесчещен. Обесчещены могут быть поступки, общества, цивилизации. Но не личность. Ибо если личность не осознает бесчестья, она не может лишиться чести, которой никогда не имела. А если все-таки осознает, то получает страшный ожог, словно раскаленным докрасна железом провели по воску. Человек плавится, разрывается в огне невыносимой боли, но благодаря ей он может возродиться снова. Этот огонь есть пламя чести — она борется и утверждает себя в чрезмерности

своей боли. Вот самое малое из того, что я ощутил в тот день, точнее, в ту секунду, когда поверил, по недоразумению, что действительно совершил низкий поступок. Потом все оказалось неправдой, но в ту единственную секунду я научился понимать всех униженных.

* * *

Декабрь 1951 г.

Терпеливо жду медленно надвигающейся катастрофы.

* * *

Мои заявления по радио. Прослушав их, я нахожу себя отвратительным. Вот каким сделал меня Париж, несмотря на все мои усилия. Слишком долго я был один, с момента исчезновения «Комба» мне негде было говорить, защищать, свидетельствовать, если необходимо — оправдывать. Меня никогда не согревало душевное тепло других людей или хотя бы созерцание их щедрости. В конце концов я превратился в лед, и ко мне пришел этот ледяной тон, слишком презрительный, чтобы передать настоящее презрение, но совершенно отвратительный, когда его слуша-

ешь. Если я хоть на секунду ощутил бы настоящее доверие, я бы рассмеялся, и все уладилось бы.

* * *

Я понял, что такое вульгарность, благодаря некоторым великим буржуа, гордящимся своей культурой и привилегиями, как, например, Мориак: в определенный момент они начинают демонстрировать свое раненое честолюбие. И стремятся ранить других в то же место, куда ранили их, и тем самым обнажают настоящий уровень, на котором они живут в реальности. Тогда в них впервые торжествует добродетель смирения. Совершенно верно, маленькие нищие — но в злости.

* * *

Я никогда особенно не подчинялся обществу и мнению. А если и подчинялся, то в самой малой степени. Но только что я сделал решающее усилие. Я верю, что в этом смысле моя свобода тотальна. Свободен, следовательно, благожелателен.

* * *

С каждым днем я все более и более ужасаюсь себе.

* * *

Жизнь Веласкеса. Комментарий к Веласкесу.

Мера. Они считают меру способом разрешения противоречий. Мера может быть только утверждением противоречия и героическим решением прожить его и преодолеть.

* * *

Лучшая защита СССР от атомной бомбы — международная мораль, каковую он сам проповедует в своих публичных обвинениях. Единственный свой недостаток СССР компенсирует отсылкой к моральному суждению — тому самому, которое отрицается в его официальной философии.

* * *

Лицемерная несправедливость приводит к войнам. Неистовое правосудие ускоряет их приближение.

* * *

Марксизм ставит в упрек якобинскому и буржуазному обществу то же, в чем христианство упрекало эллинизм: интеллектуализм и формализм.

* * *

Пьеса. Он возвращается с войны. Все осталось по-старому, только он заговорил стихами.

* * *

Эмерсон. Всякая стена — это дверь.

* * *

Никогда ни на кого не нападать, особенно когда пишу. Время критики и полемики кончилось: Творчество.

* * *

Уничтожить *тотально* критику и полемику — отныне только постоянное утверждение.

Понять — всех. Любить и восхищаться — из-

бранными.

* * *

Наихудшая судьба — дурное настроение. Знаю по собственному опыту. Это было настоящим искушением после многих лет блистания и силы. Я много раз уступал ему и узнал о нем предостаточно, а потом избавился от него.

* * *

Овербеку казалось, что безумие Ницше не более чем симуляция. У меня было такое впечатление от сумасшедших вообще. Возможно, такова и любовь. Наполовину симуляция.

* * *

«Предел» — это, наверное, всеобщая истина. Моя — если я считаю себя одним из многих. Но для меня одного — это невыразимая истина.

* * *

Гийу [52] о Шамсоне [53]: «Для него другой — это лишь потенциальный прерыватель».

* * *

На весь мир обрушиваются извергающиеся из миллионов чудесных механизмов потоки печальной музыки.

* * *

Иуда возводит в принцип предательство и ненависть ради того, чтобы свидетельствовать о Христе, хотя бы косвенно. Результат: XX век. Лагеря — из-за недостатка любви.

* * *

Журналистика — это умственный бордель, как считал Толстой. Он хотел написать роман о том, что «нет в мире виноватых». Письмо умирающего Тургенева Толстому: «Я был рад быть вашим современником».

---

[52] Примечания: 52
Гийу, Луи (1899–1980) — французский писатель.

[53] Примечания: 53
Шамсон, Андре (1900–1983) — французский писатель.

* * *

Роман (или пьеса) — Персонаж: Эллан — Fur. см. Heliosang.

* * *

Миф об Эвфорионе. Дитя современного титанизма и античной красоты. Гёте заставил его умереть. А он мог бы жить.

* * *

Встретил вчера Ф. Вианнэ [54], которого не видел со времен оккупации и чудесных дней освобождения Парижа. И тут же безмерная, до слез, ностальгия соратников.

* * *

Man of Aran [55]. Кошмарная жизнь рыбаков. Они вызывают отнюдь не жалость, а восхищение и уважение. Падение человека происходит вовсе

---

[54] Примечания: 54

Вианнэ, Филипп (1917–1986) — французский журналист, участник движения Сопротивления.

[55] Примечания: 55

«Человек из Арана» (1934) — фильм Роберта Флаэрти.

не из-за бедности или беспрерывной работы. Его провоцирует подспудное порабощение на заводах и жизнь в пригородах.

* * *

Два часа ночи. Два самых любимых сна, которые я вижу многие годы. Один из них — постоянно являющийся в самых разных формах — о смертной казни. В эту ночь я внезапно проснулся, поэтому у меня в памяти осталось много подробностей.

Я иду на казнь. Со мной Скотто Лавина (алжирский друг, я мало с ним вижусь, но очень его люблю). Он говорит мне на ухо (группа ускоряет шаг): «Еще вчера жена мне говорила о N. и о N.». И я отвечаю: «Не надо произносить имен, ни в коем случае никаких имен собственных». Он говорит очень мягко, словно обращаясь к больному: «О! Простите». Кто-то из группы (там были надзиратели, чье присутствие я слабо замечал, и А. — она то возникала, то исчезала) спрашивает меня, почему не надо произносить имен собственных, и я отвечаю, подойдя к огромной лестнице: «Пусть останется только общее имя», — и повторяю эту фразу с чувством какого-то умиротворения. Мои дети стоят на верху лестницы, по которой я поднимаюсь в быстром темпе, вокруг меня

по-прежнему много людей, и, кажется, у меня связаны руки. (Еще у меня было такое впечатление, что меня подталкивали — все мы шли, наклонившись вперед.) Жан идет к укромному месту, и, увидев его, я говорю (но зрение словно еще не вполне вернулось, я вижу скорее нечто вроде зари — это было восторженное и тревожное открытие): «Потом он начнет все сначала». Я обнимаю детей и впервые плачу. Они, кажется, говорят мне, как обычно: «До свидания». Мы отходим от лестницы и оказываемся в здании, некоем подобии вокзала, из которого я выхожу только с А. и Верой. Вера сопровождала меня уже некоторое время — во сне я не знал, кто она такая, но после пробуждения я стал думать, что это была С [56].. На ней была крестьянская одежда в духе Центральной Европы, как у всех окружающих. Современный пейзаж, вокзалы, стройки, ночь, раздуваемая легким ветерком. От вокзала я направляюсь к месту казни, по-прежнему решительно и без охраны, моя тревога усиливается и становится невыносимой. Но я догадываюсь, что у Веры есть старинный пистолет, который она украла на вокзале (у кого?). Убедившись в

[56] Примечания: 56
Во французском оригинале «S.».

правильности своей интуиции, я кричу от радости: «О! Вера, я знал… (подразумевалось: ты все правильно сделала). Я так люблю тебя». Я беру пистолет и продолжаю стремительное движение. Мы приближаемся к группе работающих мужчин. Мне кажется, я немного колеблюсь, словно желая подождать еще, пожить еще. Но я вижу, что другие меня немного опередили. Пистолет оказался длинноват, и мне трудно приставить его точно к виску. Я поспешно стреляю, у меня мелькает мысль, что я так и не попрощался с А., да и вообще ни с кем. В моей голове раздается страшный треск. И я слышу фразу, что-то наподобие протеста, произнесенную одним из работающих мужчин (наверное, начальником), но ее содержание забыл в тот момент, как закончился мой сон.

* * *

Плутовской роман. Журналист — От Африки ко всему миру.

* * *

Пьеса о любви.

* * *

Ваша мораль — не моя мораль. Ваше сознание — больше не мое сознание.

* * *

В. «Если сегодня нашли бы лекарство от смерти, я не согласилась бы его принять. Моя боль (смерть его отца и матери), мое счастье (его любовь) имеют смысл, только если я тоже должна буду уйти».

* * *

Эмерсон. «Может случиться, что сторонник этой доктрины (согласно которой у человека есть душа) обратится в бегство при виде дневника, написанного в ночи каким-то неизвестным негодяем, который и не ведал, что творил, обмакивая перо в грязь и тьму».

* * *

Там же. «Что нам еще остается, кроме того, чтобы считать достоверным следующее: избегая лжи и гнева, мы завоюем человеческий голос

и язык».

* * *

Там же. «Человек станет великим вовсе не благодаря свой совестливости. Величие происходит от воли Бога, как хорошая погода».

* * *

Роман. Оккупация, поезд Сент-Этьен — Дюньер, зимний вечер. Поезд переполнен, два купе отведены для германской армии. Незадолго до станции Фирмини один немецкий солдат обнаруживает, что у него украли штык, когда он отлучался в туалет. Крики бешенства. Тут же были схвачены двое рабочих, торопившихся к выходу, чтобы вернуться домой после трудового дня, — их задержали в коридоре, и поезд уже стал отъезжать от станции. Протестовали они слабо, но было ясно, что они не виновны. На следующей станции солдаты высадили их. Они удалялись в ледяном тумане, смирившись с худшим.

Из поезда вышел очевидец произошедшего, он чувствовал себя несчастным. Он не мог следовать за ними. Он не знал, как их освободить. Он провел ночь в зале ожидания, думая о них. Не оставалось

ничего другого — только продолжать борьбу, чтобы такое не повторилось. А этих людей будут избивать и, возможно, они умрут.

* * *

Торо. «Пока человек остается верен самому себе, ему подчиняется все — правительство, общество и даже солнце, луна и звезды».

Там же. Эмерсон. «Почитание человеком своего гения — лучшая религия».

* * *

Ницше — сестре, о проблеме с Лу: «Нет, я не создан для вражды и ненависти… До сих пор я никого не мог ненавидеть. И только теперь я чувствую себя униженным».

Необходимость, по его мнению, тех, кто устраивал заговор «против Александра», — они «завяжут новый гордиев узел греческой цивилизации после того, как он был разрублен».

* * *

То что я сказал — я говорил ради блага всех людей и той части меня самого, что принадлежит

повседневности. Но другая часть меня знает тайну, которая никогда не должна быть раскрыта, и с ней мне суждено умереть.

* * *

«Лабиринтный человек ищет не истину, но всегда и исключительно Ариадну».

* * *

В Йенской клинике Ницше подолгу и в ясном сознании беседует с Овербеком обо всем, *кроме своих произведений.*

* * *

Гений — это здоровье, высокий стиль, прекрасное настроение на вершине разрыва.

* * *

Творчество. Чем больше оно дарит, тем больше получает. Растрачивать себя и тем самым обогащаться.

* * *

Бессмертен лишь тот, для кого все кругом бессмертно (Э.).

* * *

По мнению Эмерсона, американцы — чудесные механики, потому что боятся усталости и усилий: благодаря лени.

* * *

Каждый писатель, большой или малый, ощущает потребность сказать или написать, что гений обязательно бывает освистан современниками. Естественно, это неправда, так происходит случайно и редко. Но такая потребность многое объясняет.

* * *

Эмерсон, 1848. «Как у нас получилось, что развитие механизации послужило на пользу всем, кроме рабочего. Прогресс нанес ему смертельную рану».

* * *

Там же. «Всякий человек имеет право на то, чтобы его отличали и судили о нем по тому лучшему, что было в его влиянии на других людей».

* * *

Древние и классики представляли природу женственной. В природе растворялись. А наши художники делают ее мужественной. Она сама врезается в наши глаза и раздирает их.

* * *

«Никакой психологии в искусстве». «Ибо вам самому ее не хватает». «Может быть, но таков закон творчества: создавать из того, что есть. Потом вы должны будете судить не о том, что у меня есть, но о том, что я сделал».

* * *

Чтобы остаться в современном мире человеком, нужны не только неослабевающая энергия и постоянное напряжение, но еще и просто немного везения.

* * *

Роман. «Вопрос о любви отменился не сегодня. Вопроса о любви вообще никогда и не было. Я взывал к тебе из самых глубин своего сердца — многие годы после твоей любви. И взывал еще — после твоего *внимания*. Я не добился ни любви, ни внимания».

* * *

Пьеса. Д. Высокомерный, презрительный, отчаявшийся, категоричный.

* * *

Г [57]. прекращает писать роман из-за сцены, которую устроила жена. Он приезжает работать в Париж, но продолжение романа не получается. На самом деле он и не *хочет* отыскивать нить повествования, чтобы сохранить мысль и оставить нетронутой всю свою злобу.

---

[57] Примечания: 57
Во французском оригинале «G.».

* * *

Он казнил их собственными руками: «Надо, — говорил он, — расплачиваться собой».

* * *

Тем немногим людям, которые открыли мне возможность восхищаться, я отдаю высочайший в моей жизни долг признания.

* * *

Благодаря сексуальной свободе мы можем теперь хотя бы осознать ценность целомудрия и превосходства воли. Опыт — какой угодно, женщины — сдержанные или свободные, пылкие или мечтательные, и ты сам — разнузданный или осмотрительный, торжествующий или вовсе не способный на желание. Круг замкнулся. Больше нет ни тайны, ни вытеснения. Свобода духа стала почти полной, мастерство — почти всегда возможным.

* * *

Проект. Возобновляемый словарь («для Хро-

ник» [58]). Написать «Каприччо» (в духе Гойи).

* * *

В глубине моей души царит испанское одиночество. Выйти из него человек может лишь на «*мгновения*», но дальше он снова возвращается на свой остров. Потом (начиная с 1939 г.) я снова попытался быть вместе с людьми, заново пережил все этапы эпохи. Но тяжелым шагом, на крыльях воплей, под кнутом войн и революций. Сегодня я на пределе — и мое одиночество переполнено тенями и творениями, принадлежащими мне одному.

* * *

Игуапи. Мужчина на носу парома. Город, процессия. Мужчина, камень падают на землю. Гость берет камень, но проходит мимо церкви и идет к реке. Он загружает камень в длинную лодку и поднимается по реке к девственному лесу, где

[58] Примечания: 58

Имеются в виду «Злободневные заметки. Хроники 1948–1953», опубликованные в 1953 г.

исчезает [59].

* * *

У меня будут оспаривать даже смерть. И все-таки мое самое глубокое желание сегодня — тихая смерть, которая оставила бы в покое тех, кого я люблю.

* * *

Однажды вечером, рассеянно листая восхитительную книгу, я прочитал без запинки: «Как у многих страстных душ, пришел момент, когда ослабела вера в жизнь». Через секунду эта фраза снова зазвучала во мне, и я разрыдался.

* * *

Одна моя половина безмерно презирала эту эпоху. Даже когда я впадал в худшие свои заблуждения, честь всегда оставалась для меня высшей ценностью. И я зачастую приходил в отчаяние при виде чрезмерного упадка, охватившего наш век. Но другая моя половина готова была взять на

---

[59] Примечания: 59

Замысел рассказа «Растущий камень», который войдет в сборник «Изгнание и царство» (1957).

себя и упадок, и общую борьбу…

* * *

Комедия о прессе.

— Нюансировать? Если я найду в вашем словаре еще одно подобное слово, то выставлю вас за дверь.

(Театральному критику.) Здесь у этого автора нет друзей. Значит, вы скажете, что дело в идеях. Сегодня во Франции достаточно одного только подозрения в наличии ума, чтобы потопить человека. А вы будете на каждом шагу писать, что мы самый умный народ на земле. Публика допускает ум только внутри идиотских фраз.

Конец. На следующий день он напишет разоблачительную статью.

У публики нет памяти. — Ее память — мы.

Сцена с читателем.

Обзор газет: тот, кто выставляет Христа напоказ на первой странице газеты для сытых. Прогрессист — друг лагерей и т. д.

III действие — у него дома. Аскетизм.

Секретарю идеалистической редакции.

— Вашей газеты не заметно.

— Но ее читают.

— Газета создана для того, чтобы ее читали, но

на расстоянии. Надо иметь возможность читать ее у соседа в метро.

— Тот, кто читает у соседа, не будет ее покупать.

— Нет, но он будет о ней говорить.

* * *

28 февраля 1952 г. Открытие Бразилии, Вилла-Лобос — здесь к музыке возвращается величие. Шедевр — величия достиг только де Фалла.

* * *

Если мне суждено умереть сегодня вечером, я буду умирать с ужасным чувством, неведомым мне прежде, но сегодня причиняющим боль. Это ощущение того, что я приходил на помощь, и притом многим людям, но никто не придет на помощь ко мне… Мне нечем гордиться.

* * *

«Медея», сыгранная труппой театра «Антик». Не могу без рыданий слушать этот язык, мне кажется, что я наконец возвращаюсь на свою родину. Это мои слова, мои чувства, моя вера.

«Какое несчастье быть человеком, лишенным города». «О, сделайте так, чтобы я не остался лишенным города», — говорит Хор. Я — человек без города.

* * *

Немезида. Опьянение души и тела — не безумие, но комфорт и оцепенение. Истинное же безумие пылает на вершине бесконечной ясности.

* * *

Пресса не может быть истинной, потому что революционна. Она может быть революционна только потому, что правдива.

* * *

Ибсен («Кесарь и галилеянин»). После Олимпа и Голгофы — Третья Империя.

* * *

Полемика против Б.Ч [60]. Это подъем целой

---

[60] Примечания: 60
«Бунтующий человек» (1951) — философское эссе А. Камю.

массы тенебрионов. Читаю в словаре «Литтре»: «Тенебрион» — 1) Друг интеллектуального мрака. 2) Вид жесткокрылых насекомых, которые в состоянии личинки живут в муке. Другое название — моль.

* * *

У наших проклятых поэтов два правила: проклятия и интриги.

* * *

Любовь к Богу — наверное, единственная, какую мы еще способны вынести, ибо, несмотря на самих себя, мы всегда хотим быть любимы.

* * *

См. Ромен Роллан «Жизнь Толстого». С. 69. «Жизнь» в романе.

Там же. «Трудно любить женщину и не сделать ничего хорошего».

* * *

«Вакханки» [61]. Пенфей должен был бы сказать: «Мне не надо вашей чрезмерности. Я хочу умереть от своей».

* * *

Они — воплощение бунта, гордости, они — непоколебимая стена, встающая на пути поднимающегося духа рабства. Эту роль они не уступят никому — а тот, кто посмеет бунтовать иначе, будет отлучен.

Так что же происходит? Один человек мечтал о самой честной газете своего времени, созданной самоотверженным и тяжелым трудом сотни людей, и он, так сказать, дождался, что эта газета перешла в руки одного продажного финансиста, и ему пришлось продавать свои услуги этому торговцу с того момента, как все свободные люди покинули редакцию. А в это время другой человек, настраивавший и науськивавший против меня своего старого друга, пишет мне, что не стоит слишком верить словам этого старого поэта, а потом, внезапно испугавшись, снова пишет, умоляя не разглашать его письмо и маленькое

[61] Примечания: 61

План пьесы, вдохновленной Еврипидом и Ницше. Далее в «Тетрадях» Камю будет называть ее «Вакханка».

предательство. Еще один человек сначала просит меня об услуге, а получив желаемое, тут же бежит домой и крапает статью с оскорблениями в мой адрес, но потом, правда, он отправит мне новое письмо, чтобы смягчить впечатление. А вот еще один — из страха, что о нем будут плохо думать, поскольку он долгое время представлял издательство, злоупотребившее моим доверием, — просит меня дать ему возможность объясниться; он получает письмо, в котором я отказываюсь, из чистого благородства, смешивать его с работодателем, и, не теряя ни мгновения, настругивает эссе, в котором грустит по поводу того, что такие моралисты, как я, в один прекрасный день превращаются в полицейских.

Вот они, наши чемпионы, наши проклятые, спрятавшиеся под комфортабельной крышей проклятости и готовые выйти из-под нее только ради новых интриг. Вот кто гарантирует нам свободу, и они заявляют, что будут твердо держать знамя при надвигающейся грозе. Да ладно, первая же пощечина заправского полицейского поставит их на колени!

* * *

Фрагмент письма о «Б.Ч.».

Нас очень мало. Но истина должна предшествовать эффективности. Сначала надо понять, в чем истина, а потом уже думать об эффективности. К чему нам было бы быть миллионами, если первой заповедью нашей «церкви» было бы: «Ты солжешь?» Это вовсе не означает, что эффективность не имеет смысла. Ее смысл — вторичен. Выживание истины — не менее важная проблема, чем сама истина. Эта проблема возникает *потом*. Вот и все. И ее тоже надо решать… Христиан было сначала двенадцать, а марксистов — двое.

* * *

Письмо А. Маке [62].

Кажется, мне удается идти по жизни и как художнику, и как человеку, в равной мере. Что вовсе не очевидно. Это возможно благодаря доверию,

---

[62] Примечания: 62

Маке, Альбер (1922–2009) — бельгийский писатель и литературовед. В начале 1950-х работал над диссертацией о творчестве Камю, состоял с ним в переписке. В 1956-м опубликовал в Париже книгу «Альбер Камю, или Непобедимое лето».

с каким, при всем смирении, отношусь к своему призванию… Мои будущие книги не отвлекут меня от злободневных вопросов. Но я бы хотел, чтобы они не подчинялись им, но подчинили их себе. Иначе говоря, я мечтаю о более свободном творчестве, с тем же самым содержанием… Тогда мне станет понятно, настоящий ли я художник.

* * *

Согласно Мелвиллу, рыбы южных морей — *прилипалы* — плохо плавают. Поэтому единственный для них способ передвижения — прицепиться к спине большой рыбы. Они опускают в желудок акулы нечто вроде трубки, откачивают оттуда пищу и преспокойно размножаются за счет усилий охотящейся хищницы, ничего не делая сами. Таковы парижские нравы.

* * *

Некоторая разновидность людей знает, кем она может свободно распоряжаться. Прежде всего, теми, кто проявляет, насколько хватает сил, щедрость и верность и кому благопристойность не позволяет использовать все эти преимущества.

* * *

«Вакханка». Два Диониса:

1) Бог земли. Черный Бог, мужественный Бог. Иакх [63], персонификация крика.

2) Азиат-декадент: вино и сладострастие, болтовня. Тот, кого не признавал Пенфей.

Убийцы не могли проходить инициацию в Элевсине (Нерон не осмелился), а также те, «чей голос был несправедлив».

Второй день мистерий: «В море, мисты».

Дионис сам налегал на весла, чтобы попасть в ад.

3 бога в Элевсине: Иакх, Деметра (мать), Триптолем.

Смысл: смерть не приносит боли. Вся земная жизнь — суть смерть, смерть — избавление.

Отголоски у Луки: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовествуй Царствие Божие».

Дионис I воссоединит Пенфея: «Вот твой Бог, радуйся, но поклоняться мне может только тот,

---

[63] Примечания: 63

Иакх, или Иякх, — греческое божество, связанное с элевсинскими мистериями, во время которых восклицали «иакх!» или «иякх!». Впоследствии произошла интерференция Иакха с Вакхом-Дионисом.

кто доказал, что никогда не уступит разврату души и тела, ложному богу, которого я всегда заставляю идти передо мной. Отныне тебе открывается мудрость.

— О, я сгораю от нетерпения ее узнать.

— Вот она: теперь ты завоевал право на безумие…»

Пенфей и Вакханка безостановочно кричат в то время, как падает занавес.

Или еще: «…Подожди же, пока все спят. Послушай. Все замолкает. Вот теперь ты имеешь право на безумие. Ты один. В одиночестве. И пусть оно убьет только тебя!»

Входит Дионис II, а за ним Дионис I, переодетый в скептика-дилетанта (Силен?): «Наслаждаться, наслаждаться!»

Начало: старцы бегут к вакханкам.

Философ (Он убивает? Как он убивает? Хорошо ли, и т. д.? Он, умеющий так хорошо убивать, и я, умеющий так сильно рассуждать… Вместе мы сотворим чудеса. Я одолжу ему свои аргументы, и он убьет для меня.)

Поэт.

Жрец: жрец, что ты будешь с ним делать?

Торговец.

Нигилисты.

Вакханка: она хочет туда пойти. Пенфей возражает: «Город надо сохранить. Город не должен быть принесен в жертву любви».

Дионис I и Пенфей: «Кто ты такой, чтобы выставлять напоказ столько добродетели? — У меня нет добродетели. — Разве ты страстно не желал женщин? — Да. — Разве ты не брал их? — Да. — Разве ты не жесток? (*Бьет его.*)»

Пенфей разорван на куски. Дионис II и вакханки празднуют жертвоприношение.

Внезапно появляется Дионис I и заставляет их замолчать.

II — Кто заставит умолкнуть крики безумия?

I — Тот, кому ведомо безумие и кто умеет его подчинить.

Там же. Такой человек, как я, раб, если бы ты только мог понять, что в нем. У меня достаточно гнева, чтобы дать Богу пощечину, и желания… чтобы заставить жену моего лучшего друга… Но мне противны эти псы, бегущие друг за другом, требующие от чужого желания, чтобы оно заменило их собственное. Я, добродетельный! (Взрывается от хохота.) По правде говоря, я хотел бы быть добродетельным, но кровь моя в огне, а мой ум, со всей его мощью, способен на все.

* * *

В сорок лет смиряешься с отторжением части себя. О, если бы небу было угодно, чтобы вся нерастраченная любовь возродилась снова и от нее расцвело бы в будущем произведение, на которое у меня сейчас больше нет сил! [64]

* * *

...Все мужчины и женщины наваливаются на меня, чтобы уничтожить, без устали требуя своей доли, и никогда, никогда не подают мне руки, не приходят на помощь, наконец, никогда не любят меня за то, что я есть, и не хотят, чтобы я оставался собой. Они ценят мою безграничную энергию и считают, что я должен им отдавать ее и обеспечивать их жизнь. Но все свои силы я уже отдал изнурительной страсти творчества, а в остальном я самый нищий и самый нуждающийся из всех существ.

---

[64] Примечания: 64
А. Камю исполнилось 40 лет 7 ноября 1953 г.

* * *

Роман. «У него не было больше сил любить ее. Живой в нем оставалась лишь способность страдать от любви, он испытывал только чувство лишения или отсутствия. Она не могла уже дать ему ничего, кроме страдания. А радость давно умерла».

Там же. «Можно было подумать, что она вся — воплощенная непокорность, и действительно, это существо, увенчанное пламенем, пылало, как мятеж. Но в еще большей мере она была воплощением всеприятия. “Я согласилась бы с тем, чтобы умереть сегодня (в тридцать лет), ибо я уже испытала много радостей. И если бы мне пришлось родиться снова, то я хотела бы прожить такую же жизнь, несмотря на все ее величайшие горести”».

* * *

Я не верю тем, кто говорит, что от отчаяния они бросаются в сладострастие. Настоящее отчаяние всегда вызывает лишь боль или апатию.

* * *

Ну вот, и вы такая же шлюха, как все остальные!

* * *

Кто ничего не дает, ничего и не имеет. Самое большое несчастье не в том, что тебя не любят, а в том, что не любишь сам.

* * *

Я разрываюсь между бытием, тотально отвергающим смерть, и бытием, тотально ее принимающим.

* * *

Слишком много белых телец, недостаточно красных, а еще они пожирают друг друга: Франция в состоянии лейкемии. Она больше не в состоянии вести войну или произвести революцию. Реформы — да. Но зачем обманывать, обещая ей что-либо? Прежде всего ей надо обновить кровь.

* * *

Стиль. Недоверие к готовым формулам. Они подчас словно гром: грохочут, но света не дают.

* * *

Бохари — Джельфа — Маленькая пустыня. Нищета — крайняя, без единой капли воды, — и она царственна. Черные палатки кочевников. Сухая и жесткая земля, и я на них похож: и у меня ничего нет, и я не могу ничем обладать.

Лагуат [65]. Перед скалистым холмом, покрытым сложенными слоями кремня (это огромное пространство), из глубины горизонта черной волной набегает ночь, а в это время запад краснеет, розовеет, зеленеет.

Неутомимые ночные собаки.

Посреди оазиса стены грязи, над которыми сияют золотые плоды. Тишина и одиночество. Потом выходишь на площадь. Тучи веселых детишек вертятся, словно маленькие дервиши, и смеются

---

[65] Примечания: 65

Лагуат, а также упомянутые выше Бохари (Ксар эль Бухари) и Джельфа — алжирские города. После посещения в декабре 1952 г. юга Алжира у А. Камю возникает замысел сборника рассказов «Изгнание и царство», который отразился в его заметках на последующих страницах «Тетрадей» (см. ниже — «Новеллы изгнания»).

во весь рот, сверкая зубами.

Может быть, пора поговорить о пустыне, где я нашел себе прибежище — из глубины горизонта… И я надеюсь увидеть, как возникают сказочные животные, а может быть, просто найду там не менее сказочную тишину и очарование…

* * *

Г-жа В.Р. о Мальро, который собирался в Японию: «Туда едут только для того, чтобы вернуться». Но все мы немного такие.

* * *

Наивность интеллектуала 1950 года: он думает, что надо стать тверже, чтобы возвыситься.

* * *

Летнее солнцестояние. Новелла, в которой действие будет происходить в самый долгий день в году.

* * *

Цветы над высокими стенами вилл в богатом алжирском квартале. Другой мир, из которого я

всегда чувствовал себя изгнанным.

* * *

Смерть консьержа. Его жена больна, она уже не вставала с большой кровати. В единственной комнате на маленькой раскладушке рядом с ней лежал мертвец, а еще недавно с ним можно было встретиться пару раз в день, заходя за почтой.

«До свидания, — говорила она, — мой дорогой, мой дружочек. Какой он большой! Это потому, что он действительно был большой…» Гроб выносили наскоро и в вертикальном положении. В траурной процессии шли только соседи. «Надо же, только три дня назад я пил с ним лимонад с мятой». — «Только я собрался заменить его двигатель на газовый».

На кладбище нас было четверо. Могильщик дал каждому по гвоздике, которые мы бросим сейчас на гроб того, кому теперь уже все безразлично.

* * *

Едва переступив порог Бухенвальда, маленький француз просит разрешения поговорить с глазу на глаз со встречавшим его служащим, который тоже был заключенным: «Потому что,

видите ли, мой случай исключительный, я невиновен».

* * *

Новость о дне ужасной жары *в Париже*.

* * *

Роман. Депортированный. Его жена и дети тоже были высланы. Они погибли. После возвращения этот мужчина, очень умный и мягкий, посвящает себя поиску убийц… Он вталкивает его в комнату. Говорит ему: «Я понял это там — нельзя убивать в том же месте, где унижают. Так будет чище. Вот телефон. Звоните. У вас есть время».

* * *

Пьеса о Возвращении и Истине.

Сцена I — Женщина и подруга ждут его.

Сцена II — Он возвращается и признается жене в присутствии подруги, что та была его любовницей.

* * *

Новая Бразилия. Урубу захрипел, раскрыл клюв,

стал тщательно готовиться к полету, дважды похлопал по телу пыльными крыльями, поднялся на два сантиметра над краем крыши, упал и почти сразу заснул.

* * *

Одна за другой падали в море звезды, из неба выплескивались последние капли света.

* * *

В конце концов он принес камень в самый нищий дом. Местные жители, ни слова не говоря, потеснились, чтобы дать ему дорогу. В тишине был слышен только шум реки. — Здесь мы последние, последние среди последних.

* * *

— Европа… Собаки.

— И я тоже собака. Я разнюхивал и блудил.

— Не вижу разницы.

— Очень маленькая. Мне стыдно.

— О! Да вы богаты!

— Нет, не очень. Но даже будучи очень бедным, я всегда жил как богач.

— Этого вы и стыдитесь?

— Именно. И того, что лгал о разнюхивании и блуде.

— Хорошо. Ничего не поделаешь.

— Нет.

Там же.

— Мы не можем помешать себе. Мы не можем помешать себе. А потом приходит момент, когда мы не можем больше ничего.

* * *

Новелла «Высокие Плато». Мужчина приходит и сам объясняет, в чем состояло его преступление.

«Вот. Это дорога к Джельфе. Увидишь машину. Остановишь. В Джельфе есть жандармерия и поезд. А эта трасса, наоборот, проходит через Высокие Плато. В одном дне пути отсюда ты увидишь первые пастбища и кочевников. Они примут тебя. Они бедны и несчастны, но гостю они готовы отдать все.

Молчавший со вчерашнего дня мужчина только сказал:

— Это короли?

— Да, — ответил Пьер. — Они и есть короли.

* * *

Новелла «Молчание».

Рабочие возвращаются из мастерской (бочарное дело) после провала забастовки. Они молчат. Так проходит день в мастерской.

Во второй половине дня хозяина внезапно разбил паралич. Мастер сообщает об этом рабочему. Рабочий не разговаривает. После работы он начинает рыдать, положив руки на стол. «Надо же, надо же».

* * *

Сборник новелл — стремительно, на одном дыхании.

Побережье Тихого океана. Немая девочка. Она не сумела сказать ему, что беременна. Он берет ее на руки и бежит. Она умирает.

* * *

Новеллы под названием «Новеллы изгнания»:

1) Лагуат. Неверная жена.

2) Игуапи — человеческая теплота, дружба чернокожего кока.

3) Высокие плато и приговоренный.

4) Художник, ограничивающий себя (название: «Иона»).

Потом он перестает писать. Он ждет, положив руки на колени. Теперь я счастлив.

5) Интеллектуал и тюремщик.

6) Смятенный дух — миссионер-прогрессист хочет приобщить варваров к цивилизации, а они отрезают ему уши и язык и отправляют в рабство. Он ждет приезда следующего миссионера и с ненавистью убивает его.

7) Новелла о безумии.

* * *

«Смятенный дух». «О лжецы, о лжецы! Уж я-то его знаю. Он подставлял подножки слепцам, называл нищих грязной рванью. Его прибили к стене гвоздями, о лжецы, и содрогалась земля. Только что мы убили праведника». Мораль была спасена. Вон он, его голова в стене. Когда они приколачивали его, один гвоздь пробил голову насквозь, — я физически чувствую в своей голове, как в нее входит этот гвоздь. Какая каша! Какая каша! И потом, под конец, ему отрубили язык. Это после того, как он сказал: «Почему ты покинул меня?» Ему не позволили продолжать, не подпу-

стили к столу, не дали перейти к признаниям…

Ненависть — вот слово: я открыл ненависть. Ненависть напоминает мне мятную пастилку, когда во рту ледяной холод, а в животе огонь. Нужно быть злым, быть очень злым. Но я раб, это очевидно. Но если я зол, то я больше не раб. Мне наплевать на их доброту.

…Вот он. В пустыне раздается большой взрыв. Он падает носом на камни, голова всмятку, но тело еще корчится. «Руки крестом, крестом руки», — прокричал было я. Но в тот самый миг в ненасытную синеву небес хлынули гейзеры серых и черных птиц. Где-то вдали шакал втягивал носом ветер и подкрадывался маленькими шажками к мертвецу.

В конце концов он был распят. Отче наш иже еси…

Как можно получить прощение, если мы лжем, а другой и не ведает, что надо прощать. А значит, необходимо сказать правду хотя бы раз перед тем, как умереть, или принять смерть без прощения грехов. Можно ли придумать смерть более одинокую, чем смерть человека, исчезающего, запертым наглухо в своих обманах и преступлениях.

* * *

Анти-Европа. Чилийское побережье Тихого океана. Пятнадцатилетняя девочка не отрывает от него глаз. В той лачуге она одна. Он расспрашивает ее. Она не отвечает, но пристально смотрит на него. Она немая. Безмолвная любовь на фоне моря.

* * *

Роман. «При виде ее самозабвенного наслаждения я долгое время верил, что мы сообщники в сфере желания. И мне понадобилось много лет, чтобы понять: она и большинство женщин никогда не признавали никакого сообщничества, кроме любви».

* * *

Я всегда любил море и пляжи. А потом пустынные пляжи моей молодости заполонили торговые лавки. Теперь я люблю только океан — там, где кажется невероятным даже само существование берегов. Но однажды на бразильских пляжах я снова понял, что для меня нет большей радости,

чем идти по девственно чистому песку навстречу звучащему свету, наполненному свистом волн.

* * *

Роман. «Во время оккупации он заметил, до какой степени он невольно становился националистом, когда любовался на бродячего пса, бегущего радостно за немецким солдатом».

* * *

Г [66]. Он крайне обходителен, и трудно догадаться, насколько он раним. Для этого нужно время. И в течение всего этого времени рискуешь его ранить.

* * *

Роман. «Разница ритмов у разных существ, а также разница ритмов в одном и том же существе. Начав соблазнение, Д. тянет время. Потом внезапно звонит ей по телефону, проезжает 1500 километров, ведет ужинать и той же ночью овладевает».

---

[66] Примечания: 66
Во французском оригинале «G.».

* * *

Отныне я действительно одинок, но по собственной вине.

* * *

Мы хотим прожить чувства прежде, чем их ощутим. Мы ведь знаем, что они существуют. Традиция и современники приносят нам доходы с них — постоянные, но, впрочем, всегда ненастоящие. Выходит, мы проживаем чувства по доверенности. Используем их, так ни разу и не прочувствовав.

* * *

Роман. «Будучи бесконечно перед ней виноват, он каждый раз искал малейшего случая, когда она проявляла недостаточно если не любви, то внимания. Тогда он осыпал ее упреками, но не потому, что мог надеяться смягчить свою вину, но чтобы она разделила с ним состояние виновности и продолжала жить рядом, но теперь уже на пустынной земле, лишенной любви».

* * *

От всего этого уныния меня спасало только одно: я никогда не переставал верить в то, что за неимением лучшего слова я называл «своей звездой». Но сегодня я больше не верю и в нее.

* * *

Саш («За пятью прутьями решетки») [67]. «Без католицизма можно прекрасно прожить, но я совершенно не могу жить без мысли о Христе».

Цитирует Монтескье: «Если бы люди были абсолютно праведны, у них вовсе не было бы друзей».

Цитирует Бальзака: «Гений похож на всех, а на него — никто».

«Хорошо предает любовь только тот, кого любят».

«Каждый получает такую смерть, какую заслуживает».

«Больше всего неприятностей не от людей, которых ты обидел, но от свидетелей, которые хотят играть роль добровольных судей».

---

[67] Примечания: 67

Саш, Морис (1906–1945) — французский писатель. Его роман «За пятью прутьями решетки» был опубликован в 1952 г.

* * *

Моя трагедия не в том, что я одинок, но в том, что не могу быть один. Порой мне кажется, что отдал бы, наверное, весь свет, чтобы разорвать связь с миром людей. Но я сам — часть этого мира, самое мужественное — было бы принять и его, и свою трагедию.

* * *

Дать описание постановки «Дон Жуана» Мольера.

* * *

Пьеса. Человек, который *не может ненавидеть.*

* * *

Люди постепенно учатся жить. А я, для кого жизнь была столь естественна, постепенно разучивался жить, и так происходило до тех пор, пока мои мысли и деяния не вступили в резонанс со страданиями и бедами других людей или меня самого, с невыносимой тяжестью этого мира,

которым я так наслаждался вначале.

* * *

Своры собак — они собираются в городах и глодают идеи.

* * *

Воклюз. Вечерний свет становится тонким и золотистым, как ликер, и медленно растворяет болезненные кристаллы, которыми порой было изранено сердце.

* * *

Пара. Только одно требование может ограничить все остальные. Оно требовало лишь не умирать, и я взывал к жизни.

* * *

Он хромал, поэтому надевал обычно шляпу набекрень.

* * *

Русский критик Разумник говорил по поводу

пьесы Маяковского «Мистерия-буфф»: «Вопрос о глубочайшей мировой связи враждебно стоящих друг против друга исторического христианства и исторического социализма».

* * *

Шар [68] предлагает в качестве девиза: Свобода, Неравенство, Братство.

* * *

Материальный прогресс в очень большой мере улучшает человеческую природу сверх необходимого. Но он начинает вредить, если выходит за рамки этой меры, когда возникает богатство. На этой границе и держится истинное равновесие морали.

* * *

Век ясности. Опасность катастрофы настолько высока, что она начинает совпадать с неизбежным уделом человеческого существования вообще. Принять правила игры сегодняшней эпохи — то же самое, что принять правила смер-

---

[68] Примечания: 68
Шар, Рене (1907–1988) — французский поэт.

ти. Наш век самой крайней опасности есть век высшей ясности.

* * *

«Тан модерн» [69]. Они допускают идею греха и отказываются от благодати. Жажда мученичества.

* * *

Ад — это рай плюс смерть.

* * *

Ад здесь — в том, чтобы жить. Избежать его можно только тому, кто исключит себя из жизни.

* * *

Что будет свидетельствовать о нас? Наши творения. Увы! Тогда кто? Никто, никто, разве только те друзья, что видели нас в мгновение озарения,

---

[69] Примечания: 69

«Тан модерн» — политический, литературный и философский журнал, основанный Ж. П. Сартром и С. де Бовуар в 1945 г. В дальнейшем по тексту встречается сокращение Т. М. Здесь речь идет о полемике между Камю и Сартром по поводу эссе Камю «Бунтующий человек».

когда сердце целиком доверялось другому человеку. То есть те, кто любит нас. Однако любовь — это молчание. Каждый человек умирает в неизвестности.

* * *

Сентябрь 1952 г. Полемика с «Т.М.». Атаки со стороны «Ар», «Каррфур», «Ривароль». Париж — джунгли, где дикие звери несчастны.

* * *

Парвеню революционного духа, нувориши и фарисеи правосудия. Сартр *вероломен* и в человеческом, и в духовном плане.

* * *

«Лучший Друг». Одно действие. N. в гостях у семейства Z. Они говорят об Y., лучшем друге N., который опаздывает. N. долго расписывает его добродетели. Семейство Z. напоминает о недомолвках Y. по поводу N. N. постепенно разоблачает те самые добродетели, которые оказываются недостатками. Семейство Z. обращает внимание на благожелательное высказывание Y. об N. N.

начинает обратное движение. Приходит Y. N. бросается к нему и обнимает. «О, — говорит Y., — как хорошо оказаться среди друзей».

* * *

Духоборы. Христианство — внутри человека. Оно умирает и воскресает в нас самих. У каждого христианина два имени. Одно телесное, другое духовное, данное Богом при его духовном рождении и в зависимости от его деяний. Это второе имя на земле не известно никому; его узнают в вечности.

Наш брат не умер, он изменил имя.

* * *

Духоборы. По-русски это те, кто борется с помощью духа.

* * *

Собственность — это убийство.

* * *

Практическая мораль.

Никогда не обращаться в суд.

Деньги дарить или терять. Не извлекать из них прибыли, не заниматься их поисками, не требовать их у кого-либо.

Название: «Маленький трактат о практической морали» — или (для провокации)«О повседневной аристократии».

* * *

Полемика с «Т.М.». — Плутовство. Единственное их оправдание — ужасная эпоха. В конечном счете в них чувствуется склонность к рабству. Они мечтали прийти к рабству каким-нибудь благородным путем, с большим количеством мыслей. Но королевского пути к рабству не существует. Есть жульничество, оскорбление, предательство брата. А потом тридцать динариев.

* * *

Теплая вода на побережье Орана. Свет Африки: жадное пылание, сжигающее сердце. Я был слишком молод.

* * *

Порой глубокой праздничной ночью, когда

алкоголь, танцы до самозабвения быстро приводили нас в состояние счастливого утомления, мне, по крайней мере на какой-то миг, казалось, что именно в той крайней усталости я наконец постигну тайну человеческого бытия и смогу когда-нибудь ее выразить. Но усталость исчезала, вместе с нею и тайна.

* * *

Брюнетьер еще задолго до Сартра выступал за театр ситуаций и против театра характеров. Тогда Копо сводил эту проблему к одной фразе: «Ситуация стоит того, чего стоят характеры».

Там же. Копо по поводу «ремесла» и «хорошо сделанной пьесы». Не смешивать «рецепт» и «ремесло». См. «Рассуждение о драматической поэме» Корнеля.

* * *

Любое общество, и в особенности литературное, стремится пристыдить своих членов в их высших добродетелях.

* * *

«Любовь издалека» в комедии дель арте. Романтическая «Принцесса Клевская».

* * *

Роман. «Все эти дни он ненавидел не ее. Ненавидеть в ней было нечего, зато почти все можно было любить. Он ненавидел в ней себя — и несостоятельность, и бедность, и бессилие любить то, что нужно было любить, и жить в том, что должно было быть достойным ее и его…»

* * *

Нация с денежными трудностями и любовными огорчениями.

* * *

«Непостоянство в любви так же чудовищно, как несправедливость в душе». Паскаль.

* * *

Там же. «Любовь и разум есть лишь одно и

то же».

* * *

Надоедливой нищенке, проявлявшей настойчивость, хозяйка ресторана говорила, показывая на тех, кто ел лангуста: «Ну поставьте себя на место этих дам и господ».

* * *

Роман. «Больная мать. Он бросился на грудь этой убогой женщине и зарыдал. Многие годы он не позволял себе ничего подобного ни с одним человеком — он ни у кого не просил защиты. Другие люди позволяли себе обращаться к нему с просьбой о помощи. Но сам он никогда не разрешал себе поддаваться слабости. Поэтому и выбрал воплощение бессилия и горя».

* * *

Пьеса: Леспинас [70] Элиза.

---

[70] Примечания: 70

Пьеса посвящена жизни Жюли де Леспинас (1732–1776), прославившейся своим литературным и философским салоном, где собирались видные деятели француз-ского Просвещения. Здесь Камю называет ее Элизой, в дальнейшем будет использовать имя Жюли (в набросках Камю — Julia).

Действие I.

1) Элиза и д'Аламбер (она говорит ему о своей любви к Гонсальве).

2) Элиза и Гибер (сраженные внезапной любовью).

3) Признание Гибера Луизе (холодным тоном).

4) Весть о возвращении Гонсальве.

5) Гонсальве и Элиза.

Действие II.

1) Д'Аламбер и Гонсальве.

2) Элиза и Гонсальве (получает письмо и должен уйти — сцена прощания).

3) Д'Аламбер и Элиза.

4) Гибер и Элиза. Она уступает всепоглощающей любви:

«Значит у вас больше нет чувств? — Вы действительно так думаете?» Она поворачивается, слышит, как он бежит к ней и падает в его объятия.

Действие III.

Растерзанная любовь — Смерть Гонсальве. Она в объятиях Гибера, д'Аламбер входит с письмом: «Он умер». Она читает и кричит: «Знаете, что он мне сказал? Что он счастлив умереть уверенным в моей любви».

Сцена между Гибером и Элизой: «О! Теперь я

люблю тебя», — говорит она.

Действие IV.

Любовь по недоразумению. Она хочет быть любимой Гибером, как была любима Гонсальве. Вы меня не любите. Свадьба Гибера.

Действие V.

Д'Аламбер и Гибер. Она больна. Ее нельзя увидеть. Она очень изменилась. Он признается в любви к Элизе. Д'А.: «Вы пришли слишком поздно. Так поступают те, кто не способен любить. Их страсть чрезмерна: напрасная любовь в тот момент, когда она совершенно бесполезна».

Последняя сцена: смерть Элизы. «Ведь он заслуживал такой любви?»

— Да, Элиза. Но ты заслужила, чтобы тебя любили так, как ты была любима.

— Была ли я любима? Была ли я действительно любима?

Входит Гибер. «Гонсальве!» — говорит она.

Или же я умру без его прощения.

Чьего прощения, Гибера?

Нет. Гибер дал мне познать любовь, в которой нужно что-то прощать. Но тот другой — не знал, никогда не знал такой любви. Как он может простить?

* * *

Когда моя мать отводила от меня глаза, у меня всегда, глядя на нее, накатывались слезы.

* * *

Р.: Женится на женщине, у которой раньше был любовник (ее жених). Она открыто призналась ему в этом. Он говорит, что любит ее и что это не имеет значения. Ревность к прошлому. Вопросы и допросы ночи напролет. На следующий же день после свадьбы он берет билеты и едет в город, где живет бывший жених, чтобы «сделать отметину на его лице» (он прячет в свертке лезвия бритвы). Долгие годы он так и не может успокоиться. Пишет оскорбительные письма (Г-жа N. у г-жи А.). Потом заставляет ее, чтобы она уговорила свою подругу переспать с ним. «Я чувствую себя обиженным», — говорит он, а потом принуждает ее попросить о той же услуге у сестры и т. д. (запрещает поехать в страну ее детства, где она познакомилась с N.) и т. д. и т. д. Пока не доводит ее до безумия.

* * *

Стихи сожалений об Алжире.

* * *

Это первое утро было скорее влажным, чем дождливым, марсельские мостовые превратились в парижские, и только разношерстная толпа напоминала о том, что здесь начинался другой мир. И вдруг — цветочный рынок на Канебьер. Полки ломятся от декабрьских цветов, покрытых перламутровыми каплями воды, сочных, блестящих. Анемоны, ноготки, нарциссы, гладиолусы…

* * *

В море. Море под луной, молчаливые пространства. Да, здесь я чувствую себя вправе спокойно умереть, здесь я могу сказать: «Я был слаб, но я сделал все, что мог».

* * *

Типаса. См. заметки.

* * *

От Лагуата до Гардая. Временные озера и призраки деревьев. Растрескавшиеся шебки. Царство камней, в течение дня испепеляющих, а ночью леденящих и в конце концов взрывающихся под ужасным давлением, рассыпаясь в песок. Камни повсюду. И на покрытом кусочками сланца кладбище Лагуата, где мертвецы обнимаются друг с другом под каменными завалами. И на скудных участках пахоты, которые иногда встречаются в пустыне, — здесь так просто выбрать среди камней наиболее подходящий материал для строительства. Если в этой стране и пашут землю, то лишь для того, чтобы собрать урожай камней. Земля так ценна, что ее соскабливают в углублениях между камнями и бережно переносят, словно причастие для умирающего, в большие корзины. Вода. Земля, обструганная до костей, до сланцевого скелета. Гардая и священные города, опоясанные охровыми холмами, одеты сами в латы красных стен.

* * *

Подобно тем камням в пустыне, на первый

взгляд случайно сваленным в кучу и едва отличающимся от остальных нагромождений, — камням, что указывают людям, которых учит бедность, на таинственные пути, ведущие к воде или сухой траве.

* * *

На юге засуха, а значит голод, — гибнет восемьдесят тысяч овец. Все население скребет землю в поисках корешков. Бухенвальд под солнцем.

* * *

В Вене на виселицах сидят голубки.

* * *

Во Франции для каждой профессии предусмотрена определенная доля участия иностранных рабочих. Скажем, в шахтах этот процент возрастает с глубиной. Франция — земля обетованная, но здесь требуются прежде всего рабы.

* * *

А. Б. Подавленный Люцифер Орана.

* * *

Не забыть — В Лагуате странное впечатление силы и неуязвимости. Договорился со смертью — значит стал неуязвимым.

* * *

Объяснять ужасы современности через страх. А потом показательные процессы в СССР и т. д. Предательство левой интеллигенции.

* * *

«Злободневные заметки» — Не располагая никакой информацией, кроме официального сообщения Москвы, десять французских врачей, половина из которых евреи, подписывают заявление, приветствующее арест их советских собратьев, из которых $^{9}/_{10}$ — евреи. Торжество научной мысли. Немного позже та же Москва заявляет о невиновности этих врачей, но их по-прежнему держат в тюрьме.

* * *

Пустыня и песочные часы.

* * *

«Злободневные заметки». Депутаты отказались передать жилищному строительству миллиарды, выделенные сначала для производителей алкоголя. Двойной удар: одновременно рост трущоб и производства алкоголя. Шестьсот якобинцев — гигантов свободы, стоят на коленях перед бистро.

* * *

Гуманизм. Я не люблю человечество вообще. Я испытываю прежде всего чувство солидарности, что не одно и то же. И потом, я люблю только отдельных людей, живущих или уже умерших, но люблю с большим восхищением и всегда стремлюсь, ревностно и страстно, сохранить или защитить во всех остальных то, что, волей случая или в один прекрасный и непредсказуемый день, делает их похожими на этих избранных.

* * *

Безумие Фабра [71], администратора «Театр Франсе». Он верил только в истинность мира зеркал. Все остальное было лишь отражением.

* * *

Бенжамен Констан — Дневник [72]. «Точность в материальных описаниях жизни привлекает того, кто стал одинаково безразличен ко всему».

О «Фаусте» Гёте — удручающее суждение с. 59.

«…овладев тем, что придает цену жизни, — славой и свободой, все народы (так же как и древние) ощутили в то же самое время, что надо уметь презирать жизнь и отказываться от нее. Читающие же нам наставления против самоубийства оказываются именно теми людьми, чьи мнения превращают жизнь в нечто презренное и лживое, — сторонниками рабства и низости…»

«И я не знаю никого, кроме себя, кто умел бы чувствовать за других людей лучше, чем за себя, ибо меня преследует сострадание…»

Ср. с. 81. «Мужчины, которых считают суро-

---

[71] Примечания: 71

Фабр, Эмиль (1869–1955) — французский драматург, работал главным администратором «Театр Франсе» в 1915–1936 гг.

[72] Примечания: 72

Цитируется по французскому изданию 1952 г.

выми…»

«Литература и слава нарушают жизнь, принуждая выставлять мнения напоказ и защищать их».

«Прогулка с Симондом. Он упрекал меня в том, что я проявлял мало интереса к нему и ко всем окружающим. Но никто не знает… мое положение далеко от нормального, поскольку связь с Бьондеттой вообще отняла у меня ощущение, что я могу свободно располагать своей жизнью…»

Ср. с. 133–134.

«Амбиция значительно менее корыстна, чем это принято думать, ибо для того, чтобы жить в покое, надо приложить почти столько же труда, сколько для того, чтобы управлять миром».

«Жизнь моя утекает, как вода».

«И тогда у меня возникло чувство, настолько противоположное ощущению краткости земного бытия, что я не мог осознать его должного значения, чтобы прийти к сильному решению, не важно какому конкретно».

С. 201. О бесполезности споров с французскими литераторами: «Прежде чем обсуждать вопрос, следовало бы разъяснить каждый тезис: в противном случае мы встретим лишь людей, которые будут упрекать нас в том, чего мы не говорили, и

мы только устанем от чистой потери времени… Надо писать, а не дискутировать».

«В отрицании религии есть что-то грубое и банальное, что меня отталкивает».

Если человек щедр и не стремится выставлять это напоказ, то те, кто обогащается за счет его щедрости, считают, что он всего лишь выполняет свой долг.

Ср. с. 226. Нет смысла скрывать свое презрение, о нем всегда догадаются и никогда не простят.

С. 245. — Смерть Мадам Тальма.

— …И все эти люди, называющие себя чувствительными, не подходят мне в компаньоны — ни в соперничестве, ни в несчастье, ни в смерти.

…Когда приходится, помимо воли, переживать ненавистную ситуацию, даже малейшее усиление неудобства приводит в ярость.

Ср. с. 348. Мое несчастье состоит в том, что я ничего не люблю, и из-за этого самые простые вещи становятся трудными.

Моя душа живет в одиночестве. Я могу любить только вне благодарности или жалости. Не надо никого огорчать, но просто будем помнить, что в глубине души я не могу жить ни с кем.

* * *

У меня не сложилось впечатления, что, выступая сегодня в защиту интересов народа, церковь проявляет жалость — она уступает силе.

* * *

Роман. «Она не верила в любовь, и он, любя ее, чувствовал себя смешным в проявлениях свой любви».

* * *

Cada vez que considero
Que me tengo que morir,
Tiendo la capa en el suelo
Y no me harto de dormir [73].

* * *

Пьеса об альбигойцах.

---

[73] Примечания: 73

Испанская копла: «Каждый раз, когда я думаю, / Что я должен умереть, / Я кладу свой плащ на землю / И я не могу насытиться сном».

* * *

Мне пишут: «На закате нашей жизни нас будут судить по любви». Тогда приговор очевиден.

* * *

Она носила целомудренные платья, но тело ее пылало.

* * *

Социализм, по Зощенко, будет тогда, когда на асфальте расцветут фиалки.

* * *

Евреи существуют как культура вот уже 4000 лет. Единственные.

* * *

Толстой писал: «О жизни и смерти». Он пошел дальше и решил, что смерть не существует. Тогда его эссе стало называться «О жизни». Смотри

дневник Татьяны Толстой [74], с. 131: История казни трех вольноопределяющихся.

* * *

Толстой признавался, что первое испытанное им чувство, когда к его дому подходил попрошайка, было крайне неприятным.

Он ушел с представления «Зигфрида» — с бранью.

Он ненавидел революционеров за невежество и гордыню: они хотят изменить мир, не зная, в чем истинное счастье.

* * *

15 февраля 1953 г.

Дорогой П.Б [75].

Прежде всего, должен извиниться перед Вами за пятницу. Проблема была не в лекции о Голландии: в последний момент меня внезапно позвали подписывать книги для беженцев. Я впервые занимался подобным делом, и мне показалось,

---

[74] Примечания: 74

Цитируется по дневнику Т. Л. Сухотиной-Толстой, переведенному на французский в 1953 г.

[75] Примечания: 75

Берже, Пьер — журналист.

что было неудобно отказывать, надеюсь, что Вы простите мне это недоразумение. Но вопрос не в этом, но в тех отношениях, которые Вы называете трудными. Я бы сформулировал все, что я могу сказать на этот счет, в простых словах: если бы у Вас было представление, хотя бы отчасти, о моей жизни и обязательствах, то Вы бы не написали ни одной строки своего письма. Но Вы не можете знать моей жизни, а я не могу и не должен Вам объяснять. Если бы то «высокомерное одиночество», о котором Вы сожалеете, как, впрочем, и многие другие, не обладающие, однако, Вашими качествами, и существовало, то это было бы для меня благословением. Но этот рай приписывают мне по ошибке. Вся правда в том, что за каждый час своей работы я постоянно борюсь с временем и с людьми, и чаще всего безуспешно. Я не жалуюсь. Я сам сделал свою жизнь такой, и я первый несу ответственность за ее разбросанность и ритм. Но когда я получаю такие письма, как Ваше, то да, мне хочется жаловаться, или хотя бы попросить, чтобы меня так быстро не обвиняли. Чтобы все успеть, сегодня мне нужно три жизни и много сердец. А у меня только одна жизнь и одно сердце, вы можете оценивать их как угодно, и сам я знаю, что, возможно, они весьма средне-

го качества. У меня физически нет времени, и особенно внутреннего покоя, чтобы видеться с друзьями, как мне хотелось бы (спросите у Шара, которого я люблю как брата, сколько раз *в месяц* мы видимся). У меня нет времени писать для журналов, ни о Ясперсе, ни о Тунисе, даже для того, чтобы возразить Сартру. Поверьте, у меня нет ни времени, ни внутреннего покоя, чтобы позволить себе заболеть. Когда я болен, моя жизнь идет кувырком, и потом неделями я нагоняю свои опоздания. Но самое страшное в том, что у меня нет ни времени, ни внутреннего покоя для того, чтобы писать книги, и я трачу по четыре года на то, на что, будучи свободным, потратил бы год или два. Впрочем, уже несколько лет творчество перестало дарить мне свободу — оно меня только закрепощает. И если я все же продолжаю, то только потому, что ничего не могу с собой поделать и предпочитаю его всему остальному, даже свободе, даже мудрости или истинной плодовитости и даже — увы! — дружбе. Я действительно пытаюсь организовать себя, удвоить свои силы и свое «присутствие», придерживаясь особого распорядка времени, планируя свои дни, улучшая производительность. Надеюсь, что когда-нибудь я справлюсь. В данный момент я не справляюсь,

каждое письмо влечет за собой еще три, каждый человек — еще десятерых, каждая книга — сто писем и двадцать корреспондентов, а в это же самое время продолжается жизнь, и есть работа, и те, кого я люблю, и те, кто нуждается во мне. Жизнь продолжается, и иногда по утрам, устав от шума, потеряв надежду перед необходимостью продолжать бесконечное произведение, заболевая от безумия мира, осаждающего меня на рассвете в газетах, убедившись наконец, что я не справляюсь и что я всех разочарую, я ощущаю только одно желание — сесть и ждать, что придет вечер. Я ощущаю это желание и порой уступаю ему.

Можете ли Вы это понять, Б.? Разумеется, Вы заслуживаете того, чтобы Вас уважали и о Вас говорили. Разумеется, Ваши друзья не менее ценны, чем мои (не такие уж они и грамматики, как Вы думаете). Хотя я плохо представляю себе (и это не позерство), что мое уважение может быть для кого-нибудь ценно, но мне важно Вам сказать, что я действительно очень Вас уважаю. Но для того, чтобы это уважение превратилось в деятельную дружбу, необходим как раз настоящий досуг, длительное общение. Я повстречал много превосходных людей, это удача в моей жизни. Но невозможно иметь столько друзей, и в этом моя

беда, и я вынужден разочаровывать людей, я это знаю. Понимаю, что это невыносимо для других, это невыносимо и для меня. Но так уж получилось, и если меня такого невозможно любить, то, совершенно закономерно, я оказываюсь брошен на произвол одиночества, которое, Вы же понимаете, не так высокомерно, как Вы говорите.

На Вашу горечь я отвечаю, во всяком случае, без горечи. Такие письма, как Ваше, исходящие от такого человека, как Вы, могут только опечалить меня, и они больше убеждают меня в том, что надо бежать из этого города, бежать от жизни, которую я в нем веду. Это самое большое мое желание, но пока оно неосуществимо. А значит, я должен продолжать это странное существование и считать, что высказанное Вами представляет собой плату, немного дороговатую для меня, которую надо заплатить за то, чтобы оказаться доведенным до такого существования.

Простите меня, в любом случае, за то, что разочаровал Вас. Заверяю Вас в своей преданности.

* * *

О театре.

«Законы» театра. Действие. Жизнь. Действие и жизнь в великих произведениях. Театр — это

персонаж, характеры, доведенные до предела. Ситуации стоят того, чего стоят характеры. От незнания этой истины и происходят ошибки в понимании, в постановке и в интерпретации. Соотношение стиля и театральной условности. К великому театру.

* * *

Роман. «Трус, считавший себя смельчаком. Достаточно подходящего случая, чтобы он убедился в обратном — значит, надо изменить жизнь».

Там же. «Он решает бороться против нравственного искушения. Он *осознанно* уступает своим инстинктам, потому что это сильные инстинкты».

* * *

Немезида. Любовь может убить, причем безо всякого оправдания, кроме самой любви. Можно даже обозначить границу, на которой любовь оборачивается убийством других людей. В некоторой степени любви вообще не может быть без виновности — и личной, и абсолютной. Но виновность эта всегда одинока. Ее тяжело перенести, ибо у нее нет алиби разума. Ты один должен ре-

шить, любишь или нет, и один отвечаешь за все непредсказуемые последствия настоящей любви. Этому рискованному одиночеству человек предпочитает тепленькие чувства и мораль. Он боится себя и за себя. Стремится избавить себя от одиночества, отвергая свое существование. И прежде всего начинает искать оправдание, которое немного облегчило бы тяжесть его вины. Раз уж обязательно надо быть виновным, он по крайней мере будет не один. Борец.

* * *

В любви — ограничиться тем, что есть.

* * *

Роман. Тема энергии.

* * *

Пасифая любит быка из целомудрия. Ведь он представляет собой наслаждение в чистом виде — взрыв наслаждения, а не заученную последовательность надоевших действий, криков, тяжело дышащего сладострастия, наслаждений, повторяющихся годами во имя невозможного

слияния. Бык — быстрый и огненный, как бог. Пасифая (когда он входит): «О чистота!»

* * *

Выбор мучеников — забвение или утилизация.

* * *

Добавить к «Осадному положению». Министерство самоубийства. «В этом году невозможно. Все ставки заняты. Заполните анкету на следующий год».

* * *

Зов плоти — странный, посторонний, одинокий, неутомимо устремленный вперед, а значит, неотразимый и требующий, чтобы ему слепо повиновались, — после стольких лет неистовства и в предвкушении еще многих лет чувственного безумия вдруг разом отказывает и замолкает. Процветавший в привычке, возбуждавшийся от новизны и отрекавшийся от независимости лишь на миг, когда его соглашались насытить вполне! Как можно, если ты хоть немного себя уважаешь, согласиться в глубине своего сердца

на такую тиранию? Чистота — вот свобода!

* * *

Честь держится на тончайшей ниточке. Если удается продержаться, считайте, что повезло.

* * *

У меня страх перед своим ремеслом и призванием. Верному — пропасть, отступнику — ничто.

* * *

Храбрый галстук.

* * *

Роман. «Оба сына отвернулись, когда их больная мать вынимала вставную челюсть перед тем, как пойти в операционную. Они знали, что она всегда стыдилась того, что у нее были вставные зубы».

* * *

Я никогда не находил никакого оправдания своей жизни, кроме творческого усилия. Почти

во всем остальном я потерпел поражение. И если это не оправдывает меня, то моя жизнь не заслуживает прощения.

* * *

Люди переносят общество друг друга только благодаря телу и красоте. Однако тела стареют. Когда красота деградирует, в наличии остаются голые души — они сталкиваются теперь без посредника.

* * *

Одни люди страдают жестко, а другие — страдают гибко: акробаты, виртуозы (профессиональные) боли.

* * *

Два вульгарных заблуждения — спор о том, что было вначале: существование ли предшествует сущности или сущность существованию. И то и другое развивается и возникает одновременно.

* * *

Письмо от Грина [76]. Каждый раз, когда мне говорят, что я вызываю восхищение как человек, у меня создается такое впечатление, будто я всю свою жизнь лгал.

* * *

Для Немезиды. Париж, 9 июля 1953 г.

Милостивый государь, я долго не отвечал на Ваше любезное письмо. Последние недели пролетели для меня как ветер. Я был тронут Вашей симпатией и тем, как Вы ее выразили. Мне очень понравился потаенный блеск Ваших стихов, их атмосфера «солнца и лагуны». И я рад ощущать, что мы с Вами согласны.

Чрезмерность в любви — единственно приемлемая из всех чрезмерностей — дана только святым. А человеческие общества умели проявлять чрезмерность лишь в ненависти. Вот почему им совершенно необходимо внушить непреклонное чувство меры. Чрезмерность, безумие, пропасть — вот тайны и риски для отдельных избранных личностей: об этом надлежит молчать,

---

[76] Примечания: 76

Грин, Жюльен (1900–1998) — американский писатель, проведший большую часть своей жизни во Франции и писавший по преимуществу по-французски.

или, в крайнем случае, на это можно лишь очень отдаленно намекать.

Поэтому вечным истоком является поэзия. Ей надлежит доверить охрану тайн. Что касается нас, пишущих на языке всех людей, мы должны знать, что существует две мудрости, но время от времени надо притворяться, что не ведаем о наивысшей. С наилучшими пожеланиями и сердечными приветствиями.

* * *

Я всегда отрицал ложь (я был не способен на нее, даже когда принуждал себя) только потому, что никогда не мог принять одиночества. Но теперь надо принять и одиночество.

* * *

Словно кто-то любимый умирает после долгой болезни. И хотя мы ничего не делали, только ждали, у нас осталось такое впечатление, что все это время нас долго били, а потом вдруг нанесли сокрушительный удар.

* * *

Некоторым людям требуется больше мужества для обычной уличной драки, чем для того, чтобы стоять на линии огня. Самое тяжелое — это поднять руку на человека и особенно ощущать физическую враждебность другого человека.

* * *

В. «Для меня существуют две ценности: нежность и слава».

* * *

Ниспослать божественную благодать на B.O.F [77]. или акулу бизнеса — вот это подвиг. А на преступника — слишком просто.

* * *

Ван Гог восхищался Милле, Толстым, Сюлли Прюдомом.

---

[77] Примечания: 77

B.O.F. — предположительно «Beurre. Oeufs. Fromages» («Масло. Яйца. Сыр»), устаревшее сокращение для обозначения продуктов, продаваемых на рынке. Во время Второй мировой войны так презрительно называли торговок этими продуктами на черном рынке.

* * *

В молодости Толстой поехал за счастьем в Санкт-Петербург. Результат: карты, цыгане, долги и т. д. «Живу совершенно скотски» (Толстой о Толстом, переписка 1879 г.).[78]

Брат Толстого: «У него не было тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть большим писателем» (согласно Тургеневу).

Там же. Переписка, 3 мая 59 г.: «Кому я делаю добро? кого люблю? — Никого! И грусти даже, и слез над самим собой нет. И раскаянье холодное…»

Там же. 17 октября 60 г., после смерти брата: «…правда, которую я вынес из 32 лет, есть та, что положение, в которое нас поставил кто-то, есть самый ужасный обман и злодеяние… как только дойдет человек до высшей степени развития… так ему ясно, что все дичь, обман, и что правда, которую все-таки он любит лучше всего, что эта правда ужасна».

---

[78] Примечания: 78

А. Камю цитирует по книге: Tolstoï par Tolstoï: avant sa crise morale (1848–1879), autobiographie / épistolaire. composée, traduite et annotée par E. Halpérine-Kaminsky. Paris, 1912. Это компилятивное издание, в которое вошли материалы из писем Л. Н. Толстого, А. А. Толстой, биографической книги П. Бирюкова о Л. Н. Толстом, воспоминаний С. А. Толстой и др.

Там же. 61 г.: Толстой вызывает Тургенева на дуэль, а тот представляет ему свои извинения.

Там же. 62 г. Обыск у Толстого: полковник читает его дневник. Т. пишет графине Александре Толстой, близкой к императорскому двору: «Счастье мое и этого вашего друга, что меня тут не было, — я бы его убил!» Александра пытается успокоить его, отвечая: «Будьте милосердны». «В сущности, нет ничего более безжалостного, как несправедливо обиженный человек, твердо сознающий свою невинность».

62 г. Встреча с Софьей Берс: «Я влюблен, как не верил, чтобы можно было любить. Я сумасшедший, я застрелюсь, ежели это так продолжится…»

65 г. «Я рад очень, что вы любите мою жену, хотя я ее и меньше люблю моего романа, а все-таки, вы знаете — жена».

См. с. 285. О замысле образа Андрея Болконского в «Войне и мире».

65 г. О рассказе Тургенева, который ему не понравился: «Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тут субъективность, полная безжизненного страдания» (применить к Рильке, Кафке и т. д.).

65 г. Его безразличие к политике — постоянное

— и упорное. «…а мне совершенно все равно, кто бы ни душил поляков».

В 50 лет он будет по-прежнему утверждать, что не надо читать газет (с. 405).

69 г. Открывает Шопенгауэра — с восхищением.

70 г. Бессонница.

71 г. О смерти одного друга. Не столько печалится, сколько, скорее, «завидует» [79].

72 г. Страхову. «Но бросьте развратную журнальную деятельность».

См. с. 320. Восходящая волна, высшей точкой которой был Пушкин, а себя Толстой видит в нисходящем ее движении.

72 г. «Скука у меня бывает редко, но я ее очень радостно встречаю. Она всегда предвестница большой умственной энергии».

73 г. Другу. «Не живите в Москве. Для людей, которым предстоит упорный умственный труд, есть две опасности: журналистика и разговоры».

См. с. 366. О пустыне и первобытной жизни.

76 г. Доживать жизнь без уважения к ней — мучительно.

---

[79] Примечания: 79

Здесь А. Камю цитирует неточный перевод. В письме Л. Н. Толстого (10 июня 1871) другая мысль: «Очень хотелось написать «жаль о Борисове», но это совсем неверно, и завидно не верно, а тронуло меня это очень».

77 г. «Без религии жить нельзя, а верить не можем».

78 г. Он молился каждый день, чтобы ему даровали «спокойствия в работе». Увы!

См. с. 396. Против прогресса.

* * *

Они предпочитают ненависть, от нее они становятся меланхоличными и растроганными, даже сентиментальными. В каждом произведении можно измерить заключенные в нем суммы ненависти и любви, и нам придется смириться с нашей эпохой.

* * *

Лопе де Вега вдовел пять или шесть раз. Сегодня умирают реже. Поэтому сохранять в себе силу любовного обновления бесполезно, наоборот, ее следует притушить во имя новой силы — силы бесконечной адаптации.

* * *

Чувство долга иссякает потому, что остается все меньше и меньше прав. Только тот, кто непрекло-

нен в борьбе за права, способен иметь сильное чувство долга.

* * *

Нигилизм. Маленькие лентяи, уравнители и болтуны. Они думают лишь о том, чтобы все отрицать, ничего не чувствуя и полагаясь на других — на партию или начальника. Пусть партия, начальство чувствуют за них.

* * *

Они всеми силами стараются лишить человека надежды. Например, в литературе их постоянная забота — мешать писателю писать.

См. Д. М. Ненависть к писателям — ее можно подцепить, как заразу, в издательстве.

* * *

Добродетель вовсе не заслуживает ненависти. Но разговоры о добродетели заслуживают ее вполне. Наверное, никакие в мире уста, а тем более — мои, не вправе их заводить. Поэтому всякий раз, когда кто-то начинает разглаголь-

ствовать о моей честности (заявление Руа [80]), кто-то внутри меня начинает содрогаться.

* * *

Название: «Ненависть к искусству».

* * *

Художник и его время. Читать чудесные строки Толстого о художнике («Так что же нам делать». С. 378–379 и Р.Р [81].. С. 113): «Художник… тот, кто и рад бы не мыслить и не выражать того, что заложено ему в душу, но не может не делать того, к чему влекут его две непреодолимые силы: внутренняя потребность и требование людей».

И наряду с этим: «Все чувства нашего общества сводятся к трем: гордыня, сладострастие и усталость от жизни».

Восхитительные письма о его угрызениях совести (Р.Р. С. 189–190).

---

[80] Примечания: 80
Руа, Жюль (1907–2000) — французский писатель.

[81] Примечания: 81
Р.Р. — Ромен Роллан. Цитаты из книги «Жизнь Толстого».

* * *

«Дон Джованни». Вершина всех искусств. Если перестаешь его слышать, значит, круг мира и людей замкнулся.

* * *

Емкий. Заостренный… Прошу об одном, нижайше прошу, хотя понимаю, что хочу слишком много: чтобы меня читали внимательно.

* * *

Если сердце ребенка от всего ограждать, всю свою взрослую жизнь он будет требовать от окружающих такой же безопасности, — а ведь человеческие существа — это повод для проявления риска и свободы.

* * *

Роман. Ревность. «Я следил за тем, чтобы мое воображение не заблудилось. Я держал его на поводке».

«Супружеская измена — это обвинительный процесс перед тем или той, кого предали. Но

приговора быть не может. Точнее, приговор заключается в вечном обвинении».

* * *

Фауст. Эндимион. Смерть короля. Ритуал — Пандора и конец золотого века.

* * *

Ферреро [82]. «Сорвать наконец этот маленький изысканный и столь редкостный плод с древа жизни, которое за многие годы зацвело лишь один раз: покой без угрызений совести».

* * *

Талант во Франции утверждает себя всегда *вопреки.*

* * *

Начиная с Колумба, горизонтальная цивилизация — цивилизация пространства и количества, сменила вертикальную цивилизацию качества.

---

[82] Примечания: 82

Ферреро, Гульельмо (1871–1942) — итальянский историк и писатель. Здесь и далее Камю цитирует его книгу «Две французские Революции 1789–1796», вышедшую в 1951 г.

Колумб убил средиземноморскую цивилизацию.

* * *

Ферреро. Противоречие мира машин: благодаря скорости производства он создает изобилие, а для своего процветания нуждается в нищете.

* * *

Сначала — естественное.

* * *

Ферреро. Цивилизация нашего типа, постоянно стремящаяся к увеличению количества вещей и снижению их качества, непременно кончится оргией — огромной и грубой. И это правда. Конец истории, о котором говорят люди прогресса, — оргия.

* * *

Гегель. Мера — синтез качества и количества.

* * *

В отсутствии традиции у художника остается

иллюзия, что он сам творит законы. Вот он и превращается в Бога.

* * *

Антей, погребенный у подножья мыса Спартель на атлантическом берегу современного Марокко.

* * *

Ферреро. Атлантика у Геркулесовых столбов — бесконечная красота: она вливается в узкий человеческий дух и обретает здесь свою предварительную форму.

* * *

Ферреро. Вечный голос кричит художнику: «Создавай произведения искусства и не занимайся эстетикой; открывай новые истины и не занимайся теорией познания; действуй и не заботься о том, чтобы проверять, ошибалась ли история или нет». *Там же*. «Верь в принцип, который ты проповедуешь, и не соглашайся на сделку. Но смирись, если принцип разрушается. Он был лишь моментом всеобщей истины».

См. с. 254. Сила общества имеет свои границы.

Благодаря лишь концентрации и дисциплине оно создало греческую эпопею, трагедию и скульптуру, эстетику и мораль Платона и Аристотеля, римское право, итальянское искусство Средних веков и романское искусство в целом, Галилея, Паскаля, Расина, Мольера…

Потом открытие Америки, французская революция, машины, эра производства.

Но в конечном счете это было необходимо для того, чтобы накормить огромные и голодные толпы, кочующие или прозябающие по всему земному шару (проверить показатели прироста человеческой расы с XIII века). Может быть, за это мы и должны платить бесплодием.

Франция, чья смелость и гений совершили величайшую французскую революцию, вместе с тем оказалась страной, которая в наименьшей степени уступила, из осторожности, безумию производства.

* * *

Ферреро. «Рано или поздно волевой акт ограничения свершится».

* * *

С некоторыми существами мы поддерживаем отношения истины. А с другими — отношения лжи. Последние не менее длительны.

* * *

Роман. «Мне нечего делать рядом с тобой. Я недостаточно любил тебя, и ты недостаточно любила меня, так что я не обязан отдавать тебе свой последний отчет. Я должен все уладить сам и умереть в одиночестве. Многие годы я ждал, что ты простишь мне грехи и примешь меня таким, какой я есть. Ты не сделала этого. И я остаюсь виноват, со своими грехами, и сегодня мне нужно привести себя в согласие с законом и самому разобраться с этими грехами. Оставь меня.

И прости мне все то зло, которое я тебе причинил. Если можешь, прости от всего сердца. Мне это нужно больше всего. Многие годы это лишение мешало мне жить. Если твое сердце могло бы запомнить только любовь, которую испытывало ко мне, то в смерти я обрету спасение, какого не мог получить при жизни».

* * *

Токвиль («О демократии в Америке»): «Можно подумать, что суверены нашего времени стремятся делать великие дела, используя людей. Я хотел бы, чтобы они подумали немного о том, чтобы создавать великих людей».

«Россия — краеугольный камень мирового деспотизма». (Переписка [83].)

Наполеон помог революции родить ее незаконного ребенка: деспотизм. Естественный тормоз деспотизма, по Т., — аристократия.

Эти умы, «которые, кажется, превращают вкус к рабству в нечто вроде ингредиента добродетели». Применимо к Сартру и прогрессистам.

«Чего же им недостает, чтобы оставаться свободными? Чего? Вкуса к бытию».

* * *

Там же. Токвиль. «Старый режим и французская революция». Т. I.

Общая мысль: низвергнув аристократию и провинциальные свободы, королевская власть

---

[83] Примечания: 83

Имеется в виду переписка Алексиса де Токвиля с Пьер-Полем Руае-Колларом, издание 1951 г.

создала инструмент революции: централизм.

«Будет всегда прискорбно, что вместо того, чтобы подчинить знать власти законов, ее свергли и лишили корней. Действуя таким образом… они превратили свободу в незаживающую рану».

«Несвободные демократические общества вполне могут быть богатыми, изысканными, сладкими, даже великолепными, мощными, благодаря весу их буржуазной массы, в них можно встретить прекрасные личные качества, хороших отцов семейства, честных коммерсантов и очень уважаемых собственников… но чего, осмелюсь сказать, никогда не увидишь в подобных обществах — так это великих граждан и особенно великий народ, и я не боюсь утверждать, что общий уровень душ и умов всегда будет только снижаться — по мере того, как к ним будут присоединяться равенство и деспотизм».

Там же, для наших прогрессистов. «Мы видели людей, которые думали компенсировать свое рабство по отношению к мелким представителям политической власти — дерзостью по отношению к Богу, и которые, отбрасывая все самое свободное, благородное, гордое, что было в доктринах революции, вдобавок похвалялись тем, что остались верными ее антиклерикальному духу».

Там же. «Казалось, что мы любили свободу; на деле мы лишь ненавидели хозяина».

См. с. 233. Главная идея современного социализма, согласно которой собственность на землю принадлежит в конечном счете государству, была выдвинута Людовиком XIV в его эдиктах.

См. с. 244. В 89 году французы были слишком горды, чтобы верить в то, что при свободе они могли жить на равных друг с другом. Затем…

См. с. 245. Портрет Франции.

В «Жалобных тетрадях» знать из Парижа и других мест требовала разрушения Бастилии.

* * *

Шопен (родился в 1810 г.). Превосходный актер. Отказывается работать в Опере, будучи уверен в себе. Поздравляет Тальберга, который, как обычно, исполнил ноктюрн, внеся в него изменения: «А кто же автор этого произведения?» Расточительный и щедрый. Но неумолимый в отношениях с издателями.

В Вальдемосе заблудившиеся в тумане чайки бьются обо все стекла монастыря.

* * *

Толстой в агонии выводил рукой в воздухе строки.

* * *

Согласно Монтерлану, истинный творец мечтает о жизни без друзей.

* * *

В лечебнице Бродмур, где перевоспитывают душевнобольных преступников, разгораются кровавые споры по поводу пустой коробки от аспирина.

* * *

Идея для театра (в лечебнице для душевнобольных в Бродмуре): когда на сцену выходит злодей, появляется плакат: «Свистите». Когда герой: «Аплодируйте».

* * *

«Союз трех человек, связанных гибким сход-

ством склонностей, качеств и настроений, образует, в глазах китайцев, верх земного блаженства…» Абель Ремюза.

Там же. «Островной комплекс». Нужны две женщины. Ибо у мужчины три души, а у женщины — четыре. Треугольник неустойчив по отношению к четырехугольнику. Но когда четырехугольника два, он образует пирамиду — законченную и устойчивую.

* * *

В Эль-Кантара зима прерывается, здесь начинается вечное лето. Черная и розовая гора. Согласно Фромантену.

Еще из Фромантена: в искусстве маленькие умы предпочитают детали.

«До последней минуты дня Сахара остается при полном свете. Ночь возникает здесь как внезапный обморок».

Читать «Великую пустыню» Дома [84].

[84] Примечания: 84

Дома, Эжен (1803–1871) — французский военачальник, политический деятель, писатель.

* * *

Невозможно прожить все, о чем пишешь. Но мы всегда пытаемся это сделать.

* * *

Каляев — это зимняя любовь. Виктория — солнечная любовь [85].

* * *

Св. Иоанн. «Кто говорит: “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» Сблизить со «Смятенным духом», который говорит: «Если я не люблю Бога, то потому что не люблю людей, и в самом деле за что их любить?» Там же. Св. Иоанн. «Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем».

---

[85] Примечания: 85

Каляев И. П. (1877–1905) — русский революционер, персонаж произведений А. Камю «Праведники» и «Бунтующий человек», Виктория — персонаж «Осадного положения».

* * *

Альтруизм — это искушение, подобно наслаждению.

* * *

Толстой: «Можно жить только покуда *пьян* жизнью». «Исповедь». 79 г.

В тот же период: «Ошалеваю от радости плотской жизни…» «… теперь лето, и прелестное лето».

* * *

Гийу. В начале оккупации в Сен-Бриеке — холодном и дождливом городе, пустые магазины. Утро, он идет по пустынным улицам под моросящим дождем. По пустой площади проходит немец, одетый в плащ из клеенки, блестящей от дождя. Тогда под низким небом, охваченный ужасной печалью этого времени, Г. заходит в церковь и молится — будучи откровенным атеистом (молится Деве Марии, кажется). Потом выходит из церкви. С тех пор ему ни разу не удавалась попытка описать этот момент забытья или трусости

(он говорит, что не знает): он не мог или не смел.

* * *

Роже Мартен дю Гар и смерть матери. От нее скрывали, что это был рак. Подменяли надписи на лекарствах и т. д. Но после ее смерти М. дю Г. преследует воспоминание о ее ужасной агонии, и он говорит себе, что не сможет этого вынести. Единственной надеждой было убить себя. Но найдет ли он в себе смелость? Он пытается, проводит несколько «репетиций» с револьвером, но в последний момент (нажать на гашетку) он чувствует, что ему не хватит смелости. Его тревога только усиливается, он ощущает себя загнанным в угол, пока не находит «способ». Он берет такси, подносит револьвер ко лбу. «Когда я доеду до третьего фонаря, я нажму на гашетку». Вот третий фонарь, и он *чувствует*, как сейчас вот так нажмет. С этого момента — огромное чувство свободы.

Он говорит мне, что он больше не хочет ничего, и не хочет жить (см. его письмо). Анорексия, о которой говорил Жид. Внезапно в Ницце — надежда. Он видит на вывеске «Буйабес» на двери ресторана, и у него пробуждается желание. Это первое желание за последние месяцы. Он входит

и ест с радостью. С тех пор его отпустило. Он пребывает, как он написал мне, в зале ожидания.

Самый человечный, то есть самый достойный нежности, из людей, которых я встречал.

* * *

Стендаль. «Что такое “я”? Не знаю. Однажды я проснулся на этой земле и обнаружил, что связан с моим телом, характером, судьбой. Буду ли я впустую тратить время, желая изменить их, забывая о жизни? Заблуждение! Я подчинюсь их недостаткам. Я подчинюсь своим аристократическим наклонностям после того, как десять лет совершенно искренне выступал против аристократии».

* * *

«Экспромт Философов» в форме комедии дель арте.

* * *

«Современное» название: Ненависть к искусству.

* * *

Писать естественно. Публиковать естественно и платить за все это надлежащую цену естественно.

* * *

Соотношение между критиком и творцом такое же, как между торговцем и производителем. Наш век торговли стимулирует удушающую плодовитость комментаторов — посредников между производителем и публикой. Нельзя сказать, что сегодня не хватает творцов, но слишком уж много развелось комментаторов, которые попросту топят изысканную и неуловимую рыбу в своей тинистой водичке.

* * *

Роман. См. заметки Вайсберга [86]. На допросе чекисты надевают ему на голову венок из золотой бумаги, украшенной свастикой, вешают на

---

[86] Примечания: 86

Александр Вайсберг-Цибульский, Александр (1901–1964) — польско-австрийский физик, жертва сталинских репрессий, эссеист. Камю цитирует его книгу «Обвиняемый», вышедшую во Франции в 1953 г.

грудь большую свастику, затем избивают.

Там же. Старый портной-анархист четко объясняет свою точку зрения. Судья оскорбляет его: «Вы оскорбили меня, гражданин судья, я больше не буду отвечать на ваши вопросы». *Воспоминание о допросе: тридцать один день и тридцать одна ночь*. Сумасшедший дом!

* * *

Роман. 1-я часть. Поиски отца или неизвестный отец. У бедности нет прошлого. «В тот день на провинциальном кладбище… N. обнаружил, что его отец, умирая, был моложе, чем он в данный момент… покоящийся на кладбище был уже на два года младше своего сына, хотя положили его сюда 35 лет назад… Он понял, что ничего не знал об отце, и решил заняться его поисками…»

Рождение при переезде на новую квартиру.

2-я часть. Детство (или вместе с первой частью). Кто я?

3-я часть. Воспитание мужчины. Неспособность абстрагироваться от телесных наслаждений. О! Невинность первых деяний! Но проходят годы, люди вступают в самые разные связи, и каждый новый акт плоти привязывает еще больше, проституирует и принуждает к продолжению.

Он не желает, чтобы о нем судили (и сам он старается не судить, по правде говоря), но не может этого избежать.

Два персонажа:

1) Безразличный: воспитан вне семейной среды. Без отца. Мать со странностями. В жизни он привык выкручиваться сам. Немного высокомерен, хотя и вежлив. Ходит всегда один. Посещает соревнования по боксу и футбольные матчи. Его единственная страсть — критические моменты. Тогда он забывает все остальное. Но от других он ждет нежности, на которую не способен сам. В нем есть что-то чудовищное. Патологически скрытен, потому что забывает большие части своей жизни и потому что его интересует мало вещей. — Он артист даже в своих недостатках.

2) Другой — чувствительный и щедрый.

В конце они встречаются (и это оказывается один и тот же человек) у матери.

* * *

О, отец! Я безумно хотел найти отца, которого у меня не было, и в результате обнаружил то, что у меня было всегда, — свою мать и безмолвие.

Пять частей Квинтета соль минор Моцарта.

* * *

Любовь и Париж. Алжир. «Мы не умели любить».

Там же. Бедное детство. Жизнь без любви (но не без наслаждений). Мать — это не источник любви. Теперь самое долгое — научиться любви.

* * *

Два человеческих существа сближаются с помощью взгляда — одного только взгляда (к примеру, кассирша и покупатель). Когда возникает подходящий момент, они хватают друг друга в охапку. Что он может сказать? «У тебя есть время?»

Что она может сказать, как ответить?

«Я скажу, что выходила на минуту».

* * *

Прогресс — это оптимальное равновесие между двумя силами с одинаковым напряжением. Он учитывает пределы и подчиняет их высшему благу. Значит, прогресс вовсе не стрела, выпущенная вертикально вверх, что предполагало бы его беспредельность.

* * *

Пьеса. Его ждут. Он возвращается из лагеря. Он говорит правду о своей любви (потому что он согрешил: теперь он знает, что такое человек).

Сцена с женой в присутствии ее Филинта и Ж [87]. — жены Филинта. «Предположим, я спал с Ж... Впрочем, я не уверен насчет тебя и Филинта». — Филинт: «Нет. Не потому что Ж. не может быть привлекательной. И хотя я не люблю правду, скажу в виде исключения. Когда я понял, что между Ж. и тобой...» — «Как» — «Да, я знал. С этого момента между твоей женой и мной уже ничего не могло произойти. Потому что перекрестная ситуация отвратительна! Ты ведь тоже так думаешь? Так вы придете завтра на ужин? Ж. приготовит для вас свое коронное блюдо — заливное из дичи! Она делает заливное из дичи бесподобно». Конец первого действия.

«А твоя нежность?» — «Ну и что, моя нежность? Она существовала, с перебоями, как все на свете». — «А остальное время?» — «Конечно, я лгал». — «Я бы предпочла твою ложь». — «Конечно, ты всегда любила сиесту». — «Какое же ты

---

[87] Примечания: 87
Во французском оригинале «G.».

чудовище!» — «А ты, мой ангел?»

Там же. «Предположим, мой сын дурак». — «Вот как!» — говорит мой сын. — «Ты прекрасно понимаешь. Ты протестуешь. Так реагируют дураки. Умный человек всегда допускает возможность, да что я говорю, не возможность, а вероятность быть в чем-то дураком. Итак, мой сын — дурак (смотрит на него). Однако не полностью. Он скорее притворяется глупым. Он хитер и знает, что благодаря глупости можно преуспеть, глупость — очаг, вокруг которого греется общество».

Там же. Сын приходит в общество. «Когда общественное и частное будут совпадать…» — «Твоя мать станет умной? Нет, но… Мы больше не хотим чужой жены?» — «Конечно». — «Почему, разве твоя жена — совершенство?» — «Нет…» — «Ну вот, ты приходишь. Ты хочешь использовать общественную силу других людей для улаживания проблемок в твоей личной жизни. Брось это дело, мальчик мой. Убожество других людей — в частной жизни. Можешь не опасаться, они уладят это дельце. Но не прикасайся к нему. О! не прикасайся».

Там же. Но он влюбляется в Доминик. И снова лжет.

* * *

Интеллектуал, просящий прощения.

«Хуже всего было Евангелие. Ну да, я читал Евангелие, сначала под рукой не было ничего другого, и потом я заметил, что между мною и Христом было больше общего, чем между мною и полицейским. Но ведь мир сегодня на три четверти состоит из полицейских или их почитателей».

* * *

Человек, живущий полной жизнью, отказывается от многих авансов. Потом, из-за той же самой полноты жизни, забывает о собственных отказах. Но авансы делались людьми, жизнь которых не так полна, поэтому они-то помнили. В результате человек открывает, что у него есть враги, и он очень этим удивлен. И вот уже почти все художники вообразили, что их преследуют. Но это не так, просто им мстили за их отказы и наказывали за чрезмерное богатство. В этом нет несправедливости.

* * *

«Первый человек».

План?

1) Поиски отца.

2) Детство.

3) Счастливые годы (болезнь в 1938 году). Работа как счастливое сверхизобилие. Мощное чувство освобождения, когда она подошла к концу.

4) Война и Сопротивление (Бир Акем и подпольная газета).

5) Женщины.

6) Мать.

Безразличный. Человек — совершенство. Недюжинный ум, ловкое и искушенное в удовольствиях тело. Он отказывается быть любимым из-за нетерпения и точного ощущения своей сущности. Мягкий и добрый во всем, что противозаконно. Циничный и жестокий в добродетели.

Ему все дозволено, ибо он решил покончить жизнь самоубийством. Цианистый калий. Участвует в Сопротивлении, проявляя тем самым невероятную храбрость. Однако приходит день, когда он должен воспользоваться цианистым калием *и отказывается.*

* * *

«Первый человек».

«Поиски отца».

Больница. Мать (и бумага из мэрии, которую приносят двум малограмотным женщинам, чистящим картошку на лестнице, и надо привести помощника мэра, и отдать ему на чтение документ), пресса, Шерага и т. д. Ему кажется, что отец начинает постепенно прорисовываться. Потом все стирается. В конце концов не остается ничего.

Так всегда и происходит на этой земле, где 50, 70 лет назад… (далее неразб.).

* * *

В 40-м Майоль встречает художника В.Б [88]., румынского еврея, скрывавшегося от немцев в Коллиуре. Случайно встречает на улице, узнает в нем художника, приглашает к себе, чтобы посмотреть на его рисунки. На следующий день В.Б. приходит к М., который принимает его с распростертыми объятиями. В.Б. рассказывает о своем

---

[88] Примечания: 88

Браунер, Виктор — румынский и французский художник-сюрреалист (1903–1966).

положении. «Мой дом — ваш дом», — каждый раз вместо ответа повторяет М. Велит принести кофе. Улыбаясь, М. открывает папку и, наконец, смотрит на первый попавшийся ему рисунок, выполненный в явно сюрреалистической манере. Женщина, тело которой превращается в дерево. Майоль взрывается: «Нет, только не это, это невозможно. Вон отсюда!»

* * *

Ницше. «Они все говорят обо мне… Но никто обо мне не думает».

* * *

«Позорный столб». «Его надо осудить. Надо осудить его подлую манеру казаться честным человеком, но при этом не быть им». От первого лица. Он не способен любить. Он заставляет себя и т. д.

* * *

Вот что одобряет левое крыло коллаборационистов, а мы обходим молчанием или считаем неизбежным; перечислим все подряд:

1) Депортация десятка тысяч греческих детей.

2) Физическое уничтожение класса русского крестьянства.

3) Миллионы узников концентрационных лагерей.

4) Политические заключенные.

5) Почти ежедневные политические приговоры за железным занавесом.

6) Антисемитизм.

7) Глупость.

8) Жестокость.

Список остается открытым. Но мне и этого достаточно.

* * *

Дневник Толстого. Три дурные страсти.

1) игра (борьба возможна)

2) сладострастие (борьба очень сложна)

3) тщеславие (хуже всех других страстей)

«…считаю, — говорит он в одном из писем своей бабушке, — что без нее <религии> человек не может быть ни хорош, ни счастлив… но не имею религии и не верю».

Там же. «…видеть *ужасную* истину».

* * *

Октябрь 53 г. Вот благородная профессия, при которой мы должны безропотно позволять каким-то литературным или партийным лакеям наносить нам оскорбления! В другие, так называемые позорные, времена у нас по крайней мере было право на провокацию, и мы не выглядели при этом смешными, и еще у нас было право убивать. Глупо, конечно, так говорить, но тогда нас нельзя было так просто оскорблять.

* * *

Есть люди, религия которых заключается в том, что они всегда прощают оскорбления, но никогда о них не забывают. Я не из такого доброго теста, чтобы простить оскорбление, но я всегда его забываю.

* * *

Те, кто способен вдохновляться одновременно Достоевским и Толстым и с одинаковой легкостью понимают и того и другого, — натуры опасные для самих себя и для других.

* * *

Октябрь 53 г. Публикация «Актуальных заметок II». Опись завершена: комментарий и полемика. Теперь — к творчеству.

* * *

Наутро после великих исторических кризисов просыпаешься больным, с дурным настроением, словно после бурной ночи. Однако нет аспирина, чтобы поправить физиономию истории, опухшую с похмелья.

* * *

Есть мысли, которые мы не высказываем и которые ставят нас над всем — в свободном и живом воздухе.

* * *

Говорят, что, оказавшись в непреодолимом одиночестве после разрыва с Лу, Ницше гулял ночью по горам, возвышавшимся над Генуэзским заливом, разжигал там гигантские костры и смотрел, как они прогорают. Я часто думал об

этих кострах, их отблески плясали на фоне всей моей интеллектуальной жизни. Наверное, по отношению к некоторым мыслям и некоторым людям, повстречавшимся на моем веку, я вел себя несправедливо, когда, сам того не желая, ставил их лицом к лицу с этими пожарищами, что вскоре обращали их в пепел.

* * *

Мелвилл говорил о «Моби Дике» в письме к Готорну: «Вот тайный эпиграф к книге: «Ego non batiso te in nomine…» [89]

Там же: «Когда я писал эту книгу, я думал об аллегорической конструкции, на которой держались бы и книга в целом, и каждая из ее частей».

Там же. Закончив «М.Д.» и прочитав восхищенное письмо Готорна: «Я испытываю странное чувство удовлетворенности и безответственности; никакого желания оргий».

И далее: «Познакомившись с Вами, я чувствую, что покину этот мир с меньшей горечью».

Ср. Тема притчи «Счастливое поражение»: благодарение Богу за это поражение.

---

[89] Примечания: 89
«Я не нарекаю тебя именем…» (*лат.*)

* * *

Ницше. Религиозных людей можно было бы воспринимать как художников первого ряда.

* * *

Ницше: «Утренняя заря». «Никогда не умалчивай о том, что можно подумать против твоих мыслей, никогда этого не скрывай. Торжественно поклянись. Это первый долг верности, который ты обязан отдать своей мысли».

«По ту сторону…»: «Если у тебя есть характер, то есть и типичные пережитки, которые постоянно повторяются». Тогда возникает вопрос: найти пережиток и дать ему имя.

«К генеалогии…»: «Каждый, кто хоть однажды воздвигал «новое небо», обретал необходимые для этого полномочия *в глубинах собственного ада».*

* * *

«Полифонизм» некоторых натур.

* * *

Ницше («Человеческое, слишком человеческое»): «Вскоре я заболел, и это было больше, чем болезнь, я устал от постоянного разочарования во всем том, что вызывало энтузиазм у нас, современных людей…»

…«Здесь говорит человек страдающий и терпящий лишения, но он говорит так, словно он не страдает и не терпит лишений».

…«Став отныне одиноким, я восстал против самого себя во имя всего, что действительно было мне противоположно и заставляло страдать».

Единственная и гигантская цель: познание истины.

Вечное возвращение: превозносить все, что есть и поклоняться его возвращению. (Если бы не метафизика, только это и осталось бы.)

Записка к Лу (1882). «В постели. Острый кризис. Презираю жизнь».

* * *

Необходимость аристократии. В настоящий момент могу представить себе только два решения: аристократия интеллекта или аристократия

труда. Но интеллект сам по себе — не аристократия. И труд — тоже (примеры в обоих случаях очевидны). Аристократия — это не привилегия на определенные права, но прежде всего принятие на себя некоторых обязанностей, благодаря которым становятся законными и права. Аристократия — это самоутверждение и в то же время стремление быть незаметным. Чтобы забыть о себе во имя других (определение долга), интеллект не должен стремиться к привилегиям. Одни привилегии присущи аристократии изначально, другие являются полной противоположностью интеллекта. Она должна не утверждать или уничтожать себя, но утверждаемые ею ценности заставить служить другим. А значит, ей некуда идти, кроме как к труду, являющемуся и ее долгом, и ее пределом. С другой стороны, труд не должен приводить к сознательному или бессознательному отупению (всеобщее унижение интеллекта), которое может быть в равной мере и его сущностью, и его противоположностью (см. выше). Следовательно, труд должен стремиться именно к интеллекту. В настоящее время аристократия труда и аристократия интеллекта возможны только вместе, они должны признать друг друга, чтобы в один прекрасный день освя-

тить единственный и высший образ человека.

* * *

Необходимость скрывать часть своей жизни придавала ему вид праведника.

* * *

Единственный источник аристократии — народ. В промежутке — ничто. Это ничто — буржуазия, которая на протяжении ста пятидесяти лет силится придать миру некую форму, а получается ничто, хаос, выживающий только благодаря своим старым корням.

* * *

Уолпол. «Его здравый смысл доходил до гениальности».

* * *

Использовать свои пороки, опасаться своих добродетелей.

* * *

Брупбахер [90]. «Никто не должен производить больше филантропии и морали, чем это получается естественным образом». Он полагал, что миссия воинствующего философа состоит в том, чтобы благоприятствовать развитию всех факторов свободы во всех классах общества.

* * *

У. Уитмен. «Когда свобода куда-то уходит, она уходит не первой. Она ждет, чтобы все остальные ушли, а она уходит в последнюю очередь».

* * *

Ван Гог, живший с Кристиной, женщиной из народа, бросил ее, когда она забеременела. Гоген, проснувшись среди ночи, видит Ван Гога, который склонился над ним и пристально смотрел. В лечебнице Сен-Реми граф Г. бил себя в грудь куском дерева, повторяя: «Моя любовница, моя

---

[90] Примечания: 90

Брупбахер, Фридрих (1874–1945) — швейцарский писатель-анархист. А. Камю цитирует его книгу «Социализм и свобода», опубликованную во Франции в 1954 г.

любовница!»

* * *

Салакру рассказывает следующую историю в примечаниях к четвертому тому своих театральных пьес: «Девочка, которой должно исполниться 10 лет, заявляет: “Когда я вырасту, то запишусь в самую жестокую партию”. В ответ на расспросы она говорит: “Если моя партия придет к власти, мне будет нечего бояться, а если у власти будет другая, я буду меньше страдать, потому что меня будет преследовать менее жестокая партия”. Я не очень верю в эту историю маленькой девочки. Но мне прекрасно знакомы подобные умозаключения. Это тайное, но действенное умозаключение французских интеллектуалов 1954 года.

* * *

Отец Достоевского порол и тех крестьян, которые с ним здоровались, и тех, которые не здоровались. По его мнению, в обоих случаях они проявляли дерзость. После того как его жена, которую он мучил, умерла, он напивался по ночам и беседовал с ней, говоря то женским, то мужским голосом. Его убили. У него была разбита голова, а

половой орган раздавлен двумя камнями. Через два месяца Д., который терпеть не мог отца, видит похороны, падает и хрипит.

* * *

Там же [91]. Спешнев (петрашевец — «иронический, свободный и сильный человек») и «все за всех виноваты». Этимология фамилии Ставрогин: stauros: крест.

* * *

Ненависть русского человека к ограничивающей форме. Они довели революцию до конца. Бердяев отмечает где-то, что у них никогда не было Возрождения. Постоянная тоска, *там же*, по Бердяеву, отсутствие рыцарства привело к разрушительным последствиям для нравственной культуры России.

* * *

Были ли революционерами Карлейль, Ницше, Достоевский? Однако же их называют контрре-

---

[91] Примечания: 91

По всей вероятности, А. Камю приводит здесь факты и цитаты из книги Arban D. Dostoïevski, le coupable. P., 1953.

волюционерами.

* * *

Инсценировка «Бесов».

Ср. Бердяев: «Шатов, П. Верховенский, Кириллов — лишь части распавшейся личности Ставрогина, лишь эманация этой необычайной личности, в которой она истощается. Загадка Ставрогина, тайна Ставрогина — единственная тема “Бесов”» [92].

Идея Достоевского: отдельный человек идет к преступлению тем же путем, что общество — к революции.

Верховенский: «Самая главная сила — цемент, все связывающий, это стыд собственного мнения».

Ср. Гвардини, с. 40–41 и 202 [93].

* * *

Священник, сожалеющий о том, что, умирая,

---

[92] Примечания: 92

Цит. по книге Н. А. Бердяева «Миросозерцание Достоевского» (фр. издание l’Esprit de Dostoïevski, 1945).

[93] Примечания: 93

Цитируется по книге Романо Гвардини «Религиозный мир Достоевского». Париж, 1947.

он должен будет покинуть свои книги. А разве сильное наслаждение жизни вечной не превосходит бесконечно сладостной компании книг?

* * *

Поражение при Дьенбьенфу. Как и в 40-м, смешанное чувство стыда и возмущения.

К вечеру стали очевидны итоги бойни. Политики правого толка поставили несчастных в беззащитную позицию, в то время как люди левых убеждений стреляли им в спину.

* * *

По Джонсону (Босвелл) [94], безукоризненная учтивость состоит не в том, чтобы демонстрировать некие профессиональные качества, но в том, чтобы, наоборот, легко владеть любыми манерами при любых обстоятельствах.

Там же. «Повторный брак: победа надежды над опытом».

Там же. Друг Д.: «В свое время я пытался быть философом, но мне почему-то всегда мешала веселость».

---

[94] Примечания: 94

Цитируется по книге Джеймса Босвелла «Жизнь Сэмюэла Джонсона». Париж, 1954.

Там же. — Вы увидите, если мы некоторое время пробудем вместе, мой брат станет очень занимательным.

— Я буду ждать, сударь, — сказал Д.

* * *

Сократ научился танцевать в зрелом возрасте.

* * *

Джонсон: «Никто не лицемерит, если речь идет о его развлечениях».

Перед смертью он придумал «любопытную мысль»: когда мы в могиле, мы не получаем писем.

* * *

Дон Жуан Фауст.

1) Добиться правоты.

2) Ничего не дозволено.

3) Он поддается на уловку францисканцев, которые убивают его.

Экс-ан-Прованс? Романтизм?

Сганарель будет г-ном Ничто из «Экспромта Философов». Именно он объявляет, что «Он не

придет» (он делает выговор отцу Донны Анны, расспрашивавшего Дон Жуана о его пороках. См. «Экспромт»).

Дон Жуан — это Фауст, но без договора с дьяволом — (развить)

III действие, в Бразилии, среди рабов. IV действие, V действие — становится одиноким человеком. *Одиноким вместе со всеми.*

Д. Ж. Договор с дьяволом, но без дьявола. *Держать пари во имя мира*, чувства и наслаждения — это значит заключить договор с дьяволом. *Держать пари во имя правосудия* — то же самое.

* * *

По просьбе Массиоьона я отправил президенту Республики ходатайство о помиловании приговоренных к смерти из Мохнина [95]. Через несколько дней я обнаружил в газетах ответ на свое послание: трое из приговоренных были расстреляны. *Через две недели после казни* глава кабинета сообщил мне, что мое письмо «привлекло внимание» президента и было передано

[95] Примечания: 95

Мохнин — город в Тунисе. Семь тунисцев были приговорены к смертной казни за убийство трех полицейских. Камю написал письмо президенту Франции 12 апреля 1954 г.

в Высший совет прокуратуры. Замечтавшаяся бюрократия.

* * *

Два миллиона членов профсоюза на одиннадцать работающих. В 1947 году в профсоюзах было семь миллионов.

* * *

Пьеса. Счастливый человек. И никто не может его выносить.

* * *

В воде черепаха становится птицей. Большая черепаха теплых морей летает в глубинах вод, словно красавец альбатрос.

* * *

Атональная музыка, музыка для голоса, для лихорадочного голоса современного человека.

* * *

Письмо к М.: «Не проклинайте Запад. Я сам

проклинал его, причем в момент его расцвета. Но сегодня, когда он погибает под тяжестью своих ошибок и слишком долгой славы, я не буду его обвинять… Не завидуйте людям с Востока, принесшим свой ум и сердце в жертву богам истории. У истории не может быть богов, и только ум, озаренный сердцем, является тем единственным богом, которого в многочисленных обличиях всегда приветствовали в этом мире».

* * *

Чехов: для писателя «главное не слава, не блеск… а уменье терпеть». «Умей нести свой крест и веруй».

* * *

Школа критиков: «законы» театра.

— Если я хорошо понял, милостивый государь, мне следует точно придерживаться тех самых правил, которые Эсхил, Шекспир, Кальдерон, Корнель — в общем, все великие драматические гении — непременно старались нарушить.

— Точнее, надо заметить, что только Шекспир, Эсхил и другие могли себе такое позволить.

— Если я последую вашим советам, мне никогда

не быть ни одним из этих великих творцов.

— А вы хотите?

— Быть — нет. Но стать — да. Иначе зачем вообще писать? У меня не получится, это почти очевидно. Но попытка сама по себе придаст моей жизни особый вкус, который вы отнимаете у меня заранее. Ведь и Шекспир родился из сотни претенциозных и отчаявшихся психов, которые стремились быть Шекспирами. А вот Фейдо вышел всего лишь из Фейдо (на его пьесах я смеюсь, но редко дольше одного акта).

* * *

Пьеса. Король Лир сегодня — патриций, которого экспроприировали социалисты.

Там же. Калигула, обвиняющий не мир, но самого себя.

* * *

Смерть Марселя Эррана [96].

---

[96] Примечания: 96

Эрран, Марсель (1897–1953) — французский актер театра и кино, театральный режиссер.

* * *

Добродетельные люди зачастую оказываются малодушными гражданами. Источник истинной храбрости — безнравственность.

* * *

Экзистенциалисты утверждают: любой человек ответственен за то, что он есть. Этим объясняется тотальное исчезновение сострадания из их мирка агрессивных старцев. Однако они претендуют на то, чтобы бороться против общественной несправедливости. Это люди, которые сами не несут ответственности за то, что они есть; это нищие, не ведающие о своей нищете. И что выходит? Калека, уродка, скромник. И, в конце концов, опять сострадание?

* * *

Перикл у могилы юноши: «Год потерял весну».

* * *

Когда он говорил обо мне как о «направляющем» (то есть показывающем правильное

направление пути), одна часть меня, конечно же, раздувалась от глупого тщеславия. Но другая моя часть не переставала умирать от стыда на протяжении всех этих лет.

* * *

М.Э. У умирающих страшно скорбный вид, а у тех, кто присутствует при агонии, — тупой и провинциальный. Он был таким светским человеком и потом вдруг стал почти затравленным в том алькове, где он один…

* * *

Есть моменты, когда позволить себе искренность эквивалентно непростительной расслабленности.

* * *

«Первый человек». Этапы жизни Джессики. Чувственная девочка. Юная возлюбленная, стремящаяся к абсолюту. Настоящая возлюбленная. Осуществление, преодолевшее всю двусмысленность начала.

«Когда я любил ее больше всего, кто-то в глубине

моей души презирал ее за все, что она сделала, пережила и чему подвергалась. В особенности за то, чему подвергалась. Я ненавидел ее за то, что она не дождалась меня до раннего утра и умерла. И я ненавидел ее в присутствии кого-то другого, кто внутри меня смеялся над этой смехотворной претензией».

* * *

«Иона». Жилищные проблемы. Потом картины скапливаются и занимают его место. Отсюда антресоль.

Когда он больше ничего не делает. «Он услышал, как они бегали по комнатам… это была жизнь, шум, производимый людьми, как это было прекрасно. Девочка смеялась. Как он любил их! Как он любил их!»

* * *

Пьеса. Лжец.

1) Он лжет. Между двумя женщинами.

2) Он говорит правду.

3) Перед катастрофой он снова лжет. (Она рвет бумагу, которая освободила бы ее от лжи.)

* * *

Пьеса о невозможности одиночества. *Они всегда здесь.*

* * *

Роман. Дружба (моему сыну, который начнет все сначала).

* * *

Хуже всего человек переносит, когда о нем судят. Отсюда его привязанность к матери или возлюбленной, ослепшей от страсти; отсюда и любовь к животным.

* * *

Термоядерная бомба: всеобщая смерть соответствует уделу человеческого существования вообще. Значит, это просто правило. Мы опять приближаемся к первой и древнейшей из проблем. Достигнув бесконечности, мы снова начинаем с нуля. Второй срез проблемы: автором мирового бедствия является уже не Бог, а люди. Люди сравнялись с Богом, но сравнялись

в жестокости. Значит, мы должны снова начать древний бунт, но на этот раз — против человечества. Нужно призвать нового Люцифера, который уничтожил бы мощь людей.

* * *

Странно. «Грязный еврей», — говорит большой. И маленький его бьет. Бить было необходимо. Но у него не было ни малейшего желания. Он вовсе не ненавидел это лицо, которое ударил… И у другого тоже не было ни малейшего желания. У него не было желания называть евреем этого симпатичного маленького человека и не было желания бить. Но он должен был ответить и ударил.

* * *

Фантастические притчи.

* * *

Христос-Пан.

* * *

Эстетика. Мы можем исходить из эмоции, и тогда получается крик. Или, наоборот, мы идем

долгим и кружным путем фраз и слов — навстречу эмоции, еще живущей в нашей памяти, чтобы в конце концов достичь ее и воскресить, но уже не в виде крика, а большой волны, сила которой…

Там же. Если я произношу: «У него нос картошкой» — это звучит совсем не одобрительно, как, например, выражение «словно персик». Искусство — это хорошо рассчитанное преувеличение.

* * *

Любовь Шара и львицы из Ботанического сада. Он протянул руки к ее голове через решетку. Она его опрокинула. Она раздвинула свои короткие лапы…

* * *

На дорогах мира миллионы людей опередили нас, везде мы видим их следы. Но на море, даже на самом древнем море, наше молчание всегда будет первым.

* * *

Никто не заслуживает того, чтобы быть любимым, — во всю меру этого безмерного дара.

А получивший этот дар открывает несправедливость.

* * *

Если бы я не уступал своим страстям, я мог бы вмешаться в этот мир, изменить в нем что-нибудь. Но я уступал, и поэтому я художник, всего лишь художник.

* * *

Кто-то во мне всегда изо всех сил старался быть никем.

* * *

В конце этой длинной мысли — вдалеке — горит тотальное «да».

* * *

В тот миг, когда после стольких усилий я расставляю пределы, веря, что примиряю непримиримое, эти пределы взрываются и повергают меня в немое горе.

Тетрадь № VIII. Август 1954 года – июль 1958 года

15.8.1954

Четвертая симфония соль мажор Малера для сопрано и оркестра. Иногда, слушая Малера, начинаешь больше ценить Вагнера — по контрасту: заметно, до какой степени Вагнер был властителем своего тумана. Но в других случаях Малер бывает очень велик.

* * *

16.8.1954

Слова N.: «Почему мы не согласны с идеей вечной жизни? Не потому ли, что, в конце концов, речь идет о блаженстве, лишенном сознания, а мы желаем быть, а значит — осознавать, что мы есть. Но отчего же мы упрекаем этот мир именно в том, что позволяет нам обрести сознание: в наличии зла и страдания (в этом и заключается главное противоречие современного атеизма). Я, например, всегда принимала страдание с радостью — радостью бытия». Я отвечал ей, что в этом и проявляется гений. Гений? Да, гений жизни,

который только она — единственная из всех, кого я знаю, совершенно естественно и гордо носит в себе.

* * *

17 августа. Берль [97].

Интеллектуалам легче сказать нет, чем да. Созерцая под конец жизни многочисленные тома своих произведений, доктор Реклю [98], защищавший Дрейфуса, обнаружил, что за последние два года он ничего не произвел. Ах да, Дрейфус: он действительно отдал два года жизни *изучению* его дела. А сегодня принимают решение, прочитав всего лишь одну статейку.

Потерянный вечер.

* * *

18 августа

Выхода мне не найти. Самоубийство. Чего еще ждать тому, кто уже мертв? Кладбище Ане, где

---

[97] Примечания: 97

Берль, Эммануэль (1892–1976) — французский историк, журналист, эссеист.

[98] Примечания: 98

Реклю, Поль (1847–1914) — французский хирург, автор многочисленных научных трудов.

вьюн раскалывает старую плиту.

Долгие годы я жил в заточении у ее любви. Сегодня я должен стараться хотя бы не думать о ней, не переставая любить. Казалось бы, одной проблемой меньше, но как тяжело.

* * *

19 августа

Ужасное утро. Во второй половине дня выставка Сезанна. В его ранних картинах есть что-то болезное и безумное (особенно бросается в глаза сексуальная одержимость). Подобное безумие необходимо подчинять жесточайшей дисциплине, какая и была присуща Сезанну. Только помешанные могут стать классиками, ибо у них нет выбора. Свое душевное расстройство С. умерил высочайшей требовательностью к себе, обратившись к натюрмортам и пейзажам, в которых он выявлял архитектуру, геометрию. Под конец жизни он вернулся к телам и лицам и снова впал в безумие — то самое, какое прежде ему удалось укротить. Кубизм — предписание врача [...неразб.].

Почта.

* * *

20 августа
Почта. Убитый день.

* * *

25 августа
Убитый день. Н.А. (Дерена сбила машина, он наполовину парализован и потерял рассудок. В то время, как он бредил в клинике, его жена и бывшая любовница опечатывали все его картины.)
«Врата ада» [99]. Японский фильм с небольшим американским акцентом. Но рядом с таким искусством все мы выглядим варварами.

* * *

22 августа
Печальная и мудрая природа Иль-де-Франс.

* * *

23–24 августа

---

[99] Примечания: 99
Фильм Кинугаса Тэйносукэ (1954), получивший Гран-при Каннского фестиваля.

Убитые дни. Обед с Берлем.

* * *

25 августа

Работать все время, кроме утра. Музей Человека. Когда я выходил, мне казалось, что мой рот забит тленом и костяным прахом скелетов и мумий. Перуанская мумия: [...неразб.] истории. Кем она была?

Действие и письмо: Они не очень уверены в своей правоте, и эта неопределенность порождает несчастное сознание. Чтобы избавиться от него, они начинают писать. Они будут искать и находить новые аргументы, будут настаивать еще сильнее. Их противники поступят точно так же. Так будет происходить укрепление позиций. Многократно повторенные утверждения начинают превращаться в эквивалент действий. А вскоре и провоцировать их. В день победы у триумфаторов будет много обвинителей. Стремясь избавиться от несчастного сознания, побежденные признают свою настоящую вину и будут говорить, что не хотели этого делать. А потом победители, в свою очередь, станут побежденными и тоже будут отвечать, что не хотели этого делать. История — это бесконечное преступление,

совершаемое невинными.

* * *

7 сентября

Возвращение детей. Катрин не может заснуть, потому что боится умереть (из-за боли в груди). Они еще такие маленькие существа, но их уже терзает такой страх — в конце концов, что может быть ужаснее и возмутительнее?

* * *

8 сентября

Мне звонит Н.А.: только что умер Дерен. Наполовину парализованный, сошедший с ума, преследуемый собственной женой, которая опечатала его картины. Н.А. в отчаянии. Ничего не поделаешь. Бедный Дерен, я так любил его суровую силу. Слишком живой для того, чтобы жить.

* * *

9 сентября

N. (и ее семья) всегда смешивали любовь со страданием и тревогой. Любить — значит страдать от чего-то или во имя чего-то. Для меня

любовь всегда была неотделима от состояния веселой невинности. Стоило мне повстречать N., как я утонул в чувстве вины и потерял способность любить реально.

* * *

20 сентября

Меня страшит не смерть, но жизнь в смерти.

Уничтожение не может устрашить того, кто много прожил.

Для создания чувства вины или наказания вовсе не обязательно иметь Бога. Для этого достаточно людей. Строго говоря, Бог нужен, наверное, только для основания невинности.

* * *

21 сентября

Как он будет проповедовать справедливость, если он не мог заставить ее управлять даже собственной жизнью?

Чтобы прикончить свою семью ночью, изрубив ее топором, убийца разделся.

М.: «Ты скрытен, добр и (компенсируя все, что есть отталкивающего в доброте) слишком горяч, и порой несправедлив».

* * *

5 октября

Ночная декорация Роттердама, всеми светящимися остовами своими устремленного ввысь над каналами.

* * *

Гаага

Весь этот мир сгрудился на небольшом пространстве домов и воды, безмолвно прижавшихся друг к другу, и над городом шел дождь, долго, без передышки, и маленькие дети, некрасивые и капризные, управляли движением тихих машин, и прекрасные [...неразб.] решетки королевского музея, чтобы вымыть фронтоны роскошных декораций, а дождь все лил и лил не переставая, и пианист на трехколесном велосипеде [...неразб.] играл «Грусть» Шопена в сопровождении одного [...неразб.] виолончелиста, и нищий с изысканными манерами подбирал благодушно брошенные монетки, гроши, падавшие с мягким звуком, — они были предназначены гримасничающим индонезийским богам, что виднелись в витринах и невидимо носились по воздуху Голландии,

представляя собой ностальгические мечты лишенных собственности переселенцев. О далекий остров Ява, чьи сыны прислуживают здесь в кафе, а на улице по-прежнему льет дождь, и в мокром воздухе витает чудесное воспоминание о девушке у двери, за которой скрывается неистощимый источник, свет для больного туберкулезом, и молчание старого брата Рембрандта, смотрящего на вечную страну своими бесстрастными глазами.

* * *

6 октября

Целые дни льет дождь и дует холодный ветер [...неразб.]. Это было там, в Роттердаме — в новом никелированном Роттердаме, — и в вечно промокшем Амстердаме; и здесь, в Гааге, где взгромоздившиеся на велосипеды с высоким рулем люди, словно траурные лебеди, кружились в хороводе вокруг охладевшего Вигвера, между живыми угрями рыбного рынка и чудесными украшениями в уродливых витринах того же цвета, что и палые листья, приклеившиеся повсюду к земле, и копченые селедки, долго путешествовавшие по золотистым морям. О, Сипанго [...неразб.], Голландия, нежная Голландия, ты учишь смертельному терпению.

* * *

Обращение в серьезность. Серьезность — это согласие на ложь и признанное убожество. В остальном — спокойная искренность.

* * *

«Дон Жуан».

Она: Я всегда знала, что вы меня не любите. Но я любила вас. Когда вы со мной разговариваете, вы смотрите иногда поверх моей головы.

Он: Я не соблазняю — я адаптируюсь.

* * *

26 октября

Противоположность реакции — не революция, а творчество. Мир пребывает в состоянии вечной реакции, то есть бесконечного страха перед революцией. Прогресс, если допустить, что он вообще существует, заключается в том, что творцы самых разных убеждений открывают формы, торжествующие над духом реакции и инерции, и, значит, революция им вовсе не нужна. Революция неизбежна, когда иссякают творцы.

* * *

Согласно Кёстлеру, в прежней судебной системе Турции смягчающим обстоятельством мог выступить тот факт, что преступление было совершено кем-то [...неразб.].

* * *

Жимолость, этот запах связан для меня с Алжиром. Он плавал вдоль улиц, поднимавшихся к высоким садам, где нас ждали юные девушки. Виноградники, молодость...

* * *

По утрам белая роза пахнет водой и перцем.

* * *

«Жюли».
Последнее действие.
Ж.: Я некрасива.
Д'Ал: Да.

* * *

Все — во мне и в других людях, — что тянет меня вниз.

* * *

1 ноября

Мне часто приходится узнавать, что я атеист, до меня доходят рассказы о моем атеизме. На мой взгляд, эти слова ничего не означают, они лишены смысла. Я не верю в Бога, *и* я не атеист.

* * *

Как творец, я дал жизнь самой смерти. Вот и все, что я должен был сделать, прежде чем умереть.

* * *

Павезе: «Мы дураки. Правительство оставило нам малую толику свободы, но и ту мы отдаем на откуп женщинам».

* * *

Рембрандт: слава до 1642 года, когда ему ис-

полнилось 36 лет. Начиная с этой даты путь к одиночеству и бедности. Это более редкий и значительный опыт, чем просто жизнь неизвестного художника. О таком опыте еще никто ничего не сказал.

* * *

Б.К [100].: «Эту духовную силу природа дает человеку не для того, чтобы он пользовался ею в одиночку. Она дарит ее для того, чтобы человек использовал ее за пределами собственной личности».

Там же: «Истинный творец органически зависит от закона удовольствия».

* * *

Шпенглер говорил, что душа России — это бунт против Античности. Похоже на правду. Бердяев говорил в том же духе: в России никогда не было Возрождения.

---

[100] Примечания: 100
Во французском оригинале «В.С.».

* * *

Текст об Эберто [101]. Посреди грота большой белый кашалот. Он фильтрует пищу зубами и захватывает только планктон вкусных авторов.

* * *

Реализм. Реалисты — все. Но никто в отдельности. В конце концов, важна не эстетика, но внутренняя установка.

* * *

Литература тоталитарных государств умирает не оттого, что ею руководят, но потому, что она отрезана от других литератур. Если художник изначально не открыт реальности всего мира, он калека.

* * *

7 ноября 1954 г.
41 год.

---

[101] Примечания: 101

Эберто, Жак (1886–1970) — французский театральный деятель, директор театра (носящего его имя), журналист и издатель. В его театре были поставлены пьесы А. Камю «Калигула» (1945) и «Праведники» (1949).

* * *

«Вакханки».

Сицилия. Наше время. Маленькая деревенька в окрестностях Палермо. И все, что из этого следует.

В перспективе — очень большие произведения. В любом случае что-то остается. Напр.: «Дон Жуан», «Фауст», в них заключено все.

* * *

Исправить «Бунтующего человека», с. 225, 6-я строка (рабочие вместо монахов) и с. 228, 1-я строка.

* * *

Письмо Дюперрэ [102]. «Революционные профсоюзы по-прежнему предаются своему главному занятию: поиску аргументов для того, чтобы разделиться по вопросу об общих принципах».

---

[102] Примечания: 102

Дюперрэ, Жан (1910–1993) — французский писатель и профсоюзный деятель.

* * *

Название для новеллы: «Пуританин нашего времени».

* * *

24 ноября. 10 ч.

Сегодня утром приехал в Турин. Вот уже несколько дней мне радостно при одной только мысли вернуться в Италию. Я не видел ее с 1938 года, когда приезжал сюда в последний раз. Война, Сопротивление, «Комба», потом долгие годы омерзительной серьезности. Конечно, я путешествовал, но только для познания, а сердце мое молчало. Мне казалось, что в Италии меня ожидает моя молодость, и новые силы, и утраченный свет. И я хотел убежать из этого мира (своего дома), весь последний год уничтожавшего меня постепенно, атом за атомом, и, может быть, обрести окончательное спасение. Но вчера при отправлении поезда радость моя была уже не так сильна. Прежде всего, я устал, а еще была встреча с Гренье, я собирался поговорить по душам и не смог, и N. тоже не улучшила мое настроение перед отъездом. И все же ночью, между короткими

периодами сна, я почувствовал приближение счастья, пусть еще и далекого.

Сегодня просыпаюсь в 7 утра с мыслью, что мы в Италии. Прихожу в себя, открываю шторку: снежный и туманный пейзаж. По всей северной Италии идет снег. Меня охватил бешеный приступ смеха, хорошо, что я был в купе один. На улице было совсем не холодно. Однако ожидавшая меня на вокзале очаровательная И.А. говорила, что умирает от холода. Ее очаровательный французский язык с ошибками, спокойные и изящные жесты (она напоминала мне маму), ее раскрасневшееся от холода лицо, словно маленький снежный цветок, постепенно возвращали мне мою Италию. К тому же мое сердце согрели итальянцы — и в поезде, и, позже, в отеле. Я всегда любил этот народ, особенно сильно — по контрасту — ощущая свое изгнанничество среди французов, вечно пребывающих в дурном настроении.

Из окна моего номера в гостинице был виден Турин, на который беспрерывно падал снег. Я еще раз посмеялся над своим разочарованием. Но ко мне вернулась бодрость духа.

* * *

Турин под снегом и в тумане. В египетской галерее ежатся от холода мумии, выкопанные из песка и лишенные своих бинтов. Я люблю большие и широкие улицы, мощенные плитами. Этот город выстроен из пространства, а не из стен. Я захожу в дом № 6 по улице Карло Альберто, где работал Ницше и где потом сошел с ума. Я никогда не мог читать без слез рассказ о визите Овербека: он вошел в комнату, где бредил обезумевший Ницше, который, охваченный внезапным порывом, с рыданиями бросился в его объятия. Стоя перед этим домом, я пытаюсь думать о Ницше (всегда любимого мной со страстью, равно как и с восхищением), но у меня ничего не получается. Мне легче встретиться с Ницше, несмотря на тяжелое небо, просто гуляя по этому городу, который он так любил, и я понимаю почему.

* * *

Новелла. Заключенные концентрационного лагеря избирают своего папу, они выбирают того, кто больше всех страдал, и отвергают того другого — папу римского, живущего в роскошном

Ватикане. Они называют своего папу «Отцом», хотя он один из самых молодых, подчиняются ему во всем, умирают за него, пока не умирает и он сам, защищая своих детей (или же отказывается умереть и сохраняет свою жизнь, потому что ему надо защищать других, и это начало).

* * *

25 ноября

Серый и туманный день. Брожу по Турину. На холме черепа в венках. Из самого сердца широких городских проспектов рвутся в туман бронзовые кони. Турин — город застывших лошадей: они замерли в таком же порыве, как и сумасшедший Ницше, остановивший избитого погонщиком коня, которого он стал безумно целовать в морду. Ужин на вилле Камерана.

* * *

26 ноября

Долгая прогулка по туринским холмам. Вокруг — небо, заснеженные Альпы, то возникающие, то исчезающие в тумане. Свежий, влажный воздух, пропахший осенью. Город внизу покрыт дымкой. Вдали от всего — усталый и до странности счаст-

ливый. Вечером лекция.

* * *

27 ноября

Утром еду в Геную вместе с И.А.; странное маленькое существо, чистое, у нее щедрая душа, сила воли, и в ней чувствуется осознанное самоотречение, удивительное в столь молодом возрасте. Ей хочется «смеяться и сожалеть». Что касается религии, то она верит в «отрешенную любовь». Она решительно похожа на маму, о которой я думаю с грустью. У меня всегда на сердце тяжелая, немыслимая смерть…

По всему Пьемонту и Лигурии дождь и туман. Мы переваливаем через горы, возвышающиеся вдоль лигурийского берега среди заснеженных полей. Проезжаем по четырем туннелям, и снег исчезает, но по склонам, спускающимся к морю, с удвоенной силой хлещет дождь. Через два часа после приезда в Геную — лекция. Ужин во дворце Дориа. Старая маркиза — как будто высохла вся, остались только глаза и сердце. Выйдя на улицу, я гуляю по наконец-то вновь обретенной Генуе, умытой под большой водой. От черного и белого мрамора исходит сияние, а по самым обыкновенным улицам, городским артериям,

разливаются огни.

* * *

С VI века по 1800 год население Европы никогда не превышало 180 миллионов.

С 1880 по 1914 год оно увеличилось со 180 до 460 миллионов!

* * *

Ортега-и-Гассет. Кто хочет знать, с кем он говорит — для того, чтобы писать.

Различает организованное общество и спонтанную ассоциацию.

Свобода и плюрализм — две доминанты Европы.

Философ и профессор философии, см. с. 26 — об истинной аристократии, страсти.

* * *

Гумбольдт. Для того чтобы человеческое существо обогащалось и совершенствовалось, необходимо разнообразие ситуаций. На поддержание этого разнообразия и должны быть направлены основные усилия либерализма.

* * *

В сегодняшней России торжествует индивидуализм в самой его циничной форме.

* * *

Ортега-и-Гассет. История — вечная борьба между паралитиками и эпилептиками.

* * *

Основой всякого общества является аристократия, ибо истинная аристократия есть требовательность по отношению к себе, без этой требовательности общество умирает.

* * *

Ортега-и-Гассет. Творческая жизнь предполагает режим строгой гигиены, большого благородства, постоянных стимулов, возбуждающих сознание, и добавим, творческая жизнь есть жизнь энергичная.

* * *

Как много теней копошится в узких переулках. Довольный и усталый.

* * *

28 ноября

Долгая прогулка по Генуе. Генуя меня зачаровывает, она очень напоминает город, оставшийся в моей памяти. Из тугого корсета узких улочек, кишащих жизнью, вырываются на свободу величественные памятники. Здесь красота создается прямо перед нашими глазами, она излучает сияние в повседневной жизни. На углу улицы певец импровизирует на темы недавних скандалов. Поющая газета.

Маленький монастырь Сан-Маттео. Порывы ветра вдавливают дождь в широкие листья мушмулы. Краткое мгновение счастья. Теперь надо изменить жизнь.

Вечер: отъезд в Милан, под дождем. Прибытие под дождем. То, что любил здесь Стендаль, уже мертво.

* * *

29 ноября

«Тайная вечеря» — совершенно очевидно, что да Винчи был одним из источников итальянского декаданса. Монастырь Сан Амброджио. Лекция. Вечером сажусь на римский поезд в раздражении от глупых светских условностей, которыми сопровождались мои лекции. Не могу вынести более получаса этого обезьянничества. Ночь без сна.

* * *

30 ноября

Утром наконец-то над римскими окрестностями появилось солнце — бледное, но решительное. Как это ни глупо, на глаза наворачиваются слезы. Рим. Еще один из этих отелей — шикарных и глупых, как и содержащее их общество. Завтра переезжаю. Смотрю вместе с Н. на рождение Венеры. Прогулка вдоль виллы Боргезе и Пинчо: все небо словно расписано кистью с редкими волосками. Сплю. Последняя лекция. Наконец свободен. Ужин с Н., Силоне и Карло Леви. Завтра будет прекрасный день.

* * *

С 1 по 3 декабря

Существуют города, подобно Флоренции или небольшим тосканским и испанским городкам — они словно носят на себе путника, поддерживая каждый его шаг и облегчая походку. А есть и другие, подобно Нью-Йорку — они сразу же тяжело опускаются на плечи и давят; в таких городах надо научиться постепенно распрямлять спину и видеть.

Рим тоже довлеет, но тяжесть эта осязаема и легка, его носишь на сердце как тело, состоящее из фонтанов, садов и куполов, и под ним можно дышать, чувствуя себя немного придавленным, но странно счастливым. Рим — сравнительно небольшой город, но порой его воздушные перспективы взрываются на повороте улиц, и это разграниченное пространство, ощущаемое всеми фибрами души, дышит и живет вместе с путником.

Я уехал из отеля и поселился в том самом пансионе на вилле Боргезе. У меня теперь есть терраса, выходящая прямо в сады, и сердце мое бьется все сильнее от панорамного вида, который каждый раз я словно открываю заново. После

стольких лет жизни в лишенном света городе, пробуждений в тумане, среди сплошных стен, я ненасытно впитываю в себя эту линию деревьев и небес, выстраивающуюся от Порта-Пинчана к Тринита-деи-Монти, за которой вращается Рим со своими хаосом и куполами.

Каждое утро, еще немного пьяный ото сна, я выхожу на эту террасу, и меня застает врасплох пение птиц — оно настигает меня в самых глубинах моего сна, находит нужную точку, из которой сразу же высвобождается какая-то таинственная радость. Уже два дня стоит хорошая погода, и прекрасный декабрьский свет рисует передо мной устремленные ввысь кипарисы и пинии.

Здесь я сожалею о всех глупых и темных годах, прожитых в Париже. Там была сердечная причина, которую я больше не в силах переносить, ибо она больше никому не нужна, а я оказался в конце концов на волоске от гибели.

Позавчера на форуме — не там, под Кампидольо, где, словно на дешевой распродаже, выставлены претенциозные колонны, а в его по-настоящему разрушенной части (рядом с Колизеем), потом на восхитительном Палатинском холме, с его неистощимым молчанием, покоем, — в этом мире, вечно рождающемся заново и вечно совершен-

ном, я начал приходить в себя. Именно этому и служат великие образы прошлого, если только природа сумеет принять и приглушить спящие в них шумы: собирать вместе сердца и силы, чтобы они потом стали служить настоящему и будущему. Это чувствуется и на Аппиевой дороге, по которой мне удалось погулять лишь к концу дня, — я ощущал, что сердце мое переполняется так сильно, что жизнь уже готова покинуть меня навсегда. Но я знал, что она будет продолжаться, ибо во мне еще осталась сила, двигающая меня вперед, и после передышки это движение должно только ускориться. (Вот уже год, как я не работал, не мог работать, а у меня наготове было десять сюжетов, которые я считал исключительными, но не мог к ним подступиться. Из таких дней сложился целый год, и я не сошел с ума.) Как хорошо было бы жить в этом монастыре, в этой комнате, где умирал Тассо.

Площади Рима. Площадь Навона. Сант-Игнацио и другие. Желтого цвета. Под барочными переливами воды и камней розовеют бассейны фонтанов. Когда ты все уже видел, или по крайней мере видел все, что можно было увидеть, — какое великое счастье просто гулять, не стремясь ничего *познавать.*

Вчера ночью был рядом с Сан-Пьетро-ин-Монторио. При свете его фонарей Рим походил на порт, движение и шум которого только что замерли у подножия нашего молчаливого брега.

* * *

Как странно и невыносимо осознавать, что монументальная красота всегда подразумевает рабство, не переставая быть при этом красотой; не желать красоты — невозможно, но невозможно и желать рабства, ничто не может сделать его более приемлемым. Возможно, поэтому превыше всего я ставлю красоту пейзажа, ее не купить ценой несправедливости, и мое сердце чувствует себя в ней абсолютно свободным.

* * *

3 декабря

Превосходное утро на вилле Боргезе. Утреннее алжирское солнце, струящееся через тонкие сосновые иглы и четко прорисовывающее каждую из них. И Галерея, наполненная золотистым светом. Меня очень интересуют скульптуры Бернини, восхитительные, но разочаровывающие, когда в них побеждает изящество, как, например, в

чрезвычайно сюрреалистической Дафне (сюрреализм в изобразительном искусстве был прежде всего контрнаступлением барокко), и отвратительные, когда изящество исчезает вообще, как в обескураживающей Истине, которую открывает Суд. Вдобавок он еще и очень проникновенный художник (портреты).

«Даная» Корреджо и особенно «Венера, завязывающая глаза амуру» — Тициан написал ее в 90 лет, а от нее веет современной молодостью.

Картины Караваджо, которые я смотрел во второй половине дня (не те, что находятся в церкви Святого Людовика Французского), были совершенно великолепны благодаря контрасту между необузданностью и немой плотностью света. *До Рембрандта*. Особенно «Призвание Святого Матфея»: потрясающе. К [103]. заостряет мое внимание на постоянном возвращении темы молодости и зрелого возраста. Моравиа уже рассказывал мне о том, что за человек был Караваджо: совершив множество преступлений, он скрылся из Тосканы на корабле, но здесь его ограбили, потом выбросили на берег, где он сошел с ума и умер (1573–1610). Моравиа поведал мне также настоящую исто-

[103] Примечания: 103
Во французском оригинале «С.».

рию семейства Ченчи, о котором он собирался написать пьесу. Беатриче была похоронена под алтарем церкви Св. Людовика Французского. В Риме мятеж, французская революция. Один французский художник-санкюлот участвовал в разграблении церкви Св. Людовика Французского. Раскрывал могилы. Там был скелет Беатриче, ее череп лежал отдельно от скелета посередине гроба. Художник вынул череп и, поигрывая с ним, как с мячиком, вышел из церкви. Это последний образ, связанный с ужасной историей Беатриче Ченчи.

В конце дня я возвращаюсь на Джаниколо. Сан-Пьетро-ин-Монторио. Да, этот холм — мое любимое место в Риме. Высоко в нежном небе легкие, как дым, стайки скворцов кружатся во все стороны, весело сталкиваются друг с другом, потом собираются вместе, чтобы спикировать на пинии, и, едва коснувшись их, снова взмывают в небо. Когда мы спускаемся вниз вместе с Н., мы обнаруживаем их снова, но теперь на деревьях — платанах Виале-дель-Ре, в Трастевере, причем в таком огромном количестве, что каждое дерево буквально гудит и стрекочет, на нем больше птиц, чем листвы. Наступает вечер, и оглушительный щебет заглушает все шумы

этого густонаселенного квартала, смешиваясь со скрежетом трамваев и заставляя людей смеяться и запрокидывать головы, чтобы рассмотреть огромный рой из листьев и перьев.

В пансионе мною занимается высокий римлянин — брюнет с мягким и благородным лицом, у него простые и гордые манеры. Новелла. Любовь с художником. С его стороны — сплошное благородство.

Написать БАРОЧНЫЙ текст о Риме.

* * *

4 декабря

Утро. Дворец Барберини. «Нарцисс» Караваджо и особенно та мадонна, которую обычно приписывают П. делла Франческа, но мне кажется, что она, скорее, напоминает о более утонченной манере Синьорелли. Как бы то ни было, она восхитительна.

Обед в Тиволи вместе с Моравиа и Н., потом мы долго гуляем по абсолютно безупречной вилле Адриана. Превосходный день, со всех сторон головокружительного и безоблачного неба струится равномерный свет на величественные кипарисы и высокие сосны, растущие на вилле. Широкие

разрушенные стены ловят этот ровный свет своей облицовкой, похожей на пчелиные гнезда, и сами начинают источать сияние, словно мед из своих цементных сот. Здесь я лучше понимаю, чем римский свет отличается от любого другого, например, флорентийского — серебристого и рассеянного и в конечном счете более одухотворенного. Римский — скорее, кругл, блестящ и текуч. Он возбуждает мечты о теле, об изобилии счастливой плоти, об удавшейся жизни. Об еще более сочных далях. Пение птиц среди руин. При виде такого совершенства возникает любопытное и счастливое ощущение, что все уже сказано.

Ужин, Пьовене [104]. После трех десятков разговоров я наконец-то начинаю понимать, что же происходит на самом деле. Здесь нет борьбы мнений, но есть группировки. Либералов мало, бедность и эксплуатация нищеты и постепенный переход к инерции.

В сорок лет о зле уже не кричат, о нем прекрасно знают и с ним борются, в зависимости от того, как понимаешь свой долг. Только тогда возможно заниматься творчеством, ничего не забывая.

---

[104] Примечания: 104
Пьовене, Гвидо (1907–1974) — итальянский писатель.

Создавая на картине Страшного суда (справа от алтаря) движение вознесения, Микеланджело снабжает тела тяжелыми мускулами, чтобы создать впечатление неотразимой легкости. Чем тяжелее, тем легче. В этом суть искусства.

В апартаментах Борджиа: Риторика Пинтуриккьо, вооруженная мечом.

Сердце немного сжимается при мысли, что Юлий II приказал уничтожить фрески Пьеро делла Франческа (и других художников), для того чтобы Рафаэль мог расписывать его покои; плата за прекраснейшее «Освобождение св. Петра»?

* * *

«Снятие с Креста» Караваджо. Самого Креста не видно; Караваджо, несомненно, выдающийся художник.

* * *

6 декабря

Серый день. У меня температура. Остался в комнате. Вечером встречался с Моравиа.

* * *

Роман.

Первый человек снова проделывает огромный путь, а в результате раскрывает тайну: он не первый. Всякий человек — первый, и никто не первый. Поэтому он бросается к ногам матери.

* * *

7 декабря

Отъезд с Николой и Франческо. Римская деревня. Ф. очень красив и выглядит отстраненно, при этом он человечен и общителен. Деревня Цирцеи. Приезд в Неаполь. Обед в Поццуоли — в ресторане, как две капли воды похожем на Падовани. В Неаполе лило как из ведра, и лихорадка моя усилилась. А вечером небо прояснилось.

* * *

8 декабря

Проснулся с очень высокой температурой. Вчера вечером я даже не мог закончить писать свои заметки. Но все-таки совершил длинную прогулку по «Барриос», за улицей Санта-Лучиа.

Трущобы за Елисейскими полями. Через открытую дверь видно, как в одной кровати лежат по трое малышей, порой вместе с отцом, и они вовсе не смущаются, когда на них смотрят. Это развевающиеся на ветру белье, что придает Неаполю постоянно праздничный вид, — лишь следствие нехватки белья, ведь его приходится все время стирать. Флаги нищеты. Сегодня вечером Н. Ф. Потом мы уезжаем на влажной карроцелле, от нее пахнет кожей и навозом. У мужской дружбы всегда хороший вкус. Н. ведет нас в квартал Порта-Капуана. Широкая улица, идущая вверх. На всех балконах стоят лампы с абажурами. И нищета выглядит как необычайный праздник. Перед церковью проходит небольшая процессия. Над плотной толпой, топчущейся в грязи среди капустных листов, разбросанных после утреннего рынка, колышутся знамена. А главное, взрываются петарды. За каждым святым. И о появлении Пречистой Девы тоже возвещают петарды. Стоящий у окна сумасшедший с застывшим взором одним и тем же механическим жестом зажигает друг за другом десятки петард и бросает их в толпу, пока они не взорвутся, а вокруг бешено пляшут дети. Гостиницы для бедных. Здесь строили большие планы. Эскуриал нищеты…

* * *

8 декабря

Весь день провел в постели с температурой. В конечном счете я не смогу поехать в Пестум. При первом же улучшении придется возвращаться в Рим, потом в Париж, вот и все. Между греческими храмами и мной что-то происходит. И каждый раз в последний момент обязательно возникает нечто мешающее мне приблизиться к ним.

Впрочем, на этот раз ничего таинственного. Этот год совершенно истощил меня и поставил на колени. Надежда найти новые силы и вернуться к работе была чистой сентиментальщиной. Лучше бы я потратил год жизни на то, чтобы построить себе заново здоровье и волю, а не бежал бы к свету, которым не в силах наслаждаться. Но тогда я должен был бы хотя бы немного освободиться от того, что меня угнетает. Вот какие мысли одолевают путника, заточенного в Неаполе, прикованного к постели и охваченного лихорадкой. Но это правильные мысли. К счастью, из своей кровати я могу видеть море.

Художник, друг Ф., полный невежда, должен сделать иллюстрации к «Страстям по Матфею» для одной радиопередачи. Он пишет святого в

окружении прелестных женщин и насмешливых ангелов.

* * *

9 декабря

Когда я проснулся, лихорадка прошла. Но я чувствовал себя разбитым, и мне было не по себе. Тем не менее я решил поехать (каждый раз я заряжаюсь энергией от сравнения с худшей ситуацией: сидеть взаперти и т. д.). Когда мы уезжали, ярко светило солнце. Сорренто (и прелестный сад Кокумелла), слишком декоративный Амальфи, где мы пообедали, потом я сел за руль, сменив уставшего Ф. В тот момент, когда мы, проехав промышленный район, потом странные земли, напоминающие Лимб (высокий тростник, тощие и ощипанные деревья), прибыли в Пестум, начинался закат. Здесь у души уже не осталось слов.

(Позднее.) Я хочу пережить заново все, что произошло, когда мы в конце дня оказались в Пестуме. Нас приняли в гостинице неподалеку от развалин, поселив в доброй старой комнате — грубоватой, но очень чистой, с тремя кроватями, огромными и выбеленными стенами. Ко мне привязался какой-то пес. Солнце уже зашло, когда мы стали карабкаться на стены (поскольку

ограждения были уже закрыты), чтобы попасть к развалинам. Со стороны совсем близкого и голубого моря еще шел свет, но стоящие напротив холмы уже почернели. Когда мы оказались перед храмом Посейдона, в воздух разом поднялись все разбуженные вороны, произведя жуткий шум своими крыльями и криками, потом они принялись летать вокруг храма, обрушиваясь на него со всех сторон и опять взлетая, словно для того, чтобы прямо перед нашими взорами приветствовать чудесное явление некоего существа, созданного из камня, но живого и незабываемого. Сумерки, черный полет ворон, редкое пение птиц, пространство между морем и холмами — я жадно впитывал все эти осязаемые и горячие чудеса, и, охваченный усталостью и волнением, я был готов в любую минуту разрыдаться. Потом наступило состояние бесконечного восхищения, не передаваемого словами.

Вечер, молчание, вороны, похожие на птиц из Лурмарена, и кошка, и мои слезы, и музыка.

По утрам на развалинах в Типаса выпадала роса. Самая юная в мире свежесть на самой старой древности. Вот в чем заключается моя вера, и в этом, по-моему, главный принцип искусства и жизни.

* * *

10 декабря

Вчера вечером я прогулялся до пляжа — среди тростников, крепостных стен и буйволов. Постепенно нарастал громадный и глухой шум моря. Пляж, теплая вода под светящимся и серым ночным небом. Когда мы возвращались, начинался небольшой дождь, а шум прибоя постепенно затихал за нашими спинами. Буйволы шевелились все тише и тише, потом опустили головы и стали неподвижными, как ночь. Нежность.

Я взглянул из окна на храмы в ночи и заснул. Так понравившаяся мне комната с толстыми и голыми стенами оказалась совершенно ледяной. Всю ночь было холодно. Я открыл свое окно, над развалинами шел дождь. Час спустя, когда мы выходили, синее небо, свежий и великолепный свет.

Бесконечное изумление перед этим храмом с огромными колоннами из розового губчатого камня, позолоченной пробки, — его воздушной массивностью, его неистощимым присутствием. К воронам присоединились и другие птицы, но именно вороны по-прежнему накрывали храм развевающимся во все стороны черным покры-

валом и хриплыми криками. Свежий аромат маленьких гелиотропов, покрывавших окрестности храма.

Шумы: шум воды, собак, далекий рокот мотоцикла.

Сердце сжимается не от меланхолии по поводу разрушенных миров, но от безнадежной любви ко всему, что вечно длится в вечной молодости, от любви к будущему.

Еще раз прошел по развалинам между горами и морем. Как трудно оторваться от этих мест, где я впервые, после Типаса, ощутил абсолютное самозабвение.

* * *

10 декабря

Продолжение. И все-таки мы поехали и уже через несколько часов оказались в Помпеях. Конечно, очень интересно, но за душу не брало. Иногда римляне умеют быть изысканными, но цивилизованными — никогда. Римляне — адвокаты и солдаты, но бог знает почему их путают с греками. Они первыми по-настоящему разрушили греческий дух. Побежденная Греция, увы, не смогла, в свою очередь, одолеть их. Они заимствовали у Греции темы и формы великого искусства,

но смогли создать лишь холодные подобия, которых лучше и не было бы вообще — тогда греческая наивность и великолепие дошли бы до нас без посредников. По сравнению с храмом Геры в Пестуме античность всего Рима и Италии просто рассеивается как дым, а вместе с ней меркнет и комедия ложного величия. Инстинктивно сердце мое всегда это чувствовало, его никогда не трогала ни одна латинская поэма (ни даже Вергилий, которым я так восхищаюсь, но не люблю), но оно всегда сжималось при вспышке трагического или лирического станса, рожденного в Греции.

По возвращении из этого изысканного Бухенвальда — так я увидел Помпею, — вкус пепла и возрастающей усталости. Мы с Ф. ведем машину по очереди, и в 21 час, совершенно изможденный, я въезжаю в Рим.

* * *

11 декабря

Весь или почти весь день в постели. По-прежнему температура, лишающая меня всякого вкуса к жизни. Любой ценой поправить здоровье. Мне нужна моя сила. Я не хочу жить легко, но я хочу иметь возможность быть на равных с жизнью, когда она сложна. Я должен управлять собой, если

хочу идти туда, куда я иду. Во вторник — отъезд.

* * *

12 декабря

Мне в руки попала газета. Парижская комедия, а я уж позабыл, что такое бывает. Гонкуровская премия — очередной фарс. На этот раз — «Мандарины» [105]. Кажется, я играю роль одного из героев. Речь идет о некоем авторе, поставленном в ситуацию (руководитель газеты, возникшей во время Сопротивления), а все остальное — сплошная фальшь: и мысли, и чувства, и поступки. Более того: меня щедро нагрузили еще и сомнительными поступками из жизни Сартра. Сплошная мерзость. Но не злонамеренная, а естественная, как дыхание.

Чувствую себя получше. Серый день. Над Римом дождь, поблескивают чисто вымытые купола. Обед у Ф.Г [106]. Вечером один, лихорадка прошла.

---

[105] Примечания: 105
«Мандарины» (1954) — роман Симоны де Бовуар (1908–1986).

[106] Примечания: 106
Во французском оригинале «F.G.».

* * *

13 декабря

Еще Караваджо. Церковь Санта-Мария-дель-Пополо. Меланхолия Рима, с его слишком крутыми и напряженными улицами. Поэтому так прекрасны площади: они словно освобождают. Над античным Римом торжествует барокко. Как древнеримские пары, застывшие в камне, у которых нет ничего общего, разве только то, что оба словно стержень проглотили. Между дворцами проскальзывают сумерки, разрушая горделивые фасады. Вечером М. рассказала мне о Бранкати и о его смерти. Ужин в одиночестве.

* * *

14 декабря. Отъезд.

Экзистенциализм. Когда они обвиняют себя, я уверен, что они делают это исключительно для того, чтобы обременить других. Кающиеся судьи.

Истинное предательство начинается от Луки — это он заставил умолкнуть крик отчаяния агонизирующего Иисуса.

В ответ на мое утверждение, что некоторые роли требуют от актера только виртуозности

и могут служить средством для оттачивания ремесла и мастерства, М. сказала, что это ее не интересует. Она предпочитает играть только тех персонажей, которые сочетаются с ее личностью, и тогда она может жить и чувствовать, что живет другую жизнь. И вывод: «Я люблю играть, потому что я героиня романа».

* * *

Мораль. Не брать того, что не желаешь (трудно).

Я всегда надеялся стать лучше. Я всегда решал делать все, что для этого необходимо. Удалось ли — другой вопрос.

Разве не был для меня мой брак утонченной чувственной авантюрой? Да, это было так.

Если расцветаю я, она увядает. Она не может жить без моего увядания. Значит, мы два противоположных полюса психологии.

Противоположность подпольного человека — человек, лишенный злопамятства. Но катастрофа одна и та же.

Этот мир извивается, как разрубленный червяк, лишь потому, что он потерял голову. Он ищет свою аристократию.

* * *

«Ля Мартиньер» — белый корабль, перевозивший каторжников в Кайен и заходящий в Алжир за новым грузом (мой репортаж [107] об том дне, когда шел проливной дождь — баржа, полная бритыми наголо каторжниками — внутри две клетки, и т. д. Я тоже проделал этот путь, но только в комфортабельной кабине) — Рассказ?

* * *

«Первый Человек». Он смеялся над амбициями. Он не хотел ничего иметь, он не хотел владеть, он хотел быть. Только к этому он стремился со всем упорством.

Когда же его частная жизнь была выставлена напоказ и растолкована множеству людей, она стала публичной, и стремиться к той цели потеряло всякий смысл.

Таковы жизнь (пустая) городов и невыносимые дни без любви.

Именно такая жизнь больше всего на свете интересует меня за последние десять лет.

---

[107] Примечания: 107
Опубликованный в газете «Альже репюбликен» 1 декабря 1938 г.

* * *

«Первый Человек». «Размышляя обо всем, что он сделал не потому, что по-настоящему этого желал, а потому, что этого хотели другие, или просто потому, что другие поступали подобным образом при довольно сходных обстоятельствах, он понял, что все это вместе и образовывало жизнь, которую он делил с другими людьми, умиравшими в конце концов от того, что они не сумели прожить так, как действительно хотели бы».

* * *

«Первый Человек». Тема энергии: «Я буду главенствовать, но не пойду на компромисс. Компромисс, притворство, низменное желание власти — это слишком просто. Но я буду действительно главенствовать, не делая ни единого жеста, чтобы владеть или иметь».

Единственный закон бытия — быть и превосходить самого себя.

* * *

«Иона». Обезумевшая консьержка (у нее умер

сын): «О! Господин Иона, а вы понимаете?» — и сразу же после этого: «Не ходите к господину Ионе, он бьет жену и детей».

* * *

«Первый Человек». Тема дружбы.

Не обладая большой культурой, М. вмешивается в великие произведения. Не задерживаясь, хотя бы из лени, на посредственности и инстинктивно распознавая великое.

* * *

«Первый Человек». Тема тревоги (см. Адлер. «Познание человека». С. 156). Движущая сила персонажей: желание власти, с точки зрения психологии.

* * *

«Дон Фауст (или доктор Тенорио): «Я никогда ничего не просил за то, что давал, я никогда не говорил о том, что сделал, я слишком мало уважал себя, потому что давал недостаточно, и я думал прежде всего обо всем, чего я никогда не давал. Но сегодня мне надо то немногое, что я сделал,

мне нужны те люди, что находятся здесь. Те, кому я никогда не отказывал в своей руке и своей помощи, — пусть они говорят и свидетельствуют в мою пользу. *Все замолкают*. Тогда говорить буду я. Тот…» (бунтующий текст).

* * *

«Первый Человек». С Симоной. Целый год он не может ее забрать. И потом бегство. Она плачет, и с этого все начинается.

Все происходит от моей врожденной неспособности быть буржуа, да еще и довольным буржуа. Малейшая видимость стабильности в жизни наводит на меня ужас.

Мое принципиальное превосходство над мошенниками в том, что мне не страшно умереть. К смерти я испытываю лишь ужас и отвращение. Но я не боюсь умереть.

Предательство левых интеллектуалов. Если их настоящая цель — сохранить революционный принцип в СССР, постепенно исправляя его извращения, то зачем русскому правительству отказываться от тоталитарных методов, раз оно заранее будет знать, что его всегда простят. На самом деле только откровенная оппозиция людей левых убеждений на Западе может заставить это

правительство задуматься, если допустить, что оно вообще сможет или захочет думать. Но еще на самом деле предательство наших интеллектуалов объясняется не одной только глупостью.

Почему слабость по отношению к удовольствию осуждается больше, чем слабость перед болью. Ведь боль производит порой несравнимо большие разрушения.

* * *

«Дон Фауст». В 1-й картине или в прологе Фауст желает все по-знать и все иметь. «Я сделаю тебя соблазнителем», — сказал дьявол. И Фауст становится Дон Жуаном.

Заключительная картина. Расплата. «Ну что, идем!» — «Нет, — отвечает дьявол, — ты должен делать это против воли, иначе умрешь, как все». — «Так умрем же — как все» (здесь мужской хор, который принимает героя в свои ряды: «Лучше поздно, чем никогда»).

Островной комплекс России и коммунистов (см. Адлер «Познание человека», стр. 154).

В «НРФ»: диалоги (ответы, вопросы) или воображаемое письмо о «Злободневных заметках».

* * *

Роман. «В тот вечер не везло — На концерте стали хлопать после третьей части, решили, что симфония закончилась. Но громкие и осуждающие шикания указали ему, что частей должно быть четыре. И его еще долго преследовал взгляд соседей, тяжелый от недавнего экстаза и пережитого презрения».

Одна из новелл — во французском стиле («Иона»).

Половодье на Сене. Ночью река грохотала, я никогда не слышал ничего подобного.

* * *

Дон Жуан. Атеист-моралист обрел веру. Отныне все дозволено, поскольку кто-то может оправдать то, чего люди никогда не простят. Отсюда щедрая свобода нравов, увенчанная живой верой.

Стремление к творчеству так сильно, что не способные к нему выбирают коммунизм, — он обеспечивает им коллективное творчество.

* * *

Театр. Тимон — Бесы — Жюли — Экспромт — Пресса — Вакханки.

Данте допускал, что в споре между Сатаной и Богом были нейтральные ангелы. Он определил их в вестибюль ада. III 37.

* * *

17 февраля

Прибытие в Алжир. С борта самолета, пролетавшего рядом с побережьем, город похож на горсть сверкающих камней, разбросанных вдоль моря. Сад отеля Сен-Жорж. О, гостеприимная ночь, к которой я наконец возвращаюсь и которая принимает меня, как прежде, со всей своей верностью.

* * *

18 февраля

Как прекрасен Алжир утром. Жасмин в саду Сен-Жорж. Когда я вдыхаю его аромат, меня наполняет радость, молодость. Спускаюсь по городу, свежему, воздушному. Вдали сверкающее море.

Счастье.

Смерть Франсуа, он тяжело болел. Его отправили домой из клиники, у него был рак языка. Он агонизировал в своей лачуге один, заливая стену кровавой рвотой и стуча кулаком по толстой и грязной стене, отделявшей его от соседей.

* * *

19 февраля

У меня нет ни одного кресла. Немного стульев. Так было всегда. Не полное запустение, но и не комфорт.

Визит к торговцам Белькура. 3 умерших. Массоны. Марта. Александрина. Жюльетта. Зензен (оттопыренные уши, человек-змея, поет в кинотеатре Альказар).

* * *

«Первый человек».

— В каком году родился папа?

— Не знаю. Мне было на четыре года больше, чем ему.

— А ты в каком году?

— Не знаю. Посмотри мою метрику.

Значит, его бросила семья. Сколько ему тогда было лет? — Не знаю. О! он был юн. Его оставила сестра. Сколько сестре было лет? Не знаю. — А его братья? Он был младшим — нет, вторым. — То есть его братья были слишком юны, чтобы заниматься им. — Да, наверное, поэтому и бросили. — Но они и не могли поступить иначе.

В шестнадцать лет ученик сельскохозяйственного рабочего в семье мужа его сестры. Его заставляли много работать.

«Он больше не хотел их видеть. Они ему надоели».

Там же. Он борется за арабское дело. Его взяли вместе с женой во время антифранцузского восстания. Он убивает ее, чтобы ее не успели изнасиловать, но ему самому удается выжить. Его судят и приговаривают к смерти.

Или еще: я боролся ради них 20 лет, и в день своего освобождения они убили мою мать.

Там же. Самоубийство N. на Сен-Жермен-де-Пре. Друзья Мефисто. Маринелла. Опьянение. Жан-Пьер, оскорбляющий N.: «Ты преуспеваешь во всем. Ты мне отвратителен».

* * *

20 февраля

Типаса. Дожди и солнце. Налившиеся водой стебли полыни. И потоки свежего света на мокрых развалинах. То же самое волнение — и всегда новое.

Какая удача родиться на свет среди холмов Типасы. А не в Сен-Этьене или Рубэ. Знать об этой удаче и с благодарностью принять ее.

* * *

21 февраля

Сияющий день. Сверкание моря и неба вдали сливается в общем блеске. Как всегда по утрам, сад и аромат жасмина, а сегодня еще и птицы ликуют.

* * *

22 февраля

Туманы.

* * *

23 февраля

Проснулся от солнца, затопившего мою кровать. День, как хрустальный кубок, переполненный бесконечным лазурным и золотым светом.

* * *

24 февраля

Орлеанвиль. Очертания утренних гор напоминают изящные лепестки цикламена. В самом Орлеанвиле бараки и стройки: Дикий Запад. Молодой бригаде архитекторов удается избежать уныния, потому что они видят, каким будет этот город в будущем.

* * *

25 февраля

R.U.A [108]. Счастье от простой дружбы, благодаря которой я жил.

* * *

26 февраля

Когда старая пчелиная королева давала жизнь двум молодым королевам, те или убивали, или

---

[108] Примечания: 108

Racing Universitaire d'Alger, университетская футбольная команда, в которой А. Камю был вратарем.

изгоняли ее. И она оставалась умирать от голода на краю улья.

Таков смехотворный парад любви и его отвратительных требований, помогающий слабым и грубым людям жить и казаться.

* * *

26 апреля

Отъезд из Парижа. Я удручен и совершенно опустошен из-за N. Альпы. Череда островов, постепенно выходящая нам навстречу: Корсика, Сардиния, вдали Эльба и Калабрия. Кефалония и Итака, но в сумерках все они едва различимы. Потом греческий берег, но это уже ночью. Мускулистая рука Пелопоннеса кажется темным и таинственным континентом, покрытым подснежниками и сверкающими вдали горными вершинами. Несколько звезд на еще светлом небе, и потом полумесяц. Афины.

* * *

27 апреля

На восходе — ветер, облака и солнце. Я вышел что-то купить. Потом мы встретились с очаровательным 21-летним переводчиком, от него веяло

восхитительной свежестью (я, кажется, говорил вам, что находился рядом с отелем, но это была неправда, и я все время бежал, боясь опоздать, поэтому сильно запыхался), он совершенно покорил меня, и я воспринимал его как приемного сына.

Акрополь. Ветер прогнал все облака, и с неба стал литься очень белый первозданный свет. Все утро меня не покидало странное ощущение, что я здесь живу уже много лет и это мой дом, несмотря на языковые различия. Когда я поднимался на Акрополь, это впечатление только усилилось: не испытывая никакого волнения, я констатировал, что чувствую себя здесь «соседом».

Другое дело — там наверху. На храмы и лежащие на земле камни, которые ветер очистил, кажется, до костей, отвесно падало одиннадцатичасовое солнце, потом отскакивало, разбивалось на тысячи белых и жгучих светящихся стрел. Свет въедался в глаза, вызывая слезы, прорезывал тело — быстро и болезненно, опустошая, делая доступным для чисто физического насилия и в то же самое время совершая его очищение.

Глаза понемногу привыкали и медленно открывались, и экстравагантную красоту (да, меня больше всего поражала необычайная смелость

этого классицизма) этого места воспринимал уже человек чистый, продезинфицированный светом.

И темно-красные маки, каких я никогда еще не видел, один из них вырос прямо на голом камне, […неразб.], и мальвы, и переполненное великолепными перспективами пространство, простиравшееся до самого моря. И лицо второй Коры, согнутая нога третьей — в Эрехтейоне…

Здесь хочется защитить себя от мысли, что все совершенство было уже достигнуто и с тех пор миру остается лишь клониться к закату. В конце концов, эта мысль разбивает сердце. Мы должны всегда и все сильнее защищаться от нее. Такие мысли — смерть, а ведь мы хотим жить.

После полудня, гора Имитос фиолетового цвета. Пентеликон.

19 ч. Лекция. Ужин в таверне в старом квартале.

* * *

28 апреля

Утро. С Маргаритой Либераки [109]. Дафнион. Ко-

[109] Примечания: 109

Либераки (другая транскрипция имени — Лимпераки), Маргарита (1919–2011) — греческая писательница и драматург.

нечно же, это Византия… Очаровательное место. Элевсин, где надо обладать большим воображением. Но местность до и после Элевсина очень красива. В храме два пути ведут к святилищу, второй — кружной, тайный путь, недоступный для непосвященных.

Капитальный смысл того, что я знаю об Элевсине. Развить.

В музее восхитительные фрагменты.

Обед в посольстве. Tiempo perdido [110].

После полудня. Агора. Гефестейон. Ареопаг; в небольшом музее Агоры статуи Гераклиона, Афины, Геракла. Узловатый и грубый Геракл, весь покрытый цветущей жимолостью. Потом я поднимаюсь на холм Муз. Солнце уже довольно низко над горизонтом, оно еще не дошло до той точки, когда на светлом небе будет четко прорисовываться красный диск. Но оно уже потеряло силу, ослабело и утратило форму. Из его разорванной окружности струится тонкий мед, он разливается по всему небу, золотит холмы и Акрополь и покрывает все сладостным и неповторимым сиянием, от кубических городских построек, разбросанных по четырем концам све-

---

[110] Примечания: 110
Потерянное время (*исп.*).

та, и до самого моря.

Я спускаюсь как раз вовремя, чтобы успеть на свою лекцию, на которой было много споров. Выхожу уставший после двух часов непрерывных вопросов. Ужин в Пирее с Маргаритой Либераки. Курьезная личность — замкнутая и темная, но с внезапными всплесками жизни и смеха.

* * *

29 апреля

Утро. Национальный музей. Здесь сосредоточена вся красота мира. Конечно, я знал, что меня должны растрогать Коры, но они оставили во мне чудесное ощущение, которое длится до сих пор. Мне разрешили посетить подвалы, куда их переместили во время войны, защищая от вторжения и разрушения. И там, в подвале, куда их забросила история, они по-прежнему улыбаются под слоем пыли и соломы, и эта улыбка через двадцать пять веков по-прежнему согревает, учит и внушает надежду. И еще здесь хранятся погребальные стелы и та подавленная боль. Безутешная смерть на черно-белом лекифе не может смириться, что ей больше не увидеть солнца и моря. Выхожу в каком-то опьянении и чувствую себя несчастным от всего этого совершенства.

Потом мы едем на мыс Суниона. Полуденный свет еще немного в дымке, в нем словно зависли невидимые частички тумана, и пейзажи предстают в неполном виде, но и так они все равно поражают своими пространствами и широтой. Пока мы приближались к Суниону, свет свежел и молодел. На мысе, у подножья храма, ветра уже не было. Храм оставил меня равнодушным. Его мрамор слишком бел, слишком похож на штукатурку. Но действительно неописуемое впечатление производит сам мыс, над которым возвышается храм: он буквально врезается в море, подобно полуюту, и словно командует эскадрой островов в открытом море, а сзади — и справа, и слева, вдоль флангов из песка и скал пенится море. Бешеный ветер так сильно свистит между колоннами, что чувствуешь себя словно в ожившем лесу. Он взбалтывает лазурный воздух, втягивает атмосферу открытого моря, с силой смешивает ее с ароматами, поднимающимися с холма, покрытого мелкими и свежими цветами, и заставляет бешено биться без передышки — вокруг нас — лазурные полотнища, сотканные из воздуха и света. Спасаясь от ветра, свет спускается к подножью храма, постепенно становясь все чище и чище, словно лился из неподвижного

источника. Вдалеке дрейфуют острова. Ни одной птицы. Море слегка пенится до самого горизонта. Мгновение совершенства.

Здесь совершенно все, кроме одного островка напротив — Макронисоса, на котором сегодня действительно никого нет, но раньше сюда ссылали людей, и об этом мне рассказывали ужасные истории [111].

Мы обедаем рыбой и сырами в самом низу, на маленьком пляже, рядом с большими рыболовными судами в небольшом порту. К середине второй половины дня темнеют краски, затвердевают острова, расслабляется небо. Это момент совершенного света, самозабвения, когда *все хорошо*. Но надо уезжать — у меня лекция. С трудом отрываю себя от этих мест, с которыми я не в силах полностью расстаться.

Но прежде чем отправиться в путь, мы снова замечаем с мыса остров Макронисос. Все время обратной дороги самый прекрасный, какой я здесь видел, свет озарял оливковые поля, фиговые деревья с какими-то особенно зелеными

[111] Примечания: 111

Во время гражданской войны (1946–1949) о. Макронисос был местом депортации политзаключенных, в 1946 г. здесь был создан первый в послевоенной Европе концентрационный лагерь. В архивах А. Камю обнаружена обширная документация, посвященная Макронисосу.

листьями, редкие кипарисы и эвкалипты.

Лекция. Ужин, во время которого я получаю сведения о депортации. Цифры, похоже, сходятся. Число депортированных было сокращено до 800 или 900. Этим-то мне и следует заняться.

* * *

30 апреля

Национальный музей. Мне хочется снова взглянуть на высокого худощавого куроса. Репетиция «Гекубы». Всем этим греческим девушкам, кроме одной, недостает грации и стиля. Обед в Кефисии, в саду, где при нежном свете поют соловьи.

Вторая половина дня. Работа, потом холм Муз. На этот раз солнце близится к закату. И снова безумная радость от необычайной смелости Акрополя — его архитекторы играли не с гармоничной мерой, но с чудесной экстравагантностью мысов, островов, разбросанных по гигантскому заливу, и неба, похожего на широкую вращающуюся ракушку. Они создавали не Парфенон, но все пространство в целом, с его фантастическими перспективами. На всю эту эскадру островов и вершин, над которыми возвышался полуют скалы, внезапно падает вечернее умиротворение и [...неразб.] на молчаливые корабли.

* * *

Вложенное письмо.

Мой дорогой N.

Мое сегодняшнее молчание касается только меня одного. Оно связано со слишком многими обстоятельствами моей личной жизни, чтобы я мог Вам это объяснить. Впрочем, Вы можете только порадоваться: если бы я стал говорить, то я не сказал бы того, на что Вы надеялись, и никому не доставил бы удовольствия. В конце концов, у интересующего Вас дела достаточно своих защитников (впрочем, признаю, что они были не слишком сильны в сложившихся обстоятельствах). Но Ваше письмо побуждает меня высказать то, что я уже давно собирался сообщить Вам. Тем более что в великом конфликте, разрубившем надвое XX век, свой выбор Вы уже совершили.

Вам известно, к примеру, что Восточная Германия уже давно получила вооружение и что там работают несколько нацистских генералов, как, впрочем, и на Западе. И Вам известно, что СССР несколько раз признавал за Германией право иметь свои национальные вооружен-

ные силы. Но об этом Вы не говорите. Потому что Вы допускаете перевооружение, коль скоро оно происходит под контролем СССР, но Вы его критикуете, если оно совершается под эгидой Запада. И так во всем. В крайнем случае (спросите себя сами) Вы бы согласились, чтобы Франция превратилась в народную демократию при покровительстве Красной Армии (и напомню, я сам защищал коммунистов против всякой «атлантизации» внутренней политики). Когда Вы говорили или писали мне о подобных проблемах, Ваше внутреннее убеждение было понятно, Ваше возмущение было искренним лишь тогда, когда Вы говорили о преступлениях наподобие дела Розенбергов. Однако Вы предпочли молчание, отягощенное сомнениями, если речь заходила о подавлении бунта германских рабочих силами коммунистического режима (эта деталь важна, и мне кажется, что именно в такие моменты и происходила болезненная, но решающая проверка позиции интеллектуалов левого толка).

Мне кажется, что Вы уже сделали свой выбор. Поэтому для Вас будет совершенно естественно вступить в коммунистическую партию. Не мне Вас в этом упрекать. Я вовсе не презираю сторонников коммунизма, хотя считаю, что они

совершают смертельную ошибку. Но я презираю, и очень сильно, тех интеллектуалов, которые являются коммунистами, не будучи членами партии, и которые изводят нас своими псевдостраданиями светских кюре и в конечном счете очищают свою совесть за счет рабочих-активистов.

Сделайте же хоть раз в жизни то, что Вам хочется сделать, придите в согласие с самим собой. И Вы увидите результат. Вы постоянно сравниваете две величины, но знаете и можете судить только об одной — об обществе, в котором мы живем, и Вы ничего не знаете о другой. Коммунистическая партия не поможет Вам понять, что такое народные демократии. Ей это не под силу. Но она поможет Вам понять коммунизм, о котором Вы еще очень мало знаете. Хорошо, если Вы найдете в нем умиротворение, правило жизни. А если нет, то по крайней мере Вы действительно поймете, в чем заключается проблема.

Я повторяю вам свои мысли только потому, что хочу избежать недоразумения. Перевооружение Германии должно быть осуждено в обоих случаях, иначе — все это обман. И если я по-прежнему считаю непростительными помощь Франко, или «фруктовую» политику в Южной Америке, или

колониализм, то я категорически не приемлю и той «фруктовой» политики, которая была навязана Франции стараниями России и безоговорочно поддержана французской коммунистической партией. В общем, я по-прежнему выступаю принципиально против действий и методов того, что я называю кесаревым социализмом.

Впрочем, все это Вам известно. Просто мои книги значили для Вас значительно меньше, чем Вы говорите. Более реальной была личная симпатия, которую Вы ко мне испытываете. Но тот, кто принимает религию, тоже любит своих друзей и мать, но он должен их покинуть. Ибо я не хотел бы, чтобы у Вас оставались иллюзии: с того момента, когда Вы выберете ортодоксию, подобную ортодоксии коммунистической партии, Вы вступите в церковь. Не сомневайтесь, признайтесь себе в глубине души, что для интеллектуала коммунистическое искушение — то же самое, что искушение религиозное. В этом нет ничего постыдного, при условии, что Вы уступите этому искушению честно и осознанно. Что касается меня, то Вы сохраните мою дружбу, пусть и на расстоянии. Я прошу Вас только об одном: если Вы осуществите свой план и услышите, что обо мне говорят «объективно», что я ужасный

фашист, то постарайтесь если не отрицать — ибо это будет невозможно, — но просто попробуйте так не думать. От всего сердца желаю Вам удачи, примите заверения в моей преданности.

* * *

Вечером народные танцы в «Безумце Джонни». Я стараюсь увидеть в этих танцах хоть что-то интересное, но танцовщики и особенно танцовщицы чрезвычайно некрасивы.

* * *

1 мая

Рано утром отъезд в Арголиду. Берег Коринфского залива. Пляшущий, воздушный, наслаждающийся свет переполняет залив и острова в открытом море. Мы остановились на минуту на краю скалы и получили в дар всю необъятность моря, открывшегося в едином изгибе. Море было подобно кубку, из которого мы большими глотками пили свет и воздух.

За час пути я буквально захмелел от света, моя голова переполнилась сверканием и молчаливыми восклицаниями, а в пещере моего сердца звучали огромная радость, бесконечный смех

познания, после которого я способен принять все, что бы ни случилось. Спуск к Микенам и Аргосу. Микенская крепость — вся в маках, растущих густыми букетами и дрожащих на ветру над царскими могилами. (Вся Греция была в этот момент покрыта маками и множеством цветов.) С крепости открывается равнина, простирающаяся до Аргоса и моря. Царство Агамемнона было не более десяти километров в длину, благодаря его пропорциям создается впечатление, что под солнцем еще не простиралось более широкого царства. Развалины Микен — между двух высоких скал, в окружении огромных каменных глыб, под палящим солнцем, — сегодня они царят над этой дикой, незабываемой землей.

Руины Аргоса не представляют для меня большого интереса. Меня очень интересует Жорж Ру, молодой архитектор из Воклюза — очень живо увлеченный своим прекрасным ремеслом. Я немного завидую ему и горько упрекаю себя за потерянное время в последние годы и за свое глубокое падение. Мы обедаем в Азине, а перед этим я купаюсь на прекрасном пляже в прозрачной и холодной воде.

Во второй половине дня — Эпидавр, где по случаю 1 мая веселые греки устроили настоящее

празднество. Но с высоты театра, в плотном и влажном свете, заливающем плавные контуры оливковых деревьев, эвкалиптов, [...неразб.] и акаций, все шумы слышны словно в отдалении — огромном и нежном. Только слабые колокольчики бараньего стада перекрывают все остальные шумы, но и они звучат вдалеке. К тому же здесь прекрасное время дня.

Вечер. Нафплион у моря, в час, который греки именуют царством солнца: небо становится пурпурным, а на горы и бухты ложатся сиреневые и синие краски.

* * *

2 мая

Утром отъезд в Спарту, страшное солнце. Просторные долины, словно целые царства оливковых деревьев и гордых кипарисов, бесплодные горы, редкие деревушки — Греция здесь безлюдна. По ней бродят только стада овец — то розового, то зеленого, то красного цвета. Под снежными вершинами Тайгета, в долине реки Эврот, Спарта распростерла апельсиновые поля, их мощный аромат остается с нами навсегда. Над Мистрой среди руин летают горлицы. Тихий монастырь с побеленными известью стенами выходит на

огромную равнину Лаконии, где растут шарообразные оливковые деревца, четко отделенные друг от друга и трепещущие под неутомимым солнцем.

На обратном пути мы спускаемся к Нафплиону — залив, острова и горы вдали. Останавливаемся в Аргосе, где встречаем молодых археологов, работающих на раскопках. Мне сразу же вспомнилось то впечатление, какое на меня произвела маленькая группа архитекторов, восстанавливавших Орлеанвиль и живших в нем маленькой коммуной. Я мог бы испытать чувство счастья и умиротворения только в ремесле, в работе, совершаемой вместе с другими и близкими мне людьми. Но у меня нет ремесла, у меня есть только призвание. И работаю я в одиночестве. Я должен принять свою работу такой, какая она есть, и стараться быть достойным ее, что в данный момент не получается. Но я не могу отделаться от некоторой горечи при виде этих людей, счастливых от того, что они делают.

Мы возвращаемся в Микены; когда мы оказались на самой высокой террасе, солнце как раз зашло и между возвышавшимися отвесными скалами появилась прозрачная луна. Но перед нами у подножья темно-синих гор Аргоса про-

стирается погруженная в темноту равнина, она тянется до более светлого моря с правой стороны. Огромное пространство, и молчание здесь так абсолютно, что даже звук выскочившего из-под ног камешка вызывает чувство стыда. Едва слышно, как вдали пыхтит поезд, ослица на равнине испускает жалобные крики, по склонам разносится перезвон колокольчиков пасущегося стада, словно звуки падающей воды. В этой дикой и нежной декорации [...неразб.] прекрасно. По буйно цветущим теперь макам, у самой земли, пробегает легкий ветерок. На микенских львов медленно опускается самый прекрасный в мире вечер. Горы понемногу темнеют до тех пор, пока все десять хребтов, видневшиеся на горизонте, не сливаются в одну синюю дымку. Сюда стоило приехать издалека, чтобы насладиться этой большой частью вечности. После этого все прочее не имеет значения.

* * *

3 мая

Утром работа. В тринадцать часов отъезд в Дельфы. Тот же самый свет, но теперь уже на меньших высотах — каменистых, без единого деревца. В такие минуты чувствуешь, что Греция

— это прежде всего пространство изогнутых или прямых линий, всегда обладающих четкостью. Земля рисует небо, придавая ему формы, но и небо не может, в свою очередь, не творить земные рельефы, гармоничная замкнутость которых образует свое пространство. И малейшая черта может разделить два великих царства: землю и ее двойника — небо. Когда мы приехали в местность, напоминающую лоханку, единственное облако, уже некоторое время росшее прямо на наших глазах, прорвалось и свирепствовало несколько секунд. Мощные градины с оглушительным шумом расстреливали машину. Через пять минут мы покинули «лоханку», снова увидели чистое небо и весело продолжили наш путь.

Дельфы. Грандиозное место, но прежде всего поражает темно-зеленая река, толкающая мускулистые крупы [...неразб.] в глубине огромной долины к морю. Оливковые деревья растут очень тесно, и когда смотришь на них с такой высоты, они кажутся сплошной трепещущей дорогой, идущей к горизонту. А руины, пережившие ту же грозу, которая разразилась и над Дельфами, выглядят еще живописнее среди повеселевших цветов и яркой зеленой травы. Черный орел застывает на несколько секунд на очень большой

высоте, а потом исчезает из виду. День постепенно угасает, и с высоких скал опускается мягкий воздух, возвещающий о вечере. Я возвращаюсь на стадион, откуда выхожу счастливым.

Вечер. Четыре грека любезно приглашают меня потанцевать под звуки бузуки. Но в этом танце довольно сложные па. Было бы у меня время, я бы обязательно научился. Из моей комнаты видна долина, вся темная вплоть до маленького ожерелья огней, окаймляющего море. Луна, окутанная легкой пеленой, покрывает горы и затененные ложбины тонкой пылью света. Молчание — такое же огромное, как и все пространство, — прекрасно.

* * *

4 мая

Утром отъезд в Волос. Суровые горы, затем ламийская равнина. Горы снова становятся более мягкими и зелеными под восходящим солнцем, и перед нами уже открывается Фессалийская равнина. Первобытные хижины валахов — и широчайшие пространства. Ощущается близость Востока. Волос. 80 % домов разрушены полно-

стью или частично [112]. Весь город в палатках. Лучи солнца давят на брезент и пыльный город. Туалетов мало или вообще нет. Я задаюсь вопросом, как избежать эпидемии. Французский лицей тоже в палатке. И гладкое и свежее море тут же, рядом с разрушенным городом. Во дворе разрушенного дома меня принимает мэр города. Умный и элегантный человек. По моей не очень обдуманной просьбе появляется парикмахер, он стрижет меня прямо во дворе, среди людей, в обстановке самой очаровательной фамильярности. И еще о городе. Мессу тут служат на улице, есть палаточный госпиталь и т. д. Возвращаемся на автомобиле в Ла́рису. Потом едем на маленьком поезде. Из Ла́рисы в Салоники. Наступает ночь, и мы едем вдоль моря, сверкающего под луной. Доехали в 23 часа.

* * *

5 мая

Работа. Обед с Тернером и полковником Бр-

[112] Примечания: 112

Здесь было землетрясение в 1955 г.

эмблом [113] (или кем-то еще, сильно на него похожим). Византийские церкви. Маленький монастырь с павлинами. Святой Давид, святой Георгий, святой Димитрий. Двенадцать апостолов (святая София без особого интереса). Должен признаться, меня не очень трогает византийское искусство. Но мне интересно, как происходила эволюция с V по XII век, выявляющая связь между эллинистическим периодом и кватроченто. Например, в мозаиках и фресках с изображением двенадцати апостолов нет жесткости и иератизма, типичных для первых веков византийского искусства. Здесь уже чувствуется предвестие Дуччо. Немного позже (вечером) я расспросил специалиста, который объяснил мне, что после падения Константинополя византийские художники эмигрировали в Италию.

Таким образом, восточное влияние постепенно исчезало.

Вечер. Лекция. Меня растрогала одна юная слушательница. Университетский прием. Ночью я отдыхаю на балконе своей комнаты, глядя на порт, каики, море на уровне набережной и наслаждаясь прекрасным запахом соли и ночи.

---

[113] Примечания: 113

Персонаж романа Андре Моруа «Молчаливый полковник Брэмбл» (1918).

* * *

6, 7, 8 мая

Обед с Т. на скале с видом на море. Сладостное время. Потом Т. играл мне свои последние сочинения. Надо уезжать. Самолет. Под нами в сверкающем море проплывают Спорады. Ужин с Мерлье [114]. В полночь за мной заходит Д., и мы убегаем в Пирей, где нас ждет г-н Альгадес со своим красивым куттером. Добрый толстяк — радостный и сердечный. Мы выходим из Пирея под пепельной луной, освещающей море теплым и ирреальным светом. Я счастлив, слушая, как под корпусом лодки бьется вода, и снова созерцая легкую пену, расходящуюся по обе стороны от форштевня. Но в какой-то момент мы замечаем, как из моря поднимается туман, разрастается и постепенно закрывает собой весь горизонт. Становится холодно и влажно. Альгадес говорит, что в этом архипелаге он не видел ничего подобного. Надо развернуть куттер, чтобы не врезаться в маленькие острова. Я спускаюсь спать. Не могу заснуть до шести часов. Через два часа просы-

[114] Примечания: 114

Мерлье, Октав (1897–1976) — директор Французского института в Афинах с 1938 по 1961 г.

паюсь и поднимаюсь на палубу. Туман так и не рассеялся. Альгадес и его помощник всю ночь не смыкали глаз, следя за тем, чтобы корабль не сел на мель. Но постепенно поднимается солнце: сначала бледное, оно прорезает туман и в конце концов рассеивает его. К одиннадцати часам мы мчимся (без парусов, потому что нет ветра) по неподвижному морю в блестящем и утонченном сиянии. Воздух так прозрачен, что, кажется, можно услышать малейший звук, доносящийся с линии горизонта. Солнце нагревает палубу, жара понемногу усиливается. В этот момент и появляется первый остров. Из-за вынужденного изменения маршрута мы проходим между Серифосом и Сифаносом. На горизонте видны Сирос и другие острова. Они прорисовываются в небе с четкостью чертежа. На опрокинутом киле островов маленькие деревушки прилипли к склонам — они похожи на ракушки, белые окаменелости, оставленные везде отступившим морем.

Маленькие желтые острова словно стога пшеницы в синем море.

Мы проплываем среди этих отдаленных островов по сияющему морю, по которому пробегает мелкая рябь, медленно идем вдоль Сироса, вскоре показывается Миконос, и в течение дня он

вырисовывается все четче и четче, и вот уже видна голова змеи, обращенная к Делосу, пока еще не видимому за Ринией. Заходит солнце — в этот момент мы оказываемся среди островов, начинающих менять свой цвет. Угасает золотой, возникает мальвовый, потом зеленовато-фиолетовый, дальше краски темнеют, и массы островов на еще сверкающем море становятся темно-синими. Тогда на воды спускается странное и великое умиротворение. Счастье, наконец-то, я готов плакать от счастья. Как бы я хотел удержать, сжать в руках эту невыразимую радость, зная, конечно же, что она исчезнет. Но она тайно продолжалась уже столько дней, а сегодня сжала мне сердце так откровенно, что мне кажется, она будет хранить мне верность, и я буду возвращаться к ней всегда, когда пожелаю.

Спускается ночь, и в Миконосе мы выходим на берег. Церквей столько же, сколько домов. Все белое. Мы бродим по маленьким улочкам, где как раз открываются разноцветные торговые лавки. На совершенно темных улицах нас встречает запах жимолости. Над белыми террасами слегка поблескивает луна. Мы возвращаемся на куттер, и я засыпаю таким счастливым, что даже не ощущаю усталости.

Утром на выбеленные дома Миконоса падает божественный свет. Мы поднимаем якорь, чтобы плыть в Делос. Море прекрасно, прозрачно и чисто, оно уже легко просматривается до самых глубин. Приближаясь к Делосу, мы видим на ближайших склонах острова огромные гроздья маков.

Делос. Остров львов и быков, их изображениями покрыт весь этот остров животных, напомним еще и о змеях […] и больших ящерицах с темными телами, но со светло-зелеными хвостами и головами, и о дельфинах на мозаиках. Эрозия выветривала и откалывала мрамор, из которого были высечены львы, и создавалось впечатление, что это не мрамор, а каменная соль, немного призрачный материал, готовый раствориться при первом же дожде. Но и этот остров львов и быков был весь усеян руинами, похожими на ветхие коричневые останки, и среди этого тлена можно внезапно совершить восхитительные и свежие открытия (мозаики с изображением отдыхающего Диониса).

Остров развалин, а также и цветов (маки, вьюнки, левкои, астры). Остров искалеченных музейных богов (маленький курос). В полдень мы совершаем восхождение на вершину Кинтоса, а

вокруг заливы, свет, красные и белые пятна; хоровод Киклад медленно кружится по сверкающему морю вокруг Делоса, в едином движении, словно совершая некий неподвижный танец. Этот мир островов, столь тесный и просторный одновременно, кажется мне сердцем мира. И в центре этого сердца — Делос, и с вершины, на которой я нахожусь, я могу созерцать, при прямом и чистом свете мира, совершенный круг, очерчивающий мое царство.

Позже, когда мы вернулись к шлюпке, мы заметили прелестную греческую девочку-подростка, запросто одевающуюся на набережной. Шлюпка уже отходила от берега, и я поприветствовал ее знаками, а она тут же ответила красивой улыбкой. Добравшись до куттера я разделся и нырнул в прозрачную и зеленую воду. Она была ледяная, и я вернулся, сделав всего несколько гребков. Потом мы возвратились в Миконос. Эта возможность промчаться по морю вдоль и поперек, от одного острова к другому, порождала чувство бесконечной свободы. Свободы, совершенно не ограниченной тем, что мир островов имеет естественные границы. Наоборот, именно этот круг и порождает ликование свободы. Достичь свободы для меня — вовсе не означает вырваться

из этого круга и уплыть на Суматру. Но плыть еще и еще — от абсолютно голого острова к другому, покрытому деревьями, или от скалы — до острова цветов.

В Миконос — за покупками. Мне больше нравится ночной город. Уходим в море поздно вечером. Странная грусть, напоминающая мне любовную печаль, при виде Делоса и Кинтоса, постепенно исчезающих за Ринией. Впервые я наблюдаю, как исчезает земля, которую я люблю, с мучительным предчувствием, что, может быть, я больше никогда не увижу ее до самой смерти. Тяжело на сердце. Снова меняющиеся краски — на море и на островах [...неразб.], паруса, мягко хлопающие при слабом ветре. Едва только нам удалось насладиться миром, поднимающимся от моря к небу, которое постепенно освобождалось от своего света, — и уже за скалистым островком встает луна. Она быстро поднимается по небу, освещает воду. Я смотрю на нее до самой полуночи, прислушиваюсь к парусам, ощущая всеми фибрами души малейший удар воды о борт корабля. Свободная жизнь в море и счастье этих дней. Здесь все забывается и все рождается заново. Чудесные дни, проведенные в полете над водой, между островами, покрытыми цветочны-

ми венчиками и колоннами, при неутомимом свете, — я стараюсь удержать их вкус во рту, в сердце, второе откровение, второе рождение…

Наутро поднялся сильный ветер, захлопали паруса, увеличился крен, и мы стремительно поплыли к Пирею под мощный грохот воды и полотнищ. Дождь света — капли падали и отскакивали от утреннего моря.

Отчаяние от того, что покидаю этот архипелаг, но это прекрасное отчаяние.

* * *

9 мая

Отъезд в Олимпию. Дорога, идущая вдоль Коринфского залива. Пляжи и заливы. Купание в Ксилокастроне. Я чувствую силу деревьев, вод, плодов свежей земли. Недалеко от Олимпии холмы, покрытые хрупкими кипарисами. Мягкость и нежность этих мест при сероватом (впервые!) свете. Высокие сосны и развалины храмов Зевса и Геры. Крики птиц, кончается день, и вскоре из заснувшей ложбины поднимается покой. Ночью я думаю о Делосе.

* * *

10 мая

Серое утро — впервые — над долиной Алфея, которую я вижу из окна. Но на камни, кипарисы и зеленые луга падает мягкий свет. После Делоса я с особой силой ощущаю покой, царящий на этих холмах, мягкость тени, молчание, пропитанное легкими криками птиц. Музей. Вместе с фресками Сифноса в Дельфах это вершина классической скульптуры. После Аполлона или трех фигур с восточного фронтона, или всевозможных Афин на метопах, Гермес Праксителя — слащавая удача, от нее разит декадансом. За ним, впрочем, были выставлены две превосходные терракоты большого формата — воин и Зевс, похищающий Ганимеда, — это свидетели великолепно иного искусства. Странные архаические бронзы, куросы, грифоны, статуэтки словно явились прямо с Востока. Прогулка. Идет легкий дождь, и нежные и вымытые цвета долины приятно мягки для глаз. Я очарован разнообразием пейзажей. Греции удается превратить свой ландшафт в абсолютное совершенство.

Общался с людьми из деревни, они любезно фамильярны. Свободны в манерах и движениях,

но политической свободы здесь не существует.

Небольшой вечерний дождик. Взбираюсь на холм через заросли пахучих цветов. Деревенька Фрония. Убогие дома. Дети в лохмотьях, хотя на вид совершенно здоровые.

* * *

12 мая

Свежее и лучистое утро. Все больше начинаешь ценить тень под деревьями вокруг руин. Божественный свет. Купание и обед в Ксилокастроне. Чистая вода была не такой холодной, но главное, воздух стал прозрачен, и по другую сторону Коринфского залива открылись горы во всей своей странной чистоте. При этом пейзаже в улыбке М. появилось что-то величественное. Так продолжалось во время всей дороги, а потом, очень скоро, появился Афинский залив, острова, где можно было разглядеть каждый дом и каждое дерево. Я прекращаю описывать все это наслаждение, потому что оно стало меня переполнять. Наслаждение — целомудренное, простое, сильное, как сама радость и порождаемый ею воздух.

* * *

Гефестейон.

В светящемся и чистом небе кусочек луны словно лепесток боярышника.

Вечер у Р. Д. Жимолость, залив в ночи вдалеке, таинственный вкус жизни.

* * *

13 мая

Сегодня, перед самым отъездом, с вершины Афин я хочу окинуть мысленным взором эти двадцать дней стремительной прогулки по Греции, и они кажутся мне единым и долгим источником света, который я смогу хранить в сердце своей жизни. Для меня Греция — словно один длинный сверкающий день, растянувшийся вдоль морских переправ, и еще — словно гигантский остров, усеянный красными цветами и искалеченными богами, безустанно дрейфующий по морю света под прозрачными небесами. Запомнить этот свет, прежде чем вернуться в ночи дней…

* * *

14 мая

Отъезд в Эгину. Тихое море. Горячее и голубое небо. Маленький порт. Каики. Восхождение на Афайю. Три храма, подвесившие в мировом пространстве голубой треугольник: Парфенон; Сунион; Афайя. Я заснул на плитах храма, в тени колонн. Долгое купание в маленькой теплой бухточке Айя-Марина. Вечером в порту продают большие лилии с удушающим ароматом. Эгина — остров лилий. Возвращение. Солнце катится вниз, теряется в облаках, становится золотым веером, потом большим колесом с ослепительными лучами. Снова дрейфуют острова, и вечером я окончательно покину их. Глупое желание плакать.

Вечером Варигерес и театр китайских теней.

* * *

15 мая

Воскресенье. Византийский музей. Вместе с Д. в Кифисии, потом на афинских пляжах. Прогулка по морю под прекрасным ветром, переполненным светом. Для меня это момент прощания со

страной, которая все эти недели щедро дарила нам одну долгую радость.

* * *

16 мая
Отъезд в Париж, сердце сжимается.

* * *

Роман. «Он смотрел на мину — блестящую, ослепительную от солнечного света, — она заслоняла собой двигатель. И он снова ощутил, как засочилась таинственная радость, вслепую заструился родник. То была радость Делоса, кругообразная, красная и белая, и круг этот вращался. В самолете, растерянно пикировавшем в сторону моря, над едва пробивавшимися молодыми всходами, жизнь начиналась заново, она была равна близкой смерти».

* * *

«Гостеприимство». Заключенный идет по дороге в тюрьму, но Дарю его обманул, он показал ему дорогу к свободе.

* * *

Роман. Гордый персонаж. Он не кричит от боли. Не уступает.

Человек из привилегированного общества открывает в зрелом возрасте жизнь рабочего. Ибо он хочет постепенно отрешиться. И этого никогда не достаточно. Стать рабочим, не то же самое, что родиться рабочим. В конце концов, за это надо умереть.

Я пытался быть универсальным человеком и объединял в себе все. А потом…

* * *

«Первый человек». Семья Франсины. Семья Вольфромм.

От гения у римлян было лишь то, что мы называем этим словом в армии.

История создается из крови и отваги. Ничего не поделаешь. Когда раб берется за оружие и отдает свою жизнь, он, в свою очередь, царит как хозяин и действует как угнетатель. Но когда впервые в мировой истории угнетенный будет царить с помощью правосудия, не занимаясь, в свою очередь, угнетением других, все завершится и все

начнется наконец.

Моя статья о Гренье [115]. Тяжело. Словно вынимаешь одно за другим полена из пылающей печи. И тогда оказываешься перед черными головешками.

В Древней Греции тому, кто хотел получить судейское звание, было запрещено заниматься коммерцией в течение как минимум десяти лет.

* * *

«Жюли». Она полагает, что способна жить с двумя возлюбленными. Но когда Жильбер говорит, что он тоже будет жить с двумя возлюбленными, она не может разрешить ему то, что разрешала себе. Но она не может его судить. Отсюда ее позорная болезнь.

Довольно нежности, чтобы еще присутствовать… Такая самоотверженность подразумевает все-таки убежденность в ее пользе. У меня же ровно противоположное впечатление, и это меня обескураживает.

Каждый день — сильная боль и солнце. Он выздоравливает и в одиночестве поклоняется

---

[115] Примечания: 115

Здесь и далее речь идет о предисловии к новому изданию книги Р. Гренье «Острова» (выйдет в 1959).

красному богу.

Мера и безумие. Мера в отношениях с другими; безумие, направленное против себя; принудить себя, согнуть себя. И то и другое одновременно в обоих случаях.

У Иисуса было 300 миллионов современников. А впоследствии — 2 миллиарда.

В аду не горит ничего, кроме собственного «я» (святая Екатерина Генуэзская).

Единственная французская индустрия, где нет безработицы, — это злоба.

* * *

«Первый человек». Так долго он был миролюбивым. И потом в один прекрасный день он согласился биться и рисковать жизнью. Его радость.

* * *

Итальянское *talento* означает желание.

* * *

«Первый человек». «Много лет спустя, когда, раздавленные под тяжестью забот, мы расстава-

лись вечером с чувством легкого разочарования от того, что в тот день нам не удалось по-настоящему любить друг друга, тот маленький победоносный жест, которым она приветствовала меня перед своей дверью, а я ждал за рулем своей машины, пока она уйдет, связывал этот, по всей видимости, потерянный день крепкой нитью нашей упрямой любви и спасал ее от всякой горечи».

Там же. Невероятная жесткость Джессики при разрывах. Потеря любви — это потеря всех прав после того, как у вас были все права.

* * *

Пьеса. Человек, который сегодня *назначает себя королем.*

* * *

Этьен [116]. Ревет, когда просыпается и когда он один.

В конце концов (если одна жизнь стоит другой жизни), приговоренный сам оправдывает смертные приговоры (см. Мелвилл, в конце концов

---

[116] Примечания: 116
Синтес, Этьен — глухонемой дядя А. Камю.

признавший свое поражение в «Билли Баде»).

* * *

6 ноября 1956 г.

Перед лицом постоянной угрозы тотального уничтожения в войне, то есть лишения будущего, какая мораль может позволить нам жить хотя бы в *настоящем*? Честь и свобода.

* * *

Я из тех, кого Паскаль восхищает, но не обращает в свою веру.

Паскаль — величайший — вчера и сегодня.

* * *

«Первый человек». Друг Саддок.

1) Молодой активист — Мой товарищ — кризис 36.

2) Друг — Возвращается к мусульманским обычаям, потому что его предали. Женится по воле отца. Боялся упустить свою незнакомую жену.

3) Террорист.

Позже у одного европейского друга изнасиловали и убили жену. Первый человек и этот друг

берут оружие, ловят сообщника, пытают его, потом бросаются в погоню за виновным, настигают его и убивают. Их стыд после содеянного. История — это кровь.

Там же. Эпизод из Сопротивления. Лучше бы он стал героем R.A.F [117]. Если уж быть убитым, то издалека. И не чувствовать постоянно присутствие, жестокость врага. Но нет, он мечтает о гигантских баталиях в горящем небе метрополий, из метро он идет в пыльные или грязные места, из Парижа в Сент-Этьен.

Там же. Сцена в Фобур-Монмартр. В то время как приближался стук эсэсовских прикладов по воротам и напуганные соседи проклинали участников Сопротивления, он смотрит на себя: на его лице презрение. Но почему презирать? Он избавляется от фотографии. После обыска эсэсовцев он уходит, испытывая небольшой стыд. Он обнаруживает при себе такой же компрометирующий документ.

---

[117] Примечания: 117

Résistance Armée Francophone — одно из подразделений французского движения Сопротивления (букв. пер. — Франкоговорящая Армия Сопротивления).

* * *

«Первый человек». Пьер — профессиональный активист, Жан — дилетант. Пьер женат. Оба встречают Джессику. Жан и Джессика, его бывшая любовница. В один из перерывов она сходится с Пьером, потом бросает его и причиняет боль, а он, в свою очередь, заставляет страдать жену. Так, вдали от собраний, он узнает, что такое реальное правосудие. Жан, наоборот, научился любить Джессику, и благодаря любви он идет к людям. Пьер умирает рядом с Жаном (война, Сопротивление), который ненавидел его из ревности. И он помогал ему от всей души. Он — мужчина, которого она любила, хотя бы немного.

Там же. Открытие любви. Очарование М. А.

* * *

Джорджоне — художник музыкантов. Плавность сюжетов и живописания без четких контуров, взаимопроникновение форм — женственность ощущается во всем, и особенно в изображении мужчин. Сухость чужда сладострастию.

Венеция в августе, и тучи туристов, которые

вместе с голубями набрасываются на площадь Сан-Марко, чтобы наклеваться впечатлений: они сами себе устраивают и отдых, и безобразие.

* * *

Парма. Здесь все по-прежнему. Маленькие площади, которые я любил 20 лет назад и которые существуют вечно, вдали от меня.

* * *

Роман. Не забыть Италию и *открытие искусства* — и религии, внезапно проявившейся в связи с искусством.

Каждый раз — мир в сердце. Но на этот раз в уже давно подавленном, не способном на свежесть или волнение сердце. И все-таки Сан-Лео, и сердце открывается благотворному молчанию. Дорогая Италия, где я бы смог вылечить всё. На обратном пути старый запах пыльных тропинок. Длиннорогие белые быки Романьи тянут скрипящие повозки. Запах соломы и солнца.

Сан-Лео — и желание остаться здесь — Написать список мест, где, как мне кажется, я мог бы жить и умереть. Всегда маленькие города. Тапаса. Джемила. Кабри. Вальдемоса. Кабриер д'Авиньон

и т. д., и т. д. Вернуться в Сан-Лео.

* * *

Урбино. Все эти маленькие города — полностью закрытые, строгие, молчаливые, замкнутые в своем совершенстве. В сердце суровых стен равнодушные персонажи «Бичевания» вечно ждут, а перед ними ангелы и высокомерная Мадонна делла Франческа. Сансеполькро. Христос воскрес. И вот он уже выпрямляется у своей могилы, как суровый воин. Новые фрески Пьеро делла Франческа. Долина Сансеполькро — еще одно место, куда надо вернуться к концу жизни. Широкая, ровная, под спокойным небом, она хранит свою тайну.

Я снова выхожу к морю — теплому и мягкому для мускулов.

Тяжесть Святого Креста. Мадонна дель Парто.

К концу своей жизни я хотел бы возвратиться на дорогу, ведущую вниз, в долину Сансеполькро, и медленно спуститься по ней, пройти по долине между хрупкими оливками и длинными кипарисами и в доме с толстыми стенами и свежими комнатами отыскать голую комнату с узким окном, откуда я мог бы наблюдать, как на долину опускается вечер. Я хотел бы вернуться в

сад Прато, в Ареццо, и снова совершить прогулку по маршруту охранников крепости, однажды вечером, чтобы увидеть, как на этой несравненной земле воцаряется ночь. Я хотел бы… Везде и всегда все то же желание одиночества, которое я даже не понимаю и которое похоже на объявление о смерти с непременным привкусом отрешенности.

Вернуться на площадь Синьории в Губбио и подолгу смотреть на долину под дождем. Увидеть Ассизи без туристов и мотороллеров и слушать гармонии звезд на Верхней площади Св. Франциска. Увидеть Перуджу без отстроенных вокруг нее домов и получить возможность посмотреть на хрупкие оливковые деревья на холмах, одним прекрасным свежим утром, на границе Порта-дель-Соле.

Но главное, главное, снова пройти пешком с рюкзаком от Монте-Сан-Савино до Сиенны, прогуляться среди оливковых рощ и виноградных полей, запах которых я снова ощущаю, по холмам из голубоватого туфа, простирающимся до горизонта, увидеть, как на закате возникает Сиенна со своими минаретами, словно Константинополь совершенства; прийти сюда ночью, без денег и в одиночестве, заснуть рядом с фонтаном и быть

первым на Кампо — площади в форме ладони, подобной руке, дарящей все то самое великое, что создал человек, — после Греции.

Да, я хотел бы снова увидеть наклонную плоскость площади Ареццо, ракушку Кампо в Сиенне и поедать от души арбузы на жарких улицах Вероны.

Когда я состарюсь, я бы хотел, чтобы мне было дано вернуться на эту дорогу к Сиенне, равной которой нет ничего в мире, и умереть там в канаве, окруженный лишь добротой этих незнакомых итальянцев, которых я люблю.

* * *

22 августа 1955 г. Базилика Сан-Франческо в Сиенне. 11 часов утра.

* * *

В музее Сиенны один из многочисленных Страшных судов (Джованни ди Паоло). Справа среди блаженных — два друга, которые находят друг друга и выражают свою радость, поднимая руки. Слева — в аду — Сизиф и Прометей, которым продлили наказание.

* * *

Роман. Портрет скорпиона. Он ненавидит ложь и любит тайну. Деструктивный элемент. Ибо необходимая ложь служит консолидации. И вкус к тайне приводит к непостоянству.

* * *

Роман. Кузнечики — Землетрясение. Нападение на одинокую ферму — Нападение на Филиппвиль — Нападение на школу — Тайфун над Немуром.

* * *

Чувственный, побеждающий, в самом разгаре наслаждений и успеха, он вдруг отказывается от всего и выбирает целомудрие, застав двух пятнадцатилетних детей, когда они открывали любовь на лицах друг друга.

* * *

Он хотел быть банальным, развлекался, танцевал, он говорил, как все, и у него были обычные вкусы. Но он всех смущал. По одному его виду все подозревали, что у него были мысли и занятия,

которых на самом деле не было или все-таки были, но он не хотел выставлять их напоказ.

* * *

«Первый человек». Мать, вынужденная бежать из Алжира, заканчивает свои дни в Провансе, в деревенском доме, который купил ей сын. Но в изгнании она страдает. Ее слова: «Это хорошо. Но здесь нет арабов». Она умирает, а он начинает понимать.

Название: Отец и Мать?

* * *

24 октября 1955 г.

Угрозы смерти. Моя странная реакция.

* * *

Они были вместе, невзирая на время. Но проходят годы, и она больше не смеет показываться перед ним голой при свете парижского утра.

* * *

Алжир. 18 января

Тревога об Алжире, не покидавшая меня в Па-

риже, наконец-то отпустила. По крайней мере здесь я занят борьбой, и борьбой нелегкой, потому что общественное мнение против нас. Но именно в борьбе в конце концов я обретаю мир. Профессиональный интеллектуал, вольно или невольно, вмешивающийся в общественные дела лишь в письменной форме, живет, как трус. Свое бессилие он компенсирует обильным потоком слов. Мысль может быть оправдана только риском. Да и все, что угодно, все равно лучше этой предательской и жестокой Франции, этого болота, в котором я просто задыхаюсь. Да, я впервые за последние месяцы проснулся счастливым. Я снова нашел свою звезду.

* * *

Преодолевая то, что неустанно всю мою жизнь делала из меня Франция, я попытался достичь того, что оставила в моей крови Испания и что было, как мне кажется, истиной.

* * *

21 января

Угрозы по поводу сегодняшнего вечера и завтра.

* * *

22 января

Поклонение. Загадка мира.

* * *

27 января

«Первый человек». N. заявляет, что *только* К.П [118]. дала товарищам то, в чем они всегда нуждались. Разница в поколениях. Им тоже предстоит все узнать.

* * *

Любая художественная доктрина есть алиби, которым художник старается оправдать границы в своем творчестве.

* * *

Святой Августин жил в тоталитарном мире: в поздней Римской империи. Марру [119] говорил:

---

[118] Примечания: 118

Коммунистическая партия.

[119] Примечания: 119

Марру, Анри-Ирене (1904–1977) — французский историк, специалист по первым векам христианства.

«Искусство жить в эпоху катастроф». Христианство испытывало двойное сопротивление — со стороны крестьян и со стороны аристократии. Гордость от принадлежности к Африканской Церкви. 14 лет верности одной женщине, которая родила ему Адеодата. Текст святого Павла, благодаря которому он вступает в лоно Церкви.

«Будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти. Но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти».

Он всегда боролся за то, чтобы защитить свой труд от внешних захватчиков. Его образ божественного «Солнца» освещает наш разум.

«При многословии не миновать греха».

Страх целомудренный и страх рабский. «Ты можешь наслаждаться всем, но лица Моего не можно тебе увидеть. Выбирай». Никто не хочет всегда всем наслаждаться.

Те, кто обвиняет эпоху в том, что она является эпохой несчастья. «Они хотят не столько спокойного времени, сколько безопасности для своих пороков».

XVII век — век Августина.

* * *

Роман. Портрет В. Д. Тонкое и изящное тело с большими мощными руками и ногами танцовщицы. В ней все — действие, безудержная сила танца, в котором она раскрывается целиком.

Она ежегодно празднует тот день, когда у нее появился автомобиль. Она кладет только что купленное платье рядом с кроватью, чтобы просыпаться и сразу же радоваться, глядя на него.

Она выражает мысли только неопределенными словами. Ей надо пойти за кем-то в одно место, для того, чтобы пойти в другое место, где она должна что-то сделать… и т. д. Двойная или тройная тайная жизнь (напр., N.: «У меня обед»). «У меня нечистые мысли», — говорит она. Или еще — о ком-то, кто, наоборот, вовсе не внушает ей нечистых мыслей: «Телятина».

Мужчины, с которыми у нее была связь. Ей кажется, что они другой расы. «Словно зулусы», — говорит она. «Как можно не сочувствовать умному мужчине. Он понимает и видит то, что терпят другие, — терпят именно потому, что они не понимают и не видят». «Женщины, ожидающие от мужчины счастья на всю жизнь». «Непривлекательные женщины жадно стерегут

своего единственного мужчину. Только привлекательные женщины способны на щедрость». «Не люблю очень молодых мужчин, они глупы. Мужчина всегда считает себя выше женщины, которую… Я готова принять подобное чувство от умного мужчины, но не от молодого дурака». Ее автомобильчик. «Не могу без него обойтись; я нежно люблю его за всю свободу, которую он мне дарит». Она хранит в нем старые и отвратительные старые башмаки, которые надевает для вождения, сбрасывая элегантные туфли в стиле Людовика XV. Впрочем, она везде сбрасывает обувь — в кино, ресторанах и т. д. Красивая ножка танцовщицы. «В моем квартале живут только бабульки и больные пеллагрой, поэтому я выделяюсь».

В гостинице, куда она приезжает с корзинами, заполненными румянами и туалетными принадлежностями, ее большая светлая растрепанная шевелюра […неразб.].

«Надо честно себе признаться, известность — это афродизиак».

Если бы она стала миллиардером, а точнее, если бы она вышла замуж за Онассиса, у нее была бы ванна из золота или платины (что очень подходило к ее волосам), наполненная ее любимыми

духами, и она бы в ней отмокала.

«Машину свою я люблю больше, чем мать». Она любит время, в которое живет.

Она жадно использует любой повод, чтобы смеяться. Она страстно желает ухватить все, преуспеть во всем, испытать все удовольствия, какие существуют на сегодняшний день. Лыжи, море, танец, светская жизнь, рекламный успех. И она чиста в этом неистовом желании. Благодаря ему. «У меня есть защита». Ее слова: «Она опрокинула себе на голову омлет» (о блондинке); «она устроила бы бордель в стаде иезуитов»; «в этой сценке можно ходить ногами по стене или изображать повешенного поросенка, все равно будут хлопать». Когда у меня был перебинтован порезанный палец: «Ты похож на неуклюжего плотника».

Вот что я обожаю в В. и что меня притягивает в ней: принадлежа к совершенно неудобоваримому обществу, она угадала, что именно она сможет дарить другим не мудрствуя лукаво (развить). В. и брак. Она будет верной женой, если выйдет замуж. У нее будет чувство долга перед несчастным, который… и т. д.

Ее свежие девичьи нижние юбки, они всегда видны, когда она садится.

«Не понимаю этих замужних женщин, которые надоедают своим мужьям. У них есть деньги, отец для их детей, безопасность, обеспеченная старость, и вдобавок ко всему этому они требуют верности. Это уже перебор». И еще: «В браке мужчина все теряет, женщина все выигрывает», и т. д. и т. п.

* * *

Дон Фауст и доктор Жуан. Лепорелло. Небытие.

Там же. Он становится актером. Театр о театре.

Там же. Фауст и молодость женщин (ср. Дюпюи).

Там же. Когда я влюблен, я не храню верность, но я был бы влюблен в нее, если она мне была бы неверна.

Лепорелло: Небытие.

«Это ваш новый слуга?»

«Да, это философ. Я купил его в Париже».

Там же. Небытие. Я чувствую в вас сожаление, и оно меня смущает. Ничего, говорю же вам. Вы можете пригласить эту статую, увидите, она не придет.

Д. Ф. Ты в этом уверен? Пригласи ее.

Лепорелло идет к ней.

Д. Ф. Нет (колеблется). Да.

Лепорелло дурачится перед статуей.

Д.Ф. решает, что ему нужна целомудренность, он ищет и находит целомудренную девушку. Я был обращен уже давно. Но меня всегда сдерживало опасение по поводу того, что скажут мои друзья.

Старый доктор из пролога — ученый-атомщик. Он мог бы взорвать весь мир. Но это не тот случай; он хочет наслаждаться и знать.

Конец. Францисканцы заперли его в монастыре. Он отрицает их Бога и исповедуется им. Поклонение земному существу.

* * *

Если истинный творец окажется завтра один, он познает такую глубину одиночества, о какой не имела представления ни одна эпоха. Он должен будет в одиночку создать целую цивилизацию и служить ей. Однако цивилизация не может возникнуть без участия всех. И у творца будет подозрение, что эта цивилизация использует свой последний шанс и что он сам — один из последних, кто знает об этом.

Ф.М. У него на все найдется ответ, кроме приличий.

* * *

Перед третьей ступенью: новеллы о «герое нашего времени». Тема *суда и изгнания.*

Третья степень — любовь: Первый Человек, Дон Фауст. Миф о Немезиде.

Метод — искренность.

* * *

О История! Как просто раздумывать о ней вообще, но как трудно понять ее тем, кто испытывает ее на собственной шкуре.

У угнетенного нет никаких настоящих обязательств, потому что у него нет прав. Право вернется только вместе с бунтом. Но стоит ему добиться прав, как на него сразу же будут наложены обязанности. Итак, бунт, как источник права, есть одновременно прародитель всех обязанностей. Так возникла аристократия. И вся ее история. Тот, кто пренебрегает своими обязанностями, теряет право и становится угнетателем, даже выступая от имени угнетенных. Но в чем заключается этот долг…

* * *

Роман. Депортированный, которого заставляют раздеться догола. Когда он снимает одежду, с манжеты отрывается одна пуговица и закатывается в угол, он подбирает ее.

* * *

Париж. Весна. Поздняя и внезапная. На всех каштанах встали восковые свечки.

* * *

М.: «Как я могу ревновать человека, который, как я знаю, должен умереть и ускользнуть от меня навсегда. Моя настоящая ревность — в том, чтобы изо всех сил желать умереть вместе с ним».

* * *

«Растущий камень». Петух: А ведь это неплохо. Надо убить врага: а не он ли сам был врагом?

Д'Аррас: Да, он был врагом.

Петух: Здесь мы убиваем своих врагов, а потом будет Добрый Иисус.

* * *

У Солидор; мужчина по имени Барбара, исполняет свой номер травести (представившись светской женщиной) перед приглашенными: мать, бабушка и молодой человек — сын его тогдашнего любовника. Семейство радуется.

* * *

Июль. Палермо.

За три дня мистраль прочистил, отшлифовал все небо до самого тонкого его основания, до легчайшей пленки, прозрачной и голубой, раздувшейся от тяжелой золотой воды… и мы ждали, что она тоже прорвется и поток желтого вина затопит землю ликующим потопом.

* * *

12 июля. Палермо.

О мистрале. Жаркие дни, я ждал его. В тот момент я поднимался на холм, покрытый ароматическими травами и мириадами малюсеньких окаменелых улиток. Он спустился с севера, очистил ближайшие горы, промел небо до самого

основания, взлохматил и протряс деревья, повыл в полях, загнал животных и людей в дома, воцарился, наконец… И т. д. И разлегся на холме, перемолотил ракушки, устроил жестокую баню из ветра и солнца… праздник.

* * *

А.Б. рассказывает мне истинную историю об одном произведении ван Эйка. Вскоре после кражи заподозрили священника — помощника капитула. Тот признался. Он украл створку, потому что не мог видеть судей рядом с Мистическим Агнцем. Судьи поняли его мотивы, он получил отпущение грехов и дал обещание в день своей смерти рассказать о тайнике, где он спрятал дверцу. Наступает этот день. Последнее причастие. Он хочет говорить. Но его голос угасает. Он произносит непонятные слова и умирает.

В течение многих лет я утверждаю снова и снова главный принцип своего отношения к жизни — я отказываюсь покидать мир, его радости, его удовольствия, его страдания, и благодаря этому отказу я — художник.

* * *

Жан просит у меня снаряжение для рыбалки — я покупаю. Тщетно ищет червяков. Потом находит. Идет на рыбалку. Вылавливает шесть гольянов и рыдает при виде их агонии. Он больше не хочет ловить рыбу.

* * *

22 июля

Легкая полная луна над тополями. Издалека Люберон выглядит почти белым и голым. Легкий ветер в камышах. Мы с мамой смотрим на эту чудесную ночь, и у нас одинаково сжимается сердце.

Но она уедет, и я всегда боюсь не увидеть ее больше.

* * *

«Немезида». Мысли, сосредоточенные на истории, презирают время, его последствия, его материальные и общественные строения. Для них история — нечто разрушительное.

* * *

Конец июля

Ночи, наполненные луной и ветром. Большие [...неразб.]. Воклюз.

* * *

Можно сказать, что в этой стране ни одна партия не может слишком долго выдерживать усилий патриотизма. Так, правая партия не устояла в 1940 году, а шестнадцать лет спустя — и левая тоже.

* * *

Грозовая ночь. Утренний воздух сегодня легок, контуры чисты. На холме, затопленном свежим светом, ковер из розовых вьюнков. Аромат молодых кипарисов. Больше ничего не отрицай!

* * *

Когда ты знаешь только одно: я хотел быть лучше.

* * *

Музыка на трансатлантическом лайнере в южной Атлантике. Только музыка может быть соразмерна с морем. И некоторые пассажи из Шекспира, Мелвилла, [...неразб.].

* * *

Русский анекдот (полагаю, что вымышленный): Сталин якобы приказал Крупской прекратить всякую критику, угрожая, что назначит вдовой Ленина другую женщину.

* * *

Роман-конец. Мама. О чем говорит ее молчание. О чем кричит этот немой и улыбающийся рот. Мы воскреснем.

Ее терпение на аэродроме, в слишком сложном для нее мире машин и бюро, где следует бессловесно ждать, подобно тому, как на протяжении тысячелетий старые женщины всего мира ждали, что мир пройдет. И потом совсем маленькая, немного сломанная, она идет по огромному пространству к завывающим чудовищам, при-

держивая рукой гладко причесанные волосы…

* * *

Раз ничего не может искупить наши дни и наши действия, то не будем ли мы вынуждены возвысить их при самом ярком свете?

* * *

Роман. Этьен. Очень чувствительный. Яичный запах в тарелках. Отсюда микротрагедии.

* * *

Париж. Красота — это совершенная справедливость.

Свобода — это не надежда на будущее. Это настоящее. И согласие с людьми, и мир в настоящем.

Революция — хорошо. Но зачем? Нужно сначала представлять себе цивилизацию, которую мы желаем создать. Уничтожение собственности — не цель, а средство.

* * *

Дед Толстого по отцовской линии посылал грязное белье из России в Голландию при первых снегопадах на санях, и они возвращались с выстиранным бельем незадолго до начала весны.

Толстой: «Как ни велико значение политической литературы, отражающей в себе временные интересы общества, как ни необходима она для народного развития, есть другая литература, отражающая в себе вечные, общечеловеческие интересы, самые дорогие, задушевные сознания народа, литература, доступная человеку всякого народа и всякого времени, и литература, без которой не развивался ни один народ, имеющий силу и сочность».

* * *

У Толстого был незаконнорожденный ребенок от Аксиньи (крестьянки).

Там же. Тургенев читает «Отцов и детей» Толстому, а тот засыпает.

Там же. Графиня: «Он мне гадок со своим народом» (она переписала «Войну и мир» 7 раз).

Там же. Толстой: «…ругательства расстраи-

вают».

Там же. «...эгоизм — это сумасшествие».

Там же. Шекспир: «...страшная фальшь и гадость».

Оптина пустынь, которая привлекала к себе многих русских писателей, была основана в XIV веке покаявшимся разбойником.

См. Александра Толстая. Отец. Жизнь Льва Толстого [120]. С. 302 и особенно с. 444.

Толстой о русско-японской войне: «В войне с народом нехристианским, для которого высший идеал — отечество и геройство войны, христианские народы должны быть побеждены». Там же — в его дневнике: «Преступно желаю смерти». И перед самой смертью: «Не унывай, Саша, все хорошо, очень, очень хорошо...»

* * *

Роман (конец). Она снова едет в Алжир, где идут бои (потому что она хочет умереть именно там). Сыну мешают пойти в зал ожидания. Он остается ждать. Они смотрят друг на друга, стоя в двадцати метрах друг от друга, через три толстых

---

[120] Примечания: 120

Толстая А. Отец. Жизнь Льва Толстого. Нью-Йорк, 1953. А. Камю цитирует по французскому изданию Tolstoï A. Léon Tolstoï, mon père. P., 1956.

стекла, и время от времени приветствуют друг друга знаками.

* * *

Рушится мир. Восток в огне. Вокруг нее люди раздирают друг друга, а М. на пустынном пляже где-то на краю Европы, на сильнейшем ветру, бежит наперегонки с тенью облаков на песке. Она — жизнь, и жизнь торжествующая.

* * *

Август 1956 г.

К [121]. Я люблю это маленькое личико, встревоженное и ранимое, иногда трагическое, всегда прекрасное; это маленькое существо со слишком мощными запястьями, но ее лицо всегда освещено каким-то темным и нежным светом — светом чистоты, светом души. И когда на сцене она поворачивается спиной в ответ на оскорбление ее партнера, это воплощенное маленькое несчастье, с хрупкими беззащитными плечами.

Впервые за много лет я до самого сердца растроган женщиной, безо всякого желания, намерения,

[121] Примечания: 121
Во французском оригинале «С.».

игры, я любил ее для нее, не без грусти.

* * *

Роман. После пятнадцати лет любви к Джессике он встречает молодую танцовщицу, обладающую почти таким же талантом, почти таким же огнем, как Дж. И в Жане рождается нечто похожее на его любовь к Дж. Словно он мог бы начать все сначала (и как если бы находящийся там же М.Э [122]. любил Джессику, ничего об этом не говоря). Но она молода, а он стар и по-прежнему любит Джессику и свою любовь к ней. Он молчит. Отказывается. Жизнь не начинается сначала. Едва он обнаруживает, или ему это только показалось, что полюбил ее, как, охваченный ужасом, он решает никогда больше к ней не прикасаться. Мы хотим, чтобы все, кого мы начинаем любить, знали бы нас такими, какими мы были до встречи с ними, для того, чтобы они могли понять, что они из нас сделали.

* * *

Вложенное письмо.

---

[122] Примечания: 122
Во французском оригинале «М.Н.».

Я стар или скоро буду стар. Я потратил половину своей жизни на то, чтобы защищать одно существо, жертвуя другим и, может быть, частью себя самого. Ради нескольких месяцев или лет жизни я уже не могу отбросить то, что сохранял двенадцать лет. Я не могу разбивать кому-то сердце ради того, ради чего я уже разбивал другие сердца, подобно непослушному ребенку, ломающему все игрушки подряд.

Я всегда думал, что любовь или любое чувство, в конце концов, будет походить на то, чем оно было при своем рождении. И то, что я испытал перед тобой, это была любовь без желания владеть, дар сердца. Чувство собственности возникло позже, и оно было большим, но это не относилось к чувственности…

Может быть, поэтому мы и сможем создать некое сочетание, тайный союз, известный только нам одним, обязательство, договор.

* * *

Время перестало для меня существовать; по 10 часов в сутки в театре, расположенном в подвале, при бедном, но жестком свете репетиционных ламп, я зачарованно следил, как в день скорби на этом маленьком личике, освещенном изнутри

каким-то иным светом, отражаются все эмоции, какие только может породить на человеческом лице боль от жизни. Передо мной раскрывалось все самое глубокое, израненное, торжественное, безоружное, что может быть в человеке. И, выходя из подвала, мы воспринимали как данность и внезапно нахлынувший дождь, и сладостную сентябрьскую ночь: они были знаками незыблемого порядка, декорацией волнений и страданий в сердце мужчины или женщины, — всего того, что в течение долгих недель заставляло меня жить и наполняло все мое существование.

* * *

К., персонаж романа. Молодая еврейка, ссыльная, служила в лагере эсэсовцам (сестра N.). *Она возвращается*. Она стала актрисой: 1) потому что умела потрясающе пародировать; 2) потому что это позволяло ей жить отдельно от мира; 3) потому что могла прожить все жизни, которые были бы значительно лучше той, которую она видела и прожила. И на ее лице: Бельзен и сострадание. Именно этому и аплодируют.

Ее неловкость. Сжигает, сажает пятна, теряет и т. д.

Они одни в машине после долгой ночной ра-

боты, пустой Париж, по железной крыше долго стучит дождь. На этом лице, освещенном через лобовое стекло только отсветом уличного фонаря, беспрерывно переливалась тень от капель воды, струящихся по стеклу. Они прижимались друг к другу вокруг этой тени в этом домике из железа, а вокруг них были улица, молчащий город, континент, огни мира, и он не отрываясь смотрел на это лицо, по которому струились слезы теней.

«Наши нежные, тайные, пустынные каникулы». Он встряхивал ветки деревьев над стенами, и капли воды лились на запрокинутое лицо его подруги. Он пил каплю за каплей, и они светились, как взволнованные и нежные глаза.

* * *

Воскресенье 2 сентября 1956 г.

Медленное кораблекрушение и ее лицо утопленницы. Рождение.

* * *

Понедельник

Постоянный дождь.

* * *

Вторник

Дар в чистом виде. Ничего не требуя для себя.

* * *

Четверг 6 сентября

Невыносимая усталость и в довершение всего признание в любви.

Я хотел бы иметь возможность дышать — призывая память и верность в помощь своей любви. Но у меня все время сердце сжимается. Любовь к тебе беспрестанно раздирает меня. Ее израненные целования рук. Ее раздражающая привычка всегда оставлять что-то за собой.

Отец К. — Еврейский доктор — Во время оккупации остается в Париже. Умирает, сосланный в Биркенау. Тиф. Кремационная печь; «я думаю, что у него были золотые зубы». Он разошелся с женой, он был неистов, страстен, привлекателен. К. любила его. Ее жизнь началась в шестнадцать лет после высадки союзников.

Париж, где солнце — роскошь, где стоит бешеных денег просто умереть, где больше нет деревьев — без счета в банке. И это Париж, жела-

ющий преподать урок всему миру.

* * *

Театр разрушает стены городов. А вот моль, которая хочет проесть в прах все театры, чтобы сделать их похожими на города.

* * *

В четырнадцать лет К. убегает ночью из дома в Эль-Биаре, сделав веревку из простыней.

* * *

К. — сердце, жаждущее несчастья. Ее возмущение *против* собственного тела.

* * *

Любовь — трагическая, только трагическая. Трагическое счастье. И когда оно перестает быть трагическим, оно перестает быть, и человек снова бросается на поиски трагического.

* * *

Уничтожая естественную красоту, заваливая

ее на больших пространствах промышленными отходами, индустриальная цивилизация создает и вызывает искусственные нужды. В результате бедность становится невыносимой, невозможной для жизни.

* * *

Помолодевший Фауст становится Дон Жуаном. Мудрый и старый дух в молодом теле. Взрывоопасная смесь.

Там же. Сцена, в которой Дон Жуан присутствует на собственных похоронах. Дон Фауст, или рыцарь Запада.

* * *

«Заря». Притча. Дон Жуан познания: такого Дон Жуана еще не открыл ни один философ, ни один поэт. Ему недостает любви к открываемым вещам, но у него есть ум и сладострастие, и он наслаждается чарами и интригами познания, расширяя его до самых высоких и далеких звезд до тех пор, пока в конце концов у него больше не остается целей для интеллектуального поиска, разве только абсолютно *болезненное* познание, он начинает напоминать пьяницу, который в

довершение всего пьет абсент и неочищенную азотную кислоту. Поэтому в конце концов он и возжелал ада. Его *соблазняет* последнее знание. Может быть, оно тоже разочарует его, как все, что он знал. Тогда он должен будет остановиться навечно, он будет прикован к разочарованию и сам станет каменным гостем, и когда он возжелает вечерней трапезы познания, ее уже никто не сможет с ним разделить. Ибо во всем мире вещей не найдется больше ни одного куска для этого голодного.

* * *

Интеллектуалы прогресса. Вязальщики диалектики. В каждой голове они поднимают петли рассудка, распущенные фактами.

* * *

Безумная Жанна прожила сорок четыре года в маленькой комнатке без окон, где днем и ночью горела лампа, она выходила лишь для того, чтобы пойти в монастырь по соседству и созерцать могилу мужа. Может быть, это и есть настоящая жизнь.

* * *

Деловой человек, которому все надоело, становится клоуном. Но не бросает ни дома, ни дел. Он просто наряжается клоуном.

* * *

N. N. После долгих поцелуев: «Как это было жестоко!»

* * *

Кюстин: «Противоречие между горячей душой и однообразием существования делает мою жизнь невыносимой».

Там же: «Сегодня, когда слово — это лишь переговоры между истиной и тщеславием» [123].

* * *

Два великих ума, которые небо подарило римлянам — Лукреций и Сократ — покончили жизнь самоубийством.

---

[123] Примечания: 123

Здесь и далее Камю цитирует по изданию: Custine A. de. Souvenirs et portraits. Monaco, 1956.

* * *

После Брачных пиров — Лето. Праздник (1 — Футбол; 2 — Типаса; 3 — Рим — Греческие острова — Мистраль — Тела — Танец — Вечное утро).

* * *

Он потерял дочь. Теперь я стал стариком. Чтобы быть молодым, нужно будущее.

* * *

Избиение младенцев и жизнь Христа. Чтобы родиться виновным, надо умереть невинно.

* * *

Новый тираж «Падения», с. 73: «mélancholiques rédditions», с. 126: corporation masculine [124].

---

[124] Примечания: 124

В метафорическом выражении «mélancholiques rédditions» содержится опечатка, надо писать «reddition» (букв. пер. «меланхолические капитуляции»). В окончательной редакции А. Камю использует выражение «mélancholiques abandons» (букв. пер. «меланхолические самозабвения»). В переводе Н. Немчиновой — «меланхолические излияния», подходящее к обоим случаям. Второе выражение переводится буквально как «мужская корпорация», это выражение используется и в переводе Н. Немчиновой.

* * *

Др. Шницлер. Прошел через много концентрационных лагерей. Он в конце концов остался в живых, потому что был *симпатичным*. Ему все помогали.

* * *

N.N., профессор: «Люди должны любить друг друга», «должны», «должны». А реальность вокруг него — неописуемый бордель.

* * *

Иногда я чувствую, как меня охватывает бесконечная нежность ко всем людям вокруг, — людям, что живут в моем веке.

* * *

Канадская проститутка в кафе рядом с «Фоли-Бержер»: «Мой отец объехал весь мир, я тоже, поверь мне, была в Германии, в Алжире, я слишком много страдала, умирала с голода, теперь я стала плохой, и моя мать не видела меня пятнадцать лет, мой отец подорвался на мине, и брат

тоже, короче, я делаю это для тебя, потому что ты подруга, хорошо, я жду уже достаточно, чтобы накормить деньгами семью, еще выйти с этим недоумком, о, как ужасно, я никого тут не знаю».

* * *

Н.: сдержанность — высшая сила.

* * *

М. говорит: «Христово племя — и то и другое».

* * *

Пьеса. Один писатель (или ученый, или художник, или актер), утомленный общественным давлением, создал себе *в жизни* двойника. Рядом с ним возник очень достойный профессор — влюбившийся и впавший в детство: он хвастался, что умеет пить, водить автомобили, заниматься любовью, дзюдо и т. д.

* * *

Параллельно с силой смерти и принуждения в мире существует и действует огромная сила, называемая культурой.

* * *

В Ветхом Завете Бог не говорит ничего сам, словами ему служат живые люди. Потому-то я никогда не переставал любить все священное в этом мире.

* * *

Н. реализовал себя. Он преумножил свой опыт, управляя им и ориентируя на самое великое существо и самую высокую эпоху, сочетая крайнюю степень свободы и строгую дисциплину, его непрекращающимся наказанием стала безустанно рискованная жизнь, его одиночество — осознанным и *расточительным,* соглашающимся склониться лишь перед существом мира, и только тайно. Больше не говорить, но делать, чтобы придать смысл более высокому слову, а если и говорить, то только для… (Для теряющего память — дневник как инструмент подобной аскезы.)

* * *

Кюстин: «Арабская архитектура — искусство

женственного народа (вырезанные листочки бумаги, которыми кондитеры покрывают свои коробочки с драже)». Он (Кюстин) приводит слова то ли Вольтера, то ли Дидро: «Русские сгнили, не успев созреть».

* * *

В 10 лет Ницше создает вместе с друзьями «Театр Искусств», где сыграли две написанные им драмы на античный сюжет.

* * *

Июнь 1957 г.

Закончился фестиваль в Анжере [125]. Счастливая усталость. Жизнь, чудесная жизнь, несправедливость, слава, страсть, борьба, — жизнь начинается еще раз. И еще раз заставляет меня все любить и создавать все заново.

* * *

15 июля

Отъезд в Париж. Ночевка в Гере. Это мир отра-

[125] Примечания: 125

На этом фестивале А. Камю представил постановку своей пьесы «Калигула» и свою инсценировку пьесы Лопе де Вега «Рыцарь из Ольмедо».

вительницы семейства.

* * *

17 июля

Корд [126]. Молчание и красота. Одиночество большого дома, мертвого города. Я буквально ощущаю в себе течение времени, и ко мне возвращается дыхание. Вокруг Корда на идеальном круге холмов отдыхает небо — нежное, воздушное, облачное и в то же время светящееся. Ночью Венера размером с грушу закатывается с бешеной скоростью за западный холм. Она останавливается на минуту на линии хребта, потом внезапно исчезает за ним, словно жетон, мгновенно проглоченный щелью. Вскоре замерцали мириады звезд, и Млечный Путь превратился в сметану.

* * *

18 июля

Идет дождь. Сегодня утром дикая долина Аверона. Работа. Для меня стали невыносимы любые

---

[126] Примечания: 126

В Корде (департамент Тарн, Франция) находился замок, в котором коллега А. Камю по его алжирской работе журналистом, Клер Таргебер, устроила гостиницу. А. Камю написал предисловие к ее книге «Корд» (1954).

связи, я так обезумел от свободы, что сам все больше и больше усиливал одиночество, которое могло уже быть опасным. Я беспрерывно думаю о Ф., моей беде.

Вечер. Я в отчаянии от самого себя, от своей пустынной натуры.

* * *

20 июля

Письмо от настоятеля по поводу Жоржа Дидье [127] — он погиб в автомобильной катастрофе в Швейцарии.

* * *

21 июля

Уже несколько дней не прекращается дождь. Глубокая и сухая грусть.

* * *

22 июля

Письмо от Ми, она рассказывает мне о своей семье и об их «злобных кутежах». Звонит по

---

[127] Примечания: 127

Дидье, Жорж — друг детства А. Камю, погиб в автокатастрофе в Швейцарии 9 июля 1957 г. См. также письмо А. Камю в Приложении.

телефону любимому человеку, находящемуся в 700 километрах от нее, и не находит слов. «Я чувствовала себя ничтожной и радостной».

* * *

23 июля
Истина. Истина!

* * *

24 июля
Прекрасная и пустынная деревня, где разваливается буквально каждый дом. В разверстых гумнах, заполоненных крапивой, ржавеют старые бороны с колесами, словно старые и огромные пауки, населяющие это пустынное царство. Стремительный исход в города, заводы — к массовым удовольствиям. Здесь, вокруг нас, медленно умирает целая цивилизация, свидетельство тому — старые дома. Я сказал это М., она ответила, что ей кажется, что это не смерть, а ожидание. Ожидание чего? — Мессии.

Все время идет дождь; я жажду света, как хлеба, и больше не могу себя выносить.

* * *

24 июля

Отъезд в Руссильон. Море. Лекат. Возвращение 25-го вечером.

* * *

26 июля

Превосходные утра. Захмелевшие ласточки.

Не любопытные: имеющиеся знания отвращают их от неведомого (Ш [128].).

* * *

Буддизм — это атеизм, ставший религией. Возрождение *исходя из* нигилизма. Пример, по-моему, уникальный. Нам, борющимся с нигилизмом, очень важно об этом подумать.

* * *

Невозможно требовать, чтобы страдание рассказывало о своих причинах. Тогда нам почти нечему бы было сочувствовать.

---

[128] Примечания: 128

Во французском оригинале «С.».

* * *

Корд. Каждый вечер я ходил любоваться на закат Венеры и восход звезд над ее постелью, разложенной на жаркой ночи.

* * *

Одна старая английская дама кончает жизнь самоубийством. Каждый день на протяжении многих месяцев подряд она отмечала в своем дневнике одно и то же: «Сегодня никто не приходил».

* * *

В конце «Подростка» (причем во всех трех вариантах) Достоевский устраивает иронический суд над Толстым.

* * *

Корд. 4 августа
Мысли о смерти.

* * *

6 августа

Посещение замка Кайла: одинокое и молчаливое место, вокруг которого весь мир словно только что умер. Я лучше понимаю то, что потом прочитал в дневнике Эжени де Герен: «Я бы охотно принесла обет затворничества в Кайла. Никакое место в мире не нравится мне так, как мой дом». И еще: «Где я буду? Где мы будем, когда снова вырастут эти деревья? Другие будут прогуливаться в их тени и наблюдать, подобно нам, за тем, как их будут ломать проходящие ветры».

* * *

Русские староверы полагали, что на левом плече мы носим маленького демона и ангела — на правом. Отсюда чисто театральная идея (для «Дона Фауста»?): ангел и демон вырастают пропорционально тому, как их кормят. В общем, тот *или* другой должен быть очень большим. Мой персонаж возвращается вместе с двумя маленькими персонажами *одинакового роста.* Разговоры — между собой, персонажа с теми двоими, тех двоих — с персонажем и т. д.

* * *

«Легчайшая шелковая нить для меня невыносимее, чем для иных — свинцовое ядро». (Н.). Для меня тоже, увы.

* * *

Свидригайлов в «Преступлении и наказании»: «одна комнатка <…> закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность».

* * *

8 августа 1957 г. Корд.

После чтения «Преступления и наказания» я впервые почувствовал абсолютное сомнение в своем призвании. Я совершенно серьезно думаю отречься. Ведь я всегда считал, что творчество — это диалог. Но с кем? С нашим литературным обществом, принцип которого — злобная посредственность и где вместо обоснованной критики слышишь оскорбления? Или просто общество? Народ, который нас не читает, или буржуазный класс, который читает газеты и пару модных книг в год? На самом деле сегодня творец может

быть лишь одиноким пророком, переполненным и буквально снедаемым безмерностью собственного творчества. А я — творец? Раньше я в это верил. Точнее, верил, что могу им быть. В этом-то я сегодня и сомневаюсь. И чувствую большое искушение прекратить эти бесконечные усилия, делающие меня несчастным даже посреди абсолютного счастья, отбросить пустую аскезу, отвергнуть голос, зовущий меня неизвестно куда. Я бы спокойно занимался театром, беззаботно писал бы драматургические произведения на случай и, может быть, даже стал бы свободным. На что мне уважаемое или честное искусство? И способен ли я вообще на то, о чем мечтаю? Если не способен, зачем мечтать? Надо освободиться и от этих мечтаний и согласиться на ничто! Как поступили некоторые другие, кто был гораздо значительнее меня.

* * *

12 августа

К.С [129]. «Величайшую жалость должна вызывать не боль, а гнусность. Самое большое несчастье — это чувствовать на себе позор. У вас

---

[129] Примечания: 129
Во французском оригинале «C.S.».

такой вид, будто вы переживали только красивые, изысканные страдания». Это правда.

Эмерсон: «Тайна гения в том, что он не выносит вокруг себя никакого вымысла».

* * *

13 августа
Отъезд из Корд.

* * *

Атональная музыка всегда драматична, хотя она и противопоставляет себя музыкальному романтизму. Отсутствие значения всегда патетично и драматично. То же самое — для живописи.

Комментарий к «Падению», потому что они не понимают. Выстроить и высмеять современную жизненную позицию и странную и непристойную светскость раскаяния в грехах. См. Честертон: «XIX век (то же самое — для XX в.) переполнен христианскими идеями, сошедшими с ума».

О том, что Ленин никогда не имел дело с массами. См. Шпербер: левые и четвертый пункт доктрины Трумэна.

Там же. Фрейд не ощущал никакого меди-

цинского призвания, никакого «сочувствия страдающему человечеству».

Немезида. Глубинное родство марксизма и христианства (развить). Поэтому я против обоих.

* * *

Ослепшие любовники, убивающие на ощупь мужа-слепца.

* * *

Непрерывный Театр.

* * *

Притягательность религии для театральных людей. Жизнь-сон и истинная жизнь.

Мне нравились увеселительные заведения (блестящие рестораны, дансинги и т. д.); люди придумали их для того, чтобы укрыться от жизни. Это сломалось во мне.

* * *

Необходимость противоположностей, прославление их. Где мера — там и противоречия. Солнце и тьма.

* * *

Пятнадцатилетний Ницше, ни слова не говоря, голой рукой выхватил горящий уголь из печи и показал его своим друзьям, потому что те высказывали сомнения насчет жеста Муция Сцеволы. След от раны остался у него на всю жизнь.

История о борделе (А [130]. С. 48). Козима, которую следует упрекнуть в том, что она уничтожила все письма Н. к В. «Трагическое познание и греческая радость». Терраса кафедрального собора в Базеле, где разговаривали Ницше и Буркгардт. «Современный анахронизм — невозможность жить в согласии с государством». *Там же*. «Аристократия духа должна завоевать свою свободу по отношению к государству, которое сегодня держит науку в узде». — *Там же*. Человек предавался мечтам, лежа на тигре.

О пожаре в Лувре во время Коммуны, из-за которого Ницше рыдал и еще долго находился в подавленном состоянии: «Как не сильна была бы моя боль, я никогда не стал бы обвинять их в святотатствах, являющихся лишь отражением

[130] Примечания: 130

Здесь и далее А. Камю цитирует книгу: Halévy D. Nietzsche. P., Grasset, 1944.

всеобщего греха. Греха, над котором надо много думать». «Сделай так, чтобы меня похоронили как лояльного язычника, без обмана». Беспросветно печальный и экзальтированный после своего возвращения.

Проект «десяти лет медитации и молчания». Идея «маски». Похвала Наполеону в «Веселой науке». Приключение с мадам В.П. в 87 году, последняя — потрясающая — записка, адресованная Родэ. Родэ не ответил. «Лизбет, почему ты плачешь? Разве мы не счастливы?»

* * *

У меня было много предубеждений против рационализма. Но страсть моих собратьев по цеху… [неразб.].

* * *

8 сентября

Кончина Робера Шаттэ [131]. Он был один, в больнице Вильжюиф.

---

[131] Примечания: 131

Шаттэ, Робер (1901–1957) — французский книгоиздатель-маргинал, друг Паскаля Пиа.

* * *

Отказаться блистать, когда можешь блистать, нравиться и т. д. В небольшом количестве прикрасы необходимы, но в большом — они затмевают все. Прозябать (так долго, как потребуется) более плодотворно, в конце концов, чем болтать и выходить в свет.

Нам нужен не просто тот, кого бы мы любили, ничего у него не требуя, но тот, кого бы мы любили и кто ничего бы нам не давал.

* * *

Роман. Ми: в любви она дышала, как пловчиха, и одновременно улыбалась, потом плыла все быстрее и быстрее, выскакивала из воды и падала на горячий и влажный пляж, с открытым ртом, продолжая улыбаться, словно после стольких заплывов в гроты и в глубины вода стала ее сущностью, а земля оказалась пустыней, где она — сверкающая рыба — весело задыхалась.

* * *

Самый великий человек, самая большая духов-

ная сила: самый, самая насыщенная… […неразб.].

Ницше. Нерелигиозный человек — в силу своей религии. Паскаль — по-своему — в конце концов, согласно Фоме — вера есть смелость духа.

Там же. Для него Христос: Спаситель-имморалист.

* * *

Кюстин. «Однажды спящий гигант проснется, и сила положит конец царству слова. Тщетно станут тогда обезумевшие от ужаса поборники равенства звать на помощь свободе древнюю аристократию; тот, кто берется за оружие слишком поздно, тот, чьи руки от долгого бездействия ослабели, немощен» [132].

Там же о французах: «Они скорее изобразят себя в плохом свете, чем позволят о себе забыть».

* * *

Дон Фауст. Когда он превратился в Дон Жуана, сцена начиналась с громкого раската смеха, изда-

---

[132] Примечания: 132

Цитата дана в переводе В. А. Мильчиной по книге: Кюстин А. де. Россия в 1893 г. Спб., 2008. Здесь и далее А. Камю продолжает цитировать издание Custine A. de. Souvenirs et portraits. Monaco, 1956, в котором были собраны отрывки из разных произведений А. де Кюстина.

ваемого человеком в кулисах, — таков был выход Дон Жуана.

Ницше. «Еще несколько тысяч лет по пути последнего столетия! — и во всем, что будет делать человек, обнаружится высочайший ум; но как раз тем самым ум и потеряет все свое достоинство. И хотя быть умным и останется необходимостью, но это будет столь обычно, что более благородный вкус воспримет эту необходимость как пошлость. Быть благородным будет тогда означать — иметь в голове глупости».

* * *

Библия родилась среди камней.

* * *

1 октября

Визит Ж.Т [133]., которая решила перед отъездом в Алжир поведать мне, что она сделала. Месяц назад в Алжире. К ней обратились эмиссары

[133] Примечания: 133

Жермен Тийон (1907–2008), французский этнолог, участница движения Сопротивления. А. Камю написал предисловие к американскому изданию ее книги.

F.L.N [134]., предложив встретиться с руководством, желавшим задать вопросы по поводу ее брошюры («Алжир-57»). Она согласилась. Встреча, потом подпольная сеть. Короче говоря, дом в Касба, где ее встречают две женщины. Потом появляются двое вооруженных мужчин. Возникает дискуссия. Ж.Т. объясняет им свои идеи: бездомность, объем приработков, происходящих из метрополии, и т. д. (ее мнение: они действенны с политической точки зрения, но безграмотны с экономической точки зрения). В этот момент один из них, похожий на главного, говорит: «Вы принимаете нас за убийц». Тогда Ж. Т.: «Но вы и есть убийцы» (это происходило вскоре после покушения в казино «Ля Корниш»). Она тут же замечает, что эти слова вызвали сильнейшую реакцию у другого — слезы на глазах. Потом: «Я предпочел бы, чтобы все эти бомбы были на дне моря». «Это зависит только от тебя», — говорит Ж. Т. Они говорят о пытках. «Я подавала жалобы», — отвечает она (она принимала участие в комиссии по концентрационной системе). Они приходят к соглашению: отмена терроризма против гражданского населения взамен отмены

[134] Примечания: 134

F. L. N. (Front de libération nationale), Фронт национального освобождения — социалистическая партия, созданная в Алжире в 1954 г.

наказаний. Приблизительно в тех терминах, которые я предложила (но продолжение, увы…). Другой говорит по поводу резни: «Это Франция». «Рассказывай это своей бабушке, — говорит Ж.Т. — Я там была. Ты прекрасно знаешь — это F. L. N.». Главный делает знак, чтобы тот замолчал. Она вскоре узнает, что перед ней Али ля Пуэнт. При выходе она хватает его за галстук и трясет. «И не забудь, что я сказала». И он ей ответил: «Нет, М'дам».

Вторая встреча после казни; она тогда узнала, что главный — Ясеф Саади. Двумя неделями позднее он был арестован.

И еще она показала мне сочинения 30 арабских школьников 11–12 лет, которым арабский учитель дал тему: «Что бы вы сделали, если бы были невидимыми?» Все взяли бы в руки оружие и убили бы или французов, или парашютистов, или глав правительств. Я смотрю в будущее без надежды.

Утверждение, что раб попал в рабство, потому что предпочел смерти жизнь, ложно с исторической точки зрения. Будапешт.

* * *

17 октября

Нобелевская премия. Странное чувство уныния и меланхолии. В двадцать лет я был беден и гол, но именно тогда познал истинную славу. Моя мама [135].

* * *

19 октября

Ужас от случившегося — ведь я этого не просил. В довершение всего подлые нападки, от которых становится тяжело на сердце. Как смеет Ребатэ [136] говорить о том, что я мечтаю покомандовать взводами для расстрела, когда он был одним из тех приговоренных к смертной казни, для кого я, вместе с другими писателями Сопротивления, просил помилования. Его помиловали, а он оказался так немилосерден. Снова хочется уехать из этой страны. Но куда?

---

[135] Примечания: 135

После объявления о присуждении ему Нобелевской премии Камю позвонил своей матери в Алжир.

[136] Примечания: 136

Ребатэ, Люсьен Ромен (1903–1972) — французский писатель, журналист и кинематографист, придерживавшийся фашистских убеждений.

Творчество само по себе, искусство само по себе, оттачивание мастерства — каждый день, и разрыв… Презирать — это выше моих сил. Во всяком случае, я должен победить этот ужас, эту непонятную панику, в которые меня ввергла неожиданная новость. Для этого…

«Они меня не любят. Разве это причина отказать им в благословении?» Н.

Святые боятся совершаемых ими чудес. Они не могут любить эти чудеса и себя, их творящих.

* * *

Три приступа удушья за месяц, вдобавок еще и паническая клаустрофобия. Теряю равновесие.

Мои неустанные попытки вернуться к другим людям, с их общепринятыми ценностями, чтобы восстановить собственное равновесие, не совсем напрасны. То, что я сказал или открыл, может и должно служить другим людям. Но только не мне, впавшему теперь в какое-то сплошное безумие.

* * *

29 декабря

15 часов. Новый приступ паники. Ровно четыре года назад, именно в этот день заболела N. (нет,

сегодня 29-е, значит, с точностью до одного дня). На несколько минут ощущение тотального безумия. Потом чувство опустошенности и судороги.

Успокоительное. Пишу час спустя.

Ночь с 29-го на 30-е: душит непрекращающийся страх.

* * *

30 декабря

Продолжается с новой силой.

* * *

1 января

Усиление тревоги.

* * *

Январь — март

Сильные приступы больше не повторяются. Только постоянная смутная тревога.

* * *

5 марта

Беседа с де Голлем. Я говорил о том, что могут начаться волнения, если Алжир будет потерян, а с

другой стороны, о возможных волнениях в самом Алжире из-за ярости французских алжирцев, а он: «Французы и ярость? Мне 67 лет, и я никогда не видел, чтобы один француз убивал другого француза. За исключением меня самого».

Сравнить Францию с остальным миром. «В конце концов, — сказал он, — никто еще пока ничего не придумал лучше Франции».

* * *

Песня революционеров 1905 года: «Братья, к солнцу, к свободе».

* * *

Шпербер. «Ахиллесова пята» [137], с. 202: «Идея подменить самоубийство радикальным разрывом не нова. Подобное стремление к категорическому отрицанию собственных поступков, к окончательному избавлению от них часто обнаруживается в снах, которые видят люди, связанные с жизнью лишь логикой тела, но не отношениями с другими людьми: ни тем, что они от них получили, ни тем, что дали. Этот сон

[137] Примечания: 137

А. Камю цитирует по изданию: Sperber M. Le talon d'Achille. P., Calmann-Lévy, 1957.

рождается из одиночества, способного разрушить все и даже ту любовь, какую человек обращает на самого себя».

Кьеркегор потрясал перед Гегелем ужасной угрозой: прислать ему молодого человека, который попросил бы у него совета.

Достоевский после замечательной «Речи о Пушкине»: «За мое же слово в Москве — видите, как мне досталось от нашей прессы почти сплошь: точно я совершил воровство, мошенничество или подлог в каком-нибудь банке. Даже Юханцев не был облит такими помоями, как я».

Там же, после успеха своего литературного дебюта: «…сделали они мне известность сомнительную, и я не знаю, до которых пор пойдет этот ад».

«Тут мысль, всего более меня занимающая: “в чем наша общность, где те пункты, в которых мы могли бы все, разных направлений, сойтись?”».

«Ни из-за какой цели нельзя уродовать свою жизнь» (развить).

* * *

Те, кому действительно есть что сказать, никогда об этом не говорят.

* * *

Марсель.

Алжир с борта «Кайруана». Двойная туча. Первая пена, и град на гребне волны, разбивающейся о корабль, и сильный ветер, разом овладевающий облаком, — скручивает, мнет, выжимает; и вторая туча, уже не такая тяжелая, кружево тонкого пара, поднимается вверх в виде тумана.

Крылья чаек, заломленные точно посередине / \/ — в форме крыши.

На палубе под сильным ветром среди веревок сгрудились солдаты в бесформенных плащах с капюшоном и в платках на голове. В такие моменты человек перестает думать о параде и съеживается до насущных потребностей. Это история.

Я неподвижно стою на верхней палубе, чайки спускаются и продолжают рядом со мной свой спокойный полет. Упрямые чайки с выпученными глазами, ведьминскими клювами, неутомимыми мускулами. Морским птицам негде сесть. Разве только в изменчивые впадины зыби или раскачивающийся крест большой мачты.

* * *

Кондорсе: «Робеспьер — священник, и никогда не будет другим».

К *первичным* рефлексам, свойственным непосредственной природе человека или животного, Павлов относил «рефлекс свободы».

* * *

Власть неотделима от несправедливости. Хорошая власть — это здоровое и осторожное управление несправедливостью.

* * *

Никогда не говорить о своей работе.

* * *

Актер.

* * *

Ницше. «При изобилии живительных и восстанавливающих сил даже несчастье обретает какой-то солнечный отблеск и порождает уте-

шение…»

Там же. «Если мы всегда будем ожидать несчастья, неприятных сюрпризов и пребывать в состоянии озлобленности, мы будем невыносимы для других людей, и от этого пострадает и наше здоровье; такие натуры идут к собственному угасанию».

Там же. «Страх смерти, европейская болезнь».

Там же. «Счастье состоит в быстроте чувств и мыслей; все остальное кажется долгим, постепенным и глупым. Тот, кто способен ощутить полет луча света, будет переполнен счастьем, потому что он обладает большой скоростью».

Там же. «Портрет будущего человека: эксцентрический, энергичный, горячий, неутомимый, артистичный, враг книг».

Там же. «Люди очень высокой культуры с сильными телами выше всех суверенов».

* * *

По поводу биофагов: Тетради Монтерлана, с. 82: здесь сказано все — с совершенством и умеренностью.

* * *

Для себя: мне хотелось бы отдаваться целиком каждому из своих чувств по отдельности. Я всегда противопоставлял чувства между собой.

* * *

Типаса. Серое и мягкое небо. В центре развалин на смену звуков небольшого волнения на море пришел птичий щебет. Гора Шенуа — огромная и легкая. Я умру, а это место будет по-прежнему дарить всем красоту и полноту бытия. В этой мысли нет ничего горького. Напротив, чувство благодарности и уважения.

* * *

В Алжире дождь — вертикальный и тяжелый. Непрекращающийся. В клетке.

* * *

Алжирцы. Их жизнь в гуще и жаре дружбы, семьи. В центре — тело и его способности — и глубокая печаль, когда оно погибает, — жизнь без горизонта — только сиюминутное, только круг

плоти. Они гордятся своей мужественностью, способностью пить или есть, силой и смелостью. Они ранимы.

* * *

Зарезанная голубка.

* * *

Возвращение. «Кайруан». Буря. Непреодолимое желание броситься в воду. Одиночество и покинутость одного человека в бешеных волнах за кораблем, продолжающим свой путь.

* * *

Ступени выздоровления.

Оставить в покое волю. Отказаться от слова «надо».

Полностью убрать из головы политику ради гуманизма.

Написать о человеке, больном клаустрофобией. И создавать комедии.

Упорядочить свои отношения со смертью, то есть согласиться.

Быть согласным выставлять себя напоказ. Не

умру же я от такого страха. Если бы от него можно было умереть, все было бы кончено. Или в крайнем случае риск неадекватности. Достаточно согласиться с мнением других людей. Смирение и согласие — вот чисто медицинские лекарства от этого страха.

Мир идет к язычеству, но пока еще отвергает языческие ценности. Необходимо восстановить их, придать вере языческий характер, эллинизировать Христа, и равновесие вернется.

Не оттого ли я страдал, что взял на себя чрезмерную ответственность?

Раз уж я оказался в пустыне и в состоянии безразличия, надо дойти до конца, чтобы достичь порога, и так или иначе переступить через него. Безумие или еще большее самообладание.

Метод: при первых признаках тревоги ускорить или замедлить дыхание. *Добавить* к этому немедленную отмену *всякого действия* и жеста.

Во-вторых: общая релаксация.

Долгосрочная перспектива: перенос и накопление энергии силы воли; или желание посредством приостановки этой воли или желания.

По отношению к обществу — признать, что я от него ничего не жду. Любое участие становится подарком, при этом ничего не ждешь взамен.

Похвала или хула становятся тогда тем, что они и есть на самом деле, — ничем. В конце концов, уничтожение стадного чувства.

Уничтожить избитую мораль произвольного правосудия.

Оставаться рядом с реальностью людей и вещей. Как можно чаще возвращаться к личному счастью. Не отказываться признавать истины, даже когда истина вступает в противоречие с желаемым. Напр.: признать, что сила тоже — и по преимуществу — служит для убеждения. Истина стоит всех мучений. Только на ней может быть основана радость, которая должна увенчать это усилие.

Собрать энергию — в центре.

Признать необходимость врагов. Лучше, чтобы они были.

Систематически разрушать автоматизмы, от самого малого до самого большого. Табак, пища, секс, аффективные реакции защиты (или нападения; это одно то же) и *само творчество.* Аскеза: но не по отношению к желанию, которое должно остаться неприкосновенным, а к его удовлетворению.

* * *

Сосредоточить в своих руках величайшую власть — не для того, чтобы господствовать, но чтобы давать.

* * *

3 мая

Почти полное восстановление, я даже надеюсь, что прибавилось сил. Теперь стал лучше понимать то, что всегда знал: влачащий свое существование и задавленный жизнью не может никому помочь, какие бы обязательства он на себя ни взваливал. Только тот, кто властвует над собой и над жизнью, может быть по-настоящему щедрым и давать без усилий. Ничего не ждать и ничего не просить, кроме силы дарить и трудиться.

Дневник.

* * *

Конец апреля 1958 г. Канны.

Каждый день выхожу в море. Буйки, обозначающие границы сетей (бутылки со свинцовыми

флажками на пробковых поплавках), производили вечером нечто вроде позвякивания колокольчиков, призывающих морские стада. Ночь в порту: кричат корабли, постанывают мачты и мостки.

Свет — свет — и тревога отступает, она исчезает не полностью, но становится приглушенной, словно заснувшей в жаре и солнце.

* * *

30 апреля

Мартен дю Гар. Ницца. Он еле передвигается из-за своего ревматизма суставов. 77 лет. «Перед смертью уже ничего не держится, даже мое творчество. Нет ничего, ничего…» «Да, это хорошо — не чувствовать себя одиноким» (и его глаза наполнялись слезами). Назначим встречу на июль в Тертре [138]. «Если буду жив». Но это сердце не перестает всем интересоваться.

[138] Примечания: 138

Название замка Р. Мартена дю Гара в Беллеме (Орн, Франция). В 1955 г. А. Камю написал предисловие для собрания сочинения Р. Мартена дю Гара, изданного в книжной серии «Библиотека Плеяды» издательства «Галлимар».

* * *

29 мая 1958 г.

Мое ремесло — в том, чтобы делать книги и бороться, когда свобода моих близких и моего народа оказывается под угрозой. Вот и все.

* * *

Художник подобен дельфийскому богу: «Не показывает и не скрывает: он обозначает».

* * *

Чехов: «Я не либерал, не консерватор… Мое святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались.

Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником» (Письмо к Плещееву. 1888).

* * *

Музиль: Великий проект, в котором должны участвовать все средства искусства, которых у

него нет. Отсюда творчество, волнующее своими неудачами, а не тем, что оно говорит. Это непрекращающийся монолог автора, где местами блистает гений, но искусство никогда не озаряет его целиком.

Музиль. «У каждого из нас вторая природа, придающая невинность всем нашим деяниям».

«Обычная жизнь — средняя линия всевозможных наших преступлений».

* * *

Мама. Если бы мы достаточно любили тех, кого мы любим, то мы помешали бы им умереть.

* * *

9 июня 1958 г.

Снова еду в Грецию.

* * *

10 июня

Акрополь. Не такое грандиозное впечатление, как в первый раз. Я был не один, мне надо было заботиться о своей компании. И потом мне мешала встреча с О. Акрополь — не то место, где можно

лгать. Два часа на самолете до Родоса. За нами по морю дрейфуют острова, скалы. Распыление континентов. На Родосе мы сели посреди полей, где росла невысокая и цветущая пшеница, которую ветер заставлял бежать волнами к лазурному морю. Роскошный и цветущий остров. Прогулка ночью среди франкской архитектуры. Встреча с Р. Л. Брюкберже, объявившим мне о намерении разорвать с Церковью, но не отказывающимся от духовного сана. Я по-прежнему испытываю к нему живейшую симпатию. Прогулка на корабле с Мишелем Г. и семейством Прассинос.

* * *

11 июня

Я покидаю корабль рано утром и отправляюсь купаться в одиночестве на родосский пляж в двадцати минутах от корабля. Вода светлая, теплая. Солнце еще в самом начале пути, оно греет не обжигая. Эти дивные мгновения возвращают меня к тем ранним часам в Мадраге [139], двадцать лет назад, когда я выходил заспанный от своей тетки, жившей в нескольких метрах от моря, чтобы погрузиться в сонную утреннюю воду. Увы, теперь

[139] Примечания: 139
Название пляжа рядом с Ораном (Алжир).

я разучился плавать. Или точнее, я больше не могу дышать, как прежде. Это не страшно, и я с сожалением ухожу с пляжа, где только что был счастлив.

В десять часов мы отчаливаем с Родоса, чтобы обойти северную оконечность острова и добраться до Линдоса.

* * *

12 ч. 30 мин. Линдос.

Небольшой, почти полностью закрытый порт, созданный природой. Безукоризненная бухта. Мы бросаем якорь в абсолютно прозрачной воде. Над бухтой возвышаются белые дома селения, потом Акрополь, укрепленный средневековыми земляными валами, среди которых вырастают стволы дорийских колонн.

До пляжа добираемся на ялике. Купание. В конце дня восхождение к Акрополю. Добравшись до широкой вершины, мы быстро поднимаемся по лестнице, ведущей к огромной площади под открытым небом. С одной стороны она возвышается над портом, где мы бросили якорь, с другой обрывается отвесно над головокружительной пустотой — еще одной закрытой бухточкой — той самой, где высадился святой Павел. Над

всеми этими пространствами кружат ласточки, опьяненные светом, они вертикально ныряют в пустоту и взмывают вверх с пронзительными криками. Наш день заканчивается у колонн — отсюда видны оба залива, горные вершины, разрастающиеся до самого горизонта, и прямо перед нами — безмерное море. Перед такой красотой ощущаешь бессилие — ее не уловить и не выразить словом. Но в то же самое время чувство благодарности при виде совершенства мирового бытия. По возвращении в город — маленькие ослики, вечерняя лодка… Ночью громкие ослиные крики.

* * *

12 июня

В шесть часов я поднимаюсь на палубу, чтобы в последний раз увидеть мой любимый залив. На борту все спят, кроме капитана. Легким утром запах Линдоса, запах пены, жары, ослов и трав, дыма…

* * *

Родос в 8 часов 30 мин.

Экскурсия в ущелье, переполненное только что

родившимися бабочками. Сплошной ковер из бабочек — на траве, деревьях, гротах — поднимается из-под наших ног молчаливыми и трепетными облаками. Удушающая жара. Возвращение. Отплытие в Мармарис, турецкий порт, в пятнадцати часах хода. Прибытие в семнадцать часов. Бросаем якорь посреди красивого, но темного залива. Издалека этот маленький город кажется нищим. Мы видим, как постепенно все его население собирается у причала. К нам на борт заявляются турецкие полицейские и таможенники. Бесконечные объяснения для улаживания принятых здесь формальностей. Потом мы выходим на землю, где нас тут же окружает толпа нищих детей, которые потом будут следовать за нами повсюду по пятам. Бедность, запустение на улицах и в домах — нам становится настолько тягостно, что, не теряя времени, мы возвращаемся. После ужина — еще один визит официальных лиц. Снова долгие, бесконечные объяснения (они не знают ни одного западного языка). Они забирают наши паспорта и т. д. Обещают вернуть в шесть утра. Капитан протестует… и т. д. На самом деле за ними надо будет пойти на следующий день утром.

* * *

13 июня

Отплытие в семь часов. В одиннадцать часов остров Сими. Восхитительная греческая чистота. Даже самые бедные дома заново выкрашены известью, украшены, и т. д. Просто немыслимо, возмутительно, что турки смогли так надолго подчинить себе этот народ. Купание. Но клаустрофобия нарастает. В остальном — чувствую себя превосходно. В пятнадцать часов мы отплываем на Кос.

* * *

Кос. Маленький порт вечером, где жизнь проста. Музыка. Радиорепродукторы кричат о событиях на Кипре — мне слишком хорошо знакомы эти интонации. Ужинаем при розовом свете.

* * *

14 июня

Остров. Маленький храм на пляже с прозрачной водой. Купание и обед в Псамеросе. В крошечной бухточке пять белых и голубых домов,

выкрашенных известью. В воду заходят девочки в рубашках и плывут к нам.

Каждый день чудовищное солнце… на нем нет дымки, и оно не тяжелое, но светлое и четкое, настигающее своими лучами, свирепое…

В восемнадцать часов мы отплываем на Калимнос. На море короткие и свежие волны… За нами увязался десяток ребятишек с круглыми головами. Катина. На следующий день, 15 июня, она бежит до выхода из бухты и долго машет рукой. Полдень, купание в Леросе. Потом плывем на Патмос, к которому подходим через почти полностью закрытую бухту. Вечерний час.

* * *

16 июня

Поднимаемся на мулах и ослах на Патмос к монастырю Св. Иоанна Богослова. С вершины виднеются два перешейка. Начинается мощный ветер (мельтем). У греческого мистраля те же самые свойства: он прометает небо, извлекая из него чистый, четкий, напряженный, почти металлический свет. Но он мешает нам снова выйти в море, мы должны ждать здесь, пока оно не успокоится.

* * *

17 июня

Отплытие в шесть часов утра, несмотря на мельтем, нам надо добраться до Гайдероса. Но море было совершенно разъяренное. После трех часов сильнейшей качки и волн, выплескивавшихся прямо на палубу, все на борту либо заболели, либо слегка помутились сознанием, корабль сбился с курса и поплыл к островам Фурни. Мы нашли пристанище в пустой бухточке, где значительно меньше задувал ветер, но тем не менее задувал. День ожидания. К вечеру ветер частично затих. Но для отплытия было уже слишком поздно.

* * *

18 июня

Ночью снова поднялся ветер и задул с большой силой. Мы отказались отправляться в путь. Потом, поскольку ничего не изменилось, и хлеб, и особенно вода стали подходить к концу, около восемнадцати часов мы все-таки решили отплыть. Все собрались в капитанской рубке. Путешествие было непростым, но к двадцати часам тридцати минутам мы увидели огни Тигани (бывший

Самос).

Сладость небольшого спокойного порта в ночи, после бурного моря.

* * *

19 июня

Утром я пошел купаться один. Потом мы отправляемся на автомобильную экскурсию по острову. Это один из самых красивых островов — благодаря несметному множеству оливковых деревьев и стройных кипарисов, украшающих холмы и горы вплоть до самого моря. После купания мы обедаем в маленькой деревеньке на южном берегу. Стол стоит на улице. Вокруг нас играют толпы красивых ребятишек, потом они подходят поглазеть на нас. Одна из девочек, Матина, с золотистыми глазами совершенно растрогала мою душу. Когда мы уходили, она приблизилась к машине, и я взял ее за маленькую ручку. К вечеру Ипеон — разрушенный храм, великолепные обломки которого, разбросанные перед морем среди камышей и овса, среди восхитительного пейзажа гор и моря, были еще раз разворочены недавними землетрясениями.

В кафе, куда наши шоферы пригласили нас зайти, они все вместе пустились в пляс под звуки

радио — ко всеобщему удовольствию.

Поликрат, тиран Самоса, «гениальный государственный деятель и разнузданный тиран». Страшась собственной удачи — дерзкой и постоянной, а также своего постоянного успеха и сказочного богатства, он бросил в море дорогое кольцо, которое носил на руке, чтобы обмануть судьбу. Но рыба, которую подали на стол, вернула ему проглоченное кольцо. Он завершил строительство Ипеона, у него был роскошный двор, где большое место отводилось искусствам. Умер распятым — его погубил наместник Оройт, заманив в ловушку (522).

* * *

20 июня

День в море, плывем к Хиосу. Утром к нам под форштевень приплыл ламантин. Он катался по волнам, заплывал вперед, раскачивался с издевательским видом, потом заныривал в глубину. Немного позже в нескольких милях от берега ветер принес нам аромат олеандра. Во второй половине дня загорали и купались в бухточке, где вода казалась воздушной — так она была прозрачна. Прекрасным спокойным вечером мы заходим в Хиос.

* * *

21 июня

Хиос. Турецкий квартал. Проезжаем по острову. Дома огромные, из песчаника. Красная земля. Огромные оливковые деревья. Крестьяне, молотящие пшеницу с помощью копыт мулов в ослепительной жаре. Лето резни [140]. И в довершение — лепрозорий в узком овраге, засаженном эвкалиптами и заканчивающемся тупиком, в скалах. Ряд длинных обветшалых строений коричневого и темно-зеленого цвета. С наступлением вечера они пустеют — с их комнатами, где стоят большие железные кровати, покрытые грубыми коричневыми одеялами. Прокаженные бродят под верандами — 11 женщин и 3 мужчин. У одних нет пальцев. У других огромные мутные глаза, желтые без зрачков и без век, словно огромные капли гнилой воды. Их природная веселость под широкими сероватыми одеждами — бесконечно бедными. Одна жалуется на то, что их хотят вывезти из этого несчастного места, что-

[140] Примечания: 140

Речь идет о жестокой резне, устроенной на Хиосе турками в 1822 г., о которой писали многие представители культуры того времени — Э. Делакруа, В. Гюго и др.

бы переселить в другое… Танцы и смех — очень далеко за полночь.

* * *

22 июня

К Митилене. Широкая расселина, изрезанная заливами и пляжами. Оливковые деревья спускаются почти до самого моря. П. заболел. Врач (Паритис). Поднимаемся к Айясосу. Купание. Я немного поплавал. Отплываем вдоль берега. В конце дня сотни морских ласточек, летающих у самой поверхности неподвижной воды, словно приподнимают наш корабль в воздух. Прибытие в Сигрис.

(Мы приплыли в порт на закате. Порой солнце закрывало от нас порт, потом исчезало за холмом, и в сумерках снова показывался порт…)

* * *

Сигрис. Вернуться в Сигрис. Две закрытые бухты. Голые холмы. Вода — гладкая, свет вечера. Здесь завершаются мир и жизнь. И начинаются снова.

Ночью деревня, увиденная с борта корабля, освещенного кострами для праздника Ивана

Купалы.

Отплытие ночью. Мы с Мишелем заступаем на вахту в полночь. На море ночь становится безмерна — после того, как на западе закатился лунный серп. Созвездия опускаются к горизонту, где из теней образуются новые острова. Утром Скирос, возвышающийся ярусами на гребнях гор.

В пятнадцать часов отплытие на Скопелос. Во второй половине дня Северные Спорады. Один, два, пять, десять, четырнадцать островов вылупляются прямо в море. Вечером Скопелос и его крыши с прорисованными известью гребнями. Жасмин, гранатовые деревья, гибискусы. Спокойная ночь. Утром Скиатос, и мы проплываем через Эвбейский пролив.

* * *

26 июня

Халкис. Предисловие к Гренье: «каждое сознание хочет смерти другого». Да нет же. Хозяин и раб. Учитель и ученик. История строится в одинаковой мере на восхищении и на ненависти.

Я бы пожелал этой книге молодого читателя, который бы походил на того, каким я был.

Подобно исканиям, какие Мелвилл описал в «Марди», мой поиск заканчивается размышлени-

ем об абсолютном и божественном.

* * *

Халкис. Вечером — просторный и молчаливый Марафонский залив. Воды внезапно успокаиваются. Только короткий и тяжелый прибой. На огромный круг гор и ставший вдруг таинственным залив падает ночь. На водах спит красота.

* * *

27 июня

Ранним утром, когда на окрестных холмах только начали трещать цикады, я купаюсь в неподвижных и свежих водах. Потом море и через двенадцать часов Кеа, остров с зелеными скалами, большая землистая устрица под немного затянутым небом. Но в ночи поднимается южный ветер, и на следующий день, 28, мы были заблокированы в Кеа. 29. Отплытие утром при плохой погоде на море. Сунион. Свет. Идра, Спеце ночью. 30. Порос, Эгина и снова Айия-Марина, как четыре года назад. Чудесный остров в центре вращения света и пространства. Сюда надо вернуться.

* * *

1 июля

Афины. Жара. Пыль. Идиотский отель. Усталость. 2. Дельфы. Снова необыкновенное восхождение по ступеням света. Я иду по собственным следам. Аромат вечера на маленьком стадионе. 3. Возвращение в Коринф. До Патр. Я один, купание, вода… Патры — это большой Оран — пыльный, некрасивый и оживленный город. 4. Олимпия. 5. Микены, Аргос. Высокие сосны Олимпии стрекочут цикадами. Греция, взрывающаяся от звучных ослиных криков в ложбинах долин, на склонах островов.

* * *

Павезе [141]. Пусть единственная причина, по которой мы постоянно думаем о себе, в том, что мы вынуждены дольше всего оставаться с самими собой, чем с другими. Пусть гениальность — это плодородие. Быть — значит выражать, выражать без передышки. Пусть праздность продлевает часы, но ускоряет годы, а деятельность

[141] Примечания: 141

А. Камю цитирует дневник Павезе, переведенный во Франции в 1958 г. (Pavese C. Métier de vivre).

— укорачивает часы и удлиняет годы. Пусть все развратники сентиментальны, ибо для них отношения между мужчинами и женщинами — предмет эмоций, а не долга.

Там же. «Когда женщина выходит замуж, она принадлежит другому, а когда она принадлежит другому, нам нечего ей сказать».

Там же. Старая Ментина, которая семьдесят лет ничего не знала об истории. Она прожила «статичную и неподвижную жизнь». Это вызывает у Павезе дрожь. А если бы Ментина была его матерью?

* * *

Жить в истине и для истины. Истина того, чем ты являешься изначально. Отказаться от игры с другими. Истина того, что есть. Не хитрить с реальностью. То есть принимать все ее своеобразие и бессилие. Жить в соответствии с этим своеобразием, вплоть до бессилия. В центре — творчество и безграничные силы человека, которым наконец было воздано уважение.

* * *

Возвращение. Обед с А. М. Он сообщает мне, что

Массю и двое или трое его коллег подвергались пыткам, чтобы иметь право… (Разница: они сами это выбрали. Здесь нет ничего унизительного.) Странное впечатление.

* * *

Прошло десять дней после возвращения из Греции. Сила и телесная радость. Сон души и сердца. Где-то в глубине спит монастырь, крепость без прикрас, где молчание предается созерцанию.

* * *

Ложь усыпляет или мечтает, подобно иллюзии. Истина — вот единственная сила, радостная, неистощимая. Если бы мы были способны жить только истиной и для истины: молодая и бессмертная энергия в нас. Человек истины не стареет. Еще одно усилие — и он вообще не умрет.

ПРИЛОЖЕНИЕ [142]

Письмо к Амрушу.
19 ноября

---

[142] Примечания: 142

В переведенном здесь издании «Тетрадей» 1989 г. указывается, что последующие записи были приложены к Тетради VIII.

Мой дорогой Амруш,

Мне помешали ответить проблемы с временем и здоровьем. Хотел написать тебе длинное письмо и не справлялся даже с самыми обычными письмами. И сегодня не справляюсь. Но спешу поблагодарить тебя за второе письмо, оно меня очень тронуло. Тем не менее я должен сказать тебе всю правду насчет того, что я думаю. Нас могут разделить отнюдь не вопросы личного плана. Это ничто — по сравнению с тем, что происходит сейчас и готовится в будущем. Но меня очень шокировало то, что ты писал, причем несколько раз, вообще о французах в Алжире (в «Монд» и «Коммюн»). Ты имеешь право встать на позиции F. L. N. Я же считаю их в данный момент убийственными, а в будущем — слепыми и опасными. Но, принимая эту сторону, ты все равно должен проводить необходимые различия, а ты этого не делаешь. Я отказался от попыток заставить услышать голос разума. И вопреки всякой надежде я все же надеюсь, что когда-нибудь этот голос будет услышан. Но я считаю своим долгом высказать тебе, в приватном порядке, свою реакцию: ты должен знать, что когда стреляют или оправдывают стрельбу по французским алжирцам *вообще*, как таковым, — это стреляют по моим близким, бед-

ным людям, не способным на ненависть; их ни в коем случае нельзя смешивать с несправедливым бунтом. Никакая причина, даже самая невинная и справедливая, не заставит меня отказаться от своей матери, которая сама по себе являет величайший смысл, какой я только знаю в мире.

Ты увидишь, я верю, в моих искренних словах отголоски нашей прошлой дружбы. Может быть, она вдохновит тебя на то, чтобы действовать во имя умиротворения и объединения, а не братоубийственного разъединения, — вот пожелание, которое от всего сердца хочет высказать твой брат по рождению и по небесам.

Альбер Камю

* * *

Письмо к неизвестному.
3 апреля

Месье,

Я задержался с ответом из-за плохого здоровья, и я приношу Вам свои извинения. После того как более года тому назад я осознал, что окончательно отделило меня как от левых, так и от правых сил, по алжирскому вопросу, я решил больше не присоединяться ни к одной из публичных кампа-

ний. Коллективные подписи — двусмысленные альянсы между людьми, имеющими совершенно разные мнения по другим вопросам, приводят только к путанице, существенно выходящей за рамки той цели, которой они хотят служить и которую они в результате только компрометируют. Но когда цель эта имеет смысл, а именно так и было в данном случае, я принял решение действовать исключительно в личном порядке, в тех условиях и в тот момент, которые мне кажутся нужными, несмотря на оказываемое на меня давление.

Об интересующих Вас вопросах я собираюсь говорить в книге, которая должна будет выйти в ближайшее время и за которую я несу полную ответственность. В любом случае я адресую свой ответ Вашей благонамеренности и прошу Вас верить в мои наилучшие чувства.

Альбер Камю

* * *

Письмо Герену
9 июня 1954 г.

Мой дорогой Герен,
Мне передали Вашу статью в «Паризьен» (я не

читаю этот журнал, и я не подписан на «Аргюс»). Нет, я не буду упрекать Вас в «неблагодарности» или «жесткости». Просто мне не нравится место и нелюбезная манера выражения. Мне не нравится, когда Вы говорите о том, чего не знаете, — о моей жизни. Если бы Вы ее действительно знали, Вы бы молчали. Но что касается содержания Вашей статьи, то Вы, разумеется, вправе говорить о том, что Вам не нравится в моих публикациях, и делать это без прикрас.

Я упрекаю Вас в недопустимом игнорировании общепринятых норм, согласно которым личное письмо не может быть опубликовано без разрешения его отправителя. Тогда, когда я Вам писал, я делал это вовсе не для того, чтобы мои откровенные письма, написанные свободным сердцем, были десять лет спустя выставлены перед публикой. Вы имеете право делать этой публике признания и совершенно свободно говорить о тех, кто были Вашими друзьями, Вы не имеете право заставлять этих друзей делать признания. Читая в том месте, где Вы их напечатали, эти слова искреннего товарищества, адресованные другу в беде, я испытал невыносимое замешательство и даже какое-то отвращение, которое Вы должны были бы почувствовать раньше меня

и за которое я не могу Вас простить.

Во всяком случае, мне хочется, чтобы Вы знали мое мнение на этот счет.

Ваш
Альбер Камю

* * *

Письмо к неизвестной.
20 июля 1956 г.

Сударыня,

Я очень расстроен тем, что Вы мне говорите. Тем более, уверяю Вас, несомненно, речь идет о недоразумении.

Возможно, я и встречал врача, имя которого Вы называете, но это имя мне ничего не говорит. Следовательно, речь не идет ни об одном из моих друзей. И в любом случае я не знаю его достаточно для того, чтобы он мог позволить себе признание, касающееся третьего лица. К тому же представлять себе это и предполагать, что подобное признание имело место быть и что я мог неосмотрительно использовать его, — это значит мало знать меня.

Клянусь Вам честью, что подробности, описанные в «Падении», касаются только меня. Ваш

друг — не единственный, кто любит высокие плато. Я тоже их люблю, и я на них жил. Как бывший туберкулезник я действительно болен пневмосклерозом и страдаю клаустрофобией. Окружающие меня люди могут подтвердить Вам, что я испытываю ужас перед ущельями, гротами и всеми замкнутыми пространствами, что объясняется этим легким недугом. Часто подшучивают и над моим нетерпением перед спелеологами, и над моей грустью в глубоких альпийских долинах и т. д. Каждая из деталей, которые поразили Вашего друга, может получить, таким образом, неопровержимое объяснение. Что же касается главного анекдота, Вы понимаете, я не склонен пускаться в излишние признания. Тем не менее позвольте мне процитировать Вам одну фразу из письма, которое я получил в эти последние дни от одного из друзей: «У каждого из нас, без исключения, была девушка, которой мы не пришли на помощь».

Ваш друг должен понять — это сама очевидность. Вы говорите, что он всегда читал меня с уважением и особенным интересом. Тогда он не может не знать, что я не способен лгать на такие темы.

Повторяю Вам, я клянусь честью, у него нет

ничего общего, абсолютно ничего общего, с моим персонажем. Его никто не предавал, и если я правильно понял из Ваших рассказов о нем, он обязательно окажет своим друзьям самое сердечное доверие, без которого вся жизнь — лишь утомительное несчастье.

Первая причина сомнений, которыми терзается сегодня Ваш друг, кроется в изнуряющей жизни, которую ведем мы все, и в особенности те, кто, помимо бесконечной тяжести современной жизни, осуществляет еще и свой личный труд. Как я могу не понять его? Иногда до конца дня я доживаю стиснув зубы, и у меня часто возникает впечатление, что я хожу и работаю благодаря чистой силе воли, которая только и держит меня. Но в этих случаях надо не бояться проявлять снисходительность к себе и к своей природе. Надо возвратиться к более животной жизни, к отдыху, к одиночеству.

Надеюсь, что, узнав мое мнение, Ваш друг снова обретет отдохновение и мир. Тогда я буду спокоен насчет того, что, сам того не желая, вызвал волнение в достойном сердце. В данный момент я чувствую только грусть от того, что одна из моих книг причинила боль, в то время как я всегда думал, что искусство — ничто, если оно в конечном

счете не творит добро и не помогает людям.

* * *

Письмо г-ну Р.П.

Г-н Р.П.,

Ваше письмо я получил с большим опозданием, и сообщенная Вами весть о внезапной смерти моего друга застигла меня тогда, когда все уже было кончено. Тем не менее я благодарю Вас от всего сердца за то, что Вы подумали обо мне. Дидье был частью моего детства и юности, и позже, когда я встретил его, уже получившего церковный сан, мне было нетрудно снова полюбить его таким, каким он никогда не переставал быть для меня. Ибо он остался в душе тем же ребенком и превратился в мужчину, обладавшего той же самой верой, которая стала более чистой и глубокой, и той же самой верностью. Скромность и постоянная деликатность, привнесенные им в наши отношения (увы, мы в силу различия наших жизненных путей оказались слишком отдалены друг от друга), могли только еще больше обогатить и сделать более ощутимой дружбу нашего детства. Столь резкий, столь неожиданный конец — большая боль для меня. Несколько часов назад

мир для меня стал беднее. Я знаю, что для него смерть — это лишь переход, он умел говорить о некоей надежде. Но для тех, кто, подобно мне, любил его, не имя возможности разделить с ним эту надежду, печаль бесконечна. Вы правы, он навсегда останется для нас воспоминанием и примером. Верьте, я с благодарностью переношу часть нашей долгой дружбы на тех, кто его любил и кто имел счастье жить рядом с ним, и не сомневайтесь в моих — отныне — верных чувствах.

А.К.

* * *

В больнице N. открывает то, о чем я всегда знал (по причине подобного опыта [...неразб.] юность — также и по другой причине, солидарность тел, единение среди смертного и страдающего тела. Вот что мы есть — и ничего другого. Это плюс человеческий гений во всех формах, от ребенка до Эйнштейна.

* * *

Нет, дорогой Доминик, быть несчастным не унизительно. Унизительным иногда бывает физическое страдание. Но страдание от самого

бытия не может быть таковым, оно есть жизнь точно так же, как и это счастье, о котором говорит Бернар в своем тексте с убежденностью, которая меня так сильно взволновала.

* * *

Не знаю, стоит ли Вам об этом говорить, теперь Вы должны просто жить как все остальные люди. Одним тем, что Вы есть, Вы заслужили счастье, полноту бытия, на какие мало кто способен. Если сегодня эта полнота не мертва, то это за счет жизни, ее счастья, она царит над Вами, хотите Вы этого или нет. Но в ближайшее время Вам надо пожить одной, с этой дырой, памятью, вызывающей боль. Мы все носим в себе эту инертность, — мы, я хочу сказать, те, кто не смог быть на высоте со счастьем и кто болезненно вспоминает о другом счастье, проходящем [143] через память.

* * *

Иногда для жестоких [144] умов самое лучшее

---

[143] Примечания: 143

Это слово в рукописи А. Камю было написано не очень ясно, возможны варианты прочтения.

[144] Примечания: 144

Еще одно не совсем ясно написанное слово.

время — это время, вырванное ради работы, которая была вырвана у времени. Несчастная страсть.

* * *

ЗАМЕТКИ НА ЕЖЕДНЕВНИКЕ

Галь [145] и я во время манифестации.
Ты еще хочешь сделать глупость.
Хорошо! Ты не можешь прийти?
Альбер, я тебя побью.

* * *

Тот, кто был мне как брат и кто в моей семье ударил моего брата, умер.

* * *

Слава — это монастырь.

* * *

N. Ее инициацией занимался учитель гимнастики ее матери. По просьбе матери он провел с ней курс сексуальной инициации (в 15 лет).

---

[145] Примечания: 145
Пьер Галендо, оранский друг А. Камю.

Потом убедил ее, что самое лучше — когда это совершается человеком искусства…

N. Ее друг по гастролям читал романы, напечатанные в газете, и повторял книжную фразу: «Прожить каждый час так, как если бы это был самый последний и самый прекрасный час», — восклицая: «Вот именно». Но, говорит N.: он даже не выходил из комнаты, чтобы погулять по городу, и все время тратил на изысканную пищу и постель.

Мы — как бы христиане наизусть, — говорит N. И язычники тоже — все мы исповедуем язычество каким-то автоматическим шепотом. Его спутница со своим спортивным [неразб…], — он не может любить ее перед матчем, ибо должен беречь силы, — и после тоже нет, потому что у него нет сил, и по той же причине он не выходит. Утром он будит ее ударом коленки по почкам, чтобы она пошла делать ему завтрак… Она: «Я не занимаюсь любовью, не выхожу, исполняю обязанности прислуги, и это тянется уже три года».

Чернилами темниц
На рабских цепях,
На нежности
Расстрелянных лиц
Имя твое пишу —

Свобода.

Строки твои — решеток прутья.
Лик твой — засовы
Братские мучителей.
По приказу свыше
Имя твое пишу —
Свобода.

Преданная свобода,
Твои защитники где?
В ночи подвалов
Нежные очи в беде.
Имя твое пишу,
Каланд умирает.

Писать — легко,
Ужасно — умирать.
Пишу, пишу и пишу
Имя твое — «предавать»
На отчаянном друге твоем.

О! Что же сделал ты с юной моей,
Каланд? Когда вас убивают
Братья ваши, смерть нага.
Имя громкое твое пишу
Бесчестным пером.

Будущее преграждая,

Память стирая,
Имя твое пишу —
Свобода,
Заглавными буквами скорби.
Пьер Серман [146]

[146] Примечания: 146

Пьер Серман — это А. Камю. Набросок стихотворения, в котором А. Камю, по всей вероятности, пишет о жертвах коммунистических репрессий в Чехословакии, казненных в 1950 г., среди которых были Завис Каландра (1902–1950), упоминавшийся А. Камю в «Бунтующем человеке» (1951), Милада Горакова и др. Через стихотворение проходит осуждение знаменитого поэта Поля Элюара, бывшего сюрреалиста, ставшего затем ортодоксальным коммунистом и не выступившего в свое время на защиту Каландры. А. Камю пародирует знаменитое стихотворение Поля Элюара «Свобода» (1942), а также косвенным образом напоминает об элюаровском сборнике стихов под названием «Capitale de la douleur» (1926) (игра слов «Град скорби» и «Заглавная буква скорби»), а также о книге Бенжамена Пере «Бесчестье поэтов» (1945), в которой был раскритикован коллективный поэтический сборник поэтов Сопротивления под эгидой Элюара — «Честь поэтов» (1943).

Тетрадь № IX. Июль 1958 года – декабрь 1959 года

21 июля

Я один, передо мной целый день для размышлений. Вечером ужин с Б. М. На месте М. — пустота, и я мучаюсь весь день. Пишу ей.

* * *

22–24 июля

Ничего. Записывал на магнитофон «Падение». Письмо Ми («жестокие и чистые ночи»). Вчера вечером бродил по Сен-Жермен-де-Пре — в ожидании чего? Разговаривал с пьяным художником: «Что вы делаете в жизни? — я не в тюрьме — это плохо — нет, это хорошо», — и он пожирал по пять яиц вкрутую, запивая коньяком. Я в отчаянии от своей неспособности работать. К счастью, есть «Живаго» и нежность, которую я испытываю к автору. Отказался от поездки на юг.

* * *

Ничего. Запись «Падения». Распределение ро-

лей в «Бесах». «НРФ». Ужин с А.К [147]. Ее любовь к М., который бессилен со своей женой. Но М. он доверился целиком. «Ему стало лучше», — говорит она. — «То есть?» — «Ну хорошо, это еще не мужчина, но уже больше не старик». Темная сторона жизни. Каждой жизни. Я проводил ее, потом прошелся по Сен-Жермен-де-Пре. Я просто жду — какая глупость. О! Если бы ко мне вернулись силы работать, это был бы свет, наконец-то. Маленькие хулиганы, переодетые в Джеймса Дина, повторяют его специфический жест, сложив руку ложечкой и поправляя безымянным пальцем слишком тесную ширинку на облегающих джинсах. Я думаю о голых и коричневых телах, которые видел прежде — в своей потерянной стране. Те были чисты.

* * *

26 июля

Запись «Падения». Написал немного для предисловия к «Островам». Обед с К [148]. — ленивым и циничным человеком, которого заботят только

---

[147] Примечания: 147
Во французском оригинале «А.С.».

[148] Примечания: 148
Во французском оригинале «С.».

собственные удовольствия. Но он сам себе голова. Писатель он второстепенный. Но ни на кого не похож. Вскоре мы расстаемся. Он идет играть в покер, что наводит на меня тоску. А я возвращаюсь домой. По дороге видел, как девушка, довольно грубая, за которой шел араб, отталкивает его. «Я расистка», — запросто говорит она.

* * *

27 июля

Закончил запись «Падения». Дон Джованни. Весь день серое небо. Вечером фильм о кубке мира по футболу. После своей победы молодые чернокожие бразильцы рыдали и прятали лицо от объективов. Это еще больше трогает меня и волнует, как прежде.

* * *

28 июля

Ужин с Б.М. К нам присоединяется А. К. Над городом нависает гроза — и никак не разражается.

* * *

29 июля

Утром неотступные мысли об Алжире. Слишком поздно, слишком поздно… Моя земля потеряна, и я больше ничего не стою.

* * *

30 июля

Одинокий день. Бесформенная работа. Вечером у Набокова, Нараян [149], будущий преемник Ганди, объясняет нам, что такое деревенское и аграрное социалистическое движение в Индии (Виноба). Я восхищаюсь на расстоянии. По возвращении, проходя перед Эглоном, на световой рекламе вижу имя А. М. Вхожу. Я был счастлив с ней одиннадцать лет назад. Теперь она замужем за стюардом Эр Франс и ездит с ним на рыбалку. И каждый вечер поет.

* * *

31 июля

А.М. зашла ко мне на полчаса во второй половине дня. При дневном свете стали заметны отпечатки одиннадцати лет. Ей было 22 года, значит, сейчас ей 33. Но мы много смеялись вместе.

---

[149] Примечания: 149
Нараян, Джаяпракаш (1902–1979) — политический деятель Индии.

* * *

1 августа

Обед у Барро в Шамбурси. Небо все время черное от бесконечных гроз. Б. снова предлагает совместное творчество в духе Данченко-Станиславский. Во второй половине дня Колин Уилсон [150] — младенец, по-видимому, Европа завоевала теперь и Англию. «Сегодня надо привлечь к вере в…» […неразб.], — я это прекрасно знаю. У меня та же вера, она никогда меня и не покидала. Но я выбрал путь своей эпохи со всеми ее горестями, чтобы не обманывать и чтобы утверждать свои идеи, пройдя через страдание и отрицание, так, как я это, впрочем, всегда и ощущал. Теперь я должен перейти к преображению: мне становится страшно перед ненаписанной книгой, я чувствую себя связанным. Может быть, мое поколение полностью исчерпало себя в живописании некоей тоски, и мы разучились говорить о нашей настоящей вере. Возможно, мы лишь готовим путь для мальчиков, идущих нам на смену. Об этом я и

[150] Примечания: 150

Уилсон, Колин (1931–2013), английский писатель, создал в 1956 г. роман «Посторонний», название которого перекликается с названием знаменитого романа А. Камю.

говорил К.У., и «если у меня не получится, я в лучшем случае оказался бы интересным свидетелем. Если у меня получится, я стал бы творцом».

Вечером я ужинаю с А.Е. и Карин, потом мы гуляем по Монмартру уже только вдвоем с Карин. Ночные сады омыты под луной, но темны. Карин 18 лет. Ее родители развелись. Она, не знаю почему, уехала из Швеции и зарабатывала на жизнь, работая моделью у одного второразрядного кутюрье, который эксплуатировал ее беспощадно. Тридцать пять тысяч франков за семичасовой рабочий день. Я всегда восхищался храбростью этих девушек середины века. В ее слегка мальчишеской красоте было что-то неторопливое, словно не от мира сего. Возвращение. Ее естественность. Она быстро подставила свой свежий рот, потом ушла, четкая и сдержанная.

* * *

2 августа

Заставляю себя писать этот дневник, но чувствую сильнейшее отвращение. Теперь я знаю, почему никогда не вел настоящего дневника: для меня жизнь — это всегда тайна. Тайна отношений с другими (что всегда так расстраивало N.) и тайна по отношению к себе самому: я не

должен раскрывать ее словами. Тайна — глухая и не подвластная словам, этим-то она и ценна для меня. И если я все же заставляю себя писать дневник, то лишь потому, что панически боюсь недостаточности своей памяти. Но я не уверен, что смогу продолжать. Впрочем, я все равно забываю многое записывать. И не говорю ничего из того, что думаю. Например, мои долгие думы о К.

* * *

Суббота, 2 августа

Вечером встречаю М. на вокзале, она будет до вечера воскресенья. Усталая и чужая. К вечеру она воскресает, и я счастлив.

* * *

Понедельник, 4 августа

Обед с М. Во второй половине дня Доктор N. Он считает, что чувство долга, которое я испытываю, заботясь о здоровье N., заставляет меня жить «в стеклянном шаре». Его рецепт: свобода и эгоизм. Замечательная рекомендация, скажу я вам. И не такая простая для исполнения. Вечером К.

* * *

Вторник, 5 августа

Во второй половине дня М. Долгий разговор. Мало кто зашел так далеко, как она в принятии жизни. 6 августа. Вечером вышли с Мишелем, Анн и г-ном Данс. 7 августа. Снова ощущение, что М. отдаляется. Самое обжигающее существо, какое я знал, — на самом деле самое целомудренное. Ужин с Брисом Пареном у него дома, вместе с русской сиделкой и ее девятилетней дочерью. Как все религиозные умы, Б.П. пытается оправдать все несчастья необходимостью искупления. Я сказал ему, что в лучшем случае мы достигнем всего наихудшего, что было в диалектике. Он знает. Он думает над этим.

* * *

Пятница, 8 августа

Одинокий день, как и почти все предыдущие. Пытаюсь организовать свою работу. Дождь идет уже 2 дня. Письмо от N.: «стандартные и бесформенные разговоры» (по телефону). Она горячая, свободная, правдивая.

* * *

Воскресенье, 9 августа

Заболел. Воскресенье. 10. Понедельник 11. «Веревка». Ложусь в постель и засыпаю с ужасной головной болью. Дурная ночь. Днем из Марселя позвонила Ми; она в страхе и панике мечется из города в город. Советую ей вернуться в Париж.

* * *

Вторник, 12 августа

Утром ко мне приходит К [151]. Среда, 13 августа. Обед с Шаром. Мы много смеемся. Во второй половине дня Ивернель [152]. Вечером ужин в гольф-клубе с М.Г., Анной и Р.Г [153]. Вечер в полях для гольфа. Четверг, 14 августа. Телефонный разговор с Ивернелем. Он читал ночью мою инсценировку «Бесов» и не мог оторваться. Он согласился на роль Шатова. Вечером ужин с

---

[151] Примечания: 151

Во французском оригинале «С.».

[152] Примечания: 152

Ивернель, Даниэль (1920–1999) — французский актер театра и кино, играл в 1955 г. в инсценировке А. Камю «Интересный случай» — по пьесе Д. Буццати.

[153] Примечания: 153

Во французском оригинале — M.G., R.G.

Р. Он физически не меняется уже 20 лет. Но с тех пор как у него обнаружилась нервная болезнь, что-то сломалось. Кажется, что он живет автоматически. Мы встречаем К. От ее естественности перехватывает дыхание (сразу подает руку, потом «заходите» — «нет» — «отчего же?» — «у меня встреча»), она беспрестанно что-то ест.

* * *

15, 16, 17 августа

Все это время со второго числа было пустым. Невозможно писать, пока не обретешь снова вкус к жизни и энергию. И сердечное здоровье, которое в данный момент по меньшей мере трагично. Закончил читать «Живаго» с чувством какой-то нежности к автору. Неправда, что эта книга продолжает художественную традицию русской литературы XIX века. Она сделана гораздо менее умело, но это, впрочем, соответствует современной фактуре — длинные зарисовки отдельных мгновений. Но главная ее заслуга в другом: она воскрешает русское сердце, разбитое сорока годами лозунгов и бесчеловечной жестокости. «Живаго» — книга о любви. О любви, охватывающей сразу все сущее. Доктор любит жену, и Лару, и других тоже, и Россию. И умирает

потому, что разлучен с женой, с Ларой, с Россией и всем остальным.

Со мною люди без имен,
Деревья, дети, домоседы,
Я ими всеми побежден,
И только в том моя победа.

Пастернак не побоялся заново открыть этот истинный источник творчества и спокойно выпустить его на свободу посреди той пустыни.

Что еще? два вечера — 16-го и 15-го — делали запись вместе с М. Поэмы Шара. Ночь 15-го — прогулка по набережным Сены. Под Новым мостом молодые иностранцы (северяне) устроили концерт: лежа прямо на улице, обнявшись парами, они слушали импровизации двух своих соотечественников, которые играли на трубе и банджо. Немного дальше, на скамьях моста Искусств, разлегся араб с портативным радио у головы, которое наигрывало ему арабские мотивы. Самый обыкновенный городской мост под горячим и дымным небом августовского Парижа.

Для «Жюли». Гибер — благородный прогрессист. Мора — образ старого мира.

* * *

18 августа

Обед с М. Она нашлась. Вечером ужин с Р. Не пришел в себя. Депрессия.

* * *

19 августа

Письмо от N. — печалит меня в очередной раз.

* * *

21–23 августа. Вечер.

Ми. Она наполнила эти дни красотой и нежностью. Долгая радость вовсе не отвлекла меня от работы, но, наоборот, повернула к ней. Сестра Ми умерла в 22 года от рака печени. Отец приказал ей смотреть на закаты: «Потому что ты — художник».

* * *

23 августа

Смерть Роже Мартена дю Гара. Я все откладывал с визитом в Беллем, и вот внезапно… У меня перед глазами этот человек, которого я нежно

любил: он рассказывал мне тогда в мае в Ницце о своем одиночестве и о смерти. Его большое тяжелое тело, разбитое пополам кресельным столиком. И его прекрасные глаза… Его можно было любить, уважать. Как грустно.

* * *

25 августа

Ужин с Брисвилем (и Терезой). Б.М. (и Виветт) [154].

* * *

26–29 августа

Пример Джакометти. Ах! И М., и ее жизнь: «Тот, кто, подобно нам, в ранней молодости уже познал крайности жизненного опыта (в том числе славу и любовь), подходит к зрелости, не желая ничего исключительного — просто жизни».

---

[154] Примечания: 154

Брисвиль, Жан-Клод (р. 1922) — французский писатель, автор эссе «Камю» (1959); Б.М. — Блок-Мишель, Жан (1912–1987) — французский писатель, переводчик, друг Камю по подпольной антифашистской деятельности во время Второй мировой войны; Виветт Пере — его жена, писательница.

* * *

Возвращение К [155].

* * *

2 сентября в Иль-сюр-Сорг. Лучшим принципом для этой тетради будет резюмировать время от времени (2 раза, например?), важнейшие события за прошедший период. В субботу 30 видел Жамуа [156] и договорился с ней, что мы не будем сразу показывать «Бесов» в театре «Монпарнас». Несмотря на сухость и желчный вид, в ней есть несомненный шарм — строгие сандалии, маленькие и превосходно сложенные ноги, длинное тело и прекрасный печальный взгляд. Потом я позвонил Барро и сообщил о своем согласии. Спать лег рано. Ночью мне так и не удалось поспать, заснул в 3 часа, проснулся в пять, плотно поел и отправился в путь под дождем. Я был за рулем одиннадцать часов подряд, время от времени перекусывал печеньем, и дождь не

[155] Примечания: 155

Во французском оригинале «С.».

[156] Примечания: 156

Жамуа, Маргерит (1901–1964) — французская актриса и театральный режиссер.

отрывался от меня, пока я не доехал до Дрома, где он стал пореже, а около Ньона накатилась волна сильнейшего аромата лаванды, пробуждая и тревожа мое сердце. Знакомый пейзаж придает мне новые силы, и я приезжаю счастливым. Иль, где я внезапно почувствовал себя защищенным и умиротворенным в бедной комнатке отеля Сен-Мартен.

В Иле я встречаю Рене Шара. Печально видеть его изгнанным из своего дома и парка (на этом месте теперь воздвигнут уродливый квартал дешевого жилья) и вынужденным ютиться в комнатушке отеля Сен-Мартен. В Камфу посещаю семейство Матье; г-жа Матье, постаревшая Клитемнестра, носит очки. Что касается г-на Матье, то из деятельного распорядителя сельскохозяйственными угодьями он превратился в бессильного старика, не контролирующего даже свои естественные надобности. Я занимаюсь арендованным домом, он немного печален, но все-таки мил, с видом на Люберон. N. он наверняка не понравится. Но я постараюсь сделать его более комфортабельным. 3 сентября большая прогулка с Р.Ш. по дороге вдоль гребней Люберона. Я прихожу в восторг от неистового света, бесконечного пространства. Мне снова хочется

здесь жить, найти подходящий для себя дом, наконец-то хоть как-то обосноваться. Вместе с тем я много думаю о Ми и ее здешней жизни. За ужином г-жа Матье говорила: «Поглупели даже ласточки. Вместо грязи они берут для своих гнезд плодородную землю. Двенадцать из тринадцати гнезд Камфу развалились, и яйца погибли — это в первый раз за десятилетия». И Шар: «А мы-то надеялись, что хотя бы птицы поддержат честь».

4 сентября я по-прежнему жду телеграммы или телефонного звонка от N. по поводу ее прибытия вместе с детьми. Потом г-жа Матье передает мне, что N. задержится здесь только на четыре дня, а семья ее будет в Париже. Во мне поднимаются гнев и чувство отчуждения против нее и против себя самого — я ведь по-прежнему ждал знаков нежности там, где их нет и не может быть.

* * *

30 сентября

Потратил месяц на осмотр Воклюза и поиски дома. Купил дом в Лурмарене. Потом отъезд в Сен-Жан, чтобы повидаться с Ми. Сотни километров — в полной экзальтации — через ароматы урожая винограда. Потом большое пенящееся море. Удовольствие, подобное этим длинным разбива-

ющимся волнам, которые сдирают кожу. Утром отъезжаю в Париж, розовый вереск в сосновых лесах. Еще двенадцать часов за рулем, и Париж.

О том, как *успешный* писатель приходит к нищему интеллектуалу (трущоба на Фобур Сен-Дени).

Пастернак: «…был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим *моцартовским* началом, *моцартовскою* стихией».

Ж. де Беер. «За адюльтер следует наказывать смертью. Тогда настоящих любовников можно было бы пересчитать по пальцам». И это даже неправда. Зачастую слабость сильнее страха.

* * *

17 октября

Отъезд в Воклюз. Я потом обязательно опишу вкратце прошедшие 18 дней.

* * *

18 октября

Выхожу из ночного поезда в Иль-сюр-Сорг — и попадаю в сухой и холодный мистраль. Прекрасная и большая экзальтация — целый день при

сверкающем свете. Я это чувствую — ко мне возвращаются все мои силы.

* * *

19 октября

Непрекращающийся свет. Я стою в пустом доме, без единого предмета мебели, и долгими часами смотрю, как в комнаты залетают гонимые неистовым ветром мертвые красные листья девственного виноградника. Мистраль.

* * *

27 октября

Возращение в Париж. В ночи обнадеживающие голоса, объявляющие названия станций. Станция «Насьон».

Не жаловаться. Не пользоваться тем, что ты есть, ни тем, что ты сделал. Если ты даешь, считай, что это уже было получено.

* * *

5 ноября

Письмо от мужа Э.Б., в котором он сообщает, что его жена хочет покончить с жизнью, и просит

меня вмешаться. И я, так легко и часто — так глупо — чувствовавший ответственность за других людей, на этот раз ничего не ощущаю. Напротив, такое впечатление, что это настоящая засада. Впрочем, надо вмешаться.

* * *

7 ноября

45 лет. Как я и хотел, день одиночества и размышлений. Прямо сейчас — начать отрешение, которое должно быть завершено к пятидесяти. В тот день я буду царствовать.

* * *

Демократия — не закон большинства, но защита меньшинства.

* * *

22 ноября

Обед с Шаром и Сен-Жон-Персом. Острова. Во второй половине дня Уолдо Фрэнк в печальной комнате.

* * *

Декабрь

Репетиции «Бесов».

Кюни [157], с которым мы одного возраста, кажется, слишком стар, чтобы играть Ставрогина.

М.: Изменим роли, вот и все.

Л.: Да, но женщины будут бежать от нас, и мы умрем.

* * *

Ми. Ее чудесный аппетит.

* * *

3 марта

Бьюсь, как рыба, запутавшаяся в сетях.

* * *

17 марта

---

[157] Примечания: 157

Кюни, Ален (1908–1994) — французский актер кино и театра.

Смерть Пауля Оэттли [158] в 69 лет. На следующий день кончает с жизнью его старая мать (93 года).

* * *

Болезнь Катрин. Я отменяю свой отъезд на юг Франции. На сердце тяжело.

* * *

20 марта

Маму оперировали. Телеграмма Л. дошла до меня в субботу утром. На следующую ночь самолет, отправление в три часа. В Алжире семь. Знакомое ощущение, когда подлетаешь к Мезон-Бланш: моя земля. Но при этом серое небо, сладкий и пористый воздух. Останавливаюсь в клинике, расположенной на возвышенной части Алжира.

В чистейшей палате — белые и голые стены: ничего. Носовой платок и маленькая расческа. На простынях ее узловатые пальцы. Снаружи — восхитительный пейзаж, спускающийся к заливу.

---

[158] Примечания: 158

Оэттли, Пауль (1890–1959) — французский актер кино и театра, дальний родственник А. Камю. Участвовал во многих театральных постановках А. Камю.

Но ей больно от света и пространства. Она хочет, чтобы в комнате был полумрак.

* * *

Она говорит о Филиппе, с которым недавно обручилась Поль: «У него хороший отец, хорошая мать, хорошая сестра. Это люди старой закалки. А он отслужил в армии. Он увидел Поль на нефтеперерабатывающем заводе и (скрещивает два указательных пальца). Тем лучше».

«Потом, когда я буду дома, доктор даст мне что-нибудь для восстановления». Она говорит: «Спасибо, господин доктор». Она не может ничего: она не умеет читать, не может шить и вышивать из-за пальцев и слушать, потому что глуха. Время течет, тяжело, медленно…

У нее исчезли губы. Но ее нос — такой тонкий, такой прямой, большой благородный лоб, черные и блестящие глаза под гладкой костяной аркой.

Она страдает молча. Она *подчиняется*. Вокруг нее сидит семья — тяжело, безмолвно, и ждет… Брат Жозеф, моложе ее на несколько лет, тоже ждет — словно ждет своей очереди — смиренно и печально.

* * *

23 марта

Плохая ночь. Утром над заливом и холмами идет дождь. Глицинии: они заполнили мою молодость своим ароматом, своей таинственной и богатой страстью… Снова и неустанно. В моей жизни они были более живыми и настоящими, чем многие из людей… кроме того человека, который страдает рядом со мной и молчание которого не переставало говорить со мной половину моей жизни.

Всякую минеральную воду она называет «Виши».

* * *

Плоть, бедная плоть, ничтожная, грязная, падшая, оскорбляемая. Святая плоть.

* * *

Леопольд [Ф… неразб.] о Ницше: «согласие с жизнью, к которому привел союз между терпением и бунтом, есть вершина великого полудня жизни».

* * *

У нее всю жизнь была странная привычка сопровождать свою фамилию приставкой «вдова», и даже сегодня именно так и записано в ее больничных бумагах.

Она прожила в неведении о стольких вещах, кроме страдания и терпения, и сегодня продолжает испытывать физические страдания с такой же кротостью…

Люди, которых не затронула никакая техника, — ни газеты, ни радио. Они были такими сто лет назад и совсем не изменились в окружающем обществе.

Можно подумать, я осуждаю свою кровь. Нет? А! Ну, хорошо.

Запах шприцев. Холм покрыт акантами, тростником, кипарисами, соснами, пальмами, апельсиновыми деревьями, мушмулой и глициниями.

* * *

29 марта

Возвращение в Париж.

* * *

Софокл танцевал и хорошо играл в мяч.

* * *

«Detras de la cruz esta el demonio» [159].

* * *

Уничтожить в моей жизни все, что не относится к этой бедности. Разориться.

* * *

Пастернак о Скрябине [160]: «Это испытано каждым. Всем нам являлась традиция, всем обещала лицо, всем, по-разному, свое обещанье сдержала».

Там же. «...Самое ясное, запоминающееся и важное в искусстве есть его возникновенье, и лучшие произведенья мира, повествуя о наираз-

---

[159] Примечания: 159

«За крестом стоит демон» (*исп.*).

[160] Примечания: 160

Камю цитирует по изданию Pasternak B. Essai d'autobiographie. P., 1958, в котором был помещен перевод «Охранной грамоты», откуда и заимствованы данные цитаты.

личнейшем, на самом деле рассказывают о своем рожденьи».

Там же. «…И мне посчастливилось узнать, что можно день за днем ходить на свиданье с куском застроенного пространства, как с живою личностью».

* * *

Ницше. «Никакое страдание не могло и не сможет заставить меня давать ложные свидетельства против жизни, *такой, какой я ее знаю*».

Там же. «Ему были знакомы шесть одиночеств,

Но даже море не было так одиноко…»

Об использовании славы в качестве прикрытия, за которым «наше собственное «я» снова сможет невидимым образом играть и смеяться над собой».

«Завоевать свободу и духовную радость, чтобы иметь возможность творить и не подчиняться тирании иностранных идеалов».

Исторический смысл не что иное, как замаскированная теология.

Н., северный человек, оказавшись внезапно под солнцем Неаполя, однажды вечером воскликнул:

«И ты мог бы умереть, не увидев этого!»

Письмо Гасту 20 августа 1880 года, в котором он сожалеет по поводу дружбы с Вагнером: «…зачем мне эта правота по стольким вопросам — против него».

Человеку с большим сердцем нужны друзьях, по крайней мере если у него нет Бога.

Люди, обладающие «долгосрочной волей».

Ницше открыл Достоевского в 87 году благодаря «Подпольному духу» [161], он сравнивал это с открытием «Красного и черного».

Он открывает в 88 году «Рассказы о браке» Стриндберга.

* * *

1 апреля

Наоборот, любовь, но любовь невозможная. Прекратить *поиски*? Принимать. Сверхмощность в творчестве.

Ницше в 1887 г. (43 года): «В этот момент моя жизнь находится в точке полудня: одна дверь закрылась, отворилась другая».

---

[161] Примечания: 161

«Подпольный дух» — так назывался первый перевод «Записок из подполья», опубликованный в Париже в 1886 г.

* * *

28 апреля

Приехал в Лурмарен. Серое небо. В саду чудесные розы, тяжелые от воды, сочные, как плоды. Цветет розмарин. Прогулка, и вечером по-прежнему пронзительно темнеют фиолетовые ирисы. Я разбит.

* * *

Многие годы я стремился жить, подчиняясь всеобщей морали. Принуждал себя жить как все, быть похожим на всех. Говорил, что́ надо было сделать для всеобщего единения, даже когда сам чувствовал себя посторонним. И в конце концов катастрофа. Теперь я брожу среди обломков, вне закона, истерзанный, одинокий и согласный на одиночество, смирившись со своей исключительностью и со своими недостатками. И теперь я должен восстановить истину — после целой жизни, прожитой в каком-то смысле во *лжи*.

* * *

Меня поддерживает хотя бы театр. Пародия

— лучше, чем ложь: пародия ближе к истине: она ее играет.

* * *

Май

Вернулся к работе. Продвинулся в первой части «Первого человека». Признательность этой стране, ее одиночеству, ее красоте.

* * *

Поездка в Арль. Сияющая молодость М. Троицин день, поездка в Тулон.

* * *

Телевизионная передача. Я не могу «показаться», не возбуждая при этом реакций. Я должен без конца напоминать и повторять себе, что надо отказаться от всякой напрасной полемики. Возвеличивать то, что должно быть возвеличено. Обо всем остальном — молчать. Если не следовать этому правилу, то мне придется, при текущем порядке вещей, согласиться на то, чтобы платить и быть наказанным. Понимать, как делать шаги к выздоровлению. Сохранять драгоценное трепе-

тание, полное молчание, обретенное мною здесь. Все остальное — не существует.

* * *

Вот уже пять лет я критикую себя, свои мысли и жизненные принципы. Поэтому те, кто разделял со мной такие же идеи, считают, что я имею в виду их, и очень сердятся на меня; они не правы — я объявил войну самому себе, я разрушу себя или буду возрожден, вот и все.

* * *

Марсельские любовники. Под ясным небом сочное море, кричащий и пестро раскрашенный город и бесконечно новое желание, утомительное поначалу и превращающееся — под конец — в непрекращающееся опьянение... Только маленькие бухточки, белые камни и жгучее море света — целомудренны.

* * *

Гренье. «Маронитские отшельники» («Одно лето в Ливане»). «В том же самом гроте можно увидеть, к сожалению, почти стершееся, значи-

тельно более древнее маленькое распятие — на нем Христос с полусогнутыми ногами изображен в чем-то наподобие шаровар; оно сопровождается надписями на странжело (что это за язык, странжело)». Написать малопонятный рассказ под названием «Странжело».

* * *

21 мая

Красный сезон. Вишни и маки.

* * *

В полдень шум трактора в долине Лурмарена… Он напоминает шум корабля в порту раздавленного жарой Хиоса, а я тогда пережидал в кабине, полной тени; да, да, как сегодня, переполняясь беспредметной любовью.

Я люблю этих маленьких ящерок, сухих, как камни, по которым они бегают. Они как я, состоят из кожи и костей.

* * *

Париж, июнь 1959 г.

Я отверг моральную точку зрения. Мораль

ведет к абстрагированию и несправедливости. Мораль — мать фанатизма и слепоты. Если ты добродетелен, ты должен рубить головы. Не говоря уже о том, кто проповедует мораль, не будучи сам на высоте. Головы летят, и неверный стряпает законы. Мораль разрубает надвое, разделяет, истощает. Ее следует избегать: лучше быть судимым самому и не судить более, говорить «да», объединять людей, а пока — мучиться в агонии.

* * *

Датчанка из Жоски.
Город, пьяный от жары.

Венеция с 6 по 13 июля [162].

Жара, тяжелая и мертвая, словно огромная губка, наваливалась на лагуну, отрезая пути отступления через мост Свободы, и, повиснув над городом, давила на него, загромождая выходы из улиц и каналов, заполняя все свободное пространство между домами, близко стоящими друг от друга. Нет выхода — ни одной двери, ни одной лазейки, душная ловушка, в которой приходилось как-то жить и ходить по кругу. Целая армия

[162] Примечания: 162

Камю был в Венеции на гастролях, на которых играли его постановку «Бесов» (театр «Ла Фениче»).

безобразных туристов — озлобленных, одичавших, потных, рассвирепевших, разряженных в причудливые наряды, так и кружила, словно ужасная труппа огромного цирка, внезапно, к своему собственному страху, оказавшаяся праздной. Весь город был пьян от жары. Утром в «Иль гадзеттино» можно было прочитать, что венецианцев, сошедших с ума от жары, препровождали в психиатрическую лечебницу. Повсюду валялись кошки. Иногда одна из них вставала, рисковала сделать несколько шагов по жгучему кампо [163], но ее подстерегало рыхлое и злое солнце, тут же валившее с ног. Над стоячей водой каналов возникали крысы, и через три секунды они кучами падали в воду. Эта рыхлая и испепеляющая жара, кажется, изглодала до самых костей и весь дряхлеющий город, и облупившуюся роскошь дворцов, и раскаленные кампо, и гнилые фундаменты, и причальные сваи, и Венеция все больше и больше утопала в своей лагуне.

А мы все бродили, не в силах ничего съесть, и питались кофе и мороженым, и не способны были спать, и не знали, когда начинаются и кончаются дни и ночи. День мог застать нас на пляже в Лидо,

---

[163] Примечания: 163

Кампо — поле — в Венеции этим словом обозначают «площадь».

в теплой и вязкой утренней воде, или на гондоле, плутавшей по потерянным каналам, в то время как небо становилось розовато-серым над черепицей, окрасившейся неожиданно в бирюзовый цвет. В те моменты город был пуст, но жара не слабела, — и в этот час, и вечером, она была всегда одинакова — жгуча и влажна, и Венеция продолжала выдерживать осаду, а тем временем мы, вырванные из жизни, с измученными от кофе и бессонницы нервами, отчаявшись когда-либо выбраться, старались хотя бы лишний разок-другой подышать, чтобы как-то просуществовать в этом странном времени без ориентиров и пауз. Мы — существа вне времени, но мы, как никто в мире, не желали ничего иного, кроме продолжения этого безумия — блуждающего и неподвижного среди неподвижного пожара, пожиравшего Венецию, час за часом, неустанно, и мы желали этого так сильно, мы буквально ждали мгновения, чтобы город, только что еще яркий, многоцветный и ослепляющий своей красотой, обратился разом в пепел и просто осел, и даже не был унесен отсутствующим ветром. Мы ждали, привязанные друг к другу, не способные разойтись, и тоже сгорали, но с некоей бесконечной и странной радостью, на этом костре красоты.

* * *

Д.Ж. разглядывает молодую и, кстати сказать, довольно некрасивую датчанку на террасе кафе, потом в театре. Подходит к ней, подсаживается рядом, потом проходит несколько мгновений — и они вместе встают. У меня сжимается сердце, когда я вижу, как смиренно она за ним идет. Подобное смирение — типично для всех девушек в такие моменты.

* * *

Ж. сообщает мне, что она беременна от П.; я ей советую рассказать об этом ему. Он смеется и через час возвращается в отель — на глазах у Ж. — вместе с N. Ж. остается с N., который любит ее и молчит.

* * *

Роман. Между ними вспыхивает любовь — как страсть тела и сердца. Один пламенный день сменяет другой, и полное слияние, когда плоть так же чувствительна и взволнованна, как и сердце. Они везде вместе, на яхте, и каждый раз

желание возрождается со все большим трепетом. Для него это борьба против смерти, против самого себя, против забвения, против нее и ее слабой природы, и в конце концов он расслабляется и отдает себя в ее руки. И после нее не будет никого — он это знает, он клянется в единственном месте, где находит хоть немного святости. Церковь Святого Юлиана Бедного, где Греция сочетается с Христом, — здесь он решает исполнить свой обет, вопреки всему на свете; и за этим существом, которое он прижимает к себе, остается только пустота, и он сжимает ее все сильнее и сильнее, растворяясь в ней, раскрывая ее и почти раздирая на части, чтобы наконец спрятаться в ней и навечно жить в ней — в наконец-то обретенной любви, там, где чувства сами распускаются пышным цветом и очищаются в негасимом пламени, там, где фонтан наслаждения увенчан безграничной наградой. Это час, когда исчезают телесные пределы и в полной обнаженности сокровенного дара рождается наконец единое существо.

* * *

13 августа

Отсутствие, болезненная фрустрация. Но сердце мое живет, сердце мое наконец живет. Значит,

неправда, что победило равнодушие. Благодарность, сильнейшая признательность Ми. Да, ревность — выступает в пользу духа. Ревность — это страдание от того, что видишь, как другой низводится до уровня объекта, и желание, чтобы все и всё признали бы в нем человека. Невозможно ревновать к Богу.

* * *

На долину спускался вечер, старые стены, бойницы, спокойные дома. Шуршание травы под моими ногами.

* * *

Сентябрь

И. Прентан [164] просыпается в 11 часов, лежит в постели, обедает в постели около 13 или 14 часов и потом еще остается в постели до конца дня в окружении «Франс диманш», «Матч», «Нуар и Блан», «Синемонд» [165] и т. д. и т. п., которые она поглощает.

---

[164] Примечания: 164

Прентан, Ивонн (1894–1977) — французская актриса и певица, особенно прославившаяся в период между двумя войнами.

[165] Примечания: 165

Названия французских периодических изданий.

* * *

Полушутя-полусерьезно я рассказываю Ми о глубокой старости, когда уже не будет ни восторга перед сущим, ни чувственных радостей, и т. д., и она начинает рыдать: «Я так люблю любовь!»

* * *

Прежде чем начать писать роман, мне нужно на несколько лет исчезнуть. Ежедневная концентрация, интеллектуальная аскеза и предельное самосознание.

* * *

Виновность одного народа? (Франция, как и Германия — Иуда — те, кто спит, и т. д.)

* * *

Как поживает Ваша дорогая матушка? Я имел несчастье ее потерять 3 месяца назад. О, я не знал этой подробности.

* * *

Сто сорок тысяч умирающих в день; девяносто семь в минуту; пятьдесят семь миллионов в год.

* * *

Левые, с которыми я был вместе, несмотря на себя, несмотря на них.

* * *

Во Христе кончается смерть, начавшаяся в Адаме.

* * *

Самым опустошающим в моей жизни усилием было укротить свою натуру, чтобы поставить ее на службу самым большим замыслам. Мне удавалось это изредка, только очень изредка.

* * *

Зрелому человеку продлить молодость может только счастливая любовь. Все иные ее разновидности ввергают в старость.

* * *

Большое несчастье, если не сможешь утратить чувствительности, достигнув тех лет, когда ты вынужден за все отвечать. Ведь именно благодаря этой утрате и получаешь свободу по отношению к ответственности, когда можно лишний раз не оглядываться на других людей.

* * *

Г-н Матье [166], преподаватель литературы, вышел на пенсию. Чтобы встретить смерть лицом к лицу, есть только рецепты классического гуманизма.

* * *

В каменных городах, где только ветер и дождь приносят воспоминания о лугах и небе.

* * *

Физическая любовь всегда была связана для

---

[166] Примечания: 166

Матье, Поль, преподавал литературу во время учебы Камю в Алжирском университете в 1932 г.

меня с неотразимым чувством невинности и радости. Я не смог бы любить в слезах, я всегда люблю в экзальтации.

* * *

Море, божество.

На первобытной земле *много веков* без перерыва шли дожди.

Жизнь зародилась в море, и в течение долгих незапамятных времен, пока первая живая клетка превращалась в организованное морское существо, континент, еще не освоенный животной и растительной жизнью, был пространством камней, заполненным лишь шумом дождя и ветра среди великого и неподвижного безмолвия, через которое проносилась разве только быстрая тень больших облаков и вод, бегущих в океанские просторы.

После миллиардов лет первое живое существо вышло из моря и встало на твердую землю. Оно походило на скорпиона. Это было триста пятьдесят миллионов лет тому назад.

Летающие рыбы гнездятся в морских безднах, чтобы отложить в них свою икру.

В Саргассовом море два миллиона тонн водорослей.

Большая красная медуза рождается величиной с наперсток и вырастает к весне до размеров зонта. Она перемещается толчками, оставляя на свободе длинные щупальца и давая кров под своим зонтиком целым стайкам молодой трески, сопровождающим ее повсюду.

Рыба поднимается все выше и выше в своем ареале, она проходит через невидимую границу, взлетает и падает на поверхность.

В отличие от кальмаров, обитающих на поверхности и выбрасывающих чернила, кальмары морских глубин извергают из себя светящееся облако. Они скрываются в свете.

Твердая земля, в конце концов, — это лишь тонкая плита в море. В один прекрасный день будет царствовать океан.

Есть волны, которые доходят до нас с мыса Горн, пройдя путь в десять тысяч километров. В 358 году в восточной части Средиземного моря поднялась огромная волна и затопила все острова и низкие берега, забросив корабли на крыши Александрии.

* * *

Я — писатель. Не я, но мое перо вспоминает или совершает открытия.

* * *

Я не могу подолгу жить с людьми. Мне нужно немного одиночества — частицы вечности.

* * *

В окрестностях Люберона сбежала домашняя лошадь — она живет на свободе и в одиночестве в течение нескольких лет. Новелла? Один человек, который слышал о ней, пошел ее искать. Он обратился в свободную жизнь.

* * *

Для Немезиды (Лурмарен, декабрь 1959 г.).

Конь черный, конь белый — человек одной рукой удерживает обе стихии. Веселый бег сломя голову. Истина лжет, прямота скрывает. Скройся в лучах света.

Тебя наполняет мир, и ты — пуст: такова полнота.

Тихий шепот пены на утреннем пляже; он может заполнить мир, как грохот славы. Ведь и то и другое происходит из молчания.

Отказывающийся — выбирает себя, алчущий

— предпочитает себя. Не просит, не отказывается. Принимает, чтобы отказаться.

Дни увенчаны пламенем льдов; спи в неподвижном пожаре.

Равномерно твердый, равномерно мягкий склон — склон дня. А наверху? Единственная вершина.

Ночь — сжигает, солнце — погружает во мрак. О, земля, которой хватает на всех. Если ты свободен от всего, ты в рабстве у самого себя. Если — раб других, ты ни от чего не свободен. Выбирай свое рабство.

За крестом — демон. Оставь их вместе. Твой пустой алтарь — где-то в другом месте.

Потоки наслаждения и морские воды одинаково солены. Даже когда штормит.

На троне — изгнанник, властитель — на коленях. В пустыне — конец одиночеству.

По морю без передышки — через порты и острова, над водяными пропастями — бежит в лучах света радость — долгая радость, словно длинная-длинная жизнь.

Ты скрываешься под маской, а они обнажены.

В тот краткий день, что подарен тебе, согревай и освещай, не отклоняясь от курса.

Для отдохновенья твоего взойдут миллионы

иных солнц.

Под могильной плитой веселья первый сон.

Ветром сеянный, ветром скошенный, но при этом творец, — вот человек на все века, гордящийся своей мгновенной жизнью.

* * *

«Тщеславие человека возводит эти величественные жилища лишь для того, чтобы принять в них неминуемую гостью — Смерть — со всеми церемониями суеверного страха» (Конрад, «Ожидание»).

Святой Игнасий (духовный дневник) был «оскорблен»: он не получил от неба подтверждения того, что он был избран Святой Троицей. Но он желает «скорее умереть с Иисусом, чем жить с другим». В аду он чувствовал бы себя несчастным из-за хулы, которой там предают имя Бога, а вовсе не из-за физических страданий.

Там же. Он говорит дьяволу-искусителю: «На место!» И еще: Бог — неизменный, а дьявол — неподвижный и меняющийся.

* * *

Для «Дона Фауста». Дон Жуанов больше нет,

теперь любовь вообще свободна. Просто некоторые мужчины нравятся сильнее, чем другие. Но больше нет ни греха, ни героизма.

Дон Жуан Лопе де Вега: «Исполненное обещание» (перевести, и еще Зорилью). Роман Филиппа IV с монахиней Маргаритой де ла Круа (см. «Знаменитые судебные процессы в Испании»), см. также (с. 189 и след.) Дон Жуана и еще Дон Жуана, описанного Грегорио Мараньоном.

* * *

В «Притче» [167] (с. 388) приговоренный к смерти сначала утверждал, что невиновен, потом признал свою вину и смирился. Над ним петля, а он увидел, как к ветке подлетела птичка, села на нее и начала петь, и он схватился за петлю и закричал, что невиновен.

* * *

Итак, я выбрал тебя, и это поможет мне пройти трудный период, не страдая больше по поводу деталей того, что я признаю в принципе справедливым и законным…

---

[167] Примечания: 167

Роман У. Фолкнера, написанный в 1954 г. и переведенный на французский в 1958 г.

* * *

Что еще мне помогало — справедливость — трудное принятие себя и других — это и есть творчество. Но с тех пор как я впал в кризис и бессилие, я стал лучше понимать то подлое желание владеть, которое всегда меня шокировало в других людях. Победить другого хочешь тогда, когда не можешь победить самого себя. И действительно, именно в этот момент мне необходимо чувство принадлежности, которое ты мне подарила. Поэтому мне больно не только от твоего исчезновения, но и от твоей лжи. Но это пройдет. Еще чуть-чуть пессимизма, и несчастье засияет во всем своем блеске: я снова стану самим собой.

* * *

Мне было больно от того, что ты сказала; это свершившийся факт. Но грусть моя не должна тебя печалить. Я был не прав, признаю. Я не мог сдержать пристрастность своего сердца, но я сумею сделать его справедливым. Мне будет легко опровергнуть тот несправедливый суд, который я совершил над тобой в своем сердце. Знаю, что я сделал все, чтобы ты от меня отдалилась. Всю

свою жизнь, едва кто-нибудь начинал проявлять ко мне чувство привязанности, я делал все, чтобы он отступился. Конечно, виновата и моя неспособность давать обязательства, моя любовь к людям вообще, к разнообразию, мой пессимизм по отношению к себе самому. Но может быть, я не так уж легкомыслен, как говорю. Первое существо, которое я любил и которому был верен, сбежало от меня, утонув в наркомании, в предательстве. Может быть, многое происходило из тщеславия, из боязни страдать еще, при этом я принял много страданий. Но мне тоже удалось от всех сбежать, и в некотором смысле я хотел, чтобы все тоже сбежали от меня. Я сделал все, чтобы довести до отчаяния N. Не думаю, чтобы она сбежала от меня или отдалась, даже если мимолетно, другому мужчине. Я не уверен [...неразб.]. Но она этого не сделала благодаря своему внутреннему героизму, а не чрезмерной любви, которая всегда дает, ничего не прося взамен. Я делал все, чтобы ты сбежала от меня. И чем сильнее было обаяние того старого сентября, тем больше мне хотелось разрушить очарование. И ты действительно в некотором смысле сбежала от меня. Такова ужасная справедливость этого мира. Предательство за предательство, бегство любви за маску

любви. Как человек, боровшийся за свободу и проживший все виды свободы, я знаю и признаю в данном случае важность и справедливость того, что тебе тоже, в свою очередь, удалось прожить одну или две свободы. И это не полный счет.

Во всяком случае, я постараюсь утешить себя, не только вспоминая об этой холодной справедливости, но и о привязанности и нежности, которые остались во мне. Иногда я обвиняю себя в неспособности любить. Может быть, это и правда, однако я был способен *избрать* несколько существ и верно хранить для них все лучшее, что было во мне, несмотря ни на какие их поступки.